Министерство образования и науки РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (42)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2016

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 2 (42). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2016. – 210 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:
Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.И. Александров – д.психол.н., проф. (Институт психологии РАН);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия);
Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); Е.Н. Волкова – д.психол.н., проф. (НГПУ им. К.Минина); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); А.В. Мудрик – д.пед.н., проф. (МПГУ);
В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ);
Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); М.А. Родионов – д.пед.н., проф. (ПГУ);
З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва);
О.В. Трофимов – д.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2016

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 2 (42)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2016

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 2 (42). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2016. – 210 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.;
Yu.I. Alexandrov – D.Sc. (Psychology), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.;
H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.;
E.N. Volkova – D.Sc. (Psychology), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.;
L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.;
A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS;
Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .;
M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof .;
A.V. Mudrik – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.;
L.M. Popov – D.Sc. (Psychology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.;
M.A. Rodionov – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.;
G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics);
O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.;
S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Базуева Е.В. Гендерный критерий оценки эффективности развития национальных и региональных социально-экономических систем 9
Ефремова М.В., Чкалова О.В. Обобщение и систематизация подходов к определению понятия «клиентоориентированность» 17
Зуева Е.Г., Сазонова Е.О. Границы эффективности рыночных институтов в сфере занятости (на примере анализа мобильности рабочей силы) 25
Калинин В.В., Трифонов Ю.В. Стратегии поведения инвестиционных фондов в расширенной модели совместных инвестиций 32
Кудрявцева С.С., Шинкевич А.И. Адаптивное моделирование инновационной деятельности открытых национальных инновационных систем 39
Подольская Т.О., Ангелова О.Ю. Инновационные инструменты формирования кадрового резерва промышленного предприятия 49
Ростова Е.П. Математическая модель оптимального распределения средств на управление рисками в системе «центр – агенты» с помощью динамического программирования 57
Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г., Салмина Н.А. Основные характеристики и особенности логистических систем управления материальным потоком в сфере промышленного производства 63
Христофорова Л.В. Субконтрактинг как инструмент межведомственного промышленного взаимодействия в условиях санкций 73

Социологические науки

Мальцев К.Г., Зайцева Е.А. О выявлении причин и интерпретации «мультипарадигмальности» в социологии: методологический аспект 80
Казаков М.А. Публичная экспертиза в субъекте РФ: общее и особенное в нижегородской практике 89
Биккулов А.С., Сергеева О.В. «Компьютер не роскошь, а средство…»: включенность в цифровой мир старших возрастных групп по результатам эмпирического исследования 95
Колесникова Е.М. Инженерные династии: ресурс социальной мобильности и формирования группы 104
Судьин С.А. Психическая болезнь как проблема социализации в межсиблинговом взаимодействии 111
Левкина Л.И. Потенциал влияния «самоорганизующихся снизу» сообществ на становление гражданского общества в РФ 118
Цветкова Б.Л. Массовая литература как культурный феномен 128
Булычева П.А., Ошмарина О.Е., Шадрина Е.В. Выявление академически неуспешных студентов на первом году обучения в университете на примере НИУ ВШЭ – Нижний Новгород 136
Борисова С.Н. Изучение профессиональных групп в отечественной социологии: основные теоретико-методологические подходы 144
Блохина М.С. Инновационные компетенции в структуре требований к современным руководителям 149
Добрынин И.М., Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н., Русова П.В. Физическая культура как учебная дисциплина и образ жизни в представлениях современных студентов 159
Коррейя И.А. Религия в брачных установках и брачном поведении иностранных студентов в России 168
Протасеня Е.А. Историческая память как фактор формирования этнической идентичности 175

Педагогические науки

Малкина Е.В., Швецов В.И. Интенсификация изучения математических дисциплин с использованием систем электронного обучения.....181
Масленникова Л.В., Арюкова О.А., Родиошкина Ю.Г. Методика подготовки будущих инженеров к применению математического моделирования в профессиональной деятельности при обучении физике в вузе 188
Андрюшечкин С.М. Исследовательский проект по физике как средство реализации ФГОС.....195
Волков Е.Н. Научение научному (критическому) мышлению и визуальная объективизация знаний: содержание, практика, инструменты 199
Сидоркин В.А. Роль общественных организаций в формировании пожаробезопасного поведения детей.....204

Авторы..... 208

CONTENTS

Economic sciences

Bazueva E.V. The gender criterion for assessing the efficiency of national and regional socio-economic systems development 9
Efremova M.V., Chkalova O.V. Generalization and systematization of approaches to the definition of «customer focus» 17
Zueva E.G., Sazonova E.O. Labour mobility as an indicator of institutional transformation of the labour market 25
Kalinin V.V., Trifonov Yu.V. Strategies of investment funds in the extended multiple fund investment model 32
Kudryavtseva S.S., Shinkevich A.I. Adaptive modeling of innovative activities of open national innovation systems 39
Podolskaya T.O., Angelova O.Yu. Innovative tools for forming a pool of staff at an industrial enterprise 49
Rostova E.P. Mathematical model of optimal allocation of funds for risk management in the «center-agents» system using dynamic programming 57
Sidorenko Yu. A., Frolov V.G., Salmina N.A. Main characteristics and features of logistics systems for materials flow management in industrial production 63
Khristoforova L.V. Subcontracting as a tool of inter-agency industrial interaction under sanctions 73

Sociological sciences

Maltsev K.G., Zaitseva E.A. About identifying the causes and interpretation of «multiparadigmality» in sociology: a methodological aspect 80
Kazakov M.A. Public policy expertise in a Russian region: general and specific features in the practices of Nizhni Novgorod 89
Bikkulov A.S., Sergeyeva O.V. Personal computer as everyday technology: empirical research of computer usage among Russian elderly 95
Kolesnikova E.M. Engineering dynasties: a resource for social mobility and group formation 104
Sudyin S.A. Mental illness as a socialization factor in inter-sibling interaction 111
Levkina L.I. The potential of the impact of «grassroots self-organizing» communities on the development of civil society in Russia 118
Tsvetkova B.L. Mass literature as a cultural phenomenon 128
Bulycheva P.A., Oshmarina O.E., Shadrina E.V. Identifying academically «unsuccessful» first-year university students: a case study of Higher School of Economics – Nizhni Novgorod 136
Borisova S.N. The study of professions and professional groups in Russian sociology: theoretical and methodological analysis 144
Blokhina M.S. Innovative competencies in the structure of requirements for modern managers 149
Dobrynin I.M., Narkhov D.Yu., Narkhova E.N., Rusova P.V. Physical culture as the curriculum subject and the way of life as seen by modern students 159
Correia I.A. Religion in marriage attitudes and marriage behaviour of foreign students in Russia 168
Protasenya E.A. Historical memory as a factor of ethnic identity formation 175

Pedagogical sciences

Malkina E.V., Shvetsov V.I. Introduction of intensive methods for the study of mathematical disciplines through implementation of e-learning systems 181
Maslennikova L.V., Aryukova O.A., Rodioshkina Yu.G. The methodology for preparation of future engineers to the use of mathematical modeling in professional activities in the university physics course 188

Andryushechkin S.M. Research project in physics as a means for implementing Federal State Educational Standards 195
Volkov E.N. Learning scientific (critical) thinking skills and visual objectivization of knowledge: content, practices, tools 199
Sidorkin V.A. The role of community organizations in developing fire-safe behavior of children 204

Authors 208

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 314.3:314.96

ГЕНДЕРНЫЙ КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

© 2016 г.

Е.В. Базуева

Пермский государственный национальный исследовательский университет им. А.М. Горького

bazueva.l@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2016
Статья принята к публикации 25.04.2016

Устанавливается степень влияния гендерного критерия на эффективность функционирования экономики России и ее регионов. Показана значимость использования на современном этапе развития гендерного критерия в качестве перекрестного критерия оценки эффективности государственной и региональной политики. Обобщены результаты исследований зарубежных и отечественных ученых, измеряющих последствия гендерно-неэффективных действий государственной и исполнительной власти. На примере показателей, использующихся в России для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти в субъектах РФ, показаны гендерные особенности в реализации человеческого капитала мужчин и женщин. Особое внимание уделено сравнительному анализу степени дифференциации формирования и использования человеческого капитала с учетом гендерного фактора в регионах России. Сделаны выводы, что игнорирование гендерного критерия Правительством РФ в условиях современной экономики: 1) не учитывает новые факторы экономического развития; 2) ограничивает возможность перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития; 3) усиливает поляризацию регионального пространства.

Ключевые слова: гендерный критерий, национальная экономика, региональные социально-экономические системы, эффективность, дифференциация, издержки.

Введение

В настоящее время международными экспертами гендерный критерий, который измеряет степень равномерности воздействия достижений социально-экономического развития отдельно на женщин и мужчин, выделен в качестве одного из обязательных индикаторов оценки эффективности государственной политики. Так, ООН начиная с 1995 г. отслеживаются показатели, позволяющие выявить степень гендерного неравенства в странах. В период с 1995 г. по 2009 г. такими показателями были: индекс развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ)[1] и показатель расширения возможностей женщин (ПРВЖ)[2]. С 2010 г. ООН используется показатель «индекс гендерного неравенства», который с 2015 года переименован в индекс гендерного развития. Данный показатель отражает неравенство между мужчинами и женщинами в возможностях достижений в трех измерениях: репродуктивном здоровье, расширении прав и возможностей, а также на рынке труда. Начиная с 2006 г. Всемирным банком рассчитывается составной индекс гендерного неравенства (ИГНР), который позволяет оценить распределение ресурсов и возможностей между мужским и женским населением вне зависимости от общего объема таких ресурсов и возможностей в сферах занятости, политики, образования, здоровья и продолжительности жизни. Рейтинг ставит в невыгодное положение не те страны, которые имеют общий низкий образовательный уровень, а те, в которых образовательные возможности распределяются между мужчинами и женщинами неравномерно [1]. Следовательно, ИГНР направлен на измерение гендерных различий по каждому отдельному показателю между мужчинами и женщинами. Подчеркнем, что данный показатель входит в один из 16 критериев ежегодной оценки качества институтов и политики стран, претендующих на кредиты и помощь Всемирного банка. Кроме того, начиная с 2010 г. экспертами Всемирного банка в рамках программы международных сопоставлений «Знания для развития» индикаторы гендерного равенства были выделены как от-

дельное направление оценки качества институционального строения экономики.

Тенденция «гендеризации» мониторингов макроэкономической эффективности не случайна, т.к. многочисленные исследования с использованием национальных, межстрановых и временных данных позволили получить подтверждение существования позитивной синергетической связи между показателями гендерного равенства и темпами экономического роста [2]. Например, в докладах Всемирного банка «О всемирном рейтинге равноправия полов» представлены доказательства корреляции между уровнем гендерного равенства и уровнем экономического развития стран, который выражен индексом глобальной конкурентоспособности и показателем ВВП на душу населения [1]. Экспертами ООН [3] выявлена зависимость уровня развития человеческого потенциала и степени гендерного неравенства. Степень корреляции между данными показателями составила 0.87. Исходя из этого, можно констатировать, что игнорирование гендерного критерия значительно снижает эффективность государственной политики. Так, например, согласно исследованию «Влияние гендерного разрыва в оплате труда на темпы развития экономики», проведенному Национальным центром по социальному и экономическому моделированию в 2010 г., существующий в Австралии разрыв в 17% между заработной платой мужчин и женщин обходится австралийской экономике в 93 млрд долл. в год, что составляет 8.5% от ВВП. Сокращение данного разрыва всего на 1% или 260 долл. на человека обеспечит прирост австралийской экономике на 0.5% от ВВП или 5.5 млрд долл. [4]. Результаты недавно проведенного исследования восьми стран Латинской Америки свидетельствуют о том, что повышение доли женщин в составе рабочей силы и предоставление им равных прав при выборе профессиональной деятельности может способствовать сокращению масштабов нищеты и повышению уровня доходов [5]. В целом, согласно экспертным оценкам ООН, ограничение экономической активности женщин может стоить странам от 42 до 46 млрд долларов в год. Кроме того, по мнению авторов доклада «О всемирном рейтинге равноправия полов», сокращение гендерной дискриминации «могло бы сыграть ключевую роль в решении будущих проблем, связанных со стареющим населением и пенсионным бременем. Так, согласно результатам исследований, в странах с высоким рейтингом ИГНР наблюдается достаточно высокая рождаемость» [1].

Обоснование необходимости учета гендерного фактора в государственной и региональной политике России

В нашей стране последствия гендерно-неэффективных действий не осознаются представителями федеральных и региональных органов власти. Как следствие, гендерный критерий не используется в качестве перекрестного критерия оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти в России и ее регионах. Так, Перечень показателей, утвержденный Указом Президента РФ в 2012 г. [6], для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти в субъектах РФ содержит 11 показателей, большинство из которых отражает уровень развития человеческого капитала. К таким показателям могут быть отнесены: 1) ожидаемая продолжительность жизни при рождении; 2) численность населения; 3) уровень безработицы в среднем в год; 4) реальные располагаемые доходы населения; 5) доля выпускников государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждений, не сдавших ЕГЭ, в общей численности выпускников государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждений[3]; 6) смертность населения (без показателей смертности от внешних причин). Заметим, что все из перечисленных показателей имеют гендерную специфику реализации (см. табл. 1).

Кроме того, следует заметить, что гендерная неэффективность государственной политики имеет разную степень «тяжести» в зависимости от уровня достигнутого гендерного равенства в регионах России. Рейтинги максимальных и минимальных значений показателей, представленных в таблице 1, по регионам России приведены в таблице 2. Таблица составлена по альтернативному принципу: 1) регионы с максимальными значениями показателей ранжированы по возрастающему принципу (на первом месте регион со значением показателя, наиболее приближенным к состоянию гендерного равенства, или значением показателя, отражающим дискриминацию мужчин[5]); 2) регионы с минимальными значениями показателей ранжированы по убывающему принципу (на первом месте регион со значением показателя, наиболее приближенным к состоянию гендерного неравенства).

Таблица позволяет утверждать, что в региональном измерении проблемы гендерного равенства проявляются далеко не так однозначно, как в целом по стране. Можно выделить сле-

Таблица 1

Гендерная асимметрия в реализации человеческого капитала в современной России

Показатели	Гендерные особенности реализации человеческого капитала	Последствия неучета гендерного фактора
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	В России разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин составляет более 10 лет. Вероятность дожития российских мужчин, достигших возраста 20 лет, до пенсии с 1990 г. сократилась почти в 2 раза [9, 10]. Отсроченная продолжительность жизни российских мужчин в трудоспособном возрасте в середине 2000-х гг. почти такая же, как и сто лет назад	Интенсификация процесса феминизации старости. Неравное распределение пенсионных средств в пользу женщин (подробнее об этом в [11])
Численность населения	В условиях современной экономики уровень рождаемости зависит от типа гендерного взаимодействия между супругами (патриархальный или эгалитарный), а также эффективности функционирования специализированных государственных институтов, направленных на создание возможности получения мужчинами и женщинами равного дохода в общественном секторе экономики (более подробно см. об этом [12]). Половозрастная структура населения России характеризуется гендерно разнонаправленными деформациями. Мужчины незначительно преобладают в периодах жизни от новорожденного до юношества, далее до периода первой зрелости наблюдается гендерная симметрия в соотношении мужчин и женщин, а начиная с 30-летнего возраста количество женщин постоянно растет. Гендерная дифференциация миграционных потоков: 1) женщины преобладают в группе пожилых мигрантов и группе тинейджеров, мужчины – среди мигрантов трудоспособного возраста; 2) мигранты-женщины и мигранты-мужчины заполняют разные ниши на рынках труда принимающих регионов [14]	Суженное воспроизводство населения. Увеличение иждивенческой нагрузки на трудоспособное население страны. Сужение доли брачных рынков для женщин, в т.ч. для повторных браков. Увеличение доли неполных материнских семей (подробнее об этом в [13]). Снижение конкурентных преимуществ экономики России
Уровень безработицы в среднем в год	Уровень безработицы мужчин, рассчитанный по методологии МОТ, незначительно, но превосходит уровень безработицы женщин. Так, в 2014 г. уровень безработицы женщин составил 4.8%, мужчин – 5.5% [15]. Различия обусловлены как несовершенством российского рынка труда с его склонностью к моногородам, высокой долей занятых в промышленности, медленной сервисизацией экономики, так и различиями в причинах безработицы, а также в способах поиска работы у мужчин и женщин (см. об этом подробнее [16])	Низкая эффективность действующих институтов на рынке труда. Увеличение разрыва между потенциальным и фактическим ВВП
Реальные располагаемые доходы населения	Значимость ресурсов мужчин обществом всегда оценивалась значительно выше, чем ресурсов женщин (см., например, [17–18]). В результате в 2013 г. в России: 1) заработная плата женщин в среднем по экономике была на 36% ниже, чем у мужчин; 2) средний размер назначенных пенсий – на 6% ниже соответственно [19]	Низкая рентабельность человеческого капитала женщин. Дифференциация в уровне покупательной способности мужчин и женщин
Смертность населения (без показателей смертности от внешних причин)	Численность умерших мужчин превышает количество умерших женщин. В 2014 г. данный разрыв составил более 40000 чел. (рассчитано нами по [19]). Существенно различаются и повозрастные коэффициенты смертности мужчин и женщин. Причем основные различия в уровне смертности между мужчинами и женщинами приходятся на трудоспособный возраст. Высокая смертность мужчин является результатом комплексного воздействия многих причин. Среди них можно выделить: низкий уровень самосохранительного поведения (нарушение регламентированных или общепринятых правил поведения, злоупотребление алкоголем и курением, необъективность самооценки уровня своего здоровья, самолечение), занятость в видах деятельности, где существует высокий риск травматизма и смертности (армия, правоохранительные органы, шахтеры и т.д.), высокий уровень суицидов, высокий уровень заболеваемости социально опасными заболеваниями, затруднительность выполнения институциональной роли «кормильца семьи» в условиях рыночной экономики[4]	Уменьшение ВВП. Снижение производительности труда и уменьшение доходности предприятия. Снижение совокупного дохода домохозяйства. Недоиспользование человеческого капитала мужчин

дующие гендерные особенности эффективности развития регионов России.

Для регионов Центральной и Северо-Западной части России вне крупнейших агломераций характерны максимальные различия в продолжительности жизни мужчин и женщин, близкая к гендерному равенству занятость и минимальная доля женщин среди безработных, менее вы-

Таблица 2

Сравнительная характеристика основных показателей гендерной оценки эффективности развития регионов России

Наименование показателя	Регионы с максимальными значениями показателей	Регионы с минимальными значениями показателей
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Республика Ингушетия (5.35) Чеченская Республика (5.78) Республика Дагестан (6.51) Чукотский автономный округ (7.77) г. Москва (7.86)	Ненецкий автономный округ (14.99) Новгородская область (13.86) Республика Марий Эл (13.31) Курганская область (13.04) Брянская область (13.00)
Суммарный коэффициент рождаемости, число детей	Республика Тыва (3.424) Чеченская Республика (2.925) Республика Алтай (2.815) Ненецкий автономный округ (2.312) Республика Ингушетия (2.231)	Ленинградская область (1.227) г. Москва (1.328) Республика Мордовия (1.366) Тамбовская область (1.423) Тульская область (1.424)
Соотношение мужчин и женщин, число женщин на 1000 мужчин	Чукотский автономный округ (961) Ямало-Ненецкий автономный округ (995) Камчатский край (1003) Чеченская Республика (1034) Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (1052)	Ярославская область (1233) Ивановская область (1227) Новгородская область (1224) Тульская область (1217) Орловская область (1216)
Гендерный разрыв в сальдо миграции, чел.	Курская область (–16) Республика Алтай (–55) Липецкая область (–71) Карачаево-Черкесская Республика (–69) Кабардино-Балкарская Республика (–124)	Республика Башкортостан (–10599) г. Санкт-Петербург (–6517) Тюменская область (–3114) Ленинградская область (–2958) Пермский край (–2722)
Разрыв в уровне безработицы между мужчинами и женщинами, %	Республика Ингушетия (–13.5) Республика Северная Осетия – Алания (–2.8) Республика Дагестан (–2.8) Белгородская область (–1.1) Кабардино-Балкарская Республика (–0.8)	Республика Тыва (10.6) Республика Калмыкия (5.0) Республика Алтай (4.5) Псковская область (3.5) Вологодская область (3.5)
Отношение среднего размера назначенных пенсий женщин и мужчин, %	Чеченская Республика (113.7) Республика Тыва (106.5) Магаданская область (101.3) Республика Якутия (100.9) Ивановская область (100.1)	Мурманская область (86.1) Оренбургская область (86.5) Краснодарский край (88.1) Республика Башкортостан (89.1) Астраханская область (89.8)
Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, %	Республика Ингушетия (107) Кабардино-Балкарская Республика (97) Республика Алтай (97) Республика Калмыкия (90) Чеченская Республика (89)	Вологодская область (62) Архангельская область (64) Сахалинская область (64) Оренбургская область (66) Забайкальский край (66)
Гендерный разрыв в показателях смертности мужчин и женщин, чел.	Тюменская область (–4185) Республика Башкортостан (–3834) Иркутская область (–2893) Красноярский край (–2514) Приморский край (–2330)	г. Москва (5526) г. Санкт-Петербург (5060) Тверская область (1029) Тульская область (943) Ивановская область (930)

раженные гендерные различия в уровне реальных доходов (заработная плата и пенсии). Можно сказать, что общая бедность и пониженная конкурентоспособность мужчин на рынке труда стали причиной «вынужденного» гендерного выравнивания.

Для сырьевых регионов нового освоения (на юге Восточной Сибири) характерны: пониженная ожидаемая продолжительность жизни и мужчин, и женщин, устойчивое мужское доминирование в структуре занятости при практически равном соотношении женщин и мужчин среди безработных, самые высокие гендерные различия в уровне заработной платы и выравнивание пенсий у мужчин и женщин. Последнее наиболее характерно для регионов Дальнего Востока. Данная ситуация в основном является следствием перманентного воспроизводства диспропорций советского периода, усиливших-ся и перешедших в открытую форму (дискри-

минация женщин на рынке труда при «мужской» структуре занятости).

В регионах аграрного юга России сохранились более высокие показатели продолжительности жизни и мужчин и женщин, пониженный уровень занятости женщин, обусловленный моделью выживания с помощью личного подсобного хозяйства, равные доли женщин и мужчин среди безработных, сглаженные диспропорции в заработках (из-за их низких размеров) и выравнивание размеров пенсий женщин и мужчин. Натурализация форм выживания привела к смягчению гендерных диспропорций по большинству компонентов, но это выравнивание основано на физическом труде, низком образовательном потенциале и поэтому неперспективно.

Республики Северного Кавказа и Калмыкия отличаются от русских регионов аграрного юга минимальной экономической активностью женщин, которые вытеснены с рынка труда вследствие избыточного предложения рабочей силы и высокого уровня патриархализации в распределении гендерных ролей между супругами, самым значительным выравниванием легальных заработков и пенсий (при их минимальном уровне). Подтверждением является высокий уровень рождаемости в данных регионах, т.к. для женщин прежде всего характерна реализация институциональной роли домохозяйки и продолжательницы рода.

Для наименее развитых автономных округов и республик Сибири гендерное неравенство становится перевернутым: сверхнизкая ожидаемая продолжительность жизни и массовая алкоголизация мужчин приводят к преобладанию женской занятости, преимущественно мужской безработице и полному выравниванию реальных доходов мужчин и женщин (заработной платы и пенсий). В крайних формах гендерное равенство в пользу женщин, т.н. «матриархат» переходного периода в условиях крайней бедности характерен для Тывы и округов Дальнего Востока. Подчеркнем, что особенностью данных регионов также является высокий уровень рождаемости, причем внебрачной.

Очень показательно сопоставление двух ведущих центров – федеральных городов. Москва опережает Санкт-Петербург и по продолжительности жизни мужчин, и по уровню экономической активности женщин. В Москве ниже уровень женской безработицы, примерно равная доля женщин и мужчин среди безработных, слабее выражены гендерные различия в заработках. Высокий человеческий потенциал населения г. Москвы и концентрация в ней экономических преимуществ способствуют сокращению гендерных различий в доходах, структуре занятости, долголетии и здоровье. Более высокий уровень жизни и более развитая социальная инфраструктура позволяют работающим женщинам сочетать семейные и профессиональные функции. Но, судя по всему, столица до сих пор остается единственным субъектом РФ, где сокращение гендерного неравенства происходит на основе роста, а не деградации человеческого потенциала [20].

Данный вывод о неоднозначности результатов пролонгации государственной политики в области достижения гендерного равенства на уровень регионов подтверждают также результаты исследования «Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России», выполненного в рамках гранта «Создание сети региональных экспертов по правам женщин в регионах России и подготовке рекомендаций для развития региональных структур Национального механизма по гендерному равенству». Автор принимала участие в данном проекте в качестве регионального эксперта по правам женщин в Пермском крае.

Кроме того, подчеркнем, что в отличие от развитых стран, где уровень гендерного равенства коррелирует с размером ВВП, для российских регионов характерна обратная зависимость, т.н. «равенство в бедности» [20, с. 39]. Это связано с тем, что у компаний есть возможность платить женщинам более низкую заработную плату по сравнению с их производительностью труда, что обеспечивает им получение сверхприбыли в условиях острой конкуренции значительного числа женщин, имеющих соответствующее образование, за получение ограниченного числа рабочих мест в экспортно-ориентированном и трудоемком секторе обрабатывающей промышленности, в рамках которого отмечается повышенная степень мобильности компаний-производителей, острейшая ценовая конкуренция и минимальный уровень активности профсоюзов или их полное отсутствие [21]. Последнее еще раз подтверждает, что условия воспроизводства гендерного неравенства неадекватны условиям современной экономики, которая должна быть прежде всего ориентирована на социальный, а не экономический результат. Следовательно, следует учитывать, за счет каких факторов достигается высокий уровень конкурентоспособности страны и ее регионов.

Выводы

В результате приходится констатировать, во-первых, то, что Правительство РФ не использует новые факторы экономического развития, которые напрямую связаны со свободной дея-

тельностью членов общества, т.е. системно не учитывается эффективность свободы при достижении более высоких темпов и качества экономического роста [22, с. 143]. На наш взгляд, это не только составляет скрытый резерв развития экономики России, но и является необходимым условием ее устойчивого развития в будущем. Подчеркнем, что устойчивое развитие национальных социально-экономических систем как стратегический ориентир современного развития невозможно без перехода к гуманистическому типу экономического роста. В качестве предпосылок его обеспечения В.В. Семенко отмечает: а) преодоление ограниченности природных ресурсов на основе новой научно-технической революции; б) преодоление социального неравенства (в т.ч. гендерного. – *Уточнение автора*), которое сдерживает возможности развития творческих способностей для всех [22, с. 143]. Наше уточнение неслучайно, т.к. известно, что гендерные стереотипы как один из видов социального неравенства также «сдерживают развитие человека». Данная точка зрения была признана на международном уровне присуждением в 1998 г. Нобелевской премии по экономике А.Сену за его вклад в анализ основных факторов современного развития, главным из которых он считает расширение свободы. «Развитие означает преодоление тех различных видов несвободы (в т.ч. и гендерной), которые оставляют людей со скудным выбором и скудными возможностями для осуществления их разумной деятельности» [23, с.16].

Во-вторых, игнорирование гендерного фактора в качестве критерия оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти подчеркивает, что руководство нашей страны продолжает определять человеческий ресурс прежде всего количественными параметрами, тогда как важность учета развития его качественных параметров, включающих в т.ч. степень сбалансированности гендерных отношений в экономике и обществе, им недооценивается. Заметим, что реализуемые установки Правительства РФ адекватны доиндустриальной фазе экономического развития. Следовательно, пролонгация данных установок в формировании и использовании человеческого капитала и далее будет значительно ограничивать возможность «перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития», о котором заявлено в Стратегии развития РФ до 2020 г. Так, результаты выполненного нами эконометрического исследования [24] подтвердили зависимость уровня гендерного неравенства и темпов инновационного развития экономики, т.к. воспроизводство гендерного неравенства в основном обеспечивается элементами институциональной среды, сформировавшейся еще в период доиндустриальной экономики (неформальные правила), которые, как показывают многочисленные исследования, значительно сдерживают восприимчивость к инновациям (см. об этом подробнее [25–27]). Следовательно, без качественного совершенствования человеческого капитала, в т.ч. с учетом гендерного фактора, инновационный путь развития нашей страны может вообще превратиться в мираж.

В-третьих, неучет гендерного критерия при оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти в России и ее регионах может усилить дифференциацию пространственного развития регионов РФ. Известно, что в условиях современной экономики к основным факторам пространственного развития относят преимущества, созданные деятельностью человека и общества: агломерационный эффект, развитие инфраструктуры, сокращающее экономическое расстояние, человеческий капитал, институты, способствующие улучшению предпринимательского климата, мобильности населения, распространению инноваций и др. [28, с. 10]. Исходя из этого, выравнивание возможностей в реализации человеческого капитала должно стать одним из трендов в сглаживании региональных различий в современной России[6]. Как было показано нами выше, гендерный фактор влияет на возможности реализации человеческого капитала экономических агентов. Издержки воспроизводства гендерного неравенства в условиях современной экономики России имеют разнонаправленные формы проявления: для женщин – низкая рентабельность человеческого капитала в результате существующей гендерной дискриминации в общественном и репродуктивном секторах экономики; для мужчин – недоиспользование человеческого капитала в результате низкой продолжительности жизни и сверхсмертности в трудоспособном возрасте. Следовательно, преодоление указанных диспропорций регионального развития и экономики страны в целом на современном этапе становится необходимой предпосылкой уменьшения поляризации регионального пространства.

Примечания

1. ИРГФ – составной индекс, определяющий уровень средних достижений по трем основным направлениям индекса развития человеческого потенциала – здоровью и долголетию, знаниям и достойному уровню жизни, скорректированный для учета диспропорций в положении мужчин и женщин.

2. ПРВЖ – составной показатель, измеряющий гендерное неравенство по трем основным направлениям: участие в экономической жизни и процессе принятия решений, а также в принятии решений в отношении распределения экономических ресурсов и контролю над ними.

3. Рособрнадзором данный показатель не отслеживается по полу. Однако существует достаточно исследований, посвященных изучению гендерной дифференциации формирования и использования капитала образования мужчин и женщин (см. подробнее [7, 8]).

4. На данную причину также обращал внимание акад. Д.С. Львов при анализе пиков причин смертности населения России [19].

5. Данный подход используется Всемирным банком при расчете показателя ИГНР.

6. Данный вывод подтвержден во многих современных исследованиях. См., например, [29, 30].

Список литературы

1. Hausmann R., Tyson L.D., Zahidi S. The Global Gender Gap Report 2009 [Электронный ресурс]. URL: htpp://www.weforum.org/en/initiatives/gsp/Gender%Gap/index.htm (дата обращения: 15.01.2011).

2. Мировой обзор о роли женщин в развитии в 2009 г.: Доклад Генерального секретаря ООН «Контроль женщин над экономическими ресурсами и доступ к финансовым ресурсам, в т.ч. по линии микрофинансирования» [Электронный ресурс]. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/372/27/PDF/N0937227.pdf?OpenElement (дата обращения: 12.01.2011).

3. Доклад о развитии человека в 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/development/hdr/2009/hdr_2009_complete.pdf (дата обращения: 21.01.2011).

4. Official site of the Office for Women of Department of Social Services [Электронный ресурс]. URL: http://www.fahcsia.gov.au/our-responsibilities/women/related-agencies-sites (дата обращения: 11.02.2013).

5. Knowles S. et al. Are educational gender gaps a brake on economic development? Some cross country empirical evidence // Oxford Economic Papers. 2002. **54.** P. 118–149.

6. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ: Указ Президента РФ № 1199 от 21.08.2012.

7. Баскакова М.Е. Мужчины и женщины в системе образования // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / Отв. ред. и сост. М.Е. Баскакова. М., 2004. С. 191–228.

8. Баскакова М.Е. Образование в России: гендерная асимметрия развития и эффективности инвестиций // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: МОТ, 2003. С. 22–25.

9. Калабихина И.Е. Гендерный фактор в воспроизводстве человеческого капитала // Женщина, гендер, культура. М.: МЦГИ, 1999. 240 с.

10. Денисенко М. Тихая революция [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.com/url?q=http://demoscope.ru/weekly/2008/0317/analit01.php&sa=U&ei=v3_OUerQKaPk4QSaioDYBw&ved=0CAcQFjAA&client=internal-uds-cse&usg=AFQjCNHaW6G6HbAwmEmXyhrDmfTezKd-qw (дата обращения: 29.06.2013).

11. Баскакова М.Е., Баскаков В.Н., Лельчук А.Л. Гендерные аспекты новой российской пенсионной системы // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: МОТ, 2003. С. 129–150.

12. Базуева Е.В. Факторный анализ динамики воспроизводства человеческого капитала в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2015. № 2. С. 47–57.

13. Рощин С.Ю., Кузьмич О.С. Здоровье как экономическое благо: его влияние на заработную плату и занятость [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/07/1217274276/WP15_2007_02.pdf (дата обращения: 22.05.2011).

14. Тюрюканова Е.В. Гендерные аспекты миграционной статистики // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М., 2004. С. 255–256.

15. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015: статистический сборник. М.: Росстат, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 22.03.2016).

16. Бенерия Л. Неоплачиваемый труд: в продолжение дискуссии // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. М.: ИСПЭН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002. С. 275–299.

17. Мезенцева Е.Б. Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической рациональности против логики гендерной идентичности? // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: МОТ, 2003. С. 50–72.

18. Женщины и мужчины России: статистический сборник. М.: Росстат, 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_50/Main.htm (дата обращения: 28.03.2016).

19. Львов Д.С. Проблемы долгосрочного социально-экономического развития России // Экономическая наука современной России. 2003. № 1. С. 38–39.

20. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия. М.: Представительство ООН в РФ, 2005. С. 38–39.

21. Seguino S. The road to gender equality. Global trends and the way forward // Social Justice and Gender Equity: rethinking Development Strategies and Macroeconomic Policies / Berik, Rodgers and Zammit, eds. London: Routledge, 2009.

22. Семенко В.В. Методология современной политической экономии // Экономическая теория: истоки и перспективы. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2006. С. 143–144.

23. Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ.; под ред. и с послесл. Р.М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.

24. Базуева Е.В. Эконометрический анализ взаимосвязи показателей национальной экономики и гендерного неравенства // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2013. № 2. С. 71–84.

25. Инновационное развитие экономики России: институциональная среда: Четвертая Международная конференция; Москва, МГУ (20–22 апреля 2011 г.): Сборник статей. Т. 1 / Под ред. В.П. Колесова, Л.А. Тутова. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2011. 814 с.

26. Управление инновациями – 2010: Материалы Международной научно-практической конференции (15–17 ноября) / Под ред. Р.М. Нижегородцева. М.: ЛЕНАНД, 2010. 488 с.

27. Hurek J., Maj M. Rownosc plci a innowacyjnosc – stan obecny i rekomendacje na przyszlosc. Warszawa, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.parp.gov.pl/files/74/75/76/479/13145.pdf (дата обращения: 09.04.2013).

28. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

29. Гурбан И.А. Национальный человеческий капитал России: региональная дифференциация // Фундаментальные исследования. 2014. № 5. С. 1063–1069.

30. Кулагина Е.В. Региональные диспропорции в накоплении и реализации образовательного потенциала // Экономика региона. 2012. № 1. С. 53–62.

THE GENDER CRITERION FOR ASSESSING THE EFFICIENCY OF NATIONAL AND REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

E.V. Bazueva

Perm State University

The aim of this article is to establish the degree of influence of the gender criterion on the efficiency of Russia's economy functioning at the national and regional level. The article shows the importance of the use of the gender criterion as a cross criterion for evaluating the efficiency of the state and regional policy. We have summarized the results of the studies made in Russia and abroad that measure the effects of inefficient actions (in terms of gender) of government and executive bodies. Using the example of the indicators which are used in Russia for assessing the efficiency of executive authorities in territorial subjects of the Russian Federation, we show gender-specific features in the realization of the human capital of men and women. Particular attention is given to the comparative analysis of the degree of differentiation in the development and use of human capital taking into account the gender factor in Russia’s regions. We argue that by ignoring the gender criterion, the Government of the Russian Federation in the conditions of modern economy: first, doesn't consider new factors of economic development; second, limits the possibility of transition to innovative socially-oriented type of economic development; third, increases the polarization of the regional space.

Keywords: gender criterion, national economy, regional socio-economic systems, efficiency, differentiation, costs.

УДК 33.338.242

ОБОБЩЕНИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТЬ»

© 2016 г.

М.В. Ефремова, О.В.Чкалова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ochkalova@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 11.03.2016
Статья принята к публикации 22.04.2016

Целью данного исследования является обобщение и систематизация имеющихся в российской и зарубежной практике подходов к определению клиентоориентированности и установление ее ключевых компонентов. На основе общелогических методов исследований проанализированы научные взгляды к определению понятия «клиентоориентированность». Использованы методы сравнения и обобщения, анализа и синтеза, группировок и классификаций. Выявлено два главных подхода к пониманию клиентоориентированности: во-первых, это набор инструментов выстраивания качественного обслуживания для клиентов, во-вторых, философия бизнеса, пронизывающая все бизнес-процессы организации и направленная на удовлетворение потребностей клиентов. Определены основные компоненты клиентоориентированности: умение выделить целевую группу, понимание и предвидение потребностей клиентов, предложение клиентам кастомизированных товаров с акцентом на эмоциональную составляющую, ориентация не на привлечение, а на удержание клиентов, выстраивание с клиентами индивидуальных коммуникаций и долговременных связей; эффективность основана на оценке и мониторинге удовлетворенности клиентов. Результаты данного исследования являются основой для решения прикладных и научных проблем, связанных с формированием и развитием клиентоориентированности в российской науке и практике.

Ключевые слова: клиентоориентированный подход развития организаций, инструменты клиентоориентированности, удовлетворенность клиентов.

Введение

Господствовавшие многие десятилетия в российской экономике стратегии товарной и ценовой дифференциации уходят в прошлое. В условиях насыщенного товарного рынка самой эффективной становится стратегия «клиентской ориентации», или клиентоориентированности [1–3]. Главное преимущество клиентоориентированности в том, что обеспечиваются конкурентные позиции на более долгосрочную перспективу в отличие от более распространенных ассортиментных и ценовых стратегий.

Тема изучения клиентоориентированности является одной из самых популярных в зарубежных научных исследованиях в области стратегического развития сервисных организаций. Теоретические основы клиентоориентированности (client-oriented, customer centricity, customer-centric approach) в мировой науке начали формироваться с середины 1950-х гг. и значительно возросли к началу 1980-х годов [4–8].

Позднее, после 1990-х гг. стали появляться зарубежные статьи и книги, предметом изучения которых явились отношения с потребителями и другими участниками процесса купли-продажи («relationship marketing»). Особое развитие клиентоориентированность получила в рамках маркетинговой концепции «маркетинга взаимоотношений». Указанный термин был введен Берри [9] и подразумевал «завоевание клиентов, поддержание и укрепление взаимоотношений с ними». В российской науке для обозначения данного понятия часто используется ряд однозначных терминов: клиентоцентричность, клиентоориентированность и т.д. В данном исследовании мы будем оперировать термином «клиентоориентированность», как наиболее популярным.

В 1993 г. Д. Пепперс и М. Роджерс (США) опубликовали книгу «Будущее один на один», в которой предложили схему управления отношениями с клиентами. С этого времени клиентоориентированный подход стал известен под аббревиатурой CRM (Customer Relationship Management) [10].

В настоящее время тема клиентоориентированного развития бизнеса стала одной из самых актуальных не только для зарубежных, но и отечественных исследователей, занимающихся вопросами стратегического развития бизнеса [1, 11–13]. Большинство современных исследований в этом направлении посвящены вопросам оценки эффективности данной стратегии с позиции удовлетворенности клиентов [14–16].

В бизнес-практике к стратегии клиентоориентированности обратились уже многие современ-

ные зарубежные компании. Особенно преуспели в этом направлении американские организации. Подтверждением эффективности данной стратегии является рейтинг самых успешных компаний мира, согласно отчету «Fortune Global 500» (2015 год). Из первых пяти компаний этого рейтинга в четырех имеется должность директора по клиентингу: Walmart (розничная торговля, США), Exxon Mobile (нефтяная компания, Россия), Chevron (энергетическая компания, США), Apple (производитель персональных и планшетных компьютеров, аудиоплееров, телефонов, программного обеспечения; США).

Топ-менеджеры многих российских компаний так же все чаще декларируют эту стратегию [17, 18]. Несмотря на высокую практическую значимость, понятие клиентоориентированности не имеет устойчивого научного определения. Каждая компания понимает клиентоориентированность по-своему и сводит ее или к высокому уровню менеджмента, или к особому качеству обслуживания, инновациям, сервису для клиентов. Так, в отчете «Клиентоцентричность: метрики, практики, факты», представленном Центром стратегических исследований Enter, клиентоориентированность сведена исключительно к сервису для клиентов[1].

С учетом высокой практической значимости возникают прикладные и научные проблемы, связанные со становлением теории клиентоориентированности, позволяющие определить это понятие и выделить его ключевые аспекты как основы для формирования и развития клиентоориентированности.

Методология

Систематизация публикаций, посвященных исследованию клиентоориентированности, позволяет выделить два главных подхода к определению этого понятия, исходя из логики его процессного построения. Представители первого направления трактуют клиентоориентированность как особый инструмент выстраивания бизнес-процессов с клиентами, уделяя особое внимание работе персонала и качеству обслуживания [1, 7, 19–21] (таблица 1).

По мнению данных исследователей, от работы персонала главным образом зависит удовлетворенность клиентов и эффективность деятельности организации. Согласимся с мнением этих авторов, что профессиональные компетенции персонала: знания, навыки, умения, мотивации, ценности, установки, личностные качества, поведение – характеризуют качество рабочей силы, являются базовым компонентом клиентоориентированности [22–24].

Вместе с тем формирование клиентоориентированности не ограничивается только профессиональными компетенциями персонала. Так, представители второго направления, изучающие понятие «клиентоориентированность», убеждены, что это философия бизнеса, пронизывающая все бизнес-процессы организации, целью которых является получение того конечного результата, который желает получить сам клиент. Данный подход среди зарубежных и отечественных исследователей набирает особую популярность [8, 13, 24, 25–29]. Наиболее ярко эту позицию отражает определение клиентоориентированности, предложенное в работе О.В. Яшиной: «Клиентоориентированность – это концепция бизнеса, включающая комплекс мероприятий, направленных на удовлетворение и формирование потребностей клиентов (конечных потребителей и торговых посредников), реализуемая на всех уровнях менеджмента во всех функциональных подразделениях, ориентированная на инновационное (проактивное) развитие с целью достижения устойчивого конкурентного преимущества» [12, с. 1–6].

Такое понимание клиентоориентированности позволяет перейти к следующей проблеме – выделению ключевых компонентов определения клиентоориентированности. Анализ имеющихся работ в контексте данной проблемы показал, что клиент в рамках данной стратегии становится «центром всех операций организации» [6, 30, 31] (таблица 2).

Исходя из этого постулата, главной целью клиентоориентированной организации является удовлетворение потребностей клиента. Исследователи из США установили зависимость между ростом индекса удовлетворенности покупателей (ИУП) и ростом капитализации крупной компании: 1% роста ИУП приводит к 3% роста капитализации компании; средний кумулятивный эффект прироста рентабельности (на 11.5% за пять лет) составляет от 1% ежегодного прироста ИУП) [32].

Главным фактором успеха клиентоориентированной организации становится умение определять своих клиентов, выявлять их потребности и использовать эти знания для разработки товаров [4, 6, 7, 17, 20, 31, 33–35]. В этой связи клиентоориентированные организации должны уделять первоочередное внимание сбору рыночной информации: «...сбор рыночной информации относительно текущих и будущих потребностей клиентов, распространение этих знаний по всем департаментам, а также реагирование на них в масштабах всей организации» [5, с. 3]. При этом важно идентифицировать и удовлетворять глубочайшие волнения клиентов. На эту особенность

Таблица 1

Подходы к определению понятия «клиентоориентированность» на основе анализа трудов отечественных и зарубежных ученых*

Понятие	Автор
Клиентоориентированность – особый инструмент работы с клиентами	
Помощь клиентам в совершении таких покупок, которые удовлетворят их потребности	Саxe, Вейтз (Saxe, Weitz, 1982)
Ориентация сервисного персонала на клиента, обеспечивающаяся техническими и социальными навыками, мотивацией и полномочиями принятия решений	Хенниг-Суро (Hennig-Thurau, 2004)
Инструмент управления взаимоотношениями с клиентами, нацеленный на получение устойчивой прибыли в долгосрочном периоде и базирующийся на трех критериях: ключевая компетенция, целевые клиенты и равенство позиций	Рыжковский, 2005
Подход к продажам и отношениям с покупателями, при котором сотрудники компании фокусируются на помощи клиентам, чтобы удовлетворить их долгосрочные потребности и желания	Кросс (Cross, 2008)
Организационные структуры компаний должны быть клиентоориентированными. Должна быть установлена взаимосвязь с ориентацией на сервис	Джебоер, Ковальск (Gebauer, Kowalkovsk, 2012)
Клиентоориентированность – философия бизнеса	
Качество менеджмента, проявляющееся в различных аспектах	Вебстер (Webster, 1994)
Сбор рыночной информации относительно текущих и будущих потребностей клиентов, распространение этих знаний по всем департаментам, а также реагирование на них в масштабах всей организации	Кохли, Яворский (Kohli, Jaworski,1990)
Это показатель проводимого компанией маркетинга взаимоотношений со всеми заинтересованными сторонами: с сотрудниками, клиентами, партнерами, поставщиками, акционерами, государством и другими группами	Колотухин, 2008
Стратегический подход к развитию организации, обеспечивающий повышение ее конкурентоспособности и рост доходности, подразумевающий мобилизацию всех ее ресурсов на выявление, вовлечение, привлечение клиентов и удержание наиболее прибыльных из них, за счет повышения качества обслуживания клиентов и удовлетворения их потребностей	Руднев, 2009
Это концепция бизнеса, включающая комплекс мероприятий, направленных на удовлетворение и формирование потребностей клиентов (конечных потребителей и торговых посредников), реализуемый на всех уровнях менеджмента во всех функциональных подразделениях, ориентированная на инновационное (проактивное) развитие с целью достижения устойчивого конкурентного преимущества	Яшина, 2013

*Составлено авторами.

указывает в своей работе авторитетный французский ученый в области маркетинга Ж.-Ж. Ламбен: «Усилия компании по изучению потребностей потребителей, созданию ценности для них и развитию навыков предугадывать новые покупательские проблемы. В этом случае товар или услуга рассматривается с точки зрения того, для кого он предназначен, и определяется как решение некоторой проблемы» [34, с. 97]. Эту мысль подтверждает В. Лошков, определяя клиентоориентированность как способность организации извлекать дополнительную прибыль за счет глубокого понимания и эффективного удовлетворения потребностей клиентов [35]. Компания Body Shop, например, сумела занять значительную долю европейского рынка косметических средств, позиционировав свои шампуни и кремы как продукт, который не испытывался на животных. Большинство европейских покупателей – любителей животных предпочли эту фирму другим, даже не задумываясь о том, что косметические средства на животных вообще никогда не испытываются.

Согласимся с определением, трактующим клиентоориентированность как концепцию бизнеса, для разработки которой важно подчинение всех бизнес-процессов единой цели – удовлетворенности клиентов. При таком понимании клиентоориентированности в разработке данной стратегии принимают участие все сотрудники компании (а не только обслуживающий персонал), а также участники всей цепи поставок: изготовители, поставщики, сервисные организации и даже клиенты. Клиенты перестают быть сторонними покупателями, а становятся ключевыми участниками бизнес-процессов, принимают участие в разработке товаров, постоянно взаимодействуя с поставщиками услуг. В современном российском бизнесе наиболее преуспели в этом провайдеры телекоммуникационных услуг, предлагающие клиентам участвовать в формировании индивидуального пакета услуг. Наиболее ярко эта позиция отражена в работе О.А. Третьяк и А.Г. Рожкова [36, с. 79]: «Именно наличие целостной системы с работающими взаимосвязями между процессами (уровнями

Таблица 2

Основные компоненты клиентоориентированности*

Сущность клиентоориентированности	Автор
Понимание целевых покупателей, удовлетворение их потребностей, полное понимание их цепочки создания ценности и ее развития в будущем, понимание нужд не только собственных клиентов, но и всех членов распределительного канала	Нарвер, Слатер (Narver, Slater, 1990)
Это бизнес-перспектива, которая делает покупателя основным центром всех операций компании	Кравенс (Cravens, 1997)
Планирование продуктов и услуг, основанных на потребностях клиентов, а не организационных потребностях. Ориентация на клиента фокусируется на ожиданиях клиентов и стремится удовлетворить клиентов, сохраняя при этом высокие стандарты качества	Хендерсон (Henderson, 1998)
На клиентах должно быть сфокусировано особое внимание	Хейнс (Heiens, 2000)
Это набор убеждений, ставящий интересы клиента на первое место. Клиентоориентированный бизнес создает ценность клиентов путем определения их желаний и потребностей	Алам, Перри (Alam, Perry, 2002)
Это одна из базовых организационных ценностей; она означает соответствие организации потребностям, тенденциям рынка, а также привлекательность ее продуктов для клиентуры	Пригожин, 2003
Способность организации извлекать дополнительную прибыль за счет глубокого понимания и эффективного удовлетворения потребностей клиентов	Лошков, 2006
Усилия компании по изучению потребностей потребителей, созданию ценности для них и развитию навыков предугадывать новые покупательские проблемы. В этом случае товар или услуга рассматривается с точки зрения того, для кого он предназначен, и определяется как решение некоторой проблемы	Ламбен, 2007
Концепция, провозглашающая первенство принципов удовлетворения потребностей клиентов, соответствия их ожиданиям, предвосхищения их желаний при осуществлении всех направлений организационной деятельности	Загребной, 2008
Это способность удовлетворить максимальный объем потребностей своего клиента. Прежде всего это означает, что мы должны знать своего клиента и понимать, что ему нужно	Греф, 2011
Это стратегия, помогающая компании четко выстроить линейку предлагаемых ей товаров или услуг и соотнести их с желаниями и нуждами самых ценных для компании потребителей	Фадер (Fader, 2012)
Забота об интересах клиентов для удовлетворения спроса, его увеличения и углубления, создания конкурентных преимуществ для приоритетных групп клиентов	Репьев, 2013
Принцип ориентации на клиента предполагает, что потребитель является главным человеком в компании. Необходимо глубоко понимать потребности клиента, эффективно удовлетворять их и получать с этого прибыль	Якупаева, Кошурникова, 2013

*Составлено авторами.

модели) позволяет говорить об ориентации компании на клиента в рамках взаимоотношений, подразумевающей не только деятельность по сбору и анализу данных о клиенте, но и последовательное формирование соответствующих управленческих механизмов отбора клиентов по степени их значимости для компании и адаптации к обслуживаемому клиентскому потоку».

В условиях насыщенного потребительского рынка предложение очень велико и создать товар под индивидуальные потребности покупателей становится все сложнее. Это становится возможно за счет разработки новой категории товаров, получившей название «кастомизированные товары». Кастомизированные товары в условиях насыщенного потребительского рынка создаются, главным образом, в конечном звене создания цепочки ценности – в сервисных организациях при увеличении потребительской ценности за счет создания особых услуг для клиентов. В этих условиях услуги начинают продаваться наравне с материальными продуктами. Научное обоснование этой теории дал Т. Левитт [37] в предложенной им «Концепции тотального продукта». Согласно данной концепции, каждый продукт состоит из набора обязательных и дополнительных атрибутов, составляющих потребительскую ценность. Дальнейшее развитие эта теория получила в трудах других исследователей [1, 38–40]. Применительно, например, к розничной торговле, лучшие торговые организации, специализирующиеся на продаже строительных материалов, переходят от продаж обоев и других строительных товаров к продаже комплексных услуг по ремонту, включая дизайн, доставку, подбор ис-

полнителей, послепродажное обслуживание и другие составляющие, создающие дополнительный комфорт и приятные эмоции. Как показывает современная мировая практика, наиболее успешными являются сервисные компании, способные не только удовлетворить своих покупателей качеством товаров и дополнительными услугами, но и вовлечь их в увлекательный мир бренда, вести за собой, благодаря непрерывному on-line-взаимодействию и коммуникациям, все глубже включать клиентов в управляемый фирмой сценарий развития бренда, создавая новые и новые впечатления с помощью менеджмента вовлечения клиентов. Современные покупатели все меньше ценят покупаемые товары и услуги и все больше платят за ощущения и впечатления, которые с ними связаны. Это обусловливает эволюцию потребительской ценности: от сырья – к товарам – услугам – и к впечатлениям в условиях становления экономики впечатлений. Эмоциональная составляющая ценности свойственна клиентоориетированному подходу управления.

В этой связи важным аспектом формирования клиентоориентированности становится правильное определение целевой группы. Важность этого направления усиливается тем, что целевая группа при клиентоориентированности остается постоянной длительное время, поскольку стратегия нацелена не столько на привлечение новых клиентов, сколько на удержание старых. В этой связи для организации становится более важно иметь небольшой целевой сегмент потребителей, качественно его обслуживать и выстраивать с ним длительные отношения. При этом клиенты не только сами становятся лояльными к данной организации, совершают покупки в течение длительного времени, но и обеспечивают клиентский поток за счет создания положительного имиджа организации. Так, по данным Европейского института торговли, для привлечения нового потребителя расходуется сумма в восемь – десять раз большая, чем на удержание старого клиента. При этом затраты на внедрение необходимых технологий сопоставимы с обычными рекламными бюджетами компаний. Лояльный покупатель с положительным потребительским опытом приносит в 11 раз большую прибыль. Для типичной американской компании повторные покупки на основе потребительской лояльности составляют до 70% от выручки. Затраты на приобретение нового потребителя в 5–10 раз больше, а затраты на возврат потерянного потребителя в 50–100 раз больше затрат на удержание удовлетворенного потребителя. Доказано, что, согласно принципу Парето, 80% прибыли компания получает от 20% постоянных клиентов, а стоимость привлечения нового клиента в 5 раз выше стоимости удержания старого. Увеличение товарооборота от имеющихся клиентов на 10% ведет к увеличению акционерной стоимости компании на 15.5% [41]. Все это доказывает, что налаживание длительных положительных отношений с клиентом дает ощутимую прибыль организации, а удержание уже существующих клиентов является важнейшим фактором обеспечения конкурентоспособности организации.

Из этого следует другой важный аспект, который необходимо учитывать при формировании клиентоориентированности, – организация коммуникаций с клиентами, индивидуальное выстраивание отношений и индивидуализация товаров и услуг за счет приспособления к индивидуальным потребностям клиента, например, такими способами, как использование интернет-сервиса, создание удаленных терминалов, регулярные встречи руководства с ключевыми клиентами, программы лояльности.

На эту принципиальную характеристику указано в работе С. Моториной: «Клиентоориентированность это не только клиентоориентированный персонал. Это еще и то, насколько глубоко компания исследует потребности клиентов, как выстраивает свою работу с ними, как получает от них обратную связь, какие характеристики закладывает в продукт» [42, с. 42].

Важным компонентом клиентоориентированности является оценка и мониторинг ее эффективности. Традиционные показатели, основанные на измерении продаж и доли рынка, в условиях клиентоориентированности теряют свою актуальность. Эта проблема достаточно подробно освещена в работе Р. Минитер «Миф о доле рынка. Почему «доля рынка» – «золото дураков» в бизнесе», Г. Саймона – «Доля рынка и смерть бизнеса. Как управлять прибылью современной компании» [43, 44]. В условиях клиентоориентированного управления вектор измерения смещается с товаров на клиентов и основан не на продажах и доле рынка, а на удовлетворенности клиентов. В работе одного из самых авторитетных в мире ученых в области стратегического менеджмента П. Друкера указывается: «Удовлетворения потребностей покупателей – приоритет организации, соответствие интересов между покупателями и организацией» [4].

Анализ методических подходов в области оценки удовлетворенности клиентов показал, что для этих целей применяется ряд методических подходов. Наиболее распространенной является методика SERVQUAL (термин – производное от двух английских слов: service (сер-

вис) и quality (качество)). Эта методику предложили американские исследователи Парасураман, Берри и Цайтамл (1985 г.). Она основана на опросе потребителей и выявлении разрыва между ожиданием и восприятием услуги [45].

В зарубежной специальной литературе представлен ряд других экономических показателей, на основе которых оценивается удовлетворенность клиентов. Наиболее известным является индекс чистой поддержки (Net Promoter Score, NPS), который показывает, насколько фирма преуспела в сфере построения отношений с клиентами. Показатель и методика его оценки предложены американским исследователем Ф. Райхельдом [46]. Данный показатель измеряет степень вероятности, что покупатель будет рекомендовать понравившееся ему сервисное предприятие своим друзьям и знакомым. В основе методики – десятибалльная шкала оценки. Клиентам задают два вопроса: «Какова вероятность Вашей рекомендации компании другу или коллеге?» и уточняющий вопрос открытого типа, позволяющий респондентам самим сформулировать причину лояльности (отказа): «Поясните основную причину Вашей оценки».

В результате проведенного анкетного опроса клиентов делят на три группы:

1) те, кто оценил компанию на 9, 10 баллов: группа «промоутеров». Они готовы продолжать покупать товары и услуги в компании, а также рекомендовать компанию друзьям и родственникам;

2) те, кто оценил компанию на 8, 7 баллов: группа «нейтралов». В целом они довольны организацией, иногда рекомендуют ее друзьям и коллегам. Но это группа легко может перейти к конкуренту, если у него будут более заманчивые предложения;

3) те, кто оценил компанию на 6–1 балл: группа «критиков». Это клиенты, которые не лояльны к торговой сети и отзываются о ней отрицательно.

Индекс чистой поддержки определяется разницей между «промоутерами» и «критиками»:

NPS = % «промоутеров» – % «критиков».

Ряд исследователей предлагают оценивать клиентоориентированность ростом таких экономических показателей, как отдача от инвестиций в клиента, прибыль за период активности клиента, объем продаж клиента, пожизненная ценность клиента [5, 13, 14, 16]. Оценка удовлетворенности на основе этих показателей основана на измерении накопительного удовлетворения за период отношений компании и клиента (потребительского опыта клиента).

Оценка эффективности на основе указанных показателей позволяет подойти к оценке результативности компании с позиций удовлетворенности клиентов в долгосрочной перспективе.

Выводы

В результате проведенного исследования выявлено два основных подхода к определению понятия клиентоориентированности. Представители первого направления полагают, что клиентоориентированность определяется высоким уровнем работы обслуживающего персонала, обеспечивающим особый комфорт и сервис для клиентов. Представители второго направления уверены, что клиентоориентированность – это философия бизнеса, пронизывающая все бизнес-процессы организации, главной целью которых является удовлетворенность клиентов.

Установлено, что определение клиентоориентированности включает ряд основополагающих компонентов. Базовым компонентом являются профессиональные компетенции персонала на всех уровнях менеджмента. Кроме того, участниками создания клиентоориентированности становятся не только сотрудники организации, но и все участники цепи поставок, в том числе клиенты. При этом роль клиентов в создании ценности признается ключевой. Важными компонентами клиентоориентированности являются: умение выделить целевую группу; понимание и предвидение потребностей клиентов; предложение клиентам кастомизированных товаров с акцентом на эмоциональную составляющую; ориентация не на привлечение, а на удержание клиентов; выстраивание с клиентами обратной связи, индивидуальных коммуникаций и долговременных отношений. В условиях клиентоориентированного управления меняются критерии оценки эффективности, основным из которых становится удовлетворенность клиентов. Для измерения удовлетворенности используется ряд таких показателей, как разрыв между ожиданием и восприятием услуги, индекс чистой поддержки, отдача от инвестиций в клиента, прибыль за период активности клиента, объем продаж клиента, пожизненная ценность клиента и другие, позволяющие сфокусироваться на управлении отношениями, а не на доле рынка.

Результаты данного исследования, определяющие понятие клиентоориентированности и устанавливающие ее ключевые компоненты, являются основой для становления теории клиентоориентированного менеджмента, решения прикладных и научных проблем, связанных с формированием и реализацией клиентоориентированного подхода в практике сервисных организаций.

Примечание

1. Центр стратегических исследований Enter «Клиентоцентричность: метрики, практики, факты» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://content.enter.ru/wp-content/uploads/2013/04/client-servise_long.pdf.

Список литературы

1. Gebauer H., Kowalkovski C. Customer-focused and service focused orientation in organizational structures // Journal of Business and Industrial Marketing. 2012. V. 27. № 7. P. 527–537.

2. Porter M., Kramer M. How to Fix Capitalism and unleash a new wave of growth // Harvard Business Review. 2011. – January/February. P. 48–58.

3. Vargo S., Lusch R. Evolving to a New Dominant Logic for Marketing //Journal of Marketing. 2004. V. 68 (January). P. 1–17.

4. Drucker P.F. From Marketing Mix to Relationship Marketing: Towards a Paradigm Shift in Marketing // Management Decision. 1994. V. 32. № 2. P. 4–20.

5. Kohli A., Jaworski B. Market Orientation: The construct, Research Propositions, and Managerial Implication // Journal of Marketing. 1990. V. 54. № 2. P. 1–18.

6. Narver J.C., Slater S.F. The Effect of a Market Orientation on Business Profitability // Journal of Marketing. 1990. V. 54. № 4. P.20–35.

7. Saxe R., Weitz B.A. The SOCO scale: a Measure of the Customer Orientation of Salespeople // Journal of Marketing Research. 1982. V. 19. № 3. P. 343–351.

8. Webster F. The Future Role of Marketing in the Organization // In: Lehmann D., Jocz K. (eds.). Reflections on the Future of Marketing. Cambridge, MA: Marketing Science Institute, 1997. P. 39–66.

9. Berry L.L., Shostack G. L., Upah G. D. Relationship Marketing // Emerging Perspectives on Services Marketing. Chicago: AMA, 1983. P. 25–28.

10. Пепперс Д., Роджерс М. Управление отношениями с клиентами: Как превратить базу ваших клиентов в деньги. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2006. 336 с.

11. Ребязина В.А., Смирнова М.М. Клиентоориентированность российских компаний: результаты эмпирического исследования // В кн.: XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 книгах. Книга 3 / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 265–269.

12. Яшина О.В. Клиентоориентированность корпорации – сущность категории и основные цели //Молодежь и наука: Сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section021.html (дата обращения: 24.08.2015).

13. Fader P. Customer Centricity: Focus on the Right Customers for Strategic Advantage (Wharton Executive Essentials). Wharton Digital Press, 2012. P. 128.

14. Kumar V., Sunder S., Leone R. Measuring and Managing a Salesperson's Future Value to the Firm // Journal of Marketing Research. 2014. V. 51. № 5. P. 591–608.

15. Ngobo P.-V., Casta J.-F., Ramond O. Is Customer Satisfaction a Relevant Metric for Financial Analysts? // Journal of the Academy of Marketing Science. 2011. V. 40. № 3. P. 480–508.

16. Skiera B., Bermes M., Horn L. Customer Equity Sustainability Ratio: A New Metric for Assessing a Firm's Future Orientation // Journal of Marketing. 2011. V. 75. P. 118–31.

17. Греф Г. Интервью Президента, Председателя Правления Сбербанка России Г. О. Грефа // Деньги и кредит. 2011. № 11. С. 5.

18. Загребной В. Клиентоориентированность – основной залог успеха на рынке страхования в условиях жесткой конкуренции // ЭКСПЕРТ. 2008. № 36. С. 62.

19. Рыжковский Б. Когда клиент голосует деньгами? //Управление компанией. 2005. № 7. С. 46–48.

20. Cross V. Customer Orientation Examples [Electronic resource]. URL: http://smallbusiness.chron.com/customer-orientation-examples-10201.html. (дата обращения: 22.08.2015).

21. Hennig-Thurau T. Customer Orientation of Service Employees: Its Impact on customer Satisfaction, Commitment, and Retention // International Journal of Service Industry Management. 2004. V. 15. № 5. P. 460–478.

22. Хохлова Т.П. Генезис компетентностно ориентированной модели управления: от истоков к перспективам // Менеджмент в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 4–13.

23. Цветков М.А., Цветкова И.Ю. Влияние глобальных изменений на подходы к развитию инновационно-активного предпринимательства // Российское предпринимательство. 2013. № 13 (235). С. 4–14.

24. Шавровская М.Н. Клиентоориентированность персонала как комплексная профессиональная компетенция // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2011. № 4. С. 225–229.

25. Готовац С. Клиентоориентированность формирует будущее компании // Управление персоналом. 2012. № 11. С. 39–41.

26. Зинкевич А. Секреты клиентоориентированности. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 43 с.

27. Колотухин Э. Клиентоориентированность. E-xecutive.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-xecutive.ru/community/articles/819115/ (дата обращения: 24.08.2015).

28. Патлах И. Клиентоориентированность как философия бизнеса // Ваш Бизнес. 2011. № 10. С. 24–26.

29. Руднев Р.В. Клиенториентированный подход в работе современной строительной компании // Рекламный рынок России: проблемы и перспективы. Международная научно-практическая конференция. Орёл: ОрёлГИЭТ, 2010. С. 49–54.

30. Alarm I., Perry Ch. A Customer-oriented New Service Development Process // Journal of Services Marketing. 2002. 16(6). P. 515–534.

31. Henderson J.L. Assessing Customer Orientation in Public, Non-profit Organizations: a Profile of Ohio State University Extension // Journal of Agricultural Education. 1998. V. 39. № 4. P. 11.

32. Fornell C., Rust R., Dekimpe M. The Effect of Customer Satisfaction on Consumer Spending Growth // Journal of Marketing Research. 2010. V. 47. № 1. P. 28–35.

33. Бусаркина В. В. Понятие клиентоориентированности предприятия и проблемы ее оценки // Проблемы современной экономики. 2007. № 4 (24). С. 179–182.

34. Ламбен Ж.-Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок. Стратегический и операционный маркетинг: Пер. с англ. СПб.: Питер, 2007. 800 с.

35. Лошков В. Клиентоориентированность, в чем суть? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rosbo.ru/articles.php?cat_id=2&id=2. (дата обращения: 22.08.2015).

36. Третьяк О.А., Рожков А.Г. Ориентация на клиента: моделирование и диагностика // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 4(46). С. 76–84.

37. Levitt T. The Pluralization of Consumption. Harvard Business Review. 1988. V. 66. P. 7–8.

38. Oliva R., Kallenberg R. Managing the Transition from Products to Services // International Journal of Service Industry Management. 2003. V. 14. № 2. P. 160–172.

39. Tuli K.R., Kohli A.K., Bharadwaj S.G. Rethinking Customer Solutions: From Product Bundles to Relational Processes // Journal of Marketing. 2007. V. 71. № 3. P. 1–17.

40. Wise R., Baumgartner P. Go Downstream: the New Imperative in Manufacturing // Harvard Business Review. 1999. V. 77. № 5. P.133–41.

41. Schulze C., Skiera B., Wiesel T. Linking Customer and Financial Metrics to Shareholder Value: The Leverage Effect in Customer-Based Valuation // Journal of Marketing. 2012. V. 76. № 2. P. 17–32.

42. Моторина С. Клиентоориентированность должна стать ДНК, корпоративной религией компании // Управление персоналом. 2012. № 11. С. 42–50.

43. Минитер Р. Миф о доле рынка. Почему «доля рынка» – «золото дураков» в бизнесе. М.: Добрая книга, 2003. 176 с.

44. Саймон Г. Доля рынка и смерть бизнеса. Как управлять прибылью современной компании. М.: Вершина, 2008. 262 с.

45. Parasuraman A., Zeithaml V.A. and Berry L.L. SERVQUAL: a Multiple Item Scale for Measuring Customer Perceptions of Service Quality //Journal of Retailing. 1988. V. 64. № 1. P. 12–37.

46. Reichhel F.F. The Ultimate Question: Driving Good Profits and True Growth. Boston: Harvard Business School Publishing, 2006. 211 p.

47. Пригожин А.И. Методы развития организации. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 2003. 863 с.

48. Репьев А. Клиентоориентированность: какой она должна быть // Репьев А. Деловой мир. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://delovoymir.biz/2013/07/02/klientoorientirovannost-kakoy-ona-dolzhna-byt.html (дата обращения: 24.08.2015).

49. Якупаева С.Г., Коршуникова Ю.Е. Доверие и клиентоориентированность как факторы успеха фирмы // Экономические науки. 2013. № 6. С. 971–975.

50. Coltman T., Devinney T.M., Midgley D.F. Customer relationship management and firm performance // Journal of Information Technology. 2010. V. 26. № 3. P. 205–219.

51. Heiens A.R. Market Orientation Toward an Integrated Framework // Academy of Marketing Science Review. 2000. № 1. P.1–4.

GENERALIZATION AND SYSTEMATIZATION OF APPROACHES TO THE DEFINITION OF «CUSTOMER FOCUS»

M.V. Efremova, O.V.Chkalova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Increased competition in the Russian economy requires a search for effective policy-making business organization. In the new environment, more and more successful top managers of Russian companies choose customer focus as one of the most competitive strategies. Despite its high practical relevance, the concept of customer focus has no consistent scientific definition. There is no single approach to understanding customer focus, and no holistic vision of the problems and tasks that must be solved when implementing this strategy. In Russian studies, analysis, compilation and systematization of approaches to the definition of the concept of customer focus have only been undertaken within the framework of theoretical reviews preceding the presentation of empirical results, and have not been considered as an independent scientific problem. The aim of this study is to summarize and systematize Russian and foreign approaches to the definition of customer focus, and to establish its key components. Based on general logical research methods, we examine the approaches to the definition of the "customer focus". We reveal two main approaches to the understanding of customer focus: first, it is a set of tools for providing quality services to customers, second, it is a business philosophy that underlies all the business processes of an organization and is aimed at meeting the needs of customers. The main components of customer focus include: the ability to identify a target group, understanding and anticipating the needs of customers, offering customized products to customers with an emphasis on the emotional component, the focus on retaining rather than attracting customers, building individual communications and long-term relations with customers, assessing and monitoring customer satisfaction to achieve effectiveness. The results of this study provide the basis for solving applied and theoretical problems related to the formation and development of customer focus in the Russian science and practice.

Keywords: customer-focused approach to organization development, customer-focused tools, customer satisfaction

УДК 331.55

ГРАНИЦЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЫНОЧНЫХ ИНСТИТУТОВ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА МОБИЛЬНОСТИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ)

© 2016 г.

Е.Г. Зуева, Е.О. Сазонова

Оренбургский государственный университет

zuevaelena@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.03.2016
Статья принята к публикации 26.04.2016

Обозначены преимущества и противоречия рыночных институтов, связанные с ростом мобильности рабочей силы. Границы эффективности работы рыночных институтов определяет наличие таких противоречий, как рост социальной отчужденности, снижение лояльности работника к компании, рост издержек компании, связанный с высокими показателями текучести кадров. Географическая и социальная мобильность рабочей силы оказывает влияние на уровень естественной безработицы в стране. Цель исследования – определение влияния мобильности рабочей силы на эффективность рыночных институтов в сфере занятости. В качестве основных методов исследования использовались методы сравнительного анализа, аналогии, обобщения. В результате анализа теоретического и статистического материала предложен способ разграничения мобильности рабочей силы как фактора становления рыночных институтов в сфере занятости и мобильности как отражения экономической конъюнктуры.

Ключевые слова: мобильность трудовых ресурсов, текучесть кадров, модели найма, отчуждение.

Функционирование рынка труда связано с обращением особого товара – рабочей силы, которая неотделима от человека. В результате на рынке труда формируются не только экономические мотивы, но и социальные, морально-этические, нравственные стимулы. Воспроизводство рабочей силы происходит в условиях воспроизводства действующих институтов и идеологии. Таким образом, рынок труда является частью всей экономической системы с ее национальными особенностями. Для российского рынка труда, находящегося на этапе рыночной трансформации, характерна инертность институциональных изменений, что объясняется инертностью массового обыденного сознания. Такая инертность проявляется в диспропорциях в предложении рабочей силы по профессиональному, отраслевому и региональному признаку. Саморегулирование на рынке рабочей силы должно обеспечиваться за счет элементов рыночного механизма, и в частности мобильности рабочей силы [1]. Если территориальная (горизонтальная) мобильность рабочей силы позволяет устранить региональные диспропорции на рынке труда, то профессиональная (вертикальная) мобильность рабочей силы помогает решить проблемы со структурной безработицей, обеспечивая «перелив» трудовых ресурсов между видами экономической деятельности [2].

Инертность на российском рынке рабочей силы выражается в первую очередь в слабой территориальной мобильности рабочей силы. По данным экспертов Всемирного банка, за всю свою жизнь среднестатистический американец 13 раз меняет место жительства, англичанин – 7 раз, а гражданин РФ – только 2 раза [3]. Во время экономического кризиса только 11–13% безработных были готовы искать работу за пределами своего региона. Даже при предоставлении жилья и высокооплачиваемой работы доля желающих переехать в новые регионы не поднимается выше 24% [4].

Вертикальная мобильность и сам выбор будущей профессии осуществляются в условиях ограниченной рациональности. Так, абитуриенты зачастую выбирают профессии, которые считаются престижными по мнению их родителей.

Гипотеза исследования. Эволюция отечественного рынка труда должна пройти этап формирования институтов, обеспечивающих эффективное поведение не только со стороны нанимателей, но и со стороны наемных работников. В качестве индикатора развитости рыночных институтов в сфере занятости предлагается использовать вертикальную и горизонтальную мобильность рабочей силы. Отрицательные эффекты, связанные с усилением мобильности рабочей силы, могут быть связаны не с институциональными условиями, а с действием экзогенных факторов.

Важно разделить понятия «рыночные институты» и «институты рынка труда». Если к последним будут относиться все элементы институциональной среды, влияющие на интенсив-

ность движения рабочей силы (государственные программы по поддержке занятости, система страхования безработицы и т.д.), то к рыночным институтам целесообразно отнести лишь те нормы и механизмы, которые поддерживают конкуренцию, свободу перемещения рабочей силы, формирование гибких форм занятости и рыночные механизмы установления заработной платы [5]. При этом система экономических институтов включает в себя не только институты-организации, но и институты-нормы, куда относятся профессиональные мотивации, национальные традиции, обычаи. В нашей работе мы будем рассматривать мобильность рабочей силы как действующую на рынке труда норму.

В работах классиков мобильность рабочей силы рассматривается как обязательное условие эффективной работы рынка труда. Это означает, что наемный работник должен научиться адекватно оценивать свои трудовые характеристики и выбирать наиболее эффективные варианты приложения трудовых усилий. В России в различной степени для разных сегментов происходит формирование новой модели взаимодействия в сфере занятости, которая основывается на рыночных принципах эффективности использования ресурсов, конкурентности и мотивации, повышается ответственность за принятые решения, усиливается мобильность рабочей силы [6]. Мобильность рабочей силы, в свою очередь, означает готовность населения не только к переезду, но и к смене профессии, социального статуса.

В классической экономической модели предприниматель реализует цель максимизировать прибыль через повышение производительности каждой единицы ресурса. Наемный работник также стремится максимизировать собственную функцию полезности, которая в ее классическом варианте зависит от двух переменных: положительно от заработной платы и отрицательно от времени работы. То есть при заданной заработной плате работник старается минимизировать собственные усилия. Из этого следует, что на работе он реализует только набор профессиональных функций, определенных должностными инструкциями. Если соотношение заработной платы и трудовых усилий не соответствует притязаниям, сам сотрудник инициирует увольнение в поисках более выгодного рабочего места.

В работах Дж. Кейнса были обоснованы выводы об ограничениях рыночного саморегулирования в сфере занятости. Эффект, названный денежными иллюзиями наемных работников, выражается в том, что при изменении реальной заработной платы не происходит соответствующего сокращения предложения труда. В период после Второй мировой войны мобильность труда воспринималась как отрицательный процесс, приводящий к росту безработицы.

Исследования подтверждают, что на протяжении последних лет уровень естественной безработицы имеет тенденцию к росту. В дорыночных формах хозяйствования закрепление рабочей силы обеспечивало выживаемость социума при низком уровне производительности труда. В административно-командной системе низкая мобильность рабочей силы компенсировалась социальными гарантиями.

Развитие рыночных отношений в сфере занятости приводит к развитию противоречивых процессов и явлений, которые в широком смысле характерны для всей капиталистической системы. В частности, для капиталистической системы свойственно экономическое отчуждение.

Феномен отчуждения обычно связывается с развитием капитализма и углублением общественного разделения труда, когда результаты труда становятся оторванными от непосредственного производителя. Трудовая деятельность начинает выступать как чуждая и господствующая над человеком. Тем самым человек попадает в зависимость от обстоятельств, которые он сам создал. Трудовой процесс становится средством выживания. Большинство людей отчуждены от сфер деятельности, оказывающих непосредственное воздействие на общественное производство: политика, наука, искусство, профессиональное управление и другие, преимущественно духовные, поприща [7]. Гай Стэндинг в книге «Прекариат: новый опасный класс» анализирует не только проблемы социальной группы, не имеющей постоянной занятости, но и социальные угрозы, которые формируются с ее ростом: «Противоречия внутри прекариата настраивают людей друг против друга, не давая им осознать, что сама общественная и экономическая структура является причиной их невзгод» [8].

По данным переписи 2010 г., 51 млн чел. (36%) указали доход от трудовой деятельности в качестве единственного источника средств к существованию [3]. В таблице 1 представлена динамика индикаторов достойного труда, которые характеризуют не просто вынужденный характер работы, но и ее кабальный характер [9].

В нашем понимании социальное отчуждение воспринимается не только как господство институтов, определяющих деятельность человека, но и как нежелание самого человека интегрироваться в хозяйственную деятельность глубже, чем того требуют трудовые инструкции. Это отрицательно влияет на формирование устойчивой сети

Таблица 1

Доля занятых с низким уровнем заработной платы (ниже 2/3 медианы почасового заработка), %

	2009	2011	2013
Всего	29	28.8	28.1
Мужчины	19.5	19.6	21.4
Женщины	36.5	36.5	33.8
Работающие бедные, всего	10.4	13.1	7.8

Составлено авторами по данным [9].

взаимодействия внутри трудового коллектива, ограничивая эффективность компании.

Установлено, что индивид не принимает решения независимо от факторов институциональной среды и от связей с другими акторами. При этом каждая социальная практика выполняет четко определенную функцию в рамках конкретной экономической системы [10].

Институционалисты впервые заговорили об отрицательных аспектах роста мобильности рабочей силы в начале XX века (С. Шлихтер, П. Бриссенден, Э. Франкель). Ранние институционалисты подчеркивали ценность работников, занятых в фирме долгое время, и преимущества вертикальной мобильности перед горизонтальной.

Сгруппируем ограничения действия рыночных институтов в сфере занятости с институциональных оснований.

Во-первых, рыночный механизм терпит фиаско при наличии асимметрии информации. Заключение трудовых контрактов связано с проявлением двух типов оппортунизма [11]:

– неблагоприятный отбор (предконтрактный оппортунизм) – агент (работник), максимизируя свою полезность, совершает действия, снижающие полезность принципала, например, присваивая себе лучшие характеристики трудовых навыков, чем те, которыми обладает;

– моральный риск (постконтрактный оппортунизм) – после заключения сделки агент (работник) не имеет моральных ограничений за свои действия в рамках контрактных обязательств.

Во-вторых, рыночные институты плохо справляются с воспроизводством коллективных ценностей, формированием доброжелательных отношений между сотрудниками. В конечном счете, взаимодействие между людьми в рабочем коллективе претерпевает институциональные изменения, связанные с трансформацией института доверия и нарастанием социального отчуждения.

Несмотря на негативные тенденции, связанные с развитием рыночных институтов в сфере занятости и ростом мобильности рабочей силы, именно ориентация на эффективное приложение своих профессиональных способностей обеспечивает развитие всей экономической системы. «Если бы марксисты уделяли необходимое внимание человеческой инициативе, изобретательности и навыкам адаптации, высвобожденным благодаря беспрепятственному перемещению рабочей силы, они не были бы так уверены во внутреннем загнивании «деловой цивилизации», – утверждал Э. Бакк [10].

Границу эффективной мобильности рабочей силы можно объяснить через адаптивные истории, которые звучат примерно так: молодые работники примериваются к рынку труда, пробуя себя на разных рабочих местах, чтобы лучше узнать этот рынок и собственные возможности [10]. Высокий уровень мобильности допустим только на уровне «примеривания к рынку», а если мобильность сохраняется и после этой стадии, то это воспринимается как негативная тенденция, означающая недостаточное инвестирование в специфический капитал.

Рост мобильности рабочей силы на уровне предприятия проявляется в росте текучести персонала. Считается, что нестабильность кадрового состава отрицательно влияет и на эффективность работы компании: неслаженный коллектив, большие затраты на обучение, растущие издержки взаимодействия в несработанном коллективе. В коллективе, где низкая текучесть кадров, формируются социальные связи, которые образуют сети взаимодействия. Замена одного сотрудника новым обходится компании в среднем в его 12–18-месячную зарплату. Чем сложнее работа, тем выше эти расходы.

Следует различать увольнение высокопроизводительных работников и увольнение неэффективных сотрудников, чьи навыки устарели. Поэтому сведение текучести кадров до минимума не является однозначно самой выигрышной стратегией для компании. При низкой текучести компания зачастую сталкивается с ростом издержек, поскольку в большинстве организаций премии и выплаты работникам варьируются в зависимости от стажа работы сотрудников.

Текучесть кадров для российского рынка труда можно оценить по значению численности выбывших работников списочного состава в процентах к списочной численности работников по видам экономической деятельности (для ЦФО), представленной на рисунке 1 [9].

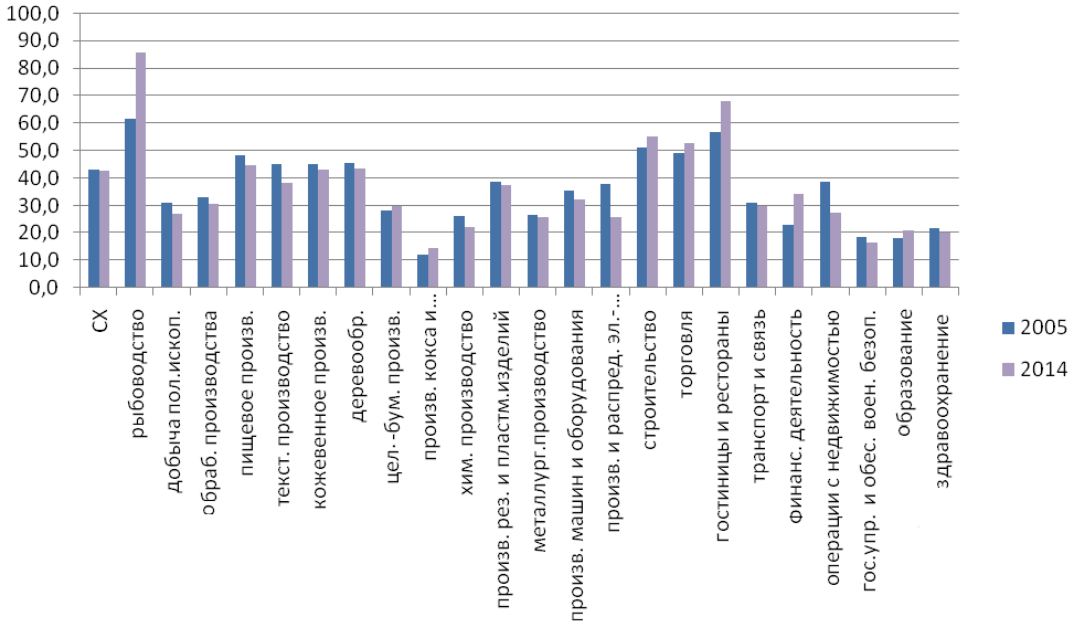


Рис. 1. Численности выбывших работников списочного состава в процентах к списочной численности работников по видам экономической деятельности (для ЦФО) (составлено авторами по данным [9])

Для сравнения: в США темпы текучести для всех отраслей промышленности (2001–2006 гг.) в среднем 39.6%, а по сектору «Гостиницы и рестораны» среднегодовой темп составил 74.6% [12]. Значения показателей текучести персонала несколько ниже аналогичных показателей в США, но в такой формулировке это не вызывает опасений.

В России проживает около 11 млн мигрантов (большую часть которых составляют трудовые мигранты). По количеству мигрантов, проживающих в стране, Россия уступает только США (45.8 млн чел.) [13]. Несмотря на привлечение иностранных мигрантов, потребность в рабочей силе для российского рынка труда растет, особенно остро нехватка рабочей силы характерна для горных, строительно-монтажных, ремонтно-строительных работ, а также в агропроизводстве, лесном и охотничьем хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве. Вместе с тем регионы нуждаются и в неквалифицированной рабочей силе (порядка 366 тыс. чел.) [4]. Из-за низкой психологической готовности к переезду возникают сложности с удовлетворением потребностей в рабочей силе за счет внутренней миграции.

Между показателями мобильности и текучести существуют различия. Мобильность рабочей силы – это характеристика самой рабочей силы, а текучесть кадров – показатель для конкретного предприятия. Если текучесть персонала воспринимается как негативное явление, то мобильность рабочей силы выступает необходимым условием развития рынка труда наряду с ростом предпринимательской активности. Чем совершеннее конкуренция, тем мобильнее ресурсы, активнее «перелив» человеческого капитала как внутри отрасли, так и между отраслями. Чем более развиты рыночные институты, тем меньше социальных, культурных и психологических барьеров перед человеком, решившимся на смену места работы или сферы занятости. Если мобильность рабочей силы оказывается слишком низкой, то рынок труда не сможет гибко реагировать на изменения хозяйственной жизни.

Традиционная японская модель с пожизненной системой найма в последнее время претерпевает изменения. После краха экономики «мыльного пузыря» японские компании были вынуждены прибегнуть к сокращению кадровых расходов. Это привело к сокращению доли штатных сотрудников из-за высокой оплаты их труда и невозможности гибкого регулирования срока службы и повышению доли внештатных временных работников из аутсорсинговых компаний [14]. Доля штатных сотрудников сократилась с 80% в 1987 г. до 61.8% в 2012 году. При этом, одновременно с развитием гибких форм занятости, начиная с 2010 года фиксируется устойчивая тенденция к сокращению безработицы. Это наводит на мысль, что текучесть персонала и мобильность рабочей силы характеризуют разные социально-экономические процессы.

Для японской модели в первую очередь характерна внутрифирменная мобильность рабочей силы, представленная в форме карьерного роста.

Таблица 2

Средняя текучесть кадров по видам деятельности, %

	Весь персонал	Руководители	Специалисты
Производственные компании	16.0	6.4	13.4
Компании оптовой торговли	10.3	6.7	8.1
Компании розничной торговли	59.2	20.0	29.1

Так, работающие в течение длительного времени внештатные сотрудники в будущем могут рассчитывать на зачисление в штат компании [14].

Говоря о различии западной и восточной системы найма персонала, А. Морита приводит следующую метафору: на Западе люди относятся к найму сотрудников как к кирпичной стене. Допустим, в кирпичной стене есть прямоугольное отверстие в виде кирпича. Они ищут идеально подходящего человека, в виде этого кирпича, и вставляют в эту стену. А японскую модель он сравнивает с каменщиком, который берёт каждый уникальный по-своему камень и ищет ему место в стене, пока не найдёт. Отсюда проистекает столь высокая лояльность к своей компании среди работников. Для западной модели свойственна независимость сотрудника от компании, акцент делается на достижение собственных, а не корпоративных целей [15].

Снижение лояльности к компании приводит к росту текучести кадров, которая отражается на росте издержек компании. Фирме будет выгодно инвестировать средства в квалификацию работника лишь при наличии гарантий долгосрочных отношений, обеспечивающих окупаемость инвестиций. Преимущества восточной модели найма выражаются в лучших условиях для накопления опыта в трудовом коллективе, преемственности, научном заделе, слаженности работы. В долгосрочном периоде такая организация работы приносит выгоды для всех участников коллектива.

Рост мобильности рабочей силы в последнее время усиливается, с одной стороны, благодаря инновациям в области мобильных технологий, с другой – благодаря возможности использования гибких альтернативных форм занятости: заемный труд, фриланс, телеработа. В отношении таких форм занятости риск в контракте о найме между принципалом и агентом перераспределяется, и наемный работник соглашается принимать часть риска на себя. Для работника это выражается в нестабильном характере поступления заработка [16].

Показатели текучести персонала во всем мире постоянно растут: согласно глобальным прогнозам, к 2018 г. текучесть вырастет до 23–24%. При этом значение данного показателя варьируется в зависимости от сектора экономики и квалификации (табл. 2) [17].

В постиндустриальной экономике трудовой процесс мотивируется не через необходимость выживания, а как осознанная творческая деятельность. Экономическое отчуждение сглаживается, поскольку творческий труд связан с результатами своей деятельности. Мобильность рабочей силы в отношении человеческого капитала стимулирует совершенствование своих профессиональных качеств, является фактором накопления человеческого капитала [18]. В этом случае чаще реализуется вертикальная мобильность рабочей силы и профессиональный рост внутри одной организации. Мобильность рабочей силы выражает психологическую готовность работника к смене профессии или места работы, для чего человек должен научиться принимать решения, сопоставляя выгоды и издержки по критерию эффективности, правильно оценивать собственный уровень трудовых навыков и квалификации.

Факторами, ограничивающими эффективность действия рыночных институтов, могут быть экзогенные факторы, например влияние экономической конъюнктуры. Для того чтобы оценить динамику мобильности рабочей силы, необходимо исключить действие этих факторов. Предположим, что в условиях экономического спада одновременно с ростом мобильности рабочей силы будет увеличиваться количество трудовых споров о восстановлении на работе. Изменения в мобильности рабочей силы, отражающие изменения в трудовых традициях, не будут сопровождаться ростом трудовых конфликтов.

Результаты исследования. На рисунке 2 совмещена динамика количества трудовых споров о восстановлении на работе и показатель, отражающий отношение выбывших работников к списочной численности работников [19]. Пики текучести персонала на уровне 2008 и 2013 годов сопровождаются ростом конфликтных ситуаций. Общая динамика количества трудовых конфликтов нисходящая, в то время как мобильность рабочей силы, которую мы косвенно оцениваем по отношению выбывших работников к списочной численности работников, изменяется незначительно. На рисунке отражены периоды возрастания мобильности рабочей силы при одновременном сокращении количества трудовых споров.

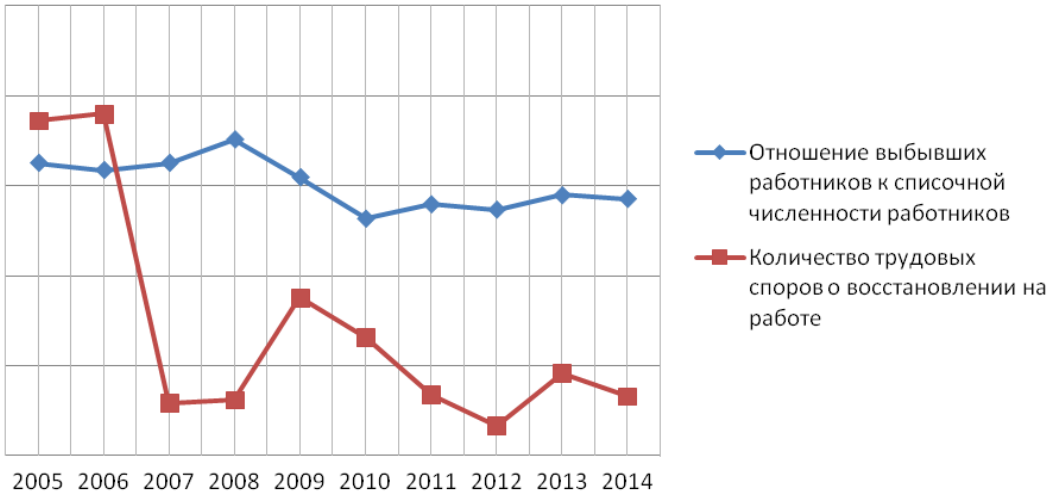


Рис. 2. Сопоставление динамики выбывших работников и трудовых споров о восстановлении на работе (составлено авторами по данным [19])

Для более детального анализа институциональных изменений на рынке труда по критерию мобильности рабочей силы требуется расширить горизонт исследования, исключить статистические погрешности, возможные изменения в законодательстве о трудовых спорах.

Выводы

Рост мобильности рабочей силы как фактор становления институтов рынка в сфере занятости необходимо отличать от мобильности как проявления экономического спада. Мобильность рабочей силы настолько же важна для движения и накопления человеческого капитала, как деловая активность предпринимателей для движения капитала.

При формировании работающих рыночных институтов в сфере занятости возможно накопление человеческого капитала, для которого будут, по всей вероятности, приоритетны элементы вертикальной и внутрифирменной мобильности рабочей силы, опирающиеся на профессиональный рост и самосовершенствование. Однако для перехода к этой системе необходимо, чтобы мотивы трудовой деятельности формировались осознанно на уровне наемного работника.

Список литературы

1. Зуева Е.Г. Нормативная и реальная модели российского рынка труда // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 2. С. 129–134.

2. Маскаева А.И., Амирова Д.Р. Экономика и социология труда. М.: ИНФРА-М, 2013. 172 с.

3. Подольная Н.Н. Межрегиональная трудовая миграция как средство реализации трудовой функции домашних хозяйств региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 3 (378). С. 58–66.

4. Курцер М. Парадоксально, что на фоне огромного количества внешних мигрантов внутренняя миграционная подвижность россиян остается очень низкой / Беседовал Валерий Осипов // Человек и труд. 2013. № 9. С. 4–12.

5. Агабекян Р.Л., Баяндурян Г.Л. Институциональная экономика: бизнес и занятость: Учеб. пособие. М.: Магистр, 2008. 462 с.

6. Наровлянская Т.Н., Щепачева Н.П., Гамзаева Е.А. Мотивация труда в механизме предложения на российском рынке рабочей силы: Монография / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования Оренбург. гос. ун-т. Оренбург: НикОс, 2011. 106 с.

7. Булганина С.Н. Субъект хозяйственной деятельности в контексте предмета и проблематики экономической теории // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2002. № 3. С. 44.

8. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

9. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 12.01.2016).

10. Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаева; пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 680 с.

11. Зуева Е.Г., Федорова О.И. Институциональный анализ рынка труда // Формирование рыночного хозяйства: теория и практика: Сборник научных статей. Оренбург, 2012. С. 119–121.

12. Министерство труда США, Бюро трудовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://data.bls.gov/cgi-bin/surveymos (дата обращения: 12.01.2016).

13. Гуртов В., Парикова Н. Зарубежная трудовая миграция и ее роль на рынке труда Москвы = Foreign labor migration and its role in the staffing needs of Moscow labour market // Общество и экономика. 2014. № 2/3. С. 248–264.

14. Юдзи Г. Серьёзные перемены на рынке труда в Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.nippon.com/ru/currents/d00151/ (дата обращения: 4.03.2016).

15. Морита А. Сделано в Японии: Пер. с яп. М.: Знание, 1991. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. 5. Экономика).

16. Иванова Н.А., Зуева Е.Г. Непостоянная занятость на российском рынке труда // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. №13 (149). С. 159–164.

17. Авшалумова Р. Бегом от руководителя // Ведомости 25.06.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/06/25/begom-ot-rukovoditelya (дата обращения: 12.01.2016).

18. Моргунов В.П. Особенности и факторы развития человеческого капитала в экономике, основанной на знаниях // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. № 4. С. 100–104.

19. Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 29.03.2016).

LABOUR MOBILITY AS AN INDICATOR OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF THE LABOUR MARKET

E.G. Zueva, E.O. Sazonova

Orenburg State University

The article examines some trends in institutional transformations in the labour market. The mobility of labour is considered as a criterion for evaluating the development of market institutions. On the background of global trends, the labour mobility on the Russian labor market is characterized as low. The reason for the low mobility of the labour force is seen by the authors in the insufficient development of market institutions in the area of employment. We have revealed a number of contradictions in the development of market institutions, including the contradictions caused by the increasing mobility of the workforce, in particular: an increase in social exclusion, reduced employee loyalty to the company, increased costs associated with high turnover rates.

Keywords: labour mobility, labour turnover, recruitment models, alienation.

УДК 336.764/.768

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДОВ В РАСШИРЕННОЙ МОДЕЛИ СОВМЕСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

© 2016 г.

В.В. Калинин, Ю.В. Трифонов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

vvkalinin07bi@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.03.2016
Статья принята к публикации 21.04.2016

Строятся оптимальные стратегии поведения инвестиционных фондов при определенных ограничениях и предпочтениях, накладываемых как на инвесторов, так и на фонды. Инвесторы могут образовывать коалиции, в рамках которых их инвестиционные возможности зависят от поведения других участников. Анализируются различные ситуации запрета инвестиций, и решается задача распределения капитала. С помощью динамического программирования и уравнения Беллмана определяются инвесторы, которые не могут конкурировать с другими, не вступив в коалицию по причине либо завышенных предпочтений (ожиданий), которые не выгодны для улучшения фонда, либо нехватки капитала для конкуренции с другими игроками. Делается вывод о ступенчатом характере зависимости привлеченных средств от вложений в улучшение характеристик фонда.

Ключевые слова: стратегии инвестирования, инвестиционные фонды, совместные инвестиции, кооперативные инвестиционные игровые модели.

Введение

Из множества решений, которые принимает фирма, ни одно не оказывает такого большого влияния на ее настоящее и будущее, как решение инвестировать капитал в тот или иной проект (фонд). Такие инвестиционные решения определяют будущий курс компании, а в дальнейшем и ее рыночную стоимость. Поэтому не удивительно, что компании уделяют значительное внимание данному вопросу.

Проблема принятия рациональных и оптимальных инвестиционных решений рассматривалась многими отечественными и зарубежными учеными [1–14]. В большинстве случаев инвесторы рассматриваются как индивидуальные агенты, которые не имеют никаких предпочтений и характеристик. Инвестиционные возможности агента чаще всего не зависели от параметров фонда и предпочтений игрока. В данной статье проводится анализ расширенной модели совместных инвестиций, в которой инвестиционные возможности агента зависят от атрибутов инвестора и фонда.

Авторы [1] ввели новый класс кооперативных ситуаций, называемый моделью совместных инвестиций (multiple fund investment (MFI) situations). Они определяют три кооперативные игры в форме характеристической функции. Эти игры основаны на трех предположениях о коалиционном возврате от совместных инвестиций. Одним из наиболее важных результатов является решение, найденное в ситуации MFI.

Модель совместных инвестиций напоминает транспортную ситуацию, введённую Sánchez-Soriano (2001) [2]. Транспортную задачу можно рассматривать как инвестиционную модель с параметрами, в которой фонды контролируются игроками.

В модели совместных инвестиций рассматриваются ситуации, в которых инвесторы вкладывают свой капитал в один или несколько фондов. Инвесторы будут сталкиваться с некоторыми ограничениями. Инвестиционные возможности игрока зависят от поведения других участников. Также может отличаться выгода, полученная инвесторами.

Модель MFI и ее расширение

Ситуация multiple fund investment (MFI) – это набор (N, M, e, A, d), где $N = \{1,...,n\}$ – множество игроков, $M = \{1,...,m\}$ – множество доступных фондов, $e \in R_+^M$ – вектор ограничений на фонды. Элемент e_j вектора e означает максимальное количество капитала, которое можно инвестировать в фонд $j \in M$. Матрица возврата $A \in R_+^{N \times M}$, где A_{ij} означает доходность игрока i, который инвестировал свой капитал в фонд j. Вектор отдельного инвестиционного капитала $d \in R_+^N$ (количество денег, которое инвестор готов вложить в фонды). Предполагается, что $\sum_{j \in M} e_j < \sum_{i \in N} d_i$ [2].

В данной работе рассматривается расширение модели MFI $(N, M, e, A, d) \to$ $\to (N, M, e, A, d, H, P)$, где $H = \begin{bmatrix} 1.1 & \dots & 1.m \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ l.1 & \dots & l.m \end{bmatrix}$ – матрица параметров для существующих m фондов, $P = \begin{bmatrix} 1.1 & \dots & 1.n \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ l.1 & \dots & l.n \end{bmatrix}$ – матрица предпочтений для n игроков. Параметры фондов и предпочтения игроков определяются из определенного интервала $\forall i, j \in R_+$, $p_{ij} \in [0,1]$ и $h_{ij} \in [0,1]$.

Чтобы обозначить игру MFI, необходимо определить, каким образом будет считаться максимальный доход, который может получить коалиция $S \subset N, S \neq \varnothing$. Прямой доход $DR(S)$ коалиции S определяется как

$$DR(S) = \max_{x \in R^{S \times M}} \sum_{j \in M} \sum_{i \in S} A_{ij} X_{ij},$$

так что $\sum_{j \in M} X_{ij} \le d_i$ для всех $i \in S$, $\sum_{i \in S} X_{ij} \le e_j$ для всех $j \in M$, $X_{ij} \ge 0$ для всех $i \in S$, $j \in M$, $p_{k,i} \le h_{k,j}$ для всех $k = \overline{1, i}$.

Для коалиции $S = \varnothing$ доход определяется как $DR(\varnothing) = 0$. Введением фиктивного игрока или фонда неравенства ограничений приводятся к равенствам, таким образом, решение сводится к сбалансированной транспортной задаче.

Исходя из ограничений фонда $e_j \in R_+^M$ игроки в коалиции S строят оптимальный план $X^S \in R^{S \times M}$, согласно которому они будут стремиться максимизировать свой общий доход [3]. Совокупность всех возможных планов определяется как

$$FP(S) = \{X^S \in R^{S \times M} \mid \forall_{i \in M} X_{ij}^S \le d_i,$$
$$\forall_{j \in M} : \sum_{i \in S} X_{ij}^S \le e_i\}.$$

Для плана $X \in R^{S \times M}$ соответствующие доходы состоят из вектора прямых выигрышей $O(S) \in R^S$, где $O_i(X) = \sum_{j \in M} A_{ij} X_{ij}$ для всех $i \in N$. Набор всех оптимально выполненных планов X^S обозначается $OP(S)$:

$$OP(S) = \{X^S \in FP(S) \mid \sum_{i \in S} O_i(X) = DR(S)\} \text{ [4].}$$

Как только члены коалиции S выбрали план X^S, который они будут использовать, коалиция вкладывает деньги, следовательно, ограничения e для оставшихся игроков ухудшаются. В результате ограничение $e(X^S)$ меняется следующим образом

$$e_j(X^S) = e_j - \sum_{i \in S} X_{ij}^S \text{ для всех } j \in M.$$

Используя данные обозначения, введем три трансферабельные полезности (TU), которые будут соответствовать ситуации MFI. Обозначим три TU игры v^1, v^2 и v^3 [5]. Одной из основных черт является то, что игроки, не входящие в коалицию, могут вкладывать свой капитал первыми, а затем члены коалиции S пытаются оптимально вложить свои средства. Разница между играми заключается в том, как игроки, не вошедшие в коалиции, будут вести себя на первом этапе. Рассмотрим первый сценарий v^1 для ситуации MFI (N, M, e, A, d):

$$v^1(S) = \min\{DR(S, e(X^{N \setminus S})) \mid$$
$$X^{N \setminus S} \in FP(N \setminus S)\}, \forall S \subset N.$$

Дадим небольшое пояснение данной формулировке. Игрок, не входящий в коалицию, старается сделать ход так, чтобы доход для коалиции S был минимален. Это пессимистичный подход является стандартным для практики кооперативных игр. При таком подходе нужно отметить, что игроки $N \setminus S$ не пытаются максимизировать свой выигрыш – они пытаются препятствовать коалиции S.

Для второго сценария снова возьмем пессимистичный подход, но с предположением, что игроки $N \setminus S$ будут пытаться максимизировать свою собственную выгоду (в данной ситуации предполагается, что игроки действуют рационально). Они выбирают инвестиционные планы в $OP(N \setminus S)$:

$$v^2(S) = \min\{DR(S, e(X^{N \setminus S})) \mid$$
$$X^{N \setminus S} \in OP(N \setminus S)\}, \forall S \subset N.$$

В третьем сценарии игроки, не входящие в коалицию, также могут выбирать оптимальный план, который принесет им доход $DR(N \setminus S)$. Далее делается предположение о том, что члены коалиции могут убедить игроков $N \setminus S$ изменить инвестиционный план. Конечно, члены в коалиции стремятся убедить игроков так, чтобы вместе они получили доход $DR(N)$. Чистый доход для коалиции в таком случае равен

$$v^3(S) = DR(N) - DR(N \setminus S),$$

где v^3 является чистым доходом для игры, в которой назначается $DR(S)$ для каждой коалиции $S \subset N$.

Ввиду того, что в модель введены матрицы предпочтений игроков и ограничений на фонды, возникают два различных случая, подлежащих рассмотрению.

Запрет инвестиций

Предполагается, что игрок или коалиция не будут вкладывать деньги в фонд, если его предпочтения не соответствуют характеристикам фондов $p_{k,i} \le h_{k,j}$ для всех $k = \overline{1,i}$.

Для определения поведения игрока вводим характеристическую функцию y_{ij}:

$$y_{ij} = \begin{cases} 1, & p_{k,i} \le h_{k,j}, k = \overline{1,i}, \\ 0, & \text{все остальные случаи.} \end{cases}$$

Матрица A трансформируется в матрицу $\widetilde{A}$, которая отражает введенные матрицы ограничений $\widetilde{A} = (A_{ij} y_{ij})$. Доход для коалиции составит

$$DR(S) = \max_{x \in R^{S \times M}} \sum_{j \in M} \sum_{i \in S} \widetilde{A}_{ij} X_{ij}.$$

Значения $v(S)$, TU игры, тогда выглядят следующим образом:

$$v^1(S) = \min\{DR(S, e(X^{N \setminus S})) \mid$$
$$X^{N \setminus S} \in FP(N \setminus S) \wedge p_{k,i} \le h_{k,j}\}, \forall S \subset N;$$
$$v^2(S) = \min\{DR(S, e(X^{N \setminus S})) \mid$$
$$X^{N \setminus S} \in OP(N \setminus S) \wedge p_{k,i} \le h_{k,i}\}, \forall S \subset N;$$
$$v^3(S) = DR(N) - DR(N \setminus S)$$

при условии, что выполнено $p_{k,i} \le h_{k,j}$.

Из всего вышесказанного следует, что может возникнуть ситуация, когда ни один игрок не будет вкладывать деньги в фонды из-за того, что их предпочтения не соответствуют характеристикам фондов. Для решения подобной проблемы модель с запретом инвестиций можно рассматривать с обратной стороны. Предположим, что фонды являются игроками, у которых существует бюджет $b \in R_+^M$ на улучшения своих характеристик H. После первого хода определяется, как инвесторы распределили свой капитал, фонды определяют, каким образом можно улучшить свои характеристики, чтобы получить максимальный доход. В результате возникает задача распределения ресурсов. Введем коэффициент k, который будет показывать, на сколько единица капитала увеличивает значение характеристики h_{ij}. В качестве суммарной эффективности возьмем функцию прибыли

$$DR(j) = \max_{x \in R^N} \sum_{i \in N} \widetilde{A}_{ij} X_{ij}, \; j = \overline{1,m};$$

при условии, что

$$y(r) = \begin{cases} 1, & h_{k,j} + r_{k,j} \ge p_{k,i}, k = \overline{1,i}, \\ 0, & \text{все остальные случаи,} \end{cases}$$

где r – количество ресурсов, выделенных на улучшение параметра h; $r_{1j} + r_{2j} + ... + r_{ij} = b_j$, $r_{1j}, r_{2j}, ..., r_{ij} \ge 0$, $r_{1j}, r_{2j}, ..., r_{ij}$ – целые. В конечном итоге приходим к задаче динамического программирования.

Для решения полученной задачи применим уравнение Беллмана

$$Z_k(s_{k-1}) = \max_{r_k} \{F_k(s_{k-1}, r_k) + Z_{k+1}(s_k)\} =$$
$$= \max_{0 \le r_k \le s_{k-1}} \{f_k(r_k) + Z_{k+1}(s_{k-1} - r_k)\},$$

где $Z_{n+1}(s_i) = 0$ [6].

Утверждение 1

MFI-ситуация – (N, M, e, A, d, H, P). Тогда для трех сценариев мы имеем $v^1(N) = v^2(N) = v^3(N) = DR(N, e)$ и $v^1 \le v^2 \le v^3$.

Необходимо отметить, что когда $|M| = 1$ и $A_{i1} = 1$ для всех $i \in N$, получается ситуация банкротства [7]. В таком случае все три сценария MFI соответствуют банкротству, что определяется как $v_{e_1}(S) = \max\{e_1 - \sum_{i \in N \setminus S} d_i, 0\}$ для всех $S \subset N$.

Свойства игры MFI

После определения трех сценариев для ситуации MFI необходимо определить свойства для каждого сценария. Необходимо проверить выпуклость и сбалансированность.

Теорема 1

(N, M, e, A, d, H, P) является ситуацией MFI. Тогда соответствующий сценарий v^3 является выпуклым [8].

Выпуклость v^3 показывает, что прямые доходы вогнуты для множества игроков. Таким образом, чем меньше в коалиции игроков, тем большую прибыль получает эта коалиция. С другой стороны, прямые доходы, выпуклые на ограничениях фондов, и, соответственно, коалиции, состоящие из большого количества игроков, смогут получить большую выгоду, если в игре будут высокие ограничения на фонды.

Теорема 2

(N, M, e, A, d, H, P) является ситуацией MFI. Тогда для всех $e' \in R^M$ таких, что $e' \ge e$, получаем

$$DR(N, e') - DR(T, e) \ge DR(S, e') - DR(S, e),$$

для всех $S \subset T \subset N$, $S \ne \varnothing$ [6].

Из выпуклости v^3 и утверждения 1 следует, что все три сценария сбалансированы, следовательно, их ядра не пусты, ядро игры (N, v) определяется следующим образом:

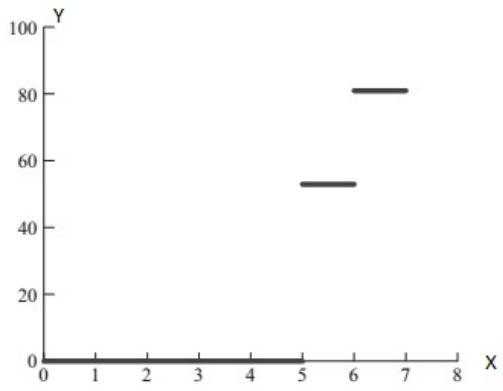


Рис. 1. Первый фонд, зависимость доли привлечения инвесторов от капитала

Таблица 1

Матрица прибыли для примера 1

6	1	11	
9	2	20	23
1	7	7	19
18	10	6	3
4	3	2	3

$$C(v) = \{x \in R^N \mid \sum_{i \in N} x_i = v(N), \forall_{S \subset N} : \sum_{i \in S} x_i \geq v(S)\}.$$

Сценарии v^1 и v^2 не должны быть выпуклыми. Однако v^1 полностью сбалансирован, для каждого $S \subset N$, $S \neq \varnothing$, подигра (S, v_S^1), определенная как $v_S^1(T) = v^1(T)$ для всех $T \subset S$, сбалансирована.

Решение задачи распределения капитала

Применив генератор моделирования игровых ситуаций, мы получаем ряд примеров для анализа. Применим уже описанный метод решения задачи запрета инвестиций с помощью функции Беллмана.

Пример 1

Ситуация MFI представлена в виде табл. 1, где $N = \{1, 2, 3, 4\}$, $M = \{1, 2, 3\}$, $e = (6, 1, 11)$,

$$A = \begin{bmatrix} 9 & 2 & 20 \\ 1 & 7 & 7 \\ 18 & 10 & 6 \\ 4 & 3 & 2 \end{bmatrix} \text{ и } d = (23, 19, 3, 3).$$

Матрицы ограничений представлены следующим образом:

$$H = \begin{bmatrix} 0.18 & 0.13 & 0.07 \\ 0.59 & 0.21 & 0.24 \\ 0.29 & 0.89 & 0.05 \end{bmatrix};$$

$$P = \begin{bmatrix} 0.52 & 0.2 & 0.46 & 0.74 \\ 0.33 & 0.9 & 0.91 & 0.73 \\ 0.17 & 0.67 & 0.1 & 0.56 \end{bmatrix}.$$

Вектор капитала на улучшение параметров $b = \begin{bmatrix} 8 \\ 10 \\ 6 \end{bmatrix}$.

Предположим, что каждая единица капитала увеличивает значение характеристики фонда на 0.1, т. е. введем некий коэффициент улучшения $k = 0.1$. Во всех примерах будем считать это по умолчанию.

Для фондов построим графики зависимости доли (ось *Y*) от показателя капитала (ось *X*). Применив функцию Беллмана, получаем следующие результаты.

Для первого фонда график будет выглядеть следующим образом (рис. 1).

В данной ситуации для первого фонда привлекателен третий инвестор, пока фонд не вложит капитала 5 или больше, доля не растет, после улучшения первой и второй характеристики третий игрок начинает вкладывать все свои деньги в первый фонд. Далее можно увеличить еще раз первую характеристику, и тогда первый игрок вложит оставшуюся сумму. Дальнейшее увеличение не имеет смысла, поскольку ограничение фонда будет исчерпано.

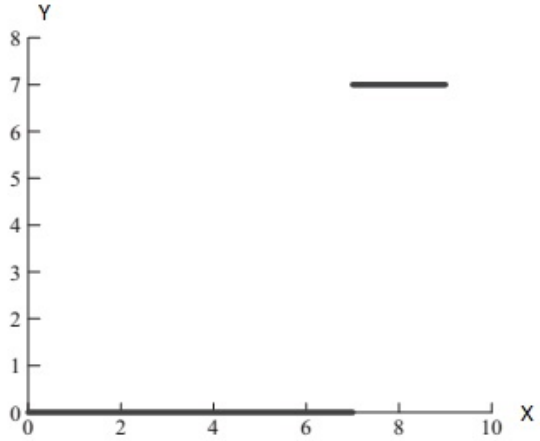


Рис. 2. Второй фонд, зависимость доли привлечения инвесторов от капитала

Таблица 2

Матрица прибыли для примера 2

2	3	4	4	7	
9	4	1	16	14	10
14	6	14	14	15	7
16	16	9	3	11	8
9	10	10	3	3	27
14	16	13	2	13	22
3	8	2	1	3	17
19	6	7	9	3	6

График для второго фонда приведен на рис. 2.

Несмотря на то, что у второго фонда самый большой капитал, у него нет достаточно большого количества вложений из-за существующего ограничения. Для фонда интересны игроки 2 и 3, но улучшить показатели для игрока 3 у фонда не хватает капитала, следовательно, характеристики будут улучшены только для игрока 2.

У третьего фонда очень слабые показатели характеристик и самый маленький капитал, которого не хватает на улучшения этих характеристик, соответственно доля увеличения всегда будет равна 0. Также стоит отметить, что по оптимальному плану игрок 3 не вкладывается ни в один фонд, следовательно, ему ничего не остаётся, кроме как вступить в коалицию.

Пример 2

Ситуация MFI представлена в следующем виде

где $N = \{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7\}$, $M = \{1, 2, 3, 4, 5\}$,

$$e = (2, 3, 4, 4, 7), \quad A = \begin{bmatrix} 9 & 4 & 1 & 16 & 14 \\ 14 & 6 & 14 & 14 & 15 \\ 16 & 16 & 9 & 3 & 11 \\ 9 & 10 & 10 & 3 & 3 \\ 14 & 16 & 13 & 2 & 13 \\ 3 & 8 & 2 & 1 & 3 \\ 19 & 6 & 7 & 9 & 3 \end{bmatrix} \quad \text{и}$$

$d = (10, 7, 8, 27, 22, 17, 6)$.

Матрицы ограничений представлены следующим образом:

$$H = \begin{bmatrix} 0.48 & 0.1 & 0.53 & 0.1 & 0.29 \\ 0.15 & 0.29 & 0.09 & 0.11 & 0.6 \\ 0.78 & 0.23 & 0.4 & 0.78 & 0.96 \end{bmatrix};$$

$$P = \begin{bmatrix} 0.58 & 0.73 & 0.08 & 0.68 & 0.36 & 0.77 & 0.55 \\ 0.74 & 0.97 & 0.36 & 0.59 & 0.2 & 0.2 & 0.22 \\ 0.23 & 0.86 & 0.36 & 0.78 & 0.08 & 0.38 & 0.64 \end{bmatrix}.$$

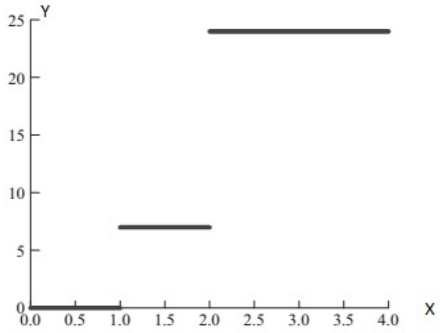


Рис. 3. Первый фонд, зависимость доли привлечения инвесторов от капитала

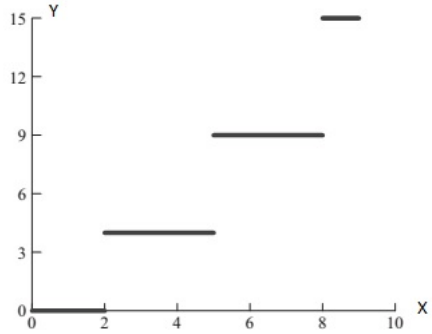


Рис. 4. Третий фонд, зависимость доли привлечения инвесторов от капитала

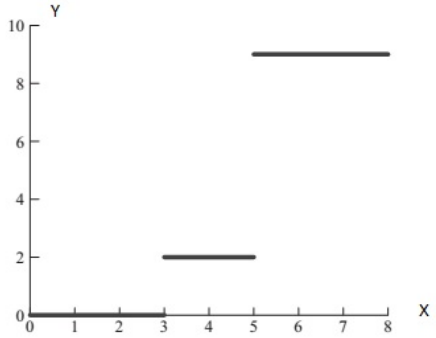


Рис. 5. Четвертый фонд, зависимость доли привлечения инвесторов от капитала

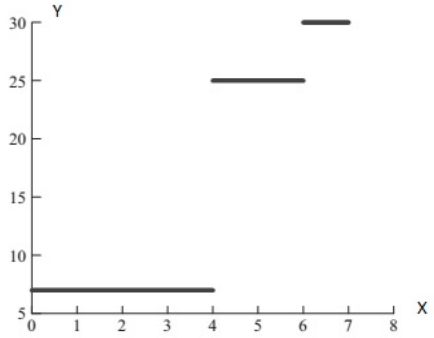


Рис. 6. Пятый фонд, зависимость доли привлечения инвесторов от капитала

Вектор капитала на улучшение параметров $b = \begin{bmatrix} 3 \\ 1 \\ 10 \\ 8 \\ 6 \end{bmatrix}$.

График для первого фонда представлен на рис. 3.

У данного фонда есть два варианта: увеличить вторую характеристику для вложений третьего игрока или же увеличить первую и вторую характеристики для седьмого игрока, который выглядит для него более привлекательным, поскольку выгоды с него игрок получит больше.

Второму фонду не хватает капитала для улучшения параметров, которые соответствовали бы ожиданиям игроков. Фонду необходимо объединяться в коалицию.

График для третьего фонда – рис. 4.

Данный фонд обладает очень высокими денежными возможностями, поэтому он сможет увеличить характеристики для всех игроков, кроме второго и четвертого. Фонду наиболее привлекателен второй и пятый игрок, следовательно, вложение сделает только пятый игрок.

График для четвертого фонда представляет рис. 5.

Фонд может улучшить характеристики только для третьего, пятого и седьмого игроков. Поскольку седьмой игрок будет вкладывать в первый фонд, то наиболее привлекательным будет третий игрок.

График для пятого фонда – рис. 6.

Этот график интересен тем, что даже без первоначальных вложений параметры фонда соответствуют предпочтениям третьего игрока. Помимо всего прочего у фонда хватает средств, чтобы улучшить свои характеристики, которые соответствовали бы любому игроку, кроме второго. Однако фонду наиболее выгодно, чтобы в него вложил первый игрок. В результате получаем, что вложения сделают только первый, третий, пятый и седьмой игроки, у остальных либо завышены ожидания от фондов, либо они будут просто менее привлекательны для них. Вариант дальнейшего действия – только объединение в коалиции.

Заключение

Результатом работы является построение расширенной модели совместных инвестиций. Выводится обратная ситуация модели совместных инвестиций, связанная с запретом инвестиций. В работе рассмотрены оптимальные стратегии поведения фондов для привлечения инвестиций при известных предпочтениях инвесторов. Можно отметить ступенчатый характер зависимости привлеченных средств от вложений в улучшение характеристик фонда. После анализа оптимальных стратегий вложений фондов в улучшения своих характеристик выделяются инвесторы, которые не могут конкурировать с другими, не вступив в коалицию, поскольку у них либо завышенные предпочтения, которые не выгодны для улучшения фондам, либо не хватает капитала для конкуренции с другими игроками.

Список литературы

1. Wintein S., Borm P., Hendrickx R., Quant M. Multiple fund investment situation and related games // Mathematical Methods of Operations Research. 2006. V. 63. P. 413–426.

2. Wintein S. Multiple fund investment: a game theoretic approach // Mathematical Methods of Operations Research. 2002. V. 55. P. 512–534.

3. Llorca N., Tijs S., Timmer J. Semi-infinite assignment problems and related games // Mathematical Methods of Operations Research. 2003. V. 58. P. 87–104.

4. Owen G. On the core of linear production games // Mathematical Programming. 1975. V. 9. P. 358–370.

5. Zhang A., Ewald C.-O. Optimal investment for a pension fund under inflation risk // Mathematical Methods of Operations Research. 2010. V. 71. P. 353–369.

6. Tsai T.-J., Yang C.-B., Peng Y.-H. Genetic algorithms for the investment of the mutual fund with global trend indicator // Expert Systems with Applications. 2011. V. 38. P. 1697–1701.

7. Данилов В.И. Лекции по теории игр. М.: Российская экономическая школа, 2002.

8. Schäl M. Control of ruin probabilities by discrete-time investments // Mathematical Methods of Operations Research. 2004. V. 60. P. 125–144.

9. Калинин В., Трифонов Ю. Модель совместных инвестиций, стратегии поведения инвесторов // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10. Ч. 1. С. 1129–1133.

10. Калинин В., Трифонов Ю. Модель конкуренции на рынке программного обеспечения // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12. Ч. 2. С. 639–645.

11. Жариков А.В., Трифонов Ю., Ширяева Ю. Совершенствование организационных форм инновационной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2 (2). С. 109–113.

12. Gellekom van J.C.G., Potters J.A.M., Reijnierse J.H. et al. Characterization of the Owen set of linear production processes // Game and Economic Behavior. 2000. V. 32. P. 139–156.

13. Kim J.C., Kyojik “Roy” Song. Investment barriers and premiums on closed-end country funds // International Review of Economics and Finance. 2010. V. 19. P. 615–626.

15. Huang M., Ziyin Zhao, Xuechun Zhou, Shanshan Xu. How do service marketing factors influence fund investment behavior? // Advances in Electrical Engineering & Electrical Machines. 2011. P. 691–698.

STRATEGIES OF INVESTMENT FUNDS IN THE EXTENDED MULTIPLE FUND INVESTMENT MODEL

V.V. Kalinin, Yu.V. Trifonov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

This paper deals with the extension of multiple fund investment models, in which investors can invest their capital in a number of funds, when every investor has a set of preferences and every fund's characteristics should correlate with investor’s preferences. We analyze various situations when investments are banned, and solve the problem of capital allocation. With the help of dynamic programming and the Bellman equation, we identify the investors that cannot compete with others without joining a coalition for different reasons. It is concluded that the dependence of the moneys raised on the capital used for improvement of characteristics has a stepwise nature.

Keywords: investment strategy, investment funds, joint investments, cooperation games.

УДК 338.24

АДАПТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТКРЫТЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ

© 2016 г.

С.С. Кудрявцева, А.И. Шинкевич

Казанский национальный исследовательский технологический университет

sveta516@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.02.2016
Статья принята к публикации 18.04.2016

Приведена сравнительная характеристика национальных инновационных систем по индексу глобальной конкурентоспособности и глобальному индексу инноваций. Дана сравнительная оценка уровня инновационного развития стран Евросоюза и России с применением методики «европейское инновационное табло». Показатели, отражающие уровень развития инновационной экономики, объединены в соответствующие логические блоки, включающие ряд подблоков. Предложен метод матричного позиционирования национальных инновационных систем на основе интегральных индексов затрат и результатов инновационной деятельности. На основе производственных функций построен прогноз доли добавленной стоимости в ВВП с использованием аддитивных и мультипликативных моделей.

Ключевые слова: национальная инновационная система, моделирование, индекс глобальной конкурентоспособности, глобальный индекс инноваций, европейское инновационное табло, инновационная экономика, интеллектуальный капитал, матрица позиционирования, экономический рост.

Основным направлением реализации и поддержки инновационной деятельности в экономике знаний становится формирование национальной инновационной системы, которая должна осуществлять инновационное развитие посредством наращивания интеллектуальных ресурсов и инновационных компетенций, создания инновационной инфраструктуры и их последующего использования в производстве инновационных благ.

Вопросами изучения национальных инновационных систем занимались многие отечественные и зарубежные ученые: Ф. Лист, Р. Нельсон, Б.А. Лундвалл, К. Фримен, П. Пател, К. Павитт, С. Меткалф, С. Глазьев, Н. Маренков, Н. Бекетов и др.

Например, К. Фримен особое внимание уделял институциональному контексту инновационной деятельности, отмечая, что национальная инновационная система – это совокупность институтов в различных секторах, деятельность и взаимодействие которых стимулируют разработку, трансфер и диффузию новых технологий [1, с. 57].

Согласно точке зрения Б.А. Лундвалла, «национальная инновационная система образуется элементами и отношениями в рамках границ государства, которые обеспечивают взаимодействие в создании, диффузии и применении нового и созидательного знания» [2].

Пател и Павитт определяют национальную инновационную систему как «систему стимулов и компетенций национальных институтов, на основе которых определяются основные траектории технологического обучения в той или иной стране» [3].

Институциональный подход к определению национальной инновационной системы прослеживается у С. Меткалфа – «это совокупность институтов, которые вносят вклад в создание и использование новых технологий, создающие условные границы, в которых органы государственной власти осуществляют национальную научно-техническую и инновационную политику» [4].

В определении российского исследователя Н. Маренкова национальная инновационная система представляется как «устойчивая система, которая эффективно трансформирует как собственные, так и заимствованные новые знания в новые технологии, товары и услуги, которые являются востребованными рынком» [5, с. 181].

В определении Н. Бекетова «национальная инновационная система – это форма использования в производственно-хозяйственной деятельности общественных ресурсов, совокупность взаимосвязанных звеньев воспроизводственных процессов, а также внепроизводственных отношений, генерирующих инновационную деятельность и, таким образом, определяющих ее эффективность» [6, с. 12].

Б. Кузык указывает на единство иерархической, функциональной и обеспечивающей структуры в составе национальной инновационной системы (рис. 1) [7].

Международные сопоставления национальных инновационных систем по совокупному

Рис. 1. Структура национальной инновационной системы

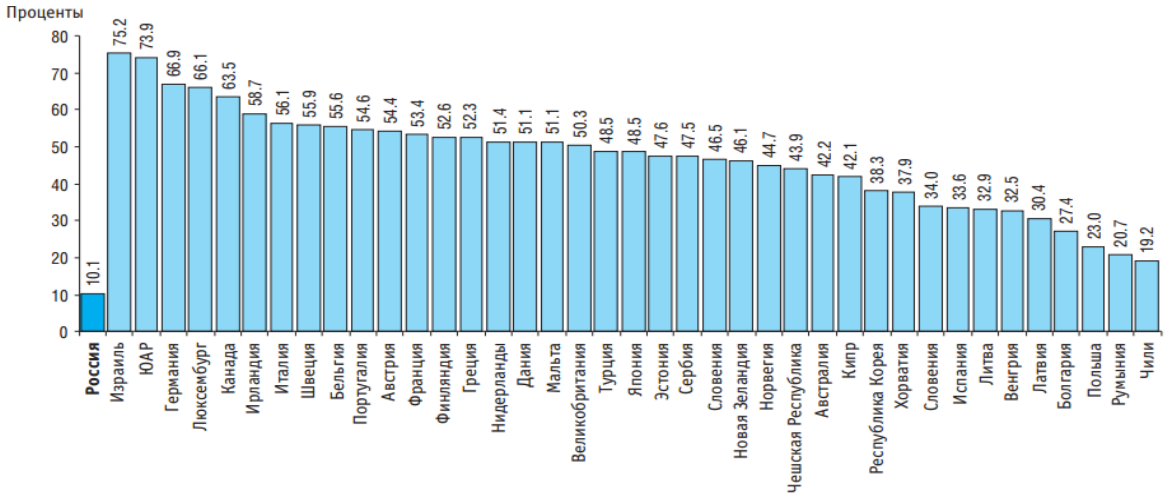


Рис. 2. Совокупный уровень инновационной активности организаций (2013 г.)

уровню инновационной активности организаций показали, что в России данный показатель ниже уровня Германии в 6.6 раза, Швеции – в 5.5 раза, Японии – в 4.8 раза (рис. 2) [8].

Интенсивность затрат на технологические инновации (удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг) по итогам 2013 г. составила 2.9, увеличившись по сравнению с 2012 г. на 0.7 процентных пункта. По интенсивности затрат на технологические инновации Россия опережает Германию (2.12%), Бельгию (1.9%), Австрию (1.74%) (рис. 3) [8].

Доля российских организаций, получивших финансирование из средств бюджета на осуществление технологических инноваций, по итогам 2013 г. составила 22.9% (в 2012 г. – 20.6%), что соответствует уровню Германии – 23.7%, Польши – 23.2%, Италии – 22% (рис. 4) [8].

Однако для экономической науки для оценки национальных инновационных систем наибольший интерес представляют не отдельные показатели инновационной деятельности, а интегральные переменные.

В настоящее время в мировом сообществе для оценки инновационной деятельности хозяй-

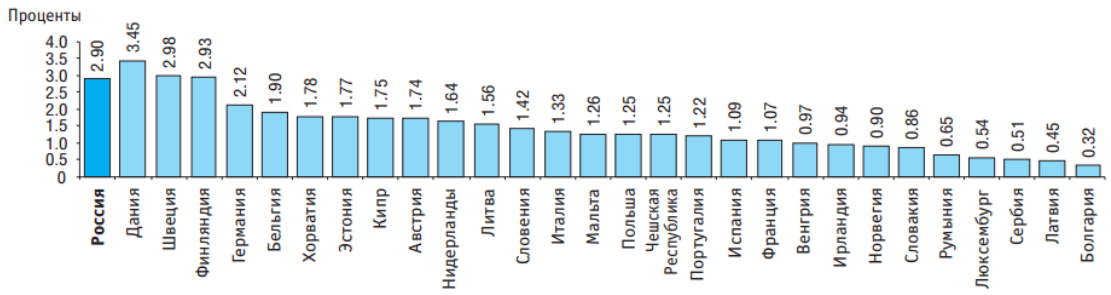


Рис. 3. Интенсивность затрат на технологические инновации (2013 г.)

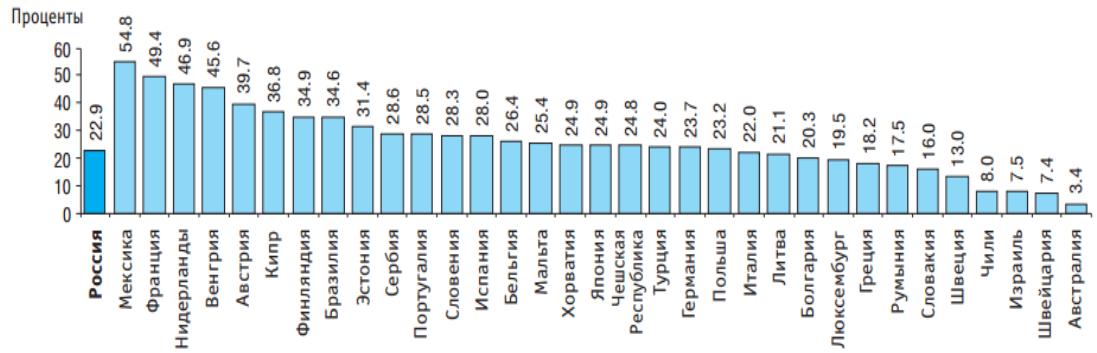


Рис. 4. Удельный вес организаций, получивших финансирование из средств бюджета, в общем числе организаций, осуществляющих технологические инновации (2013 г.)

ствующих субъектов используется множество индикаторов. Рассмотрим наиболее распространенные из них – индекс глобальной конкурентоспособности, глобальный индекс инноваций, европейское инновационное табло.

Индекс глобальной конкурентоспособности рассчитывается на основе 113 показателей, отражающих конкурентоспособность национальных экономик. 70% переменных, входящих в индекс, представляют собой качественные данные, полученные из результатов глобального опроса топ-менеджмента компаний различных секторов экономики, а 30% – это количественные показатели, сформированные на основе официальной статистической отчетности и результатов исследований, проводимых международными институтами. Переменные агрегированы в 12 интегрированных показателей, характеризующих конкурентоспособность национальных экономик. Среди них:

– качество институтов;
– инфраструктура;
– макроэкономическая стабильность;
– здоровье и начальное образование;
– высшее образование и профессиональная подготовка;
– эффективность рынка товаров и услуг;
– эффективность рынка труда;
– развитость финансового рынка;
– уровень технологического развития;
– размер внутреннего рынка;
– конкурентоспособность компаний;
– инновационный потенциал.

При составлении индекса на основе экспертных оценок учитывается, что экономическое развитие государств характеризуется неоднородностью, что во многом определяется институциональными условиями и другими факторами.

По итогам 2014 г. лидирующие позиции по индексу глобальной конкурентоспособности занимали Швейцария (5.7), Сингапур (5.6) и США (5.54). Россия расположилась на 53-м месте со значением индекса 4.4, что аналогично значению показателя Италии, Казахстана, Коста-Рики, Филиппин, Болгарии и Южной Африки. При этом позиции России в рейтинге укрепились – с 67-го места в 2012 г., 64-го места – в 2013 г. до 53-го места – в 2014 г. Всего в рейтинге участвовали 144 страны (табл.1) [9].

Глобальный индекс инноваций составляется Международной бизнес-школой INSEAD совместно с Всемирной организацией интеллектуальной собственности на основе 80 показателей, характеризующих уровень инновационной активности в национальных экономиках. При расчете индекса особое внимание уделяется наличию инновационного потенциала и институциональных условий для его реализации, способствующих трансформации ресурсов в капи-

Таблица 1

Рейтинг стран мира по индексу глобальной конкурентоспособности

Рейтинг	Страна	Значение индекса
1	Швейцария	5.7
2	Сингапур	5.6
3	США	5.5
4	Финляндия	5.5
5	Германия	5.5
6	Япония	5.5
7	Гонконг	5.5
8	Нидерланды	5.5
9	Великобритания	5.4
10	Швеция	5.4
51	Коста-Рика	4.4
52	Филиппины	4.4
53	Россия	4.4
54	Болгария	4.4
59	Румыния	4.3
71	Индия	4.2
77	Хорватия	4.1
144	Гвинея	2.8

тал. Индекс рассчитывается как взвешенная сумма оценок двух групп показателей:

– имеющиеся ресурсы и институциональные условия для осуществления инновационной деятельности (Innovation Input);

– полученные результаты инновационной деятельности (Innovation Output).

Таким образом, индекс позволяет оценить соотношение затрат и результатов, показывающих эффективность мер по активизации инновационной деятельности в национальных экономиках.

В 2014 г. расчет индекса проводился на основе данных по 143 странам.

По индексу инноваций тройку стран-лидеров составили (табл. 2): Швейцария (64.8), Великобритания (62.4) и Швеция (62.3). Россия в общем рейтинге заняла 49-е место (39.1) между Таиландом (48-е место, 39.3) и Грецией (50-е место, 38.9), поднявшись по сравнению с 2013 г. на 13 позиций. Среди стран БРИКС Россия занимает второе место после Китая (29-е место, при этом рейтинг Китая теперь сопоставим с рейтингом многих стран с высоким уровнем дохода), обгоняя Южную Африку (57-е), Бразилию (61-е) и Индию (76-е) [10].

Согласно докладу, преимущества России по глобальному индексу инноваций детерминировались качеством человеческого капитала (30-е место), развитием бизнеса, знаний и технологий (43-е и 34-е, соответственно). Показатели инфраструктуры остаются на среднем уровне (51-е место). Мешают активизации инновационной деятельности несовершенные институты (88-е место), низкие показатели результатов творческой деятельности (72-е) и развития внутреннего рынка (111-е).

На сегодня Евросоюз оценивает уровень инновационного развития национальных экономик по методике европейского инновационного табло (European Innovation Scoreboard – EIS), согласно которой показатели группируются по трем блокам:

– блок «Инновационный потенциал» характеризует «драйверы» инновационного развития и включает три подблока – «Человеческие ресурсы», «Открытые исследовательские системы» и «Финансирование и поддержка государства», состоящий из 8 показателей;

– блок «Деятельность фирм» включает три подблока («Инвестиции фирм», «Сотрудничество и предпринимательство», «Интеллектуальные активы»), охватывающих 9 показателей;

– блок «Выпуск (результаты)» отражает результаты инновационной деятельности хозяйствующих субъектов и объединяет 8 показателей в два подблока: «Инноваторы» (количество организаций, использующих технологические, маркетинговые и организационные инновации) и «Экономические эффекты» (уровень занято-

Таблица 2

Рейтинг стран по глобальному индексу инноваций

Рейтинг	Страна	Значение индекса
1	Швейцария	64.8
2	Великобритания	62.4
3	Швеция	62.3
4	Финляндия	60.7
5	Нидерланды	60.6
6	США	60.1
7	Сингапур	59.2
8	Дания	57.5
9	Люксембург	56.9
10	Гонконг	56.8
29	Китай	46.6
47	Катар	40.3
48	Таиланд	39.3
49	Россия	39.1
50	Греция	38.9
54	Турция	38.2
128	Узбекистан	25.2
143	Судан	12.7

сти в инновационном секторе, экспорт и продажи инновационных товаров и услуг) [11].

Оценить эффективность инноваций по соотношению затрат и результатов инновационной деятельности представляется целесообразным посредством использования матрицы позиционирования национальных экономик (на примере стран Евросоюза и России) по принципу «затраты – результаты». Российская экономика может быть описана по всем показателям методики европейского инновационного табло на основе официальных статистических данных. При этом к интегральному индексу затрат на инновационную деятельность будем относить показатели блоков «Инновационный потенциал» и «Деятельность фирм», а к интегральному индексу результатов инновационной деятельности – показатели блока «Выпуск (результаты)».

Для преобразования показателей затрат и результатов инновационной деятельности в единые интегральные значения предлагается использовать регрессионную модель, где в качестве экзогенной переменной будет выступать индекс физического объема ВВП страны, а эндогенными переменными – показатели по блокам «Затраты» и «Результаты», соответственно.

При моделировании зависимости индекса физического объема ВВП страны от затрат и результатов инновационной деятельности сначала были рассчитаны частные коэффициенты корреляции и уровень их значимости по блокам «Человеческие ресурсы», «Открытые исследовательские системы», «Финансирование и поддержка государства», «Инвестиции фирм», «Сотрудничество и предпринимательство», «Интеллектуальные активы», «Инноваторы», «Экономические эффекты». Результаты корреляционного анализа позволили установить, что в блоке «Инноваторы» наблюдается высокая прямая зависимость между показателями «Организации, осуществляющие технологические инновации» – «Организации, осуществляющие организационные и маркетинговые инновации» – статистически значимый коэффициент парной корреляции составил 0.8. Во избежание эффекта мультиколлинеарности [12] из модели был исключен показатель «Организации, осуществляющие организационные и маркетинговые инновации», который менее связан с экзогенной переменной (коэффициент парной корреляции с индексом физического объема ВВП составил 0.11).

Далее на основе регрессионной модели были рассчитаны значения весов индикаторов по блокам «Затраты» и «Результаты» инновационной деятельности, которые легли в основу матрицы позиционирования национальных экономик. Имея интегральные оценки затрат и результатов инновационной деятельности в национальных экономических системах, построим матрицу позиционирования стран, на которой интегральный индекс по затратам и интегральный индекс по результатам инновационной деятельно-

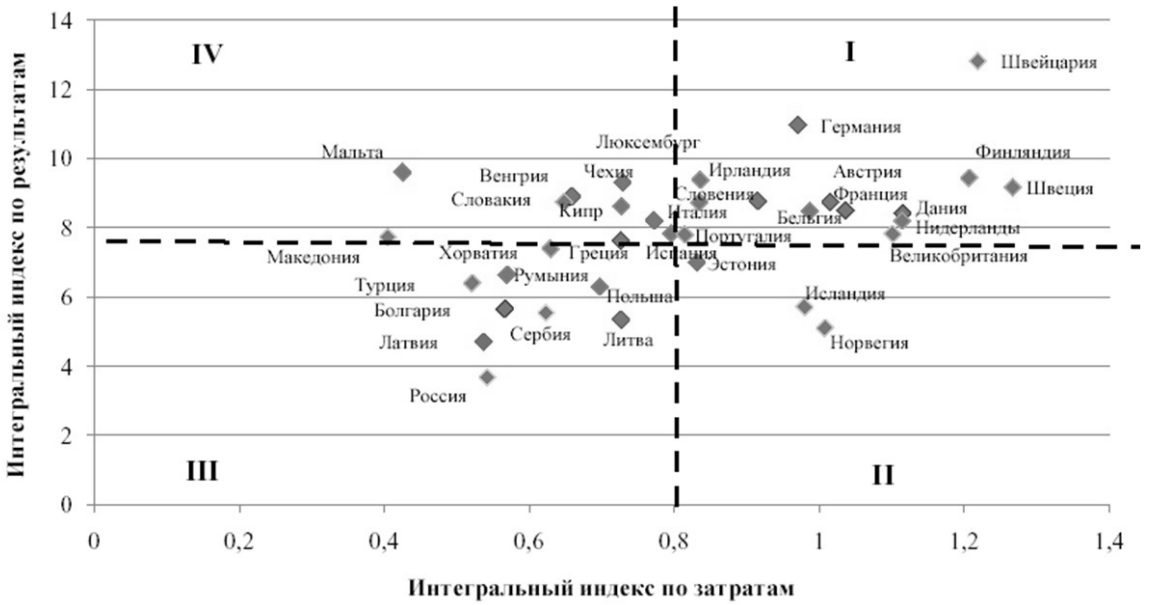


Рис. 5. Матрица позиционирования национальных инновационных систем

сти расположены, соответственно, на осях абсцисс и ординат. Медианы рядов распределения интегральных оценок затрат и результатов инновационной деятельности делят матрицу позиционирования на четыре квадранта (рис. 5).

В первый квадрант вошли государства, в которых затраты и результаты инновационной деятельности характеризуются высокими показателями, превышающими медианные значения (Германия, Австрия, Швеция, Швейцария и другие). Характерной особенностью данных стран является соответствие финансовых, информационных, интеллектуальных, материальных ресурсов и созданных инновационных товаров, технологий, услуг, а также существенная институциональная поддержка рынка инноваций.

Второй квадрант представлен странами, в которых превалируют высокие затраты на инновационную деятельность, однако получаемые результаты в виде инновационных благ меньше среднего значения по Евросоюзу (Норвегия, Эстония, Исландия). Для инновационных систем данных государств характерно накопление инновационных ресурсов без последующей их трансформации в инновационный капитал. Наблюдается несоответствие между уровнем развития научно-образовательного и финансового секторов экономики и уровнем инновационной активности в промышленности и сфере услуг. Государственная научно-техническая и инновационная политика данных стран нацелена на поддержку наукоемких, высокотехнологичных секторов экономики, однако результаты данной работы проявляются фрагментарно.

В третьем квадранте присутствуют государства с низкими интегральными индексами затрат и результатов инновационной деятельности: Турция, Болгария, Россия, Румыния и другие. Институты инновационной деятельности, инновационная инфраструктура, развитие финансового рынка, высокотехнологичных секторов промышленности и информационной экономики находятся в сравнении с другими европейскими государствами на начальных стадиях жизненного цикла, что во многом усиливает отрыв в инновационном развитии от стран – лидеров инновационной деятельности.

В четвертом квадранте объединены страны, в которых интегральные индексы затрат и результатов инновационной деятельности соответствуют медианным значениям или с незначительным превышением интегрального индекса результатов: Чехия, Словакия, Мальта и другие. Основная задача в области научно-технической и инновационной политики для национальных экономик, входящих в четвертый квадрант, состоит в формировании трехспиральной модели инноваций и усилении интеграции между наукой, бизнесом и государством. Активизация работ в данном направлении будет способствовать перемещению стран четвертого квадранта в первый, отмеченный лидерскими позициями в области инновационного развития. Противоположный вариант – когда слабые стимулы к инновационному предпринимательству со стороны государства не будут содействовать активизации инновационного потенциала и его трансформации в инновационный капитал, что, как следствие, вызовет

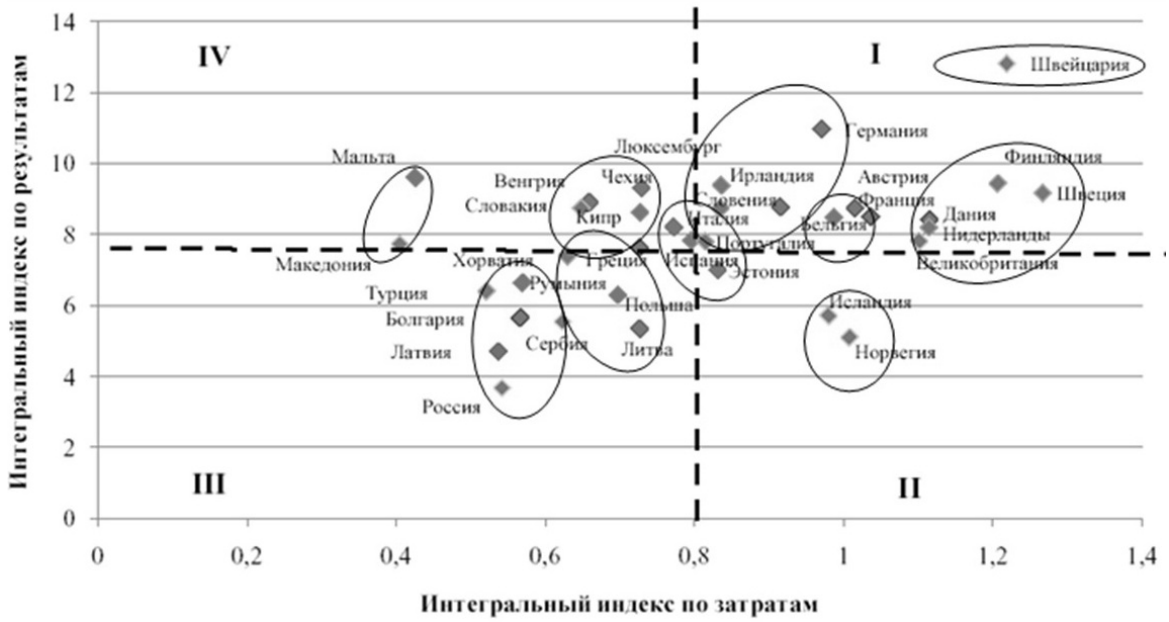


Рис. 6. Кластеризация стран по уровню инновационного развития на основе интегральных индексов затрат и результатов инновационной деятельности

снижение затрат и результатов инновационной деятельности.

На заключительном этапе исследования представляется целесообразным провести группировку стран по уровню инновационного развития, используя методику кластерного анализа (рис. 6). Например, по уровню инновационного развития на основе интегральных индексов затрат и результатов инновационной деятельности Россия образует кластер с Турцией, Хорватией, Сербией, Болгарией, Румынией, Латвией. Методика кластерного анализа при определении стратегической позиции национальной инновационной системы может быть использована для разработки государственной научно-технической и инновационной политики.

Одним из важнейших индикаторов инновационной экономики является достижение устойчивых темпов роста. Моделирование закономерностей развития экономических систем на микро-, мезо- и макроуровнях успешно реализуется путем построения производственных функций. Значительный вклад в разработку теории экономического равновесия внесли Р. Солоу, Ф. Рамсей, П. Ромер, В.В. Леонтьев, Ч. Кобб, П. Дуглас и др. В последние годы опубликован ряд работ, в которых исследуются возможности использования инструментария производственных функций для прогнозирования экономического и инновационного развития.

Усиление влияний кризисных ситуаций в экономиках стран мира вызвало необходимость концентрации на изучении теоретических основ и закономерностей экономического роста. В качестве классической модели экономического развития рассматривается модель П. Ромера, который придавал особое значение технологическим изменениям, представляющим собой в наиболее общем виде повышение эффективности использования доступных сырьевых ресурсов. Другими словами, в экономике с высоким уровнем технологии и хорошо развитыми институтами отдача от инвестиций будет выше, а инвестирование будет осуществляться более быстрыми темпами. Таким образом, экзогенная концепция экономического роста дополнилась эндогенной моделью, учитывающей влияние новых технологий на развитие экономических систем [13].

Классическая производственная функция определяет взаимосвязь выпуска продукции Y с факторами производства (капиталом K и трудом L). Уравнение производственной функции Кобба–Дугласа представляет собой экономико-математическую модель взаимовлияния факторов производства K (производственный капитал) и L (гуманный капитал) на величину чистой прибыли сектора. Отметим, что различают производственную функцию возрастающей ($\alpha + \beta > 1$), постоянной ($\alpha + \beta = 1$) и убывающей отдачи ($\alpha + \beta < 1$):

$$Y = A \times K^{\alpha} \times L^{\beta}.$$

Для целей исследования в качестве факторов производственной функции были использованы:

Y – доля добавленной стоимости в процентах к ВВП;

K – затраты на исследования и разработки в процентах к ВВП;

L – число исследователей на 1 млн человек населения.

Таблица 3

Уравнения производственных функций

Страна	Уравнение производственной функции
Швеция (высокий уровень открытости НИС и сильная институциональная поддержка инноваций)	$4.28 \times K^{0.04} \times L^{0.000021}$
Германия (средний уровень открытости НИС и сильная институциональная поддержка инноваций)	$4.28 \times K^{0.101} \times L^{-0.00003}$
Россия (низкий уровень открытости НИС и слабая институциональная поддержка инноваций)	$4.28 \times K^{0.25} \times L^{-0.000104}$

Исходными данными для моделирования были страны с высоким уровнем открытости НИС и сильной институциональной поддержкой инноваций (Швеция); со средним уровнем открытости НИС и институциональной поддержкой инноваций (Германия); с низким уровнем открытости НИС и слабой институциональной поддержкой инноваций (Россия). Динамический ряд включал показатели 1996–2013 гг. [14], в качестве инструмента анализа использовался программный продукт Statistica.

Полученные производственные функции представлены в табл. 3.

Таким образом, полученные производственные функции позволяют сделать вывод, что в российской экономике более всего на формирование добавленной стоимости оказывает влияние фактор «капитал» как доля затрат на исследования и разработки в ВВП (значение коэффициента эластичности наибольшее из рассмотренных групп стран), на основе чего правомерно говорить о наращивании инновационного потенциала с целью последующего использования открывающихся технологических окон возможностей для достижения инновационного роста, однако отрицательная тенденция числа исследователей может быть рассмотрена как негативный фактор инновационной экономики, что подтверждается соответствующим значением коэффициента эластичности производственной функции (–0.000104).

Полученные производственные функции могут быть использованы для построения прогноза инновационного развития, где в качестве результирующей переменной выступает доля добавленной стоимости в ВВП. Исходя из анализа, проведенного в предыдущих работах по вопросам институционального и инфраструктурного обеспечения модели открытых инноваций в российской экономике [15,16], можно предположить, что усиление институциональной и инфраструктурной поддержки инновационной деятельности даст положительный мультипликативный эффект, вследствие чего предлагаем рассматривать прогнозную модель инновационного развития России как мультипликативную, а для стран с устойчивым инновационным развитием, высоким уровнем открытости НИС и сильной институциональной поддержкой – как аддитивную.

На основе моделей экспоненциального сглаживания на первом этапе был построен прогноз экзогенных (независимых) переменных: K – затраты на исследования и разработки в процентах к ВВП и L – число исследователей на 1 млн человек населения. Далее на втором этапе анализа, с использованием производственных функций, представлен среднесрочный прогноз для эндогенной (зависимой) переменной Y – доля добавленной стоимости в процентах к ВВП.

Таким образом, усиление институциональной поддержки модели открытых инноваций в российской НИС позволит сократить отставание России по доле добавленной стоимости в ВВП от Швеции в пятилетний период до 5.2 процентных пункта (по итогам 2013 г. разрыв составил 12.9 процентных пункта), с Германией – до 4.4 процентных пункта (по итогам 2013 г. разрыв составил 8.6 процентных пункта), в десятилетний период со Швецией – до 3.7 процентных пункта, с Германией – до 2.9 процентных пункта (рис.7).

Полученные прогнозы обладают средней относительной ошибкой от 0.44% до 0.62%, что является хорошим показателем качества прогноза.

Таким образом, в инновационной экономике основная задача заключается не столько в наращивании интеллектуальных, институциональных, финансовых ресурсов, сколько в трансформации их в инновационный капитал, выраженный в приросте инновационных товаров, технологий, услуг, востребованных обще-

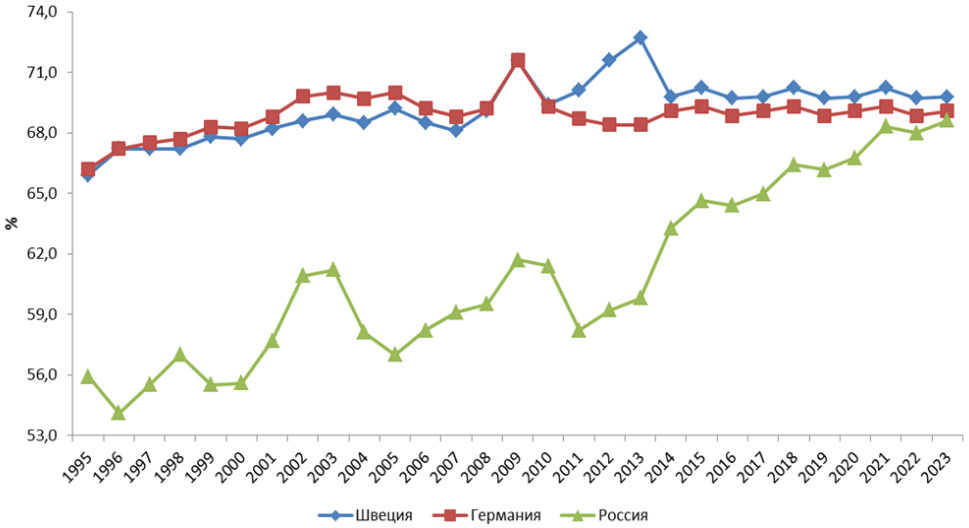


Рис. 7. Прогноз доли добавленной стоимости в процентах к ВВП

ством. При этом доминирующая роль в создании соответствующих институциональных условий для обеспечения подобных трансформаций принадлежит государству, которое с помощью формальных и неформальных механизмов может воздействовать на структурные элементы национальной инновационной системы, достигая устойчивого инновационного роста экономики.

Список литературы

1. Зверев В. Теория формирования национальных инновационных систем. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009.

2. Lundvall B.A., Intaracumnerd P., Vang J. Asia'a innovation system in transition. USA: Edward Elgar, 2006.

3. Patel P., Pavitt K. The Nature and Economic Importance of National Innovation Systems // STI Review. No. 14. OECD. Paris, 1994.

4. Metcalfe S. The Economic Foundations of Technology Policy: Equilibrium and Evolutionary Perspectives // In: P. Stoneman (ed.), Handbook of the Economics of Innovation and Technological Change. USA, Cambridge: Blackwell Publishers, 1995.

5. Маренков Н. Инноватика. М.: КомКнига, 2005.

6. Бекетов Н.В. Инновационная деятельность и инновационный процесс: сущность и основные этапы исследования в экономической литературе // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 3. С. 11–16.

7. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва. М.: Экономика, 2005. 435 с.

8. Городникова Н.В., Гохберг Л.М., Дитковский К.А. и др. Индикаторы инновационной деятельности: 2015: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 320 с.

9. Индекс глобальной конкурентоспособности – информация об исследовании / Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info (дата обращения: 15.11.2015).

10. Исследование INSEAD: Глобальный индекс инноваций 2014 года / Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/news/2014/07/18/6841 (дата обращения: 15.11.2015).

11. Innovation Union Scoreboard 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu (дата обращения: 15.11.2015).

12. Шмойлова Р.А. Теория статистики. М.: Финансы и статистика, 2009. 656 с.

13. Romer P. Increasing Returns and New Developments in the Theory of Growth // NBER Working paper. 1992. P. 30–98.

14. Материалы сайта Росстата [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru.

15. Kudryavtseva S.S., Shinkevich A.I., Sirazetdinov R.M. et al. A Design of Innovative Development in the Industrial Types of Economic Activity // International Review of Management and Marketing. 2015. V. 5. № 4. P. 265–270.

16. Кудрявцева С.С. Сравнительный анализ инновационного развития стран Евросоюза и России (по методологии европейского инновационного табло) – проблемы стран сырьевой экономики // Вестник Казанск. технол. ун-та. 2012. № 19. С. 204–208.

ADAPTIVE MODELING OF INNOVATIVE ACTIVITIES OF OPEN NATIONAL INNOVATION SYSTEMS

S.S. Kudryavtseva, A.I. Shinkevich

Kazan National Research Technological University

The article presents a comparative description of national innovation systems based on the Global Competitiveness Index and the Global Innovation Index. The authors also use the procedure of the European Innovation Scoreboard to give a comparative characteristic of the level of innovative development of the EU countries and Russia. The indicators that reflect

the level of the innovation economy development are combined into three blocks: the block «Enablers» includes major external «drivers» of innovative development and is divided into three sub-blocks (Human resources; Open, excellent and attractive research systems; Finance and support) and consists of 8 indicators; the block «Firm Activities» consists of three sub-blocks (Firm investments; Linkages & entrepreneurship; Intellectual assets) and consists of 9 indicators; the block «Outputs» describes the results of firms' innovation activities and includes two sub-blocks: Innovators (the number of organizations using the technology, marketing and organizational innovations), Economic effects (the level of employment in the innovation sector, export and sale of innovative goods and services) consisting of 8 indicators. A method for matrix positioning of national innovation systems based on integrated cost indexes and results of innovation is proposed. On the basis of production functions and with the use of additive and multiplicative models, a forecast is made of the share of the value added to the GDP.

Keywords: national innovation system, modeling, Global Competitiveness Index, Global Innovation Index, European Innovation Scoreboard, innovative economy, intellectual capital, matrix ranking, economic growth.

УДК 331.108.37

ИННОВАЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

© 2016 г.

Т.О. Подольская, О.Ю. Ангелова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

oangelova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.03.2016
Статья принята к публикации 25.04.2016

Цель исследования – определение эффективных инструментов формирования кадрового резерва промышленного предприятия в современных условиях. В рамках исследования проведен анализ причин возникновения «кадрового голода» на промышленных предприятиях и обоснована необходимость формирования кадрового резерва предприятиями для обеспечения динамичного развития и достижения высоких результатов деятельности. Выделены новые инструменты, позволяющие оценить способности и перспективность кандидатов. Кроме того, обоснована необходимость оценки талантов разновозрастных претендентов с учетом личностных особенностей с целью рационального использования и развития их возможностей. Подробно рассмотрены дистанционные олимпиады и их роль при формировании кадрового резерва. Доказана важность прямого взаимодействия предприятий и вузов с целью отбора талантливых претендентов и воспитания из них максимально подходящих для конкретной должности по личным качествам, потенциалу и сформированным компетенциям специалистов.

Ключевые слова: кадровый резерв, привлечение персонала, отбор персонала, дистанционное обучение, дистанционная олимпиада, инновационный подход, оценка талантов.

На данный момент качество человеческого капитала России в части квалификации и уровня образования оценивается достаточно высоко. Российские экономисты, в частности Л. Абалкин, определяют человеческий капитал как «сумму врожденных способностей, общего и специального образования, приобретенного профессионального опыта, творческого потенциала, морально-психологического и физического здоровья, мотивов деятельности, обеспечивающих возможность приносить доход». В широком смысле, человеческий капитал – это фактор развития экономики, значимый ресурс формирования инновационной экономики и экономики знаний. Формирование человеческого капитала происходит за счет целенаправленных вложений в повышение уровня и качества жизни населения, в интеллектуальную деятельность, в том числе в образование и науку. Кроме того, на человеческий капитал и его качество влияют миграционные потоки – приток или отток высокообразованных специалистов может значительно скорректировать человеческий капитал страны.

Существуют разные подходы к оценке стоимости человеческого капитала, но наибольшее распространение получили следующие методы [1]:

1. Метод качественной оценки, который предполагает оценку качественных характеристик конкретных работников, а также оценку трудового вклада работников в прибыль компании;

2. Метод затрат, предложенный Дж. Кендриком, который предполагает расчет стоимости человеческого капитала исходя из инвестиций в него, которые включают в себя оплату труда, налоги, затраты на охрану и улучшение условий труда, расходы на обучение и повышение квалификации;

3. Метод определения первоначальных (наем и первичное обучение) и восстановительных (затраты, связанные с выплатами по увольнению и предшествующим ему снижением производительности труда) издержек на персонал;

4. Доходный метод. В рамках этого метода стоимость человеческого капитала рассчитывается исходя из доходов, получаемых работниками, а результаты расчетов показывают накопление человеческого капитала и потенциал его использования в экономической деятельности на протяжении функционирования работника;

5. Метод Всемирного банка, основанный на дисконтировании. При заданной норме доходности совокупного национального богатства вычисляется его стоимость. Затем из полученной величины вычитается стоимость земли, полезных ископаемых, лесных и морских ресурсов, производственный капитал и другие активы. Эта методика учитывает ежегодные затраты

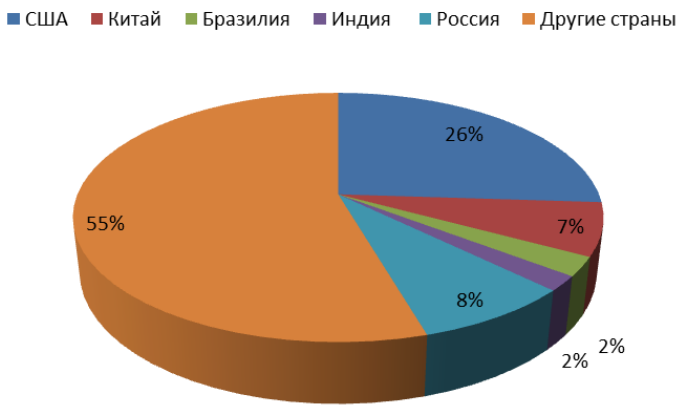


Рис. 1. Доля стоимости человеческого капитала отдельных стран (2014 г.)

на воспроизведение человеческого капитала не только государства, но и семей и корпораций. Данные по оценке стоимости в соответствии с данной методикой человеческого капитала стран БРИК и США приведены на рис. 1.

Важно отметить, что на долю стоимости человеческого капитала в национальном богатстве значительное влияние оказывает наличие и стоимостная оценка природных ресурсов страны, именно поэтому в странах ОПЕК и в России доля человеческого капитала меньше половины. По оценкам экономистов, стоимость российского национального человеческого капитала за последние годы снижалась в связи с низкими инвестициями в него и недостаточным финансированием медицины, образования и науки [2]. Этот факт явно свидетельствует о постепенной потере нашей страной значимого конкурентного преимущества в сфере человеческого капитала.

Особенно ярко эта тенденция прослеживается в промышленности, которая недополучает перспективные, квалифицированные кадры, с высоким инновационным потенциалом, что в свою очередь тормозит развитие страны.

Причиной этому послужили события 1990-х годов, когда российская промышленность претерпевала глубочайший кризис и сократила в 2.2 раза объемы производства, что, соответственно, повлекло за собой отток квалифицированных кадров и вынужденную массовую переквалификацию. Особенно сильно пострадали такие отрасли, как машиностроение и легкая промышленность, где численность работников сократилась в 2–3 раза.

Активом человеческого капитала является образование. Сегодня данный актив становится решающим фактором рыночного успеха и научно-технического прогресса в экономике государства.

Несмотря на период экономического подъема в начале 2000-х годов, российская промышленность не смогла полностью восстановиться. Проблема усугубляется еще и ухудшающейся демографической ситуацией по стране в целом – доля молодых людей, активно вовлекаемых в трудовую деятельность, сократилась более чем в 2 раза [3] (см. рис. 2).

В 2009 году в России насчитывалось около 7.38 миллиона студентов (всех возрастов и форм обучения), а в 2013/14 учебном году общее количество студентов не превышало 6 миллионов. По прогнозам специалистов Института демографии, в недалеком будущем эта цифра составит около 4.5 миллиона человек, следовательно, выходить на рынок труда будет меньше молодых специалистов. Учитывая практически полную занятость (при уровне безработицы в 5.8% в 1-м квартале 2015 года по данным Росстата), это означает, что возникнет острый дефицит молодых людей, выходящих на рынок труда. Аналогичная тенденция наблюдается с составом работников: за годы реформ доля молодежи (работников не старше 30 лет) снизилась, а в последние годы она не меняется и «застыла» на уровне 18%.

Исследование мнений топ-менеджеров российских предприятий, проведенное к.э.н. О.А. Коленниковой, д.э.н. Р.В. Рывкиной [4], включало в себя вопросы, направленные на выявление барьеров, мешающих предприятиям приспособиться к рыночным условиям. Среди ответов предлагался вариант «отсутствие квалифицированных специалистов». И треть опрошенных руководителей указали именно на эту причину – она оказалась на втором месте, после более острой – устаревания техники (ее назвали более 2/3 опрошенных руководителей). Также отмечается снижение «качества» молодежи, которая приходит на предприятия.

Академик РАН А.Г. Аганбегян в своих работах по переходу российской экономики на инновационный путь развития выделяет две клю-

Рис. 2. Демографический срез численности молодых людей [3]

чевые проблемы, решение которых позволит переломить текущую ситуацию. Первой задачей является обновление материально-технической базы производства, второй – решение кадровых проблем, причем «кадровая» более весомая [5].

Большинство современных предприятий осознает важность наличия квалифицированного персонала и рассматривает кадры как стратегический ресурс.

Для эффективного управления создается кадровый резерв. Под кадровым резервом обычно понимается группа кандидатов, специально отобранных для будущего замещения определенных должностей. Кадровый резерв принято подразделять на внутренний, когда список его участников формируется из работников самого предприятия, и внешний. Внутренний кадровый резерв встречается значительно чаще. На данный момент он более изучен и проработан, и, как следствие, часто более эффективен. Но не всегда можно подобрать работника на замещение вакансии внутри предприятия, особенно это касается предприятий, работающих в динамично развивающихся отраслях с высокой инновационной составляющей, нацеленных на экстенсивное развитие, поскольку им требуется значительный приток кадров для обеспечения высоких темпов роста объема производства. В этом случае возникает необходимость внешнего кадрового резерва, но тогда необходимым условием привлечения работника сторонней организации в большинстве случаев должна стать значительная привлекательность компании как работодателя, чтобы перекрыть лояльность к текущему месту работы. Именно поэтому внешний кадровый резерв используют, как правило, крупнейшие игроки рынка. Но в современных условиях внешний кадровый резерв целесообразно иметь всем компаниям, занимающим на рынке значимую позицию. Выходом для менее привлекательных работодателей могло бы стать использование в качестве целевой аудитории выпускников вузов и студентов.

Мнение руководителей служб персонала крупных российских предприятий таково: чтобы понять, насколько студент может быть интересен компании, его нужно увидеть не после того, как он получит диплом, а на втором-третьем курсе, когда он ещё не определился с местом работы и, возможно, ещё не осознаёт, что ему интересно [6]. Запрос времени состоит в том, что наряду с теоретическими знаниями студенты в процессе учебы в вузе должны приобретать опыт практической работы, причем не тестовых заданий, а реальной деятельности.

Именно поэтому работодателю крайне важно выстроить эффективные, а не формальные взаимоотношения с ключевыми поставщиками высококвалифицированных человеческих ресурсов – с ведущими вузами. Безусловно, важный момент – выявление среди общей массы обучающихся активных и талантливых студентов, из которых и будет формироваться кадровый резерв.

В результате такого сотрудничества обе стороны могут получить практическую выгоду. Прямое взаимодействие работодателя с вузом позволит «вырастить» и получить специалиста, обладающего всеми необходимыми компетенциями. Кроме того, отношения могут быть пролонгированы, например в форме привлечения преподавательского состава вуза для проведения профильных обучающих семинаров [7].

Вуз, в свою очередь, может получить следующие выгоды:

- возможность стажировки студентов, а при необходимости и преподавателей, в организации;
- гарантированное трудоустройство выпускников по специальности;
- актуализация программ учебных дисциплин;
- повышение практической компетентности преподавателей;

Таблица

Основные этапы формирования кадрового резерва предприятия

Этап	Характеристика этапа	Применяемые инструменты
Предварительный (массовый)	Набирается выборка потенциальных сотрудников, заинтересованных в работе в компании	Квесты, анкетирование, открытые конкурсы
Основной («Этап отбора талантов»)	Предполагает отбор претендентов по уровню образования, личностным и интеллектуальным характеристикам, возрасту, мотивированности и т.д.	Деловые игры, дистанционные олимпиады, симуляторы деятельности
Итоговый	Включает в себя формирование кадрового резерва на основе анализа соответствия претендентов критериям и стратегии организации	Собеседование, коучинг и наставничество

• предприятие может быть источником кейсов для использования в учебном процессе.

К новым инструментам формирования кадрового резерва можно отнести квесты, моделирование, симуляторы, коучинг и наставничество, деловые игры, дистанционные олимпиады и т.д. Значительные различия этих инструментов позволяют эффективно применять их на различных этапах формирования кадрового резерва, что можно представить в виде последовательности взаимосвязанных этапов (табл.).

Использование вышеназванных инструментов позволяет решить одну из самых сложных проблем кадрового отбора – оценить способности, таланты и перспективность отобранных кандидатов. Это особенно актуально на начальном этапе построения карьеры работника, так как, кроме диагностической функции, могут быть спланированы и реализованы мероприятия по развитию потенциала и проработке недостающих компетенций (в случае если кандидат демонстрирует высокие значения оцениваемых показателей практически по всем необходимым критериям, за исключением одного-двух). Такой подход обеспечит не только развитие кадров предприятия в краткосрочной перспективе, но и фундамент для эффективного долгосрочного роста как карьеры отдельного сотрудника, так и кадрового потенциала предприятия в целом, что положительно скажется на развитии человеческого потенциала компании.

Для достижения поставленных целей необходимо усовершенствовать используемые методы оценки персонала и формирования кадрового резерва, встроив в них подходы и разработки, ориентированные на выявление талантливых кандидатов.

Разработки в этом направлении уже активно ведутся многими HR-компаниями, но пока недостаточно проработаны на отдельных промышленных предприятиях, хотя необходимые ресурсы в промышленности, особенно у крупных компаний, работающих в перспективных наукоемких отраслях, несомненно, имеются. Анализируя опыт рекрутинговых агентств, хочется выделить представленный в конце 2015 года компанией HeadHunter новый сервис «Оценка талантов» [8]. Данный сервис позволяет проанализировать и выявить не только аналитические способности кандидата на трудоустройство, но и его обучаемость, мотивацию, а также наличие деловых компетенций, необходимых для достижения целей компании и эффективной работы отдельного сотрудника. В основу системы заложено предположение, что основные качества человека, такие как способности, обучаемость, не меняются со временем, что позволяет прогнозировать поведение в деловой среде и, в значительной мере, карьерную траекторию в рамках компании исходя из стратегических целей и интересов предприятия и заданного функционала должности, на которую претендует участник кадрового резерва. Предлагаемая система включает в себя модули, направленные на оценку вербальных способностей (определяющих возможности логического анализа и способности учиться), оценку способностей к анализу числовой информации и универсальных компетенций.

Одним из факторов, который потребовал создания подобной системы, были многочисленные жалобы компаний-партнеров, что в настоящее время проявляется нисходящий тренд в интеллектуальных способностях работников и уровне подготовки новых кадров. Эти мнения, конечно, нельзя не учитывать, но нельзя недооценивать и тот факт, что сегодня в большинстве компаний просто не проводится оценка талантов претендентов в кадровый резерв (и в первую очередь выявление базовых способностей), что приводит к неполному или некорректному использованию трудовых ресурсов предприятия. Не может быть эффективной работа интроверта в сфере общения с клиентами, как бы он ни был замотивирован и как бы он ни старался. Кроме того, необходимо учитывать и возрастные особенности. Современное молодое поколение выросло в эпоху гаджетов, что обу-

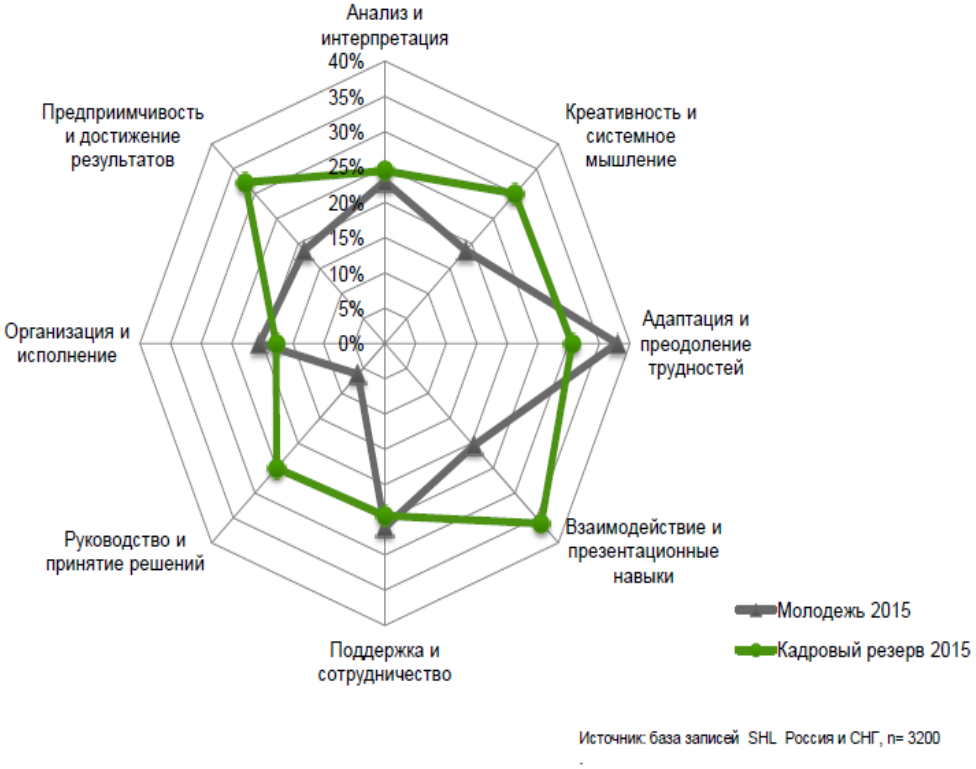


Рис. 3. Различия развития компетенций среднестатистической молодежи и кандидатов, прошедших тестирование в кадровый резерв

словило особенности формирования индивидуальной системы восприятия и анализа информации, что также требует особого подхода и при формулировке трудовых поручений, и при тестировании компетенций. Подтверждением мнения авторов может служить статистика, собранная компанией SHL [9], представленная на рисунке 3.

Собранные аналитические данные наглядно демонстрируют, что участники кадрового резерва компаний, которые активно используют современные технологии, направленные на выявление способностей и талантов претендента, значительно превосходят среднестатистический уровень. Особенно заметно это различие в таких оценочных показателях, как «Предприимчивость и достижение результата» – более чем в 2 раза, «Руководство и принятие решений» – в 5 раз, «Навыки презентации» и «Креативность» – в 1.5 раза. При этом различий в аналитических способностях практически нет, а по параметрам «Исполнительность» и «Сотрудничество» отобранные претенденты даже немного проигрывают. Этот факт можно объяснить высоким потенциалом, духом соперничества и нацеленностью на результат. Если проанализировать данные исследования в динамике, то можно увидеть и некоторые негативные тенденции в качестве участников кадрового резерва: ослабевает ориентация на результат, снижается готовность брать на себя ответственность. При этом заметно растет адаптивность кандидатов.

Необходимость отбора именно талантливых претендентов требует внесения изменений либо в саму систему рекрутинга и отбора кадров, что достаточно затратно и трудоемко, либо совершенствования самих применяемых методов. Второй путь кажется нам более перспективным и эффективным с точки зрения компании. Если встроить методы оценки способностей и талантов в уже апробированные методики подбора кадров и формирования кадрового резерва – тесты, квесты, кейсы, деловые игры, олимпиады, – то это при минимальных вложениях значительно увеличит приток именно талантливых сотрудников на предприятие.

Для примера подробнее рассмотрим один из современных инструментов формирования кадрового резерва – дистанционные олимпиады. Развитие современных информационных и телекоммуникационных технологий позволяет активно использовать дистанционное образование и технологии. Дистанционное образование – процесс получения знаний, который частично или полностью реализуется с использованием компьютерной техники и телекоммуникационных технологий [10, 11]. Из определения вытекают основные особенности дистанционного подхода к обучению: удаленность обучающегося от педагогов, учебных средств и образова-

Рис. 4. Ценности дистанционных вузовских олимпиад

тельных ресурсов, которые располагаются на серверах учебного заведения. Как универсальный инструмент дистанционные олимпиады имеют свои ценности, которые отражены на рисунке 4.

Одной из основных проблем дистанционных вузовских олимпиад является теоретизированность заданий, их оторванность от сложившихся рыночных условий. Поэтому участие представителей предприятий в формировании пакета задач позволит минимизировать данную проблему и приблизиться к практической реальности. Выгоды использования онлайн-олимпиад для формирования кадрового резерва очевидны:

- поиск талантливой молодежи;
- вовлечение претендентов кадрового резерва в деятельность компании уже на этапе тестирования;
- экономическая выгода (дешевле по сравнению с традиционными методами);
- выстраивание HR-бренда [12, 13];
- большой территориальный охват при формировании кадрового резерва;
- возможность активности предприятия в социальных медиа.

Одной из проблем современного вузовского формата олимпиады, особенно в гуманитарных отраслях знаний, является отсутствие комплексного подхода: обучение делится на отдельные дисциплины, формирует в их рамках обособленные компетенции, но не позволяет моделировать работу в условиях реальной экономики. Такая ситуация обусловливает сложности адаптации выпускников вуза (даже с отличной успеваемостью) к условиям реального бизнеса [14]. По сути, будущим специалистам не хватает общего взгляда на проблемы, четко сформированных междисциплинарных связей, позволяющих решать все возникающие задачи, используя весь комплекс знаний и навыков.

Интересен опыт студенческого бизнес-инкубатора Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского по проведению международной олимпиады по предпринимательству «КапиталЪ». В качестве базы пока рассматривается сфера услуг, следующий этап – предложить подобные проекты промышленности. «КапиталЪ» – это название цикла мероприятий поддержки молодежного предпринимательства, инициаторами которых выступает Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Олимпиадные задания выстроены таким образом, что в результате прохождения этапов (модулей, кейсов) меняется стоимость бизнеса, таким образом, если студент выполнил задание верно, то финансовая модель олимпиады покажет увеличение стоимости и рейтинга участника. Организаторы олимпиады смогли обеспечить равные возможности для всех участников, независимо от их места проживания, так как оба тура проводились в онлайн-режиме и не требовали личного присутствия [10, 15].

Задания олимпиады включали в себя описание предприятия (в 2014 году это был отель, в 2015 – event-агентство) и кейсы по управлению, маркетингу, экономике, управлению персоналом и инвестициям. В каждом бизнес-кейсе имеются аннотация, описание ситуации, возникшая проблема, возможные сценарии решения кейса. По каждой теме представлены образовательные материалы, необходимые для решения кейса. Решение открытых задач предполагало возможность участника генерировать интересные и оригинальные идеи, оценивать их практическую ценность и реализуемость в представленных условиях. Это позволило не только актуализировать междисциплинарные связи, но и генерировать новые знания, трени-

руя мышление и предпринимательские способности. В эту систему можно дополнительно добавить модули, направленные на оценку способностей и талантов. Для финалистов задание разрабатывали действующие нижегородские предприятия, которые, проверяя работы финалистов олимпиады, смогли оценить их квалификацию и пополнить свой кадровый резерв.

Таким образом вуз выявил талантливых и заинтересованных студентов, потенциальный работодатель узнал о перспективных молодых кадрах, а студенты приобрели практические навыки. При этом нельзя забывать, что цели компаний в сфере кадров и незаполненные вакансии могут различаться, поэтому, исходя из требуемых компетенций, в кадровый резерв может быть привлечен не обязательно победитель олимпиады, конкурса, деловой игры. Задача кадровой службы предприятия найти такого работника, который наилучшим образом подходит именно для данной должности по своим личным качествам, потенциалу и сформированным компетенциям.

В условиях экономического кризиса одним из возможных факторов экономии является отказ от специализированных аутсорсинговых услуг, таких как кадровые и маркетинговые агентства. В случае с отделом кадров это заметно увеличивает нагрузку на имеющихся сотрудников. Совместная профориентационная работа с вузами позволяет передать часть функций (таких как организация дистанционной олимпиады) в учебные заведения без потери качества. Современные условия значительно увеличивают стоимость ошибки при подборе кадров, поэтому компаниям целесообразно уделять особое внимание именно этапу формирования кадрового резерва с точки зрения соответствия кандидатов на трудоустройство в компании тому перечню компетенций, которыми должен обладать сотрудник на конкретной должности [16, 17]. Именно соответствие компетенций претендента квалификационным требованиям, а не общее развитие человека, обусловливает успешное развитие карьеры работника и эффективное функционирование компании. И выявлять это соответствие желательно на самых начальных этапах привлечения персонала – при формировании кадрового резерва.

Список литературы

1. Богатова А.В. Методологические подходы к оценке человеческого капитала // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 3. С. 135–139.

2. Корчагин Ю.А. Эффективность национального человеческого капитала: методика измерения. Воронеж: ЦИРЭ, 2011.

3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gks.ru/ (дата обращения: 10.10.2015).

4. Коленникова О.А., Рывкина Р.В. Кадровые проблемы российской промышленности – где выход // ДемоскопWeekly. 2009. № 391–392.

5. Аганбегян А.Г. Уроки кризиса: России нужна модернизация и инновационная экономика // ЭКО. 2010. № 1. С. 34–60.

6. Вуз и работа: курс на сближение [Электронный ресурс]. URL: http://arcticvector.narfu.ru/article/career/vuz-i-rabota-kurs-na-sblizhenie/ (дата обращения: 15.12.2015).

7. Роганова С.Ю., Подольская Т.О. Стратегическое партнерство вуза и работодателей – основа инновационного развития // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10–1 (63–1). С. 779–782.

8. HeadHunter [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://abireg.ru/sb/n_2890.html (дата обращения: 15.12.2015).

9. TalentReport 2014. Исследование компании SHL [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.shl.ru/issledovanie-shl/1082-doklad-o-talantax-shl-talent-report (дата обращения: 15.12.2015).

10. Технологии дистанционного обучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tadviser.ru/ (дата обращения: 15.12.2015).

11. Чепьюк О.Р. Студенческий бизнес-инкубатор как часть инновационной системы университета// Инновации. 2014. № 6 (188). С. 68–71.

12. Либертова Т.Н. Кадровый резерв компании – ресурс, определяющий успешное развитие компании и её конкурентоспособность в новых экономических условиях [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.inconte-spb.ru/articles/13-2010-01-22-03-53-14.html (дата обращения: 15.12.2015).

13. Подольская Т.О. Анализ HR-бренда работодателей на основе интернет-рейтингов // Современная экономика: проблемы и решения. 2015. Т. 8. С. 105–111.

14. Прохорова М.В., Павленкова С.К. Структура мотивации трудовой деятельности как фактор эффективного взаимодействия работодателя и работника на этапе формирования бизнеса // Креативная экономика. 2012. № 3. С. 111–116.

15. Ангелова О.Ю., Дмитриева Е.М. Исследование факторов взаимодействия развития малого предпринимательства и рынка образовательных услуг в России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3416–3420.

16. Матвиенко Л.В., Шибанов Е.И. Качественный специалист – результат совместной работы вуза и работодателя // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles/2014/TGU5163 (дата обращения: 30.11.2015).

17. Гуртов В.А., Серова Л.М., Степусь И.С., Федорова Е.А., Мороз Д.М. Развитие системы мониторинга трудоустройства выпускников // Высшее образование в России. 2014. № 5. С. 11–23.

18. Трофимов О.В. Инновационный потенциал предприятия и методы его определения // Актуальные вопросы экономических наук. 2010. № 11–1. С. 248–253.

INNOVATIVE TOOLS FOR FORMING A POOL OF STAFF AT AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

T.O. Podolskaya, O.Yu. Angelova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The aim of the study is to determine the effective tools for the formation of a pool of staff at industrial enterprises in modern conditions. The research analyzed the causes of the «personnel shortage» in industrial enterprises and the necessity to form a pool of staff by the companies to ensure dynamic development and achieve high performance results. As a result of the study, we have identified some new tools to evaluate the candidates' abilities and prospects for a successful career. We have also substantiated the need to assess the talents of candidates of different ages with the account of their personal characteristics to ensure rational use and development of their capabilities. Distance Olympiads and their role in the formation of the pool of staff are considered in detail. We underline the importance of direct interaction between businesses and universities in order to select and develop talented candidates that are most suitable for a specific position with the account of their personal qualities, potential and competencies.

Keywords: pool of staff, recruitment of staff, selection of personnel, distance learning, distance Olympiad, innovative approach, assessment of talents.

УДК 33

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОПТИМАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СРЕДСТВ НА УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В СИСТЕМЕ «ЦЕНТР – АГЕНТЫ» С ПОМОЩЬЮ ДИНАМИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

© 2016 г.

Е.П. Ростова

Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)

el_rostova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2016
Статья принята к публикации 27.04.2016

В целях оптимизации процесса управления рисками в системе «центр – агенты» разработана математическая модель, основанная на минимизации ущерба от реализации непредвиденных ситуаций. Описана система «центр – агенты», для которой разработана модель. Задача распределения средств решена с помощью методов динамического программирования. Разработанная математическая модель может быть применима в рамках одного предприятия или организации, включающих в себя структурные единицы, а также в масштабах группы предприятий, объединенных одним управляющим органом, распределяющим ресурсы на управление рисками в системе. Представленная математическая модель позволяет снизить ущерб системы путем оптимального распределения средств на управление рисками.

Ключевые слова: ущерб, риск, управление рисками, центр, агенты, динамическое программирование.

Управление рисками всегда является весьма актуальной задачей в любой отрасли экономики. Каждое производство имеет свои специфические риски как в хозяйственной сфере, так и в любой другой, связанной с его деятельностью. Пренебрежение данным аспектом управления предприятием влечет за собой увеличение частоты инцидентов и аварий, а также возрастание размера ущерба от непредвиденных ситуаций. Однако различные составляющие производства вносят различный вклад в общий уровень риска, в различной степени зависят друг от друга, имеют различные структурные связи. Рациональное распределение средств между элементами системы, вносящими различный вклад в объем производства, имеющими различные уровни риска, отличающимися размерами ожидаемого ущерба и пр., является важной задачей.

Управление рисками подразумевает несколько различных направлений: передача, сохранение и снижение риска [1]. Примером передачи риска может быть страхование, при котором весь риск или его часть передаются страховщику за определенную страховую премию. При этом сам риск страхователя не снижается. Страхователь может рассчитывать на компенсацию части ущерба при наступлении страхового случая. Сохранение риска можно проиллюстрировать на примере создания резервного фонда, предназначенного на покрытие убытков от инцидента или аварии. Данная мера не влияет на размер вероятности наступления нештатной ситуации и ущерба от нее. Снижение риска может быть достигнуто за счет проведения предупредительных мероприятий, среди которых: установка систем оповещения, диагностики, обслуживания по текущему состоянию, обучение и повышение квалификации персонала, обновление основных производственных фондов и замена устаревшего оборудования на более надежное и т.д. Любое направление управления рисками требует определенных ресурсов. При этом возникает задача оптимального распределения средств между различными способами управления рисками и между объектами, входящими в систему, чьи риски рассматриваются. При распределении средств необходимо учитывать различный уровень ущерба, приносимый элементами системы, а также различную эффективность вложения средств в управление рисками [2].

В настоящее время проблема управления рисками рассматривается как с позиций риск-менеджмента [3–6], так и с позиций технологии производственного процесса [7–10]. В первом случае доминирует анализ проблемы с точки зрения экономики и менеджмента, организации систем управления, целью процесса управления рисками становится увеличение прибыли предприятия. Во втором случае анализ основывается на технологических особенностях отраслей и отдельных предприятий, управление рисками рассматривается с позиции организации произ-

водственного процесса, усовершенствования технологий и т.д. Можно сказать, что во втором случае целью управления риском становится снижение риска как показателя аварийности, возможно, за счет экономически неэффективных мер. Решение проблемы управления рисками с учетом увеличения прибыли и снижения риска позволит учесть как экономические аспекты, так и производственные особенности предприятия.

Каждое предприятие можно рассматривать как систему, в которой взаимодействуют ее подразделения – цеха, отделы, службы и т.д. В то же время само предприятие может являться элементом некоторой системы, в которой оно связано производственным процессом с другими предприятиями и организациями. Риски системы в целом зависят от каждого ее элемента и от характера связи между ними. В этой связи рассматривать проблему управления рисками каждого отдельного элемента следует в совокупности всей системы.

Рассмотрим систему с центром и m агентами [11–13]. Пусть средства на управление рисками в размере F распределяются центром между агентами. При этом агенты самостоятельно осуществляют мероприятия по управлению рисками в рамках тех средств f, которые им распределил центр. Следует отметить, что центр должен распределять средства таким образом, чтобы размер ущерба от непредвиденных ситуаций не увеличивался в каждом последующем периоде планирования по сравнению с предыдущим. В случае перераспределения средств в пользу одного или нескольких агентов за счет других возможно наступление критической ситуации, при которой повлиять на уровень риска недофинансированных агентов будет весьма сложно. Одной из особенностей проблемы управления рисками является необходимость постоянного выделения средств на ее решение, поскольку бездействие в одном временном периоде повлечет за собой значительное увеличение риска на следующем этапе. Например, отсутствие предупредительных мероприятий и ремонтно-профилактических работ в текущем году в следующем году повлечет за собой траты, связанные с ущербом от возможных аварий и/или инцидентов, а также затраты на устранение их последствий, значительно превосходящие сэкономленные средства предыдущего периода. Таким образом, управление рисками должно осуществляться с учетом не только текущего периода планирования, но и последующих временных интервалов.

Рассмотрим систему «центр – агенты». В качестве системы может выступать предприятие или организация, имеющее в своей структуре отдельные элементы. Промышленное предприятие включает в себя цеха, отделы, службы и т.д. Каждый цех характеризуется своими производственными мощностями, оборудованием, установками. При этом уровень риска данного цеха, являющегося агентом системы, зависит от мероприятий, направленных на повышение его безопасности. Отделы и службы промышленного предприятия, не работающие с производственными мощностями напрямую, также влияют на уровень безопасности системы. Своевременно проведенный контроль оборудования и выявленные неисправности, правильное поведение работников во время нештатных ситуаций, соблюдение правил и норм промышленной безопасности – все это также влияет на уровень риска.

Предприятия и организации, в свою очередь, могут выступать в качестве агентов системы. Тогда центром может быть орган, руководящий деятельностью группы предприятий. При этом сами предприятия могут быть взаимосвязаны некоторой производственной технологической цепочкой, а могут быть и независимы. Для рассматриваемой математической модели это не имеет значения, поскольку в задаче учитывается ущерб от происшествия, независимо от его причин. Ущерб системы будет являться суммой ущербов агентов, и руководящий орган распределяет средства на управление рисками между агентами, при этом сами агенты формируют мероприятия по управлению рисками. Также в качестве центра для предприятий-агентов может служить некий административный орган, контролирующий их деятельность в сфере промышленной безопасности. В данном случае центр может использовать механизмы премий и штрафов, а также компенсации затрат на снижение уровня риска.

Таким образом, разработанная математическая модель оптимизации распределения затрат на управление рисками может быть применима как в рамках одного предприятия, так и на региональном уровне, на уровне промышленных групп. При этом на ход решения данной задачи не влияет степень взаимосвязи агентов системы и степень их влияния друг на друга.

Итак, в системе с m агентами центр распределяет между агентами средства на управление рисками в размере F. При этом будем считать, что чем больше затрачено средств на управление рисками, тем меньше ущерб от реализации непредвиденных ситуаций. То есть если на управление рисками i-го агента затрачены средства в размере f, то он может иметь ущерб $X_i(f)$, $i=\overline{1,m}$. При этом $\forall\ f_1, f_2 |\ f_1 < f_2$ выполняется $X_i(f_1) > X_i(f_2)$ для $\forall\ i=\overline{1,m}$.

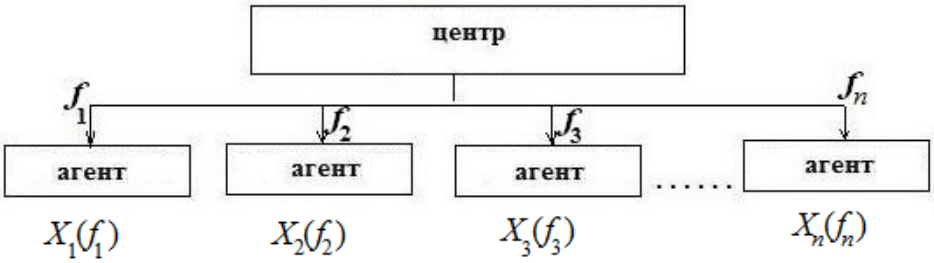


Рис. 1. Схема распределения средств на управление рисками в системе

Требуется выбрать оптимальное распределение средств на управление рисками между агентами, обеспечивающее минимальный ущерб Y всей системы, причем

$$Y = \sum_{i=1}^{m} X_i(f).$$

Ущерб измеряется в денежных единицах и зависит от вероятности наступления инцидента и/или аварии и от особенностей агента. В свою очередь, вероятность реализации непредвиденного события является показателем промышленной безопасности производства, подготовленности персонала, надежности оборудования, соблюдения правил техники безопасности и т.д. Величина вероятности инцидента и/или аварии говорит о технических характеристиках агента.

Выигрышем в данной задаче является общий ущерб Y, нанесенный m агентами, то есть всей системой.

Следует отметить особенность определения выигрыша в данной задаче. Как правило, в подобных задачах в качестве выигрыша принимают прибыль или доход от некоторой деятельности [14, 15]. В данном случае целью распределения средств, предназначенных на управление риском, является снижение ущерба. Именно этим объясняется выбор целевой функции. Ущерб Y от реализации производственных рисков должен быть минимальным при оптимальном распределении средств F на управление риском. Под производственным (промышленным) риском будем понимать вероятность наступления события, повлекшего снижение дохода предприятия в результате нарушения производственного процесса.

Построим математическую модель данной задачи, реализуя следующие этапы:

1. Определение числа шагов. Число шагов m равно числу агентов, между которыми распределяются средства на управление риском F.

2. Определение состояний системы. Состояние системы на каждом шаге характеризуется количеством средств φ, имеющихся в наличии перед данным шагом $\varphi \le F$.

3. Выбор шаговых управлений. Управлением на i-м шаге f_i, $i=\overline{1,m}$, является количество средств, направляемых для управления риском i-го агента.

4. Функция выигрыша на i-м шаге

$$X_i(f). \qquad (1)$$

Это ущерб, который приносит i-й агент при вложении в его безопасность средств f. Пусть $Y = \sum_{i=1}^{m} X_i(f)$.

5. Определение функции перехода в новое состояние

$$w_i(\varphi, f) = \varphi - f. \qquad (2)$$

Если на i-м шаге система находилась в состоянии φ, а выбрано управление f, то на следующем (i+1)-м шаге система будет находиться в состоянии $\varphi - f$. Другими словами, если в наличии имеются средства в размере φ и в повышение безопасности i-го агента вкладываются средства в объеме f, то для дальнейшего управления риском оставшихся агентов остаются средства в размере $\varphi - f$.

6. Составление функционального уравнения для $i=m$:

$$Y_m(f)=X_m(f),\ f_m(\varphi)=\varphi. \qquad (3)$$

На последнем шаге, то есть перед вложением средств в снижение риска последнего m-го агента, условное оптимальное управление соответствует количеству средств, имеющихся в наличии; то есть все средства, которые остались, следует вложить в последнего агента. Условный оптимальный выигрыш равен ущербу, приносимому деятельностью последнего m-го агента.

7. Составление основного функционального уравнения.

Используя определенные выше соотношения, получаем следующее функциональное уравнение:

$$Y_i(\varphi) = \min_{f \le \varphi} \{X_i(f) + Y_{i+1}(\varphi - f)\}. \qquad (4)$$

Поясним данное уравнение. Пусть перед i-м шагом для дальнейшего управления риском остались средства в размере φ. Тогда средства в объеме f центр может потратить на управление

Таблица 1

Исходные данные к примеру 1

f, тыс. усл. ед.	$X_1(f)$, тыс. усл. ед.	$X_2(f)$, тыс. усл. ед.	$X_3(f)$, тыс. усл. ед.
0	2.2	3.1	2
1	2.1	3	1.9
2	1.9	2.8	1.5
3	1.5	2.5	1.3
4	1.2	2.3	1.1
5	1	2.1	0.8

Таблица 2

Результат решения примера 1

φ	i=3		i=2		i=1	
	$f_3(\varphi)$	$Y_3(\varphi)$	$f_2(\varphi)$	$Y_2(\varphi)$	$f_1(\varphi)$	$Y_1(\varphi)$
0	0	2	0	5.1		
1	1	1.9	0/1	5		
2	2	1.5	0	4.6		
3	3	1.3	0	4.4		
4	4	1.1	0	4.2		
5	5	0.8	0	3.9	0/3/5	6.1

Таблица 3

Варианты распределения средств в примере 1 (тыс. усл. ед.)

Цех \ Вариант распределения	1	2	3
1	0	3	5
2	0	0	0
3	5	2	0

риском i-го агента, при этом ущерб от деятельности i-го агента составит $X_i(f)$, а оставшиеся средства в размере $(\varphi - f)$ вложить в безопасность остальных агентов с $(i+1)$-го до m-го. Условный оптимальный выигрыш от такого распределения средств – это ущерб $Y_{i+1}(\varphi - f)$, который принесут агенты с $(i+1)$-го до m-го. Оптимальным будет то условное управление f, при котором сумма $X_i(f)$ и $Y_{i+1}(\varphi - f)$ минимальна. То есть на i-м шаге следует распределить средства так, чтобы минимизировать ущерб от деятельности i-го агента и всех последующих до m-го.

Составленная модель позволяет решить задачу распределения средств на управление рисками внутри системы. Построение математической модели с использованием приемов динамического программирования позволяет рассмотреть различные варианты распределения средств между агентами и выявить оптимальный способ распределения средств, позволяющий минимизировать общий риск.

Рассмотрим варианты применения представленного метода решения поставленной задачи.

Пример 1. Пусть на управление риском некоторого предприятия, включающего в себя три цеха, выделено 5 000 усл. ед. То есть F = 5 000, m = 3. Для простоты будем считать, что распределяются только суммы, кратные 1 тыс. усл. ед.

Значения $X_i(f)$, i = 1, 2, 3, заданы в таблице 1.

Для $f_1 > f_2$ $X_i(f_1) < X_i(f_2)$, $i = \overline{1,3}$.

Проведем условную оптимизацию и по ее результатам постепенно будем заполнять таблицу 2.

Охарактеризуем один из вариантов. Ячейки таблицы 2, соответствующие рассматриваемому результату безусловной оптимизации, выделены серым цветом. В начале распределения средств φ =F=5. Наиболее оптимальным при данных начальных условиях будет потратить на управление рисками первого подразделения средства в размере $f_1(5)$=3 тыс. усл. ед. Тогда перед вторым шагом, соответствующим определению объема средств на управление риском второго подразделения, руководство предприятия располагает 2 тыс. усл. ед. Исходя из проведенной условной оптимизации, видно, что производить затраты на управление риском второго объекта нецелесообразно, и оставшиеся средства в размере 2 тыс. усл. ед. распределяются на управление риском третьего подразделения.

Пример 2

В данном примере изменим значения ущербов $X_i(f)$, i = 1, 2, 3. Пусть, как и ранее, на управление риском некоторого предприятия, включающего в себя три цеха, выделено 5 000 усл. ед. Также будем считать, что распределяются только суммы, кратные 1 тыс. усл. ед.

Значения $X_i(f)$, i = 1, 2, 3, заданы в таблице 4.

Проведем условную оптимизацию и по ее результатам постепенно будем заполнять таблицу 5.

Охарактеризуем полученный результат. При тех же начальных средствах на управление риском, как и в примере 1, за счет изменения размеров ущерба получили следующее распреде-

Таблица 4

Исходные данные к примеру 2

f, тыс. усл. ед.	$X_1(f)$, тыс. усл. ед.	$X_2(f)$, тыс. усл. ед.	$X_3(f)$, тыс. усл. ед.
0	2.3	2.5	2
1	2.1	2	1.9
2	2	1.8	1.7
3	1.7	1.6	1.4
4	1.4	1.5	1.2
5	1.2	1.2	1.1

Таблица 5

Результат решения примера 2

φ	i=3		i=2		i=1	
	$f_3(\varphi)$	$Y_3(\varphi)$	$f_2(\varphi)$	$Y_2(\varphi)$	$f_1(\varphi)$	$Y_1(\varphi)$
0	0	2	0	4.5		
1	1	1.9	1	4		
2	2	1.7	2	3.8		
3	3	1.4	3	3.6		
4	4	1.2	1	3.4		
5	5	1.1	1/2/5	3.2	4	5.4

ление: в первое подразделение – 4 тыс. усл. ед., во второе – 1 тыс. усл. ед.

Математическая модель распределения средств на управление рисками в системе «центр – агенты» позволяет оптимизировать данный процесс при условии минимизации общего риска системы. Особенностью предложенного метода является выбор его целевой функции и ее минимизация, что обусловлено постановкой задачи. Поскольку в качестве целевой функции рассматривается общий ущерб всей системы, то распределение средств должно происходить таким образом, чтобы не только улучшить показатели каждого агента, но и минимизировать целевую функцию. Решение задачи минимизации ущерба для каждого отдельно взятого агента не позволило бы улучшить результат всей системы.

Также следует отметить, что преимуществом разработанного метода решения задачи является независимость от характера взаимосвязи между агентами системы. Модель распределения средств на управление рисками применима как для системы с агентами, оказывающими влияние на уровень риска друг друга, так и для системы независимых агентов. Это достигается путем учета в модели размера ущерба, а не уровня риска.

Разработанная математическая модель может применяться как для предприятий, так и для промышленных групп. В первом случае центром системы будет руководство предприятия, а агентами – его подразделения. В случае группы предприятий центром является руководящий орган, распределяющий средства на управление рисками агентов, которыми, в свою очередь, будут сами предприятия. Рассмотренные в статье числовые примеры являются иллюстрацией метода и рассчитаны для случайных исходных данных. Они показывают различные варианты распределения средств F на управление рисками в системе «центр – агенты». В зависимости от величины ущерба и средств, затраченных на его снижение, варьируются результаты решений.

С точки зрения экономической эффективности разработанная модель позволяет, оставаясь в рамках ограничения средств на управление рисками, добиться снижения ущерба. Затраты на управление риском не возрастают по сравнению с традиционным способом распределения средств. Результатом применения модели является снижение ущерба от оптимального распределения на управление рисками в системе. В качестве традиционных способов распределения средств на управление рисками можно назвать деление ресурсов на равные части и распределение по сложившейся схеме – как в прошлом году, так и в этом. Зачастую на предприятиях используют именно последний вариант и из года в год мероприятия по управлению риском финансируются в одинаковом размере независимо от уровня риска и меняющихся характеристик агентов. Применение разработанной математической модели оптимального распределения средств на управление рисками позволит снизить ущерб от непредвиденных ситуаций на 10–13%. Соответственно вырастет и прибыль системы. Кроме непосредственного снижения ущерба за счет оптимального распределения средств на управление рисками, агенты и система в целом получают ряд преимуществ. Снижение ущерба системы говорит об умень-

шении риска системы и агентов. Данный факт позволяет снизить расходы на страхование – как обязательное (обязательное страхование гражданской ответственности владельца опасного объекта), так и добровольное – за счет снижения страховой премии, размер которой зависит от уровня риска страхователя. Также снижение риска отражается на экологической ситуации. Следует отметить, что ущербы от экологических катастроф наиболее масштабные и трудно прогнозируемые. Поэтому оптимальное распределение средств на управление рисками агентов системы с учетом их уровня риска и эффективности от вложений в безопасность позволит снизить не только ущерб системы, но и вероятность реализации непредвиденных ситуаций, последствия от которых могут отразиться на природной среде. Снижение уровня риска системы и агентов свидетельствует об их устойчивости и надежности, что положительно отражается на деловых отношениях с партнерами. Таким образом, можно сказать, что разработанная модель оптимального распределения средств на управление рисками в системе «центр – агенты» позволяет не только снизить ущерб от непредвиденных ситуаций, но и получить преимущества в виде снижения уровня риска, скидки при страховании, повышения экологической устойчивости, повышения надежности системы в целом и агентов в частности.

Список литературы

1. Хохлов Н.В. Управление риском: Учебн. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 239 с.

2. Ростова Е.П. Показатели оценки эффективности вложений в безопасность предприятия // Организатор производства. 2013. №3 (58) С. 68–72.

3. Досугова А.В. Контроллинг рисков в системе риск-менеджмента организации // Контроллинг. 2011. № 3. С. 60–63.

4. Авдийский В.И. Риск-менеджмент как составная часть корпоративной системы управления // Бухгалтерский учет. 2012. № 8. С. 98–101.

5. Волкова Т.А., Волкова С.А., Тинякова В.И. Концептуальные основы формирования системы упреждающего риск-менеджмента // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № S1. С. 40–45.

6. Запруднова Я.А. Риск-менеджмент на предприятии // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 8(1). С. 14.

7. Белозерский А.Ю. Методика выбора мероприятий по управлению рисками на металлургических предприятиях // Журнал правовых и экономических исследований. 2011. № 1. С. 171–175.

8. Андриевских М.В., Любочская О.К. Передовой опыт предприятий по управлению рисками на рабочих местах // Охрана и экономика труда. 2011. № 3. С. 40–42.

9. Быков А.А. Макроструктура национальной экономики и энергетические риски // Белорусский экономический журнал. 2012. № 2. С. 48–60.

10. Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском производственных систем // Экономика и математические методы. 1997. № 4.

11. Бурков В.Н., Новиков Д.А., Щепкин А.В. Механизмы управления эколого-экономическими системами. М.: ИПУ РАН, 2008. 244 с.

12. Бурков В.Н., Грищенко А.Ф., Кулик О.С. Задачи оптимального управления промышленной безопасностью. М.: ИПУ РАН, 2000. 70 с.

13. Ростова Е.П. Модель стимулирования при управлении рисками в системе промышленных предприятий // Проблемы управления. 2015. № 1. С.73–80.

14. Замков О.О., Толстопятенко А.В., Черемных Ю.Н. Математические методы в экономике: Учебник МГУ. М.: Дело и Сервис, 1999. 366 с.

15. Шапкин А.С., Мазаев Н.П. Математические методы и модели исследования операций. М.: Издательский дом «Дашков и К», 2007. 400 с.

MATHEMATICAL MODEL OF OPTIMAL ALLOCATION OF FUNDS FOR RISK MANAGEMENT IN THE «CENTER-AGENTS» SYSTEM USING DYNAMIC PROGRAMMING

E.P. Rostova

Samara State Aerospace University named after Academician S.P. Korolyov
(National Research University)

In order to optimize the process of risk management in the «center-agents» system, we have developed a mathematical model based on minimizing the damages from the implementation of contingencies in the system. A description is given of the «center-agents» system, for which the model was developed. The task of resources allocation is solved using dynamic programming methods. The mathematical model can be applied within one company or organization that includes a number of business units or in a group of companies managed by a governing body that distributes resources for risk management in the system. The mathematical model presented in the article allows one to reduce the damage to the system by optimal allocation of resources for risk management.

Keywords: damage, risk, risk management, center, agents, dynamic programming.

УДК 658.5

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОТОКОМ В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

© 2016 г.

Ю.А. Сидоренко, В.Г. Фролов, Н.А. Салмина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

yurisidorenko070842@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.03.2016
Статья принята к публикации 20.04.2016

Исследуются специфические характеристики промышленного предприятия как объекта логистического управления с особым выделением таких элементов, как тип производства, специализация цехов, календарно-плановые нормативы. Системный подход на основе сравнительного анализа отечественных и зарубежных логистических систем управления материальным потоком позволил выявить особенности эффективного управления материальным потоком, а также подходы к формированию в реальных производственных комплексах «вытягивающих» и «выталкивающих» логистических систем оперативно-производственного планирования и регулирования. Результаты исследования позволяют сформулировать основные критерии выбора логистической системы управления производством в случае не только многономенклатурного диверсифицированного предприятия, но и формирования готового изделия на мелкосерийном и единичном производстве, что, в свою очередь, дает возможность оптимальным образом спланировать движение материальных потоков логистической системы промышленного предприятия.

Ключевые слова: производственный менеджмент, производственная логистика, характеристики промышленного производства, логистические системы управления материальным потоком, календарно-плановые нормативы.

Введение

На современном сложном этапе функционирования и достаточно проблемного научно-технического развития национальной экономики резко проявляются принципиально новые требования к организации и управлению производством, которые выходят за рамки традиционных подходов и методов их реализации [1–5]. Эти рамки стали сдерживать не только развитие самого промышленного производства и его экономику, но и работу снабженческих и сбытовых структур, организацию транспортно-складского обслуживания, а также производственных комплексов [1, 3, 6]. Изменения во многие устоявшиеся представления об организации производственно-технологического процесса на предприятии внесла логистика, в которой задача полной загрузки мощностей заменяется задачей минимизации срока прохождения оборотных средств через предприятие; задача содержания запасов материальных ресурсов заменяется задачей обеспечения информацией о возможности их приобретения; задача снижения себестоимости дополняется задачей более быстрого удовлетворения спроса за счет гибкого маневрирования производственными мощностями и т. д.

При этом снижение себестоимости в условиях конкуренции должно достигаться не только традиционным увеличением количества выпускаемой продукции, но и логистической организацией производственного процесса в увязке со всем комплексом логистических операций в материало- и товаропроизводящих системах в целом [3, 7]. Управление материальным потоком должно быть сквозным и из единого центра, а все логистические операции должны быть полностью интегрированы, т.е. взаимосвязаны и взаимозависимы, в том числе с оптимизацией потоковых процессов в равных по пропускной способности звеньях: закупка – транспортировка – складирование – транспортировка – рабочее место – участок – цех – транспортировка – складирование – реализация.

Материальный поток на пути от складов материальных ресурсов до складов готовой продукции проходит, как правило, в основном производстве большое количество разнообразных стадий: заготовительную, механообрабатывающую, механосборочную, сборочную, и управление материальными и информационными потоками с учетом имеющих место специфических особенностей реализуется идеологией производственной логистики, главной составной части производственного менеджмента.

Цель производственной логистики заключается в полной синхронизации процесса производства и логистических операций во взаимосвязанных звеньях (поставщик – изготовитель – потребитель). Задачи производственной логистики отражают особенности логистической системы, а в рамках процесса управления производством реализуются посредством применения современных методов и систем оперативно-производственного планирования и регулирования (систем ОПП) [8, 9].

Анализ теории и практики управления промышленным производством в стране и за рубежом позволил выделить и предложить для использования в современных условиях хозяйствования такие логистические подходы и системы ОПП, как «по опережениям», «по заделам», «на склад», «позаказная» «партионно-периодическая», «по ритму выпуска», JIT («точно в срок» или CANBAN), система MRP, а также их разновидности [1–5, 10–15].

Теоретико-методологические подходы к формированию логистических систем оперативно-производственного планирования

Выбор эффективных логистических систем оперативно-производственного планирования и регулирования на промышленном предприятии должен исходить из учета:

- формы собственности и реальных перспектив развития;
- характера производимой продукции и формы кооперирования;
- особенностей организации производства и специализации цехов;
- типа производства и преобладающего движения материального потока;
- вариантов окончательного и промежуточного складирования;
- методов установления плановых заданий и расчета календарно-плановых нормативов;
- применяемой тактики регулирования производственно-хозяйственной деятельности и оценки результатов работы.

Принадлежность к конкретной разновидности типа производства определяется преобладающим типом, который имеют цехи основного производства на предприятии. Для определения соответствующей разновидности типа производства на предприятии следует использовать коэффициент серийности – *Кс*. Он определяется как отношение общего числа деталей-операций, выполняемых в данном цехе, к общему числу единиц оборудования в цехе. Как показали многочисленные исследования, если величина *Кс* оказывается меньше 5, тогда производство следует отнести к массовому. Если величина *Кс* оказывается большей или равной 5, но меньшей 20, тогда производство следует отнести к серийному с наличием возможных разновидностей – мелкосерийное, среднесерийное, крупносерийное. Если величина *Кс* оказалась больше или равна 20, тогда производство следует отнести к единичному [9, 11, 14].

Имеющая место предметная, технологическая или смешанная специализация производственных звеньев – производств, цехов, участков – во многом взаимосвязана с назначением производимой промышленными предприятиями продукции: товарная продукция конечного потребления, комплектующие изделия и компоненты, запчасти для ремонтно-эксплуатационных нужд, поставки по кооперации, унифицированные детали и узлы, товары культурно-бытового назначения и др. Выявление и рассмотрение этих параметров дает возможность обоснованно выбрать соответствующую логистическую систему ОПП и, что самое главное, сформулировать подходы к эффективному оперативному управлению производственным процессом на предприятии и его составных частях (таблица 1).

Концепция управления материальным потоком каждой конкретной логистической системы, по нашему мнению, должна быть увязана не только с типом производства и специализацией цехов, но и с установлением основного объекта управления, степенью децентрализации плановой работы, методологией регулирования и принятия управленческих решений, порядком и взаимодействием расчетов по производственному и оперативно-календарному планированию, составом и методами определения календарно-плановых нормативов, выбором планово-учетной единицы.

В системе ОПП «по опережениям» календарные сроки и объемы работ задаются от сборки всем предшествующим стадиям и производственным подразделениям с учетом длительности производственного цикла и необходимых опережений запуска–выпуска. Данный подход характерен для технологической специализации цехов, средне- или мелкосерийного типа производства, сформированного календарного графика отгрузки продукции со складов сбыта по заказам потребителей. Основной объект управления – сборочный цех, основная проблема управления – оперативно-календарное планирование сборки и межцеховых передач, основные календарно-плановые нормативы – размер партии обработки, длительность производственного цикла, опережения запуска – выпуска, допустимый нормированный запас готовой про-

Таблица 1

Рекомендации по выбору логистической системы управления материальным потоком

Тип производства	Специализация цехов	Рекомендуемая система ОПП
Поточное (массовое)	• Технологическая • Предметная • Смешанная	• По ритму выпуска • Партионно-периодическая • На склад
Крупносерийное	• Технологическая • Предметная • Смешанная	• Партионно-периодическая • На склад • По заделам
Серийное	• Технологическая • Предметная • Смешанная	• По заделам • По опережениям • На склад
Мелкосерийное	• Технологическая • Предметная • Смешанная	• По опережениям • Позаказная • На склад

дукции на складе сбыта. В данном случае сборочный цех, работая «с колес», диктует всем последующим цехам вплоть до складов снабжения количество и сроки поставки конкретных видов ресурсов, как бы вытягивая из них материальный поток по мере необходимости. Развитием данной системы послужило формирование известной идеологии JIT, или «точно в срок».

В наиболее распространенной системе в условиях стабильного спроса ОПП «по заделам» обеспечивается постоянное насыщение всех стадий производства заготовками, деталями, сборочными единицами (ДСЕ) и поддержание расчетного, нормативного уровня соответствующих заделов незавершенного производства в каждом цехе. Как правило, это технологическая специализация цехов, крупносерийный тип производства, в меру стабильные план производства товарной продукции и устоявшиеся взаимосвязи с поставщиками и потребителями. Наличие значительных оборотных средств в незавершенном производстве, с одной стороны, как бы гарантирует выполнение плановых заданий производственными цехами, а с другой – требует в настоящих рыночных условиях гибкого управления нормативными значениями заделов ДСЕ в каждом цехе исходя из меняющейся среднесуточной потребности в них. Основной объект управления – это, как правило, все цеха основного производства, а основная проблема управления – оперативно-календарное планирование межцеховых передач и постоянный перерасчет нормативных значений незавершенного производства с учетом реализации и спроса. К основным календарно-плановым нормативам следует отнести размер партии обработки, длительность производственного цикла, норму и нормативное значение величины задела в незавершенном производстве.

При классической системе ОПП «на склад» создается и пополняется складской запас, снижение которого до величины, соответствующей «точке заказа», вызывает необходимость запуска в производство (или заказа) очередной партии деталей. Основной объект управления в данной системе – любой склад, где возникает необходимость промежуточного хранения конкретной номенклатуры в оптимальном количестве. Ими могут быть склады снабжения, заготовок, готовых деталей, готовой продукции, инструмента, оснастки, запасных частей и т. д. Как правило, это технологическая или смешанная специализация производственных подразделений, серийный тип производства, оборудованные штабелерами и оснащенные мерной тарой складские помещения. Основная проблема управления в данной системе заключается в оперативном контроле состояния складских запасов и обоснованных расчетах оптимальных (рациональных) величин нормативных запасов. Основные календарно-плановые нормативы – это нормативные значения складских запасов: страхового, минимального, максимального, соответствующего «точке заказа», а также размер партии поставки (производства) и длительность выполнения заказа. Данная система имеет практическое эффективное применение при условии гибкого управления нормативными значениями запасов для разных номенклатурных групп исходя из издержек хранения и темпов потребления.

«Позаказная» логистическая система ОПП применяется, как правило, в единичном и мелкосерийном производстве, когда все детали и узлы, необходимые для выполнения какого-либо заказа, запускаются в производство с учетом количества, указанного в заказе, и длительности изготовления. Единичное производство представляет собой малый или штучный объем выпуска разнообразной и непостоянной номенклатуры по отдельным заказам. Для единичного производства характерны технологическая специализация рабочих мест и невозмож-

ность постоянного закрепления номенклатуры деталей и операций за рабочими местами; применение, как правило, универсального оборудования и оснастки; относительно большой удельный вес ручных и доводочных работ; применение труда высококвалифицированных рабочих-универсалов; значительная длительность производственного цикла. Основной объект управления – заказ, основная проблема управления – сетевое оперативно-календарное планирование и регулирование работы всех исполнителей, основные календарно-плановые нормативы – размер величины заказа, длительность производственного цикла изготовления, нормативы затрат ресурсов или денежных средств.

Имеющее место на ряде промышленных предприятий массовое производство характеризуется непрерывностью и относительно длительным периодом изготовления однородной продукции в больших количествах. Непременным условием массового производства является высокий уровень стандартизации и унификации деталей и узлов; узкая специализация рабочих мест на выполнение, как правило, одних и тех же постоянно закрепленных операций; преобладание в технологии производства специального высокопроизводительного оборудования, оснастки и приспособлений; достаточно высокая степень механизации и автоматизации технологического процесса; малая длительность производственного цикла изготовления конечной продукции; незначительная себестоимость производимой продукции. На практике, как правило, это предметная или смешанная специализация в производственных звеньях, что предопределяет использование при управлении материальным потоком либо «партионно-периодической» логистической системы, либо системы «по ритму выпуска». В подобных системах ОПП устанавливается и постоянно соблюдается определенная периодичность (ритм) изготовления партий деталей, сборочных единиц по стандартным календарным расписаниям, исходя из требований выпуска готовых изделий. Основной объект управления – цеха окончательной сборки и выпуска готовой продукции, основная проблема управления – оперативно-календарное планирование сборки и межцеховых передач, основные календарно-плановые нормативы – размер и ритм партии запуска–выпуска, нормативы заделов внутрицеховые и складские, длительность производственного цикла.

Значительный интерес из зарубежного опыта эффективного управления материальным потоком представляют система JIT («точно в срок» или KANBAN), система MRP, а также их доработанные разновидности.

Система JIT («точно в срок» или KANBAN) нацелена главным образом на сокращение одного из основных экономических факторов на промышленном предприятии – производственных потерь. При этом наличие любых складских запасов рассматривается как наихудший вид потерь, поскольку это сопряжено со значительными издержками во всех сферах производственно-хозяйственной деятельности. Система представляет собой качественно новую ступень в организации процесса синхронизации процессов производства и материально-технического снабжения. Основная цель системы «точно в срок» или KANBAN – повышение эффективности производства за счет сокращения потерь.

Э. Хэй – признанный специалист в области анализа японских методов повышения эффективности производства – отмечает, что с точки зрения японских методов управления потери – это все, за исключением абсолютного минимума трудовых и материальных ресурсов, расходуемых на добавление стоимости изделия [16]. Стоимость добавляется только в процессе обработки, вспомогательные же операции типа хранения, учета, сортировки, перемещения, контроля стоимости не добавляют, а, наоборот, порождают затраты, поэтому должны рассматриваться как потери. Согласно некоторым экспертным оценкам, в стандартном производстве на промышленном предприятии деталь находится в процессе машинной обработки лишь 5–10% времени, а остальные 90–95% – в процессе транспортирования, контроля и ожидания обработки. От 60 до 70% производственных затрат не связаны с процессом непосредственной машинной обработки, а обусловлены организацией производственно-технологической деятельности, планированием и учетом хода производства, контролем за работой оборудования и рабочих, оценкой обеспеченности производства и т.д. Проведенные в различных странах исследования показали, что доля затрат на транспортно-складские работы и снабженческо-сбытовую деятельность в себестоимости промышленной продукции составляет в среднем 30–40%, а в отдельных случаях может доходить и до 50–70% [15, 16].

Суть системы KANBAN сводится к созданию непрерывного поточного многопредметного производства, в котором участки, рабочие места, расположенные на последующих этапах технологического цикла, «вытягивают» необходимую им продукцию с предыдущих участков при возникновении в ней потребности. Документами, регламентирующими производственную деятельность, являются план-график

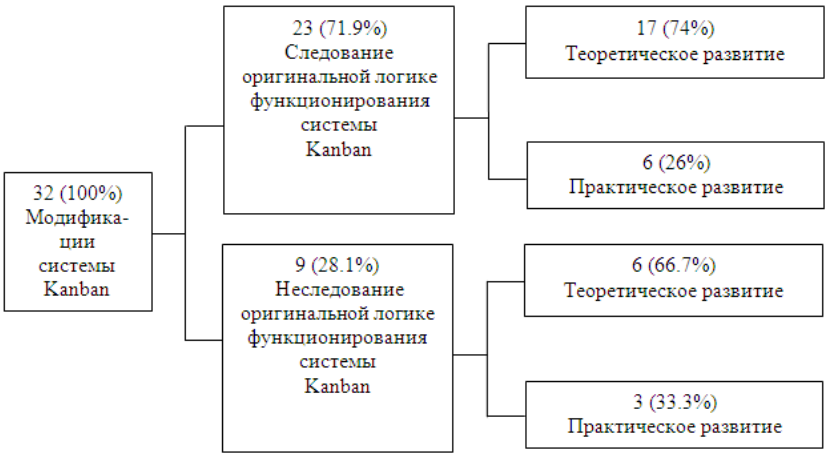


Рис. 1. Модификации логистической системы KANBAN в соответствии с оригинальными характеристиками и типом развития

окончательной сборки и карточка-разрешение на обработку (KANBAN), которая сопровождает контейнер, паллет с деталями на протяжении всего производственного процесса. При этом каждая обрабатываемая партия деталей снабжается данной карточкой, в которой указаны: контрольный номер карточки, наименование и номер детали, модель изделия, маршрут ее изготовления или хранения, стандартные параметры детали, следующая технологическая операция, количество деталей в партии.

Механизм действия системы «вытягивания» достаточно прост. По окончании обработки партии заготовок, деталей пустой контейнер возвращается поставщику или изготовителю (рабочее место, участок, склад), предшествующему получателю в технологической цепочке. Получив его, поставщик немедленно отправляет полный контейнер потребителю-пользователю и одновременно приступает к изготовлению очередной партии заготовок, деталей. Таким образом, потребитель-пользователь как бы запускает производство у поставщика-изготовителя.

Подобная схема взаимоотношений устанавливается между складами, цехами, участками и рабочими местами, выполняющими последовательные операции технологического процесса. Особенность метода заключается в количестве карточек, циркулирующих в системе одновременно. Их расчет производится с учетом среднедневной потребности в деталях, количестве деталей в контейнере (не более 10% от дневной потребности), времени ожидания и времени обработки одного контейнера, а также допустимого времени на непредвиденные ситуации (не более 10% от общего времени). Вследствие короткого времени подготовки производства и ограниченного количества деталей в контейнере система KANBAN предполагает неоднократное ежедневное перемещение одноименных заготовок, деталей, узлов из цеха в цех. Готовые изделия от субподрядчиков могут поставляться на заводы фирмы до 4 раз в день. Система предполагает выполнение заказов не по неделям, а по дням и даже часам.

В организационно-технологическом отношении система KANBAN требует соблюдения следующих условий:

- для доставки используются только стандартные контейнеры;
- количество деталей в контейнере строго определено, что облегчает учет и контроль запасов;
- количество контейнеров на последующем производственном переходе участка не должно быть больше 2;
- производство осуществляется небольшими партиями;
- время простоя оборудования по причине отсутствия заказов не рассматривается как непроизводственное, оно используется для профилактики и устранения возможных неполадок.

В своем развитии большинство адаптированных систем KANBAN, 71.9%, следуют первоначальной логике функционирования. С другой стороны, 26% из тех систем, которые следуют оригинальной логике, представляют практические разработки. Доля модифицированных систем, которые не следуют за оригинальной логикой функционирования, – 28.1%, из этих систем 33.3% представляют практическое развитие. Все это указывает на то, что есть значительные трудности в сохранении характеристик системы KANBAN в оригинальном виде, когда она реализуется в реальных производственных системах (рисунок 1) [10].

Следует отметить, что система KANBAN, понимаемая как метод диспетчирования заказов с помощью специальных карточек, применима в большей степени к изготовлению и поставке деталей, узлов массового производства.

Заказы на изготовление сложных узлов и блоков, используемых в изделии в небольших количествах, оформляются заранее в соответствии с производственным календарным планом, составляемым с помощью компьютерной системы материально-производственных потребностей (MRP – Materials Reguirements Planning). Если типичная система KANBAN функционирует, как правило, на основе ежедневного, иногда еженедельного плана, то система MRP базируется на среднесрочном планировании – на основе еженедельных или месячных планов. Одной и той же цели, а именно максимальной производительности при минимальных затратах, рассматриваемые системы достигают разными средствами:

- система KANBAN – ужесточением календарного графика, снижением уровня запасов, постоянным визуальным контролем производства, сокращением подготовительно-заключительного времени;
- система MRP – созданием информационных производственных модулей и моделей, обеспечивающих наиболее экономичную организацию и эффективное управление промышленными процессами;
- система KANBAN зависит от надежности поставщиков, которые осуществляют снабжение в строгом соответствии с календарной потребностью в них;
- в условиях MRP для исключения сбоев, обусловленных ненадежностью поставщиков, используются резервные запасы сырья, деталей и полуфабрикатов.

В последние годы во многих странах предпринимаются попытки создать комбинированные системы MRP – KANBAN для взаимного устранения недостатков, присущих каждой из этих систем в отдельности. Обычно в таких комбинированных системах MRP используют для планирования и прогнозирования спроса, сбыта и закупок, а систему KANBAN – для оперативного управления производством. Некоторые западные исследователи называют такую систему MRP III. Концепция «тощего производства» (lean production, LP) фактически является соединением концепций JIT и MRP.

Фундаментальный инструмент логистического менеджмента в системах MRP представляет собой расписание, которое координирует весь процесс поставок и пополнения запасов готовой продукции в распределительной сети. В конце 90-х годов в США и Западной Европе появилась расширенная версия системы MRP II, которую называют вторым поколением систем управления распределением продукции в логистических системах. В системах MRP II используются более совершенные модели управления и алгоритмы программирования, рассчитанные на локальные сети персональных компьютеров и телекоммуникационные электронные каналы, работающие в режиме on line. За последнее десятилетие среди прочих концепций большое распространение получили различные варианты концепции «реагирования на спрос» (demand-driven techniques, DDT). Эта концепция разрабатывалась как модификация MRP в плане улучшения реакции на изменение потребительского спроса. Наиболее известными в настоящее время являются четыре варианта концепции:

- концепция «точки заказа» (re-order point, ROP) использует одну из известнейших методик контроля и управления запасами, основанную на точке заказа и статистических параметрах расхода продукции. Эффективность ROP в значительной степени зависит от точности прогнозирования спроса, сфера использования концепции – регулирование страховых запасов;
- концепция «быстрого реагирования» (quick response, QR) представляет собой логистическую координацию связи между розничными торговцами и оптовиками с целью улучшения продвижения готовой продукции в их распределительных сетях в ответ на предполагаемые изменения спроса. Реализация осуществляется путем мониторинга продаж в розничной торговле и передачи оптовикам и, далее, производителям продукции информации об объеме продаж. Применение QR позволяет уменьшить запасы готовой продукции до требуемого уровня, но не ниже величины, способной быстро удовлетворить потребительский спрос, и в то же время значительно повысить оборачиваемость запасов;
- концепция «непрерывного пополнения запасов» (continuous replenishment, CR) является модификацией концепции «быстрого реагирования». Целью данной стратегии является установление эффективного логистического плана, направленного на непрерывное пополнение запасов готовой продукции у розничных торговцев. Поставщик на основе обработки информации о продажах и прогнозе спроса непрерывно пополняет запасы у розничных торговцев непосредственно или через оптовых посредников. Согласно этой концепции, для эффективной работы необходимо выполнение двух основных условий: во-первых, достоверная информация от розничных торговцев и надежная доставка готовой

продукции, во-вторых, максимальное соответствие размеров грузовых отправок грузовместимости транспортных средств;

- концепция «автоматического пополнения запасов» (automatic replenishment, AR) является дальнейшим развитием концепций «быстрого реагирования» и «непрерывного пополнения запасов». Данная концепция обеспечивает поставщиков необходимым набором правил для принятия решений по товарным характеристикам и категориям.

Выбор логистической системы оперативно-производственного планирования в реальных производственных комплексах

Выбор логистической системы в российской и международной практике в первую очередь определяется «понятностью» и стоимостью внедрения [17]. На сегодня системы управления (учета, планирования, выработки и принятия управленческих решений) предлагаются в различных исполнениях, например при аренде программного обеспечения, разработке «под ключ» внедренческих решений. С таких позиций ключевым фактором, определяющим внедрение той или иной системы, является цена соответствующего информационного обеспечения. Причем затраты на внедрение в конечном итоге могут быть не оправданы за счет наличия множества факторов, не учтенных на этапе планирования.

Одним из подходов, позволяющих решить эту проблему, в производственной области является модель межпроизводственного потребления. Данный подход позволяет оптимальным образом сформировать план реализации (выпуска) и расписание потребления материальных ресурсов внутри масштабного промышленного предприятия (при этом могут быть использованы различные модели, например диаграмма Генри Гантта). Подход к потреблению материальных ресурсов, представленный в статье, реализован в [17] и заключается в следующем.

Одной из специфических особенностей логистической системы промышленного производства является то, что в состав себестоимости произведенной продукции входит товарная продукция, реализуемая на сторону, и полуфабрикаты собственного производства для внутреннего потребления (оказание услуг взаимного производственного характера). То есть результаты одного процесса служат ресурсами для другого. Поэтому можно выделить внутри предприятия «поставщиков» внутренних продуктов или услуг и «клиентов», использующих эти продукты или услуги в своей работе. В связи с этим возникает возможность разработки и применения логистической модели, которая, характеризуя межпроизводственные взаимосвязи, даёт возможность определить оптимальные пропорции производства продукции на сторону и внутреннего потребления полуфабрикатов собственного производства. Такой подход предполагает взаимосвязи как структурных подразделений (цехов, участков, производств) внутри предприятий, так и предприятий между собой в процессе производства полуфабрикатов и товарной продукции, реализуемой на сторону, при любом типе производства и специализации, что подчеркивает его универсальность [17]. Пример использования данной модели приведен в табл. 2 и 3.

Соотношение валового объема промежуточной продукции и конечного продукта, реализуемого на сторону, выражается моделью межпроизводственного потребления:

$$DC_i = \sum_{j=1}^{n} x_{ij} + y_i \quad (i = \overline{1,n}). \qquad (1)$$

Коэффициенты прямых затрат:

$$a_{ij} = \frac{x_{ij}}{DC_j} \quad (i = \overline{1,n}).$$

Формула межпроизводственного потребления:

$$DC_i = \sum_{j=1}^{n} a_{ij}\, DC_j + y_i. \qquad (2)$$

В матричном виде:

$$DC = \begin{pmatrix} DC_1 \\ DC_2 \\ DC_3 \\ \dots \\ DC_i \\ \dots \\ DC_n \end{pmatrix}, A = \begin{pmatrix} a_{11}\ a_{12}\ a_{13} \dots a_{1j} \dots a_{1n} \\ a_{21}\ a_{22}\ a_{23} \dots a_{2j} \dots a_{2n} \\ a_{31}\ a_{32}\ a_{33} \dots a_{3j} \dots a_{3n} \\ \dots\ \dots\ \dots\ \dots\ \dots\ \dots\ \dots \\ a_{i1}\ a_{i2}\ a_{i3} \dots a_{ij} \dots a_{in} \\ \dots\ \dots\ \dots\ \dots\ \dots\ \dots\ \dots \\ a_{n1}\ a_{n2}\ a_{n3} \dots a_{nj} \dots a_{nn} \end{pmatrix},$$

$$Y = \begin{pmatrix} y_1 \\ y_2 \\ y_3 \\ \dots \\ y_i \\ \dots \\ y_n \end{pmatrix},$$

где DC – вектор валового выпуска; A – матрица прямых затрат, Y – вектор конечного продукта.

Система в матричном виде:

$$DC = (A \times DC) + Y, \quad Y = DC - (A \times DC) =$$
$$= (1 - A) \times DC, \quad Y = (E - A) \times DC.$$

Таблица 2

Межпроизводственное потребление и реализация на сторону

Структурные единицы		Потребление							Конечный продукт, Y	Валовой выпуск, DC
		1	2	3	…	j	...	n		
Производство	1	x_{11}	x_{12}	x_{13}	...	x_{1j}	...	x_{1n}	Y_1	DC_1
	2	x_{21}	x_{22}	x_{23}	...	x_{2j}	...	x_{2n}	Y_2	DC_2
	3	x_{31}	x_{32}	x_{33}	...	x_{3j}	...	x_{3n}	Y_3	DC_3
	…	...	...	...	...	...	...	...	...	...
	i	x_{i1}	x_{i2}	x_{i3}	...	x_{ij}	...	x_{in}	Y_i	DC_i
	…	...	...	...	...	...	...	...	...	...
	n	x_{n1}	x_{n2}	x_{n3}	...	x_{nj}	...	x_{nn}	Y_n	DC_n

DC_i – валовой объем выпуска продукции i-й структурной единицы (участком, цехом, подразделением, предприятием в целом) ($i = \overline{1,n}$); Y_i – объем конечного продукта i-й структурной единицы для конечного потребления (продукция, реализуемая на сторону); x_{ij} – объем продукции i-й структурной единицы, потребляемый j-й структурной единицей (полуфабрикаты собственного производства).

Таблица 3

Межпроизводственное потребление и реализация на сторону

Структурные единицы		Потребление						Конечный продукт, Y	Валовой выпуск, DC	ROS
		1. МП	2. КЦЛ	3. КП	4. ПАКРУ	5. ЗААГ	6. ПРП			
Производство	1. МП	0.00	0.00	0.00	15.18	899.33	242.00	1424.44	2580.95	0.06
	2. КЦЛ	0.00	0.00	0.00	9.85	243.96	28.99	87.97	370.77	0.18
	3. КП	0.00	0.00	0.00	8.94	796.00	364.09	828.54	1997.57	0.17
	4. ПАКРУ	0.00	0.00	0.00	0.00	1058.87	397.91	1151.08	2609.84	0.09
	5. ЗААГ	0.00	0.03	0.00	88.28	0.00	0.00	5606.66	5694.97	0.16
	6. ПРП	79.87	0.00	585.73	23.38	979.54	0.00	412.82	2081.34	0.08
ИТОГО:		79.87	0.03	585.73	145.63	3977.7	1032.99	9511.51	15335.44	0.12

1. МП – металлургическое производство; 2. КЦЛ – корпус цветного литья; 3. КП – кузнечное производство; 4. ПАКРУ – производство арматуры, колес и рулевых управлений; 5. ЗААГ – завод автомобильных агрегатов; 6. ПРП – прессово-рамное производство.

Параметры модели, в первую очередь валовой выпуск, будут определяться выручкой от реализации и производственными расходами. Далее, исходя из вектора валового выпуска, задаваемого объёмами продаж, будут определяться вектор конечного потребления $Y = (E - A) \times DC$ и параметры межпроизводственного выпуска, т.е. взаимосвязанная работа «по опережениям».

Для определения оптимальных пропорций производства и потребления, позволяющих достигнуть запланированного показателя рентабельности продаж, введены ограничения:

1. $PR_i \geq 0$ – прибыль от продаж неотрицательна;

2. $y_i^{\text{будущий период}} \geq y_i^{\text{базисный период}}$ – плановые показатели конечного продукта будущего периода должны быть не меньше фактических показателей базисного периода.

Суммарный показатель ROS по всем структурным единицам выступает в качестве функции цели, а именно как максимально возможный критерий при заданных ограничениях:

$$ROS = \frac{\sum_{i=1}^{n} PR_i}{\sum_{i=1}^{n} R_i} = \sum_{i=1}^{n} k_R \cdot ROS_i \to \max, \quad (3)$$

где PR_i – прибыль i-й структурной единицы, R_i – выручка от реализации i-й структурной едини-

цы; $k_R = R_i \Big/ \sum_{i=1}^{n} R_i$ – удельный вес выручки i-й структурной единицы в общем ее объеме; ROS_i – рентабельность продаж i-й структурной единицы.

Например, объемы межпроизводственного потребления и реализации продукции на сторону при заданной системе ограничений и планируемой рентабельности продаж 12% представлены в табл. 3. В качестве примера используется предприятие автомобильной промышленности ОАО «ГАЗ» (автокомпонентное производство) [18].

Данный универсальный подход позволяет сформулировать основные критерии выбора логистической системы управления производством в случае не только многономенклатурного диверсифицированного предприятия, но и формирования готового изделия на мелкосерийном и единичном производстве, что, в свою очередь, дает возможность оптимальным образом спланировать движение материальных потоков логистической системы промышленного предприятия.

Выводы

Таким образом, в зависимости от идеологии управления материальным потоком все применяемые логистические системы ОПП можно подразделить на две группы: вытягивающие и выталкивающие. Вытягивающие системы – «по опережениям», «на склад», JIT («точно в срок») и система «позаказная». К выталкивающим следует отнести систему ОПП «по заделам», «партионно-периодическую», «по ритму выпуска», MRP. Результаты исследования подробных характеристик логистических систем в увязке с особенностями объекта управления и подходами по текущему и календарному планированию, содержанию рассчитываемых значений календарно-плановых нормативов носят универсальный характер и могут быть использованы как рекомендации менеджерами производства и специалистами по оперативному управлению в практической деятельности.

Знание специфических особенностей и конкретных параметров своего объекта управления позволяет четко определить концепцию управления, выбрать соответствующую систему ОПП и эффективные правила оперативно-календарного планирования, нормирования и регулирования материального потока. Вместе с тем реальное воплощение подобных подходов на практике влечет за собой: выработку стратегии функционирования и развития предприятия; организацию бизнес-планирования и бюджетирования; реализацию методик и подходов управления затратами, оперативное управление основным производством и, что немаловажно, – применение новейших информационных технологий в управленческой деятельности.

Список литературы

1. Джордж М.Л. Бережливое производство + шесть сигм: Комбинируя качество шести сигм со скоростью бережливого производства. М.: Альпина Бизнес букс, 2005. 360 с.

2. Bonney M., Jaber M.Y. Deriving research agendas for manufacturing and logistics systems: A methodology. // International Journal of Production Economics. 2014. V. 157. P. 49–61.

3. Куркина И.В., Митяков С.Н. и др. Процессный подход к управлению промышленным предприятием: Учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т, 2005. 158 с.

4. Кузнецов В.П., Семахин Е.А. Организационные особенности управления производственной системой в автомобилестроении // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 2(38). С. 42–46.

5. ГОСТ Р 56407-2015. Бережливое производство. Основные методы и инструменты. URL: http://nd.gostinfo.ru/document/5352808.aspx (дата обращения: 02.03.2016).

6. Keller J., Markmann C., von der Gracht H.A. Foresight support systems to facilitate regional innovations: A conceptualization case for a German logistics cluster // Technological Forecasting and Social Change. 2015. V. 97. P. 15–28.

7. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г. Инвестиционные механизмы развития промышленного производства: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. 156 с.

8. Основы логистики: Учеб. пособие / Под ред. Л.Б. Миротина и В.И. Сергеева. М.: ИНФРА-М, 2000. 200 с.

9. Акинин Б.А. Логистика. М.: ИНФРА-М, 2000. 352 с.

10. Lage Junior M., Godinho Filho M. Variations of the kanban system: Literature review and classification // International Journal of Production Economics. 2010. V. 125. Issue 1. P. 13–21.

11. Сидоренко Ю.А. Методологические основы производственного менеджмента: Учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. 242 с.

12. Гаврилов Д.А. Управление производством на базе стандарта MRP II. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 416 с.

13. Tung-Hsu (Tony) Hou, Wei-Chung Hu. An integrated MOGA approach to determine the Pareto-optimal kanban number and size for a JIT system // Expert Systems with Applications. 2011. V. 38. Issue 5. P. 5912–5918.

14. Грундиг К.Г. Проектирование промышленных предприятий: Принципы. Методы. Практика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 340 с.

15. Такеда Хитоси. Синхронизированное производство. М.: Издательство ИКСИ, 2008. 285 с.

16. Шонбергер Р. Японские методы управления производством. М.: Экономика, 1988. 251 с.

17. Салмин П.С., Салмина Н.А. Оптимальное распределение ресурсов смежных производств (на примере ОАО «ГАЗ») // Финансы и кредит. 2014. № 41 (617). С. 25–35.

18. Официальный сайт компании «Группа ГАЗ». URL: www.gazgroup.ru. (дата обращения: 02.03.2016).

MAIN CHARACTERISTICS AND FEATURES OF LOGISTICS SYSTEMS FOR MATERIALS FLOW MANAGEMENT IN INDUSTRIAL PRODUCTION

Yu. A. Sidorenko, V.G. Frolov, N.A. Salmina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The aim of the article is to explore the specific characteristics of an industrial enterprise as an object of logistical management, with a focus on such elements as the type of production, specialization of shops, scheduling and planning regulations. By using systems approach based on a comparative analysis of domestic and foreign logistics material flow control systems, we have identified some features of effective material flow management, as well as some approaches to the formation of «pulling» and «pushing» logistics systems for operational and production planning and control in actual production complexes. The results of the study allow us to formulate the main criteria for the selection of logistic production management system not only for the case of a multiproduct diversified enterprise, but also for the case of finished product manufacturing at a small-batch and unit production facility, which, in turn, makes it possible to optimally plan the movement of material flows in the logistics system of an industrial enterprise.

Keywords: production management, production logistics, characteristics of industrial production, logistic material flow management system, scheduling and planning regulations.

УДК 346.3

СУБКОНТРАКТИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

© 2016 г.

Л.В. Христофорова

Оренбургский институт путей сообщения – филиал Самарского университета путей сообщения

xristoforovalv1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.03.2016
Статья принята к публикации 12.04.2016

Под влиянием санкций произошло существенное изменение условий развития российской экономики. Обновляется Национальная экспортная стратегия до 2030 года и Государственная программа РФ «Развитие внешнеэкономической деятельности», готовятся «дорожные карты», дополнительные правительственные и ведомственные документы, разрабатываются инструменты реализации государственной политики и приоритетов в экспортной сфере. Возрастает роль субконтрактинга и промышленного аутсорсинга в повышении эффективности деятельности предприятий региона и страны в целом.

В статье рассматривается субконтрактинг как инструмент межведомственного промышленного взаимодействия. Проведенный анализ состояния межведомственного промышленного взаимодействия в условиях влияния санкций и политики импортозамещения позволил выявить проблемные аспекты и предложить ряд мер в области регулирования и организации производства, которые дадут возможность улучшить торговый баланс региона и повысить устойчивость и конкурентоспособность промышленности в целом, повысить эффективность использования имеющихся собственных внутренних резервов, а также обеспечить промышленную безопасность и достижение предприятиями более высокого уровня организации производственного процесса.

Ключевые слова: субконтракция, субконтрактинг, субконтрактные взаимодействия, центры субконтракции, экономические санкции, импортозамещение, импортозависимость, малый бизнес.

На современном этапе отечественная экономика испытывает колоссальное международное давление. Это выражается в давлении различного рода санкций со стороны западных партнеров. В этот период возникает необходимость за счет собственных резервов страны повышать уровень организации производства. Один из эффективных инструментов повышения уровня организации производства – субконтракция, она позволяет не только вывести предприятие на соответствующий уровень, но и повысить конкурентоспособность организации и выпускаемой продукции, в частности улучшить качество при разумной цене [1].

Крупные промышленные предприятия стран – партнеров СНГ и ЕАЭС испытывают объективную потребность в расширении и диверсификации круга субпоставщиков, важных для повышения гибкости и эффективности ведения бизнеса. Предприятиям необходимо структурировать поставки, развивать промышленный субконтрактинг, использовать контракты по жизненному циклу товара, выстраивать новые технологические цепочки.

В производстве практически любой продукции промышленного производства участвует немалое количество предприятий. Более крупные компании для выполнения непрофильных вспомогательных работ привлекают более мелкие фирмы, тем самым сокращая производственные затраты. В свою очередь, малые и средние предприятия получают оплачиваемые объемы производства, а также доступ к долгосрочным заказам со стороны как крупных коммерческих, так и государственных предприятий. В автомобильных российских холдингах практически до 80% стоимости частей и деталей производится субконтракторами, такая же тенденция наблюдается в нефтяной и газовой промышленности.

В целом, для повышения конкурентоспособности промышленности есть место для предприятий всех размеров и направлений деятельности. Малый и средний бизнес должен занять в этом процессе достойное место, выполняя свой функционал наряду с крупными предприятиями и холдингами.

На современном этапе происходит значительное развитие российского малого и среднего бизнеса в сфере промышленного производства и инноваций. Тем не менее это развитие зачастую осуществляется бессистемно. В качестве примера можно привести результаты межрегионального мониторинга цен на базовые про-

изводственные процессы. Цены на выполнение однотипных работ (кооперационные заказы до одного миллиона рублей) у предприятий на территории одного субъекта Федерации могут отличаться в несколько раз и практически не коррелируют с ценами на аренду помещений и с уровнем зарплаты в регионах. Основное влияние на цены оказывают производительность оборудования и организация производства. Таким образом, даже если руководители предприятий и имеют информацию о ценах и возможностях своих конкурентов, то она, как правило, не оказывает существенного влияния на формирование цены готового изделия, т.к. уровень организационного и технологического развития не оставляет им возможностей для ценового дрейфа. Организация производства на базе субконтрактинга требует серьезного внимания, т.к. оказывает существенное влияние на конкурентоспособность конечной продукции. Более того, высокий уровень цен на базовые производственные процессы не позволяет головным предприятиям повышать долю нематериальных активов в конечной продукции – либо им приходится занижать норму прибыли и не остается средств после выполнения заказа для развития предприятия, либо норма прибыли удовлетворительная, но продажа на конкурентном рынке невозможна.

В этой связи назревает необходимость масштабной поддержки промышленности в комплексе, учитывающем специфику малых, средних и крупных предприятий, охватывающем и территориальный аспект, и вопросы техперевооружения, и подготовку кадров, и создание условий для производственной деятельности, и многие другие аспекты.

В последние время достаточно интенсивно развивались субконтрактные отношения в Европе, Китае, особенно в реальном секторе экономики. В современных условиях субконтракция во всем мире обеспечивает миллионы квалифицированных рабочих мест. В нашей стране, особенно в кризисный период, когда со стороны западных стран нарастает давление предъявляемых санкций, развитие субконтрактных отношений имеет значительный потенциал, который играет существенную роль в ускоренном подъеме и развитии отечественной промышленности [1].

В экономической литературе различные авторы изложили свои взгляды на проблемы развития взаимодействия крупных и малых промышленных предприятий России в период кризиса. Обобщив первоисточники, можно отметить, что выделяют следующие этапы взаимодействия:

1. В течение первых нескольких лет кризиса малые предприятия балансируют решения тех проблем, которые возникают у крупных промышленных предприятий, выполняя эту роль достаточно успешно. При этом следует признать, что субконтрактация в большинстве случаев используется не по своему прямому назначению, а как определённый инструмент решения социальных проблем. В частности, многие крупные предприятии осуществляют реструктуризацию, т.е. делятся на более малые формы хозяйствования с целью снижения налоговой нагрузки, но стараются сохранить квалифицированный персонал и тем самым решают вопросы, связанные с социальной напряженностью в регионе [2].

2. На следующем этапе развития делается неоправданно жёсткий «крен» именно в сторону увеличения роли малых и средних промышленных предприятий. Именно они становятся ключевым элементом экономического развития, особенно промышленных предприятий. Практика показала, что простого копирования зарубежного опыта недостаточно, хотя субконтрактинг чётко проявлялся в разных формах и видах. На первых этапах сама концепция поддерживалась, но не давала возможности осуществить все преобразования, которые несёт в себе этот инструмент, в частности экономического и промышленного развития организаций.

3. Третий этап характеризуется представлением о гармоничном сочетании крупного и малого бизнеса в экономике промышленности, именно здесь должен в полном объеме проявиться весь потенциал субконтракции. В частности, необходимо отметить как важный фактор, что именно реструктуризация крупных предприятий обозначила реальное направление развития субконтрактинга [1].

В первую очередь осуществляется выделение непрофильных производств, как правило – вспомогательных и обслуживающих. Затем выделяют производства первых переделов, которые, в свою очередь, становятся зародышами малых субконтрактинговых фирм, позволяющих широко и эффективно использовать соответствующий потенциал целого подхода субконтракции.

В целом со всеми выше перечисленными этапами можно согласиться, но необходимо отметить ряд существенных принципиальных моментов, которые требуют корректировки. В первую очередь это касается второго этапа развития, где делается упор на эффективное и интенсивное развитие малого и среднего бизнеса как основного источника экономического развития страны, и в частности промышленного роста. Данное положение нуждается в серьёз-

ной корректировке, т.к. многочисленные заявления такого рода, исходившие от руководителей правительства на разных уровнях, практически не влекут за собой серьёзных и масштабных реальных мер. В условиях жёстких бюджетных ограничений кризисного периода (а речь идёт о резком снижении цен на нефть) нельзя предложить существенной финансовой поддержки развития этой важнейшей сферы национального хозяйства.

Также особой отметки заслуживает третий этап, где речь идёт о реальной сбалансированности развития крупного, среднего и малого бизнеса. В современных условиях акцент сделан именно на развитие крупных предприятий и госхолдингов в разных отраслях промышленности, что в очередной раз подтверждает главное направление усилий со стороны государства. В отношении поддержки малого и среднего бизнеса со стороны государства осуществляется реальное финансовое воздействие в различных своих формах, таких как гранты, субсидии, бизнес-инкубаторы и т.д. В результате, если провести сравнение финансовой поддержки крупных промышленных предприятий и организаций малого и среднего бизнеса, она крайне неравноценная [3].

Важно отметить условия, в которых работают и развиваются промышленные предприятия отечественной экономики.

В первую очередь крайне необходимо обратить внимание на общее технологическое отставание российской промышленности в целом от мирового уровня развития. В этой связи необходимо отметить, что многие совместные предприятия развитых регионов России – такие мировые концерны, как Ford, Bosch, Siemens, Electrolux и другие, – испытывают затруднения в размещении своих заказов. Ведущие отечественные компании оказались не в состоянии выполнить предъявляемые требования и обеспечить качественными комплектующими совместные предприятия [1].

Все выше названные компании неоднократно подавали заявки на биржу субконтракции, но только 8% заказов были освоены субконтракторами [4]. Доля освоения заказов очень низкая, что обращает на себя внимание.

Массовый приход на российский рынок зарубежных субконтракторов может поставить под угрозу целые «пласты» российской промышленности.

При сравнительно низком уровне конкурентоспособности российских субконтракторов их выживание и развитие в значительной степени определяется успехом развития традиционных потребителей их продукции – крупных российских предприятий. Надежное развитие российским субконтракторам может обеспечить только полная адаптация к высоким требованиям зарубежных сборочных предприятий.

В свою очередь, органам власти Российской Федерации необходимо усилить работу в части содействия отечественным предприятиям в переходе к субконтрактной модели производства, что подразумевает:

– Создание условий, стимулирующих крупные предприятия использовать субконтрактные поставки малых предприятий, в том числе формирование системы льгот и действенной поддержки для малых субконтрактных предприятий, возможен – это требует обсуждения – переход к единой схеме взимания НДС у головного предприятия.

– Поддержку структурных преобразований – реструктуризации крупных предприятий машиностроения, оборонно-промышленного комплекса, в том числе финансирование привлекаемых к разработке проектов реструктуризации специалистов.

– Содействие локализации производства компонентов и комплектующих для размещаемых на территории России сборочных предприятий с иностранным капиталом.

– Поддержку техперевооружения – это поддержка программ кредитования закупок производственного оборудования и технологий, в том числе на условиях лизинга, создание центров коллективного использования оборудования, производственный франчайзинг, включая закупку производств «под ключ».

– Поддержку в подготовке производственных кадров – участие в проектах по реализации стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций, совершенствованию системы оценки качества профессионального образования, привлечению работодателей к участию в управлении деятельностью профессиональных образовательных организаций («Лучший по профессии», «Строймастер», чемпионат России среди вальщиков леса «Лесоруб» (для юниоров это конкурс «Подрост»), межрегиональная транспортная олимпиада «Паруса надежды», музыкально-поэтический конкурс «Железная дорога – моя судьба», а также съезды и форумы – от Всероссийского форума рабочей молодежи до форума молодых специалистов «Юность Вагонки»; в 2019 году в Казани будет проведен мировой чемпионат по профессиональному мастерству WorldSkills Competition).

– Создание промышленных парков при крупных головных сборочных предприятиях-контракторах для концентрации на одной терри-

тории предприятий с общей сферой деятельности и/или использования единой инженерной инфраструктуры (энергообъекты и электросети, теплосети, водные объекты, канализация и очистные сооружения, сети связи и сигнализации, охрана и пр.). Такая концентрация позволяет всем участникам промышленного парка сэкономить на инфраструктурных издержках.

– Реализацию мероприятий, обеспечивающих снижение непроизводительных расходов у малых и средних субконтрактных предприятий, – поддержка программ ресурсо- и энергосбережения и других.

Отдельно необходимо отметить вопрос, требующий технологических решений на современном уровне, – для прослеживаемости деталей, включаемых в сборочное изделие, необходимо разработать и внедрить единую систему маркировки деталей. Это позволит обеспечить безопасность изделий и защитить интересы добросовестных поставщиков-субконтракторов.

В целом прослеживается тенденция использования мировыми промышленными гигантами определенных возможностей отечественной производственной базы, которая будет востребована на базе субконтрактинга. Но введенные «взаимные» экономические санкции в отношении ряда отечественных компаний не позволяют добиться желаемого результата.

Наряду с этим возникает ещё одна сложная проблема – трудовые ресурсы и уровни заработных вознаграждений, которые формируются на малых промышленных предприятиях в настоящее время. Трудовые ресурсы в регионах России распределены крайне неравномерно: если анализировать категорию квалифицированного промышленного персонала, то крупнейшие российские регионы даже в условиях экономического кризиса испытывают крайний недостаток профессионалов в самых разных сферах промышленного производства. По некоторым оценкам, в Москве и Санкт-Петербурге общая нехватка квалифицированных специалистов промышленности варьирует в пределах 15–25%. В то же время есть ряд трудоизбыточных регионов, прежде всего с крупными промышленными предприятиями оборонного комплекса, где есть явный и очевидный недоиспользуемый потенциал. Соответственно и здесь субконтрактинг имеет возможность проявить себя в полном объеме, но в то же время возникают сложные вопросы финансовой базы малых промышленных предприятий и оценки возможностей их создания, поддержки и развития.

В сфере малого бизнеса и промышленности в целом получение кредитов существенно затруднено, особо сложно их обеспечение. Уровень процентных ставок, обычно получаемых малыми предприятиями, непомерно высок и во многих случаях практически исключает возможность использования кредитных ресурсов.

Особого внимания требуют масштабы и размеры государственной и региональной поддержки, которые обеспечиваются в современных условиях различными властными структурами. Но вся сложность в том, что для сотен тысяч малых предприятий всего этого оказывается явно недостаточно, а чётко заявить о приоритетном промышленном развитии малого бизнеса и о «повороте» финансовых потоков в эту сторону сегодня смогли только центральные регионы нашего государства.

Тем не менее следует признать, что в целом имеют место позитивные тенденции внедрения субконтрактинга и определённые, вполне осязаемые успехи в развитии малого промышленного бизнеса. В сложившейся политической и экономической ситуации современности целые отрасли, такие как сельскохозяйственные, текстильная промышленность, легкая и тяжелая металлургия, претерпевают существенные изменения.

Жизненно важно сегодня импортозамещение, пристальное внимание направлено на снижение импортозависимости во всех отраслях народного хозяйства, что позволит отечественной экономике существенно продвинуться вперед, развивая имеющиеся технологии, разрабатывая и внедряя новые. В авангарде отрасли перерабатывающей промышленности, такие как производство продуктов питания, товаров первой необходимости и лекарственных средств.

В этой связи приобретают актуальность координационные усилия и межведомственные взаимодействия различных уровней. Необходимо сформулировать ряд конкретных задач, таких как:

– увеличение объема валового продукта, произведенного на предприятиях малого и среднего бизнеса, к 2025 году до 35%;

– создание новых предприятий;

– реализация стратегии импортозамещения на предприятиях малого и среднего бизнеса;

– увеличение новых рабочих мест именно в этом секторе экономики;

– увеличение налоговых поступлений в бюджет;

– повышение востребованности программ профильного обучения в учебных заведениях целых направлений подготовки (СПО, ВО);

– комплексное развитие отечественных предприятий малого и среднего бизнеса.

Доля малого и среднего бизнеса в экономике развитых стран зарубежья доходит до 50–60%, соответственно в этом секторе занята большая часть населения, практически отсутствует про-

блема безработицы и уровень социальных гарантий достаточно высок. Причем все выше сказанное не мешает существовать и развиваться крупным предприятиям.

Предприятия малого и среднего бизнеса в России в большей части сосредоточены в сфере торговли и услуг, доля производственных предприятий в экономическом секторе мала. В сфере образования и медицине этот показатель один из наименьших. Казалось бы, это нормально, но проблема заключается в следующем: одни не знают, что для них кто-то может производить товар, равно другие не знают, кому предложить свои услуги и как сотрудничать с промышленным гигантом.

Система специализированной поддержки кооперационных связей малого и крупного бизнеса – система субконтрактации (субконтрактинга) – стартовала в 1998 году, когда правительство Москвы при участии Организации Объединенных Наций по промышленному развитию UNIDO поддержало создание первой организации – Межрегионального центра промышленной субконтрактации и партнерства. В очень скором времени подобные центры стали появляться в разных регионах страны. Важную поддержку в развитии системы центров субконтрактации на начальном этапе оказали общественные объединения и союзы предпринимателей.

Постепенно у центров субконтрактации накапливался опыт практической работы по поиску партнеров и поставщиков для российских, а затем и зарубежных заказчиков. Ввиду значительного количества запросов от предприятий в первую очередь была разработана и введена в действие единая информационная система субконтрактации, а затем внедрен процессный подход в соответствии с требованиями международного стандарта ISO 9001:2000. Большинство региональных центров субконтрактации проводят своевременную актуализацию информации в базах данных. В системе размещаются заказы в большом количестве. С целью активизации и повышения эффективности совместной работы с 2007 года проводится аттестация региональных центров субконтрактации.

Отработаны механизмы внеконкурсных двухэтапных закупок субконтрактной продукции – «Биржа субконтрактов», этот механизм успешно используют как сверхкрупные холдинги, так и малые предприятия. Он позволяет достоверно выявить всех возможных поставщиков, провести квалификационный отбор и выбрать наиболее конкурентоспособное предложение. Многие крупные предприятия закрывают с помощью субконтрактных поставок свои потребности на период техперевооружения отдельных участков, используют «Биржу субконтрактов» для отбора партнеров, для расширения производства или при проведении реструктуризации. Малые и средние предприятия благодаря организованной процедуре закупки имеют равные возможности по установлению договорных отношений с крупными предприятиями. «Биржи субконтрактов» используют возможности распределенной сетевой системы региональных центров субконтрактации и зачастую проводятся в регионах. Но, несмотря на определенные достигнутые успехи, деятельность центров субконтрактации требует развития.

Проводится работа по сопровождению конкурсного отбора субъектов малого предпринимательства, внедривших системы менеджмента в соответствии с международными стандартами серии ISO.

Второе направление – инженерное консультирование в вопросах подготовки производства и разработки проекта техперевооружения – включает в себя подготовку техдокументации, разработку 3D-модели, изготовление прототипов, опытных образцов.

Следующее направление – промышленный маркетинг. Это направление включает в себя работу по нескольким уровням – межрегиональный мониторинг цен на выполнение базовых производственных процессов, проведение локальных исследований по отдельным производственно-технологическим направлениям.

Тем не менее этого недостаточно. С учетом требований времени – постепенного перехода к комплексному развитию территориальных производственных систем – необходимо обозначить роль и место центров субконтрактации в развитии отечественной экономики.

Эта проблема решаема посредством развития центров субконтракции, а также усиления взаимодействия предприятий различных уровней с торгово-промышленными палатами в регионах. Все выше отмеченное также относится и к оборонному комплексу и многим другим хозяйственным направлениям.

В настоящее время руководители торгово-промышленных палат в региональных центрах участвуют в различных мероприятиях, где обмениваются передовым опытом, а также обсуждают проблемы, в частности в области нормативно-правового регулирования.

Особенно важно в сложившейся экономической ситуации усилить работу в следующих направлениях:

– облегчить процесс участия малого и среднего бизнеса в госзакупках (ФЗ № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, ра-

бот, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г.) и рассмотреть возможность введения административной ответственности контролеров этого процесса;

– разработать детальные регламенты по таможенному контролю, оформлению деклараций, проведению дополнительных проверок (по аналогии с ФНС);

– отрегулировать работу комиссии по рассмотрению споров о кадастровой стоимости (в настоящее время требуется предоставлять заключение оценщика, которое зачастую обходится в несколько миллионов рублей, однако комиссия это заключение часто не учитывает и сама проводит оценку объекта);

– рассмотреть меры поддержки кредитования малого бизнеса, в частности уменьшение коэффициентов риска по таким кредитам, введение секьюритизации микрозаймов;

– оптимизировать (снизить) налоговую нагрузку для иностранных инвесторов, вкладывающихся в несырьевые инновации (перерабатывающие отрасли).

Таким образом, проведенный анализ состояния межведомственного промышленного взаимодействия в условиях санкций позволяет субконтрактингу повысить эффективность использования имеющихся собственных внутренних резервов страны, а также обеспечить промышленную безопасность и достижение предприятиями более высокого уровня организации производственного процесса.

Список литературы

1. Христофорова Л.В., Красовская Е.А. Современная практика развития субконтракции: отечественный и зарубежный опыт // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 1. С. 108–113.

2. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб.: Питер Ком, 1999. 340 с.

3. Аутсорсинг: создание высокоэффективных и конкурентоспособных организаций: Учеб. пособие / Под ред. проф. Б.А. Аникина. М.: ИНФРА-М, 2003. 196 с.

4. Портал информационной поддержки малого и среднего производственного бизнеса. URL: www.subcontract.ru (дата обращения: 02.10.2015).

5. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М.: Прогресс, 1985. 225 с.

6. Томпсон А.А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии: Учебник для вузов / Пер. с англ. Под ред. Л.Г. Зайцева, М.И. Соколовой. М.: ЮНИТИ, 1998. 220 с.

7. Федорович В.А. Американский капитализм и государственное хозяйство. М., 1979. 184 с.

8. Хейвуд Дж.Б. Аутсорсинг. В поисках конкурентных преимуществ / The Outsourcing Dilemma. The Search for Competitiveness. М.: Вильямс, 2003. 284 с.

9. Христофорова Л.В. Организационно-экономические основы управления развитием предприятия на базе субконтрактинга: Автореф. … дис. кандидата экономических наук. Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2010. 19 с.

10. Христофорова Л.В. Субконтрактинг в системе управления развитием промышленного предприятия: методические основы и организационная структура. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 118 с.

11. Христофорова Л.В. Проблемы формирования понятия субконтрактинг в «новой экономике» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2014. № 2 С. 34–37.

12. Bayle-Ottenheim J., Lie Tomas A., Sales A. La soustraitance. Paris, 1973.

13. Camuffo A. Rolling out a «World Car»: Globalization, Outsourcing and Modularity in the Auto Industry. Department of Business, Economics and Management. Ca' Foscari University of Venice, Italy, 2002.

14. Derose G. Outsourcing: Training and Education. London: Financial Times, 2001.

15. Read B.B. Designing the Best Call Center for Your Business: A Complete Guide for Location, Services, Staffing, and Outsourcing // Technology Forecasters. 2002.

16. Chaillon B. La sous-traitance – element integer de la politigue de I'entreprise. Thes de doctor d'etat es science economigue. Lyon, 1978.

17. Valentin C. Le Contract de sous-traitance. Universite Paris-II, 1975.

18. Williamson J. The Choice of Exchange Rate Regime: The Relevance of International to China's Decision // Lectur at confenence in Beijing, September, 2004.

SUBCONTRACTING AS A TOOL OF INTER-AGENCY INDUSTRIAL INTERACTION UNDER SANCTIONS

L.V. Khristoforova

Orenburg Institute of Rail Transport,
Branch of Samara State Rail Transport University

Under the influence of economic sanctions there has been a significant change in the conditions of Russian economy development. The National Export Strategy up to 2030 and the State Program of the Russian Federation «Foreign Trade Development» are being renewed, road maps and additional governmental and agency documents are being prepared, and tools for implementation of public policies and priorities in the field of export are being developed. The role of subcontracting and industrial outsourcing to improve the efficiency of enterprises in the region and in the country as a whole is increasing.

In this paper, we consider subcontracting as a tool for inter-agency industrial cooperation under the sanctions. Special attention is given to import substitution and import dependence in the Russian economy. Some measures are proposed in the field of normative – legal regulation for organizing production, which will give an opportunity to improve the trade balance of the region, as well as sustainability and competitiveness of the industry as a whole.

Keywords: subcontracting, subcontracting interaction, centers of subcontracting, economic sanctions, import substitution, industrialization, import dependence, small business.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

О ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЧИН И ИНТЕРПРЕТАЦИИ «МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНОСТИ» В СОЦИОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2016 г.

К.Г. Мальцев,[1] Е.А. Зайцева[2]

[1]Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
[2]Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Maltsevaannav@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.02.2016
Статья принята к публикации 27.04.2016

Задачей статьи является изучение мультипарадигмальности отечественной теоретической социологии, диагностированной в последние годы, в контексте дисциплинарной структуры познания, сложившейся в завершающей трети XIX века; теоретическая социология как научная дисциплина конструировалась в горизонте различения «наук о природе» и «исторических наук о культуре», номотетического и идиографического познания, генерализирующего и индивидуализирующего методов, при принципиальном изначальном разногласии относительно того, к какой группе наук она принадлежит. Указанная Г. Риккертом возможность «изучать всю реальность целиком» посредством одного из двух противоположных методов на любом уровне исследования/реальности делает «ситуацию мультипарадигмальности», опознаваемую многими как кризис, естественной. В статье предлагается новая интерпретация основоположения причинности, каузального сведения, идеально-типического познания в связи с понятиями нарратива, дискурса, идеологии.

Ключевые слова: мультипарадигмальность, номотетический и идиографический, ценность, нарратив, нарративная логика, дискурс, фронезис.

Ситуация «мультипарадигмальности» в современном научном социальном познании, констатируемая известными теоретиками (в отечественной социологии «имя» для этой ситуации предложено В.А. Ядовым (см., например, [1]); информативна статья А.Н. Шарова «Об основаниях мультипарадигмальности в науках об обществе» [2]), опознаваемая, например, как наличие нередуцируемых четырех социологических традиций (Р. Коллинз [3]); как «перманентный кризис» теоретических оснований социологии (Н. Луман [4])[1]; «решительный отказ» от некоторых традиционных значений понятия теории ввиду их очевидной «невыполнимости» (Э. Гидденс [5])[2]; примечательная констатация того положения вещей, что любые «общие законы», которые можно определить относительно «социальной реальности» либо настолько банальны, что сомнительна их познавательная ценность, либо вообще не могут быть определены ввиду сложности познаваемой области или знаний об этой области (Г.Х. фон Вригт [6])[3]; постоянно ощущающаяся потребность инвентаризации методологии научного социального познания (Ю. Эльстер [7]), – требует попыток прояснения, по крайней мере, для того, чтобы отдавать себе отчет в предпосылках и условиях возможности научного социального познания. Мы считаем, что речь прежде всего идет об отсутствии согласия относительно основоположений о «социальной реальности», которые обеспечивают возможность ее тематизации как предмета научного исследования. Именно ситуация «отсутствия согласия относительно основоположений» является предметом настоящей статьи. Наша задача – указать на некоторые причины, делающие разногласие непреодолимым, и на способы остаться в пределах, предписываемых научном методом, в условиях радикальной «мультипарадигмальности».

С самого начала следует сказать, что мы не согласны с теми, кто усматривает причину названной выше ситуации в теоретической социологии в какой-то особенной сложности ее объекта – условно «социальной реальности» (большинство авторов указывают на это обстоятельство как на причину «мультипарадигмальности»; при этом отсутствует определенность используемого понятия «парадигма» и возникает искушение ради «всесторонности» и «комплексности» познания социального явления «во всей его сложности» комбинировать «подходы» и даже «парадигмы», иногда ссылаясь на

«принцип дополнительности»; наш подход к анализу проблемы мультипарадигмальности основывается на совершенно других предпосылках). Даже если это и так (а это не так), то утверждение М. Вебера о том, что номотетическое познание социальной реальности недостаточно не потому, что «в жизненных явлениях заключены еще какие-либо более высокие, таинственные «силы» (доминанты, «энтелехии» и как бы они ни назывались) – это вопрос особый» [8, с. 373], но совсем по другим причинам, о которых нам еще предстоит писать в этой статье, понуждает нас искать причины мультипарадигмальности не в иерархии сложности «слоев реальности» (например, от физической до социальной), но, если и не совершенно в другой связи, то иначе: помещая различие в сложности в другой контекст.

Парадигма – самая общая, «предельная» («последняя») схема реальности, предоставляющая ее знающему ее субъекту[4] (здесь, при обсуждении «парадигмальности» кстати вспомнить изначальный статус «субъекта» и «объекта»: объект есть то, что имеет основу своей сущности вне себя; субъект, напротив, есть то, что имеет в себе основу своей сущности; объект, таким образом, есть то, что есть, только через субъект). В научной социологии (так сложилось исторически) парадигма показывает себя посредством двух вопросов: во-первых, что следует считать элементом социальной реальности, во-вторых, что является действительной целью познания социологии как «науки о действительности» (М. Вебер). В социологии наличествует два ответа на эти вопросы. Во-первых, элементом социальной реальности можно полагать «первобытную орду» (это ответ Э. Дюркгейма в «Методе социологии»), разумея под этим названием именно «элемент»; можно считать элементом рациональное, то есть направленное к определенной цели и рассчитанное в смысле средств действие индивида (ответ М. Вебера). Во-вторых, целью познания можно полагать закон, выявленный как «средний тип» (Э. Дюркгейм); можно – «исторический индивид», относительно которого инструментом познания является «идеальный тип» (М. Вебер). Это – две парадигмы социологии. Цель настоящей статьи – прояснить ряд обстоятельств, делающих констатированную в начале статьи «ситуацию мультипарадигмальности» естественной, то есть непреодолимой. Остальные, весьма важные, методологические расхождения являются либо следствием отсутствия согласия относительно названных основоположений, либо не имеют отношения к «мультипарадигмальности» («мультипарадигмальность» и споры относительно отдельных, частных, хотя бы и очень важных, методологических проблем – разные «вещи»).

С самого начала научной социологии, то есть с начала рефлексии о методологических основаниях социального познания, появилось и по настоящее время имеет место быть несогласие по, мы считаем, фундаментальному вопросу. Во-первых, можно утверждать существенное многоразличие феноменов реальности, которые следует познавать одним (позитивисты) или существенно разными (философия жизни) способами. Во-вторых, можно полагать, что «экстенсивное и интенсивное бесконечное многообразие реальности» (Г. Риккерт) дано познающему сознанию (например, гносеологическому субъекту баденского неокантианства), которое в зависимости от целей познания методически различно может обрабатывать один и тот же фрагмент. Риккерт предложил в работе «Границы естественнонаучного образования понятий» [10] вместо предметного основания для деления наук – «чисто методологическое»: вся реальность может быть предметом как естествознания, так и исторических наук о культуре (причем социология относилась Риккертом к естественным наукам). Данное положение вещей осложняется еще и тем обстоятельством, что в баденском неокантианстве сохраняется введенное И. Кантом различение «царства природы» и «царства свободы» или ценностей, которые представляют собой совершенно разные порядки бытия. При этом различение, введенное Д. Вико [11], на предоставленные человеку и созданные человеком вещи, лежащее в основании предметного деления наук на естествознание и науки о духе (основополагающее для философии жизни), предлагает отличный от неокантианского порядок рассуждения при видимом сходстве того, что именуется «науками о духе» и «историческими науками о культуре». И в дополнение к сказанному марбургское неокантианство ввело разделение наук на три группы, предложив еще и нормативные (право, языкознание) науки считать особенной группой – при не вполне ясном отношении к уже приведенным классификациям. Таким образом, мы имеем: науке о природе (естествознание) и науки о духе; естествознание (номотетическое) и исторические науки о культуре (идиографические); естествознание, «этику чистой воли», нормативные науки. Названные выше основные различения, не имеющие никакого общего основания или даже общего горизонта, не сводимые друг к другу, одновременно и причудливо воздействовали на методологическое самосознание

при возникновении современной научной социологии во второй половине XIX века.

Впрочем, Г. Риккерт предложил способ упорядочения, который представляется нам плодотворным: различия в познании можно обосновать предметно и методологически (он настаивал на втором способе как единственно обоснованном и непротиворечивом) [10]. Тогда мы, условно и схематично, имеем четыре основных (разумеется, идеально-типических, в чистом виде не встречающихся) возможности: по отношению к существенно различным «слоям реальности» можно применять одну ко всем или к каждому «слою» свою методологию; или – по отношению к единой реальности можно применять опять же одну или, в зависимости от целей познания, различные методологии познания. Таким образом, мультипарадигмальность неизбежна просто в силу того, что нет достаточных оснований для предпочтения одного варианта другим. С другой стороны, научное исследование возможно лишь в горизонте какой-либо из названных «схем», то есть ему предшествует решение исследователя, внешнее не детерминированное изнутри каждой из названных позиций. При этом мы не должны забывать еще и про «царство ценностей», которое чаще всего не явно, но всегда присутствует в рассуждениях о социальности. Ценность есть основание для предпочтения, и в зависимости от понимания природы ценностей мы можем, вслед за неокантианцами, признавать или, напротив, игнорировать их (ценностей) особый «онтологический статус»[5] [12].

Аргументы, проясняющие (как правило, ad hoc) основание для принятия решения в пользу той или иной исследовательской программы, могут быть: теоретическими (например, непротиворечивость утверждений, единство методологических предпосылок, наилучшее выполнение тех требований, которые «решительно отвергает» Э. Гидденс [10]); идеологическими (включающими ценностные предпосылки, принимаемые явно или неявно); практическими (достижение результата, цели, практическая рациональность). На примере двух основных традиций научной социологии[6], позитивистской дюркгеймовской и неокантианской веберовской, кратко определим «парадигматичность» противоречия в их подходах. В этом контексте обозначим возможные доводы каждой в пользу своего превосходства по отношению к противникам. При этом следует иметь в виду, что идеологические предпочтения, как правило, остаются невыявленными (и причины этого также следует обнаружить, но это задача специального исследования), и статистика успехов той или другой исследовательской программы – тоже вне рамок нашего рассмотрения. Итак, дюркгеймовская социология утверждает в качестве элемента социальной реальность *вещь*[7] [13], то есть, как разъясняет сам Дюркгейм в «Методе социологии», «нужно рассматривать социальные явления сами по себе, отделяя их от сознающих и представляющих их себе субъектов. Их нужно изучать извне, как внешние вещи, ибо именно в таком качестве они предстают перед нами» [14, с. 52]; социальные факты «не только не являются продуктами нашей воли, но сами определяют ее извне. Они представляют собой как бы формы, в которые мы вынуждены отливать наши действия» [14, с. 53]; сила, «внешнее принудительное воздействие», вещь не в смысле «то, что занимает место», но «то, что принудительно воздействует извне», – математическая физика, в полном соответствии с определенными фон Вригтом догмами позитивизма (о которых мы скажем дальше), вполне последовательно является образцом знания, полагающим элементом социальной реальности социальный факт как вещь. М. Вебер определял в качестве элемента социальной реальности целенаправленное действие индивида, то есть исходил из принципиального кантовского и развитого неокантианцами утверждения о «двух царствах» (как бы их ни называть. В «Прелюдиях» [15] и особенно в «О свободе воли» [16] В. Виндельбанд продемонстрировал, как одно и то же действие одновременно относится к двум разным порядкам бытия, причинности). В этом случае «принудительное воздействие извне» не является решающим, хотя всецело, по Виндельбанду, определяет «всю реальность», но рассмотренную с одной из *двух* нередуцируемых точек зрения: с точки зрения природной необходимости. Собственно говоря, остается показать, что существование этих двух совершенно различных подходов к определению элемента социальной реальности, а соответственно ее природы и способов ее познания – не есть изобретение изощряющегося ума методологов (в данном случае социологов), но необходимость, определяющая природу социального познания.

Заявляемое позитивизмом теоретическое превосходство наилучшим образом в обобщенном виде представлено в определенных фон Вригтом «догмах позитивизма»: «Одной из догм позитивизма является методологический монизм, то есть идея единообразия научного метода независимо от различия областей научного исследования. Вторая догма выражается в том, что точные естественные науки, в частности математическая физика, дают методологический идеал или стандарт, по которому изме-

ряют степень развития и совершенства всех других наук, включая гуманитарные. Наконец, третья догма связана с особым пониманием научного объяснения. Научное объяснение является, в широком смысле, «каузальным». Более точно, оно заключается в подведении индивидуальных случаев под гипотетические общие законы природы, включая «природу человека». Финалистские объяснения, то есть попытки трактовать факты в терминах намерений, целей, стремлений, либо отвергаются как ненаучные, либо делается попытка показать, что их можно преобразовать в каузальные, если должным образом очистить от «анимистских» и «виталистских» элементов» [6, с. 43]. Успехи математического естествознания являются главным гарантом успешности научного социального познания, утвердившегося на едином с естествознанием методологическом фундаменте. Фактически, «последним доводом» здесь является практический успех естествознания по преобразованию мира в соответствии с целями действующего субъекта (то есть практика является критерием истины). Дюркгейм [14] настойчиво подчеркивал необходимость формулирования общих законов как главной цели научного социологического познания: социальные факты следует рассматривать как вещи (то есть принудительно воздействующие извне на познающего субъекта); целью наблюдения является выявление общего; первоначальным средством для достижения этой цели является «преодоление идеологической фазы» в социальном познании (устранение предпонятий «естественного языка») и группировка явлений по внешним признакам, без отсылки к «сущностям» или «идеям»; важнейшим первоначальным результатом ориентированного таким образом познания социального является конструирование «средних типов», в отношении к которым становится возможным «измерение» социальных фактов как вещей. Напротив, М. Вебер, определяя социологию как историческую науку о культуре, имеющую целью познание реальности («социальная наука, которой мы хотим заниматься, – наука о действительности. Мы стремимся понять окружающую нас действительную жизнь в ее своеобразии – взаимосвязь и культурную значимость отдельных ее явлений в их нынешнем облике, а также причины того, что они исторически сложились именно так, а не иначе» [8, с. 369]), подчеркивал недостаточность номотетического познания и необходимость продолжать исследование после того, как будут установлены общие законы: «Действительность, для которой значимы законы, всегда остается одинаково индивидуальной и в одинаковой степени невыводимой из законов» [8, с. 371]. В социальных науках, по Веберу, нас интересует «индивидуальная структура окружающей нас социокультурной жизни в ее универсальной, но тем самым не теряющей своей индивидуальности связи и в ее становлении из других, таких же индивидуальных по своей структуре культур» [8, с. 371]; в отличие от естествознания нас интересует не количественная, но прежде всего качественная окраска событий [8, с. 371); речь идет о роли духовных процессов, которые следует «понять в сопереживании» (тема, разрабатываемая во времена Вебера прежде всего Дильтеем [17]), хотя здесь же, в цитируемом отрывке, сам Вебер указывает, что не следует абсолютизировать противоположность объяснения (количественного, номотетического, генерализирующего) метода и понимания (качественного, идиографического, индивидуализирующего) познания: «Будут ли отнесены к законам и те закономерности, которые не могут быть выражены в числах, поскольку к ним неприменимы количественные методы, зависит от того, насколько узким или широким окажется понятие «закона». Что же касается особой роли духовных мотивов, то она, во всяком случае, не исключает правил рационального поведения» [8, с. 372]. Познание действительности, по Веберу, начинается с выбора, который, подчеркнем, должен быть основательным, то есть до выбора есть такое основание; Вебер – неокантианец баденской школы, основание такого выбора Риккертом названо ценностью, его философию иногда так и называли: «философия ценностей». Процедура называется «отнесение к ценности», когда из «бесконечного интенсивного и экстенсивного многообразия действительности» выбирается то, что Вебер называл релевантным для данной цели; имеется в виду цель познания. Впрочем, можно также говорить о релевантном в отношении к данной точке зрения, но философия «точек зрения» подверглась в 30–50-х годах XX века ожесточенным и маловразумительным нападкам (действительно понимающим критиком, имя которого сохранилось, был М. Хайдеггер), и потому концепт «точки зрения» провоцирующе-подозрителен для многих авторов. Кстати, современный исследователь, признанный авторитет в области методологии исторического познания Р. Анкерсмит активно использует «точку зрения», правда, старательно отделив свою нарративную логику от методологических изысканий Риккерта[8] [18].

Итак, если не вдаваться в подробности дюркгеймовской и веберовской версии теоретической социологии, а вернуться к цели данной

статьи, то можно определить: существенное, *парадигмальное*, различие между двумя названными основными традициями социологии может быть зафиксировано в следующих положениях (речь будет идти только о тех, которые непосредственно относятся к предмету настоящей статьи, для которой сравнение Дюркгейма и Вебера не есть ни основная, ни даже самостоятельная цель). Первое. Натурализм (и позитивизм) Дюркгейма (заставляющий его, кстати, делать весьма сомнительные утверждения в «Методе социологии», например, что, «как всем известно», «общества состоят из частей», и такой «элементарной» частью следует считать «первобытную орду») ориентирует его в сторону среднего типа (среднего арифметического, как пишет сам Дюркгейм) как основного средства познания социальной реальности (отклонения от среднего типа и есть «остаток» – действительное познание индивидуального, «вот этого», явления, которым занимается исследователь, но который ищет при этом прежде всего общих черт, связывающих его объект с другими объектами того же рода: мы видим некоторое «овеществление», от которого уклонилась математическая физика, но, парадоксально, к которой, по крайней мере на словах, так привержена позитивистская натуралистическая социология, начиная с Дюркгейма и посейчас)[9]. Напротив, Вебер как неокантианец подчеркнуто и последовательно чужд любому овеществлению: «точка зрения» и «цель» в сопряжении дают «идеальный тип»: совокупность имеющих ценность (релевантных) признаков, взятых в максимально очищенном и проявленном виде и в наиболее совершенном сочетании (что именно и предполагается)[10]. К реальности это имеет точно такое же отношение, какое любая единица измерения, будь то в естествознании, будь в практической повседневной жизни, имеет к реальности. Идеальный тип выполняет функцию единицы измерения реальности (конкретно – данного, заинтересовавшего исследователя, ее фрагмента), и в этом отношении он совершенно незаменим, по Веберу.

Второе. Кратко определим основной способ объяснения/понимания, свойственный двум разбираемым нам и традициям социального познания. У Дюркгейма это подведение под закон, в качестве которого выступает его средний тип. Методологическое правило, формулируемое Дюркгеймом: «одно и то же следствие имеет одну и ту же причину», – истолковывается в контексте (как сам Дюркгейм указывает, как дополнение) основного, названного нами, способа объяснения – «подведения». На первый взгляд, здесь выполняется и «догма позитивизма», и реализуется основной способ объяснения в современном Дюркгейму научном естествознании: индивидуальный случай подводится под общий закон, при отвлечении от всех качественных, особенных, индивидуальных признаков/черт (в совершенном случае математической физики качеств вообще нет; следует специально оговориться, что речь идет об интерпретации математической физики классическим позитивизмом как методологией одной из разбираемых нами традиций теоретической социологии). Идеально-типическое познание М. Вебера в качестве причинного объяснения использует то, что сам Вебер называет «каузальным сведением». Очевидно, что подобного рода причинность существенно отличается как от подведения под общий закон (средний тип), так и от известного в естествознании, концептуализированного Декартом как толчок вида аристотелевской действующей причинности. Однако разъяснение нашей интерпретации веберовского «каузального сведения» мы пока отложим и зафиксируем некоторые выводы из предшествующего изложения, необходимые нам, чтобы сделать следующий шаг.

В области теории, следуя той нити рассуждения, которой мы придерживались в предшествующем изложении, мы не обнаружим (сколько бы пристально ни присматривались) оснований предпочесть одну из описываемых нами традиций теоретической социологии другой: они полностью самостоятельны друг относительно друга и теоретически самодостаточны и фундаментально различны. Продемонстрировать это было главной задачей предпринятого выше изложения. Но еще мы предприняли рассмотрение некоторых тем, основных для той и другой традиции, не затем, чтобы обнаружить основание для предпочтения одной перед другой (ни тем более обличить в ошибках и т.п.). Мы сделали это для того, чтобы прояснить условия для выбора исследователем той или иной программы: что он выбирает и на что он решается в результате сделанного выбора[11].

Описание ситуации выбора и связанных с ним обстоятельств прояснит для нас ситуацию непреодолимой мультипарадигмальности. Выбор происходит на уровне описания «фрагмента реальности», «события», привлекшего наше внимание и вызвавшего потребность его «понять». Камень, падающий на землю с постоянным ускорением, может быть брошен с крыши Иваном на голову Петра. Физик, прокурор, историк (если Иван или Петр были людьми ценными по его критериям), судмедэксперт и др. опишут одно и то же событие различно, именно в зависимости от неразрывно связанных «точки

зрения» и «цели» (познавательного интереса). Кстати, кажутся вполне обоснованными сомнения в том, что событие может быть безотносительно его описания: рассуждение Серла [21] о «физической реальности» как последней основе всех остальных не кажется достаточно убедительным; он полагает, что «физическая реальность» в некотором смысле субстанциальна, а социальная – нет, имеет физическую реальность в качестве субстрата. Причем в нашем случае (оставляем сейчас в стороне физическую реальность и толчок Декарта) *связь между двумя событиями обретается только в рассказе*; причинная связь, каузальное сведение есть функция рассказа, определенного познавательным интересом (связью между точкой зрения и целью познания). Рассказать же, повторим, можно поразному; можно – как естествоиспытатель (в описании падения камня с башни у Галилея, например, совершенно не важно, ни какой камень, ни какая башня, ни даже сам Галилей, там и камня-то как такового нет – материальная точка математической физики), можно – как историк (и тогда случайные биографические данные о взаимоотношениях Ивана и Петра будут в центре описания; Вебер приводит в качестве примера астрономию, в которой равно необходимы описания обоих типов), можно – как социолог, и его позиция представляется, на первый взгляд, промежуточной между физиком и историком. Социолог может составить описание таким образом, чтобы, как физик, находиться вне описания и вне описываемой ситуации; может и таким образом, что станет действующим лицом (в терминологии Вебера – оценка) или, по крайней мере, заинтересованным (вовлеченным) зрителем (отнесение к ценности; предполагает наличие ценности, то есть объективного основания предпочтения). Объяснение, генерализация, номотетическое познание – есть первый случай (естествознание, в терминологии Риккерта; социология, по Риккерту, если и может быть – то только естественной наукой); понимание, индивидуация, идиографическое познание – есть случай исторических наук о культуре; Дюркгейм и Вебер. Следует также добавить, что само событие становится быть (и определяется) только после того, как включается в контекст/рассказ; научный факт есть функция научной теории (по крайней мере в логическом отношении), «факт социальной действительности» может быть, помимо этого (теория здесь ничем не отличается от естествознания), «моментом повествования», рассказа, нарратива[12]. Причем одно и то же описание может выполнять совершенно различную функцию: фраза «идет дождь» в разговоре супругов и она же в разговоре следователя и криминалиста – являются составными частями различных нарративов и имеют различный смысл и вес, хотя относятся к одной ситуации и лексически есть одна фраза. Каузальное сведение есть размещение описанного с определенной точки зрения и с заданной целью явления в контексте (здесь лучше говорить: «в горизонте») таким образом, что выявляется связный рассказ, повествование (он обычно ценностно нагружен, и тогда в современной социологии называется дискурсом [23, с. 195], и может быть легитимизирован – тогда будет назваться идеологией) [18].

Различие в способах описания (определение релевантного), часто неосознанное применительно к данному случаю исследователем «социальной реальности» – парадигмальное различие, в определенном выше смысле; их (способов)[13] смешение в одном и том же рассуждении – одна из причин «перманентного кризиса» теоретической социологии, такой «переход в другой род» – действие, которое следует или исключить, или тщательно контролировать. Таким образом, мультипарадигмальность социального познания укоренена в европейской традиции различения наук (и соответствующих им реальностей), и способом существования социологии в этой ситуации является в сущности произвольный выбор, который (по Веберу), будучи совершенным, не имеет значения, осознанно или неосознанно, просто представляя и описывая выделенный (в момент выделения тоже совершается выбор, и он тоже может быть в методологическом смысле «бессознательным») фрагмент «социальной реальности», исследователь совершает выбор между социологией как генерализирующей номотетической «естественной наукой» и социологией индивидуализирующей идиографической «исторической наукой о культуре»[14], – помещает исследователя в контекст последовательной, жесткой, принудительной традиции[15], объект исследования, фрагмент социальной действительности, тематизируется в предмет средствами и в концептуальных рамках *одной* парадигмы.

Примечания

1. «Социология находится в теоретическом кризисе. Эмпирические исследования, в целом действительно успешные, увеличили наши знания, но не привели к единой социологической теории. Социология как эмпирическая наука не может не претендовать на пересмотр своих высказываний на основании данных, полученных при исследовании реальности, сколь бы ни были стары либо новы бурдюки, в которые разливают полученное знание. Однако именно на этой основе она не может обосновать особенность

своей предметной области и своего единства в качестве научной дисциплины. Разочарование зашло так далеко, что этого даже больше не пытаются сделать» [4, с. 15], – так начинает Н. Луман свой трактат «Социальные системы».

2. «Общественные науки традиционно приписывают понятию «теория» несколько значений, от которых я хочу сразу же и решительно отмежеваться. Одно представление – особенно популярное среди тех, кто ассоциируется с ортодоксальным консенсусом, хотя и не столь распространенное в наши дни – состоит в том, что теорией может быть названо лишь образование, представленное в виде логически выстроенной последовательности дедуктивно взаимосвязанных законов или обобщений… Любой, кто постарается использовать подобное представление в контексте социологии, вынужден будет признать отсутствие (на данный момент) теории как таковой; ее построение является делом далекого будущего, целью, за достижение которой надо бороться, а отнюдь не актуальной задачей повседневности современных общественных наук» [5, с. 12].

3. Г.Х. фон Вригт приводит мнение трех авторов, различным образом определяющих статус законов в обществознании: во-первых, Гемпель считает, что «в исторических объяснениях отсутствуют полные формулировки общих законов главным образом потому, что законы эти слишком сложны, а наше знание их недостаточно точно. Объяснения историков являются в характерном смысле эллиптическими, или неполными. Строго говоря, это лишь наброски объяснения»; во-вторых, К.Р. Поппер утверждает, что «причина отсутствия формулировки общих законов в исторических объяснениях заключается в том, что эти законы слишком тривиальны и поэтому не заслуживают явного упоминания. Мы знаем эти законы и неявно считаем их несомненными»; в-третьих, со ссылкой на работу У. Дрея «Законы и объяснение в истории», формулируется мнение, что «исторические объяснения обычно не ссылаются на законы вовсе не потому, что эти законы так сложны и непонятны, что нам остается довольствоваться лишь наброском объяснения, и не потому, что они слишком тривиальны для того, чтобы о них упоминать. Причина, по Дрею, состоит просто в том, что исторические объяснения вовсе не опираются на общие законы» [6, с. 61]. Здесь следует, видимо, упомянуть, что начиная с М. Вебера и до Э. Гидденса крупнейшие теоретики полагают, что никто не смог внятно методологически различить предмет исторического и собственно социологического исследования и что, по-видимому, такого различия просто нет. Так что все, сказанное выше об истории, не в меньшей степени действительно и для социологии.

4. В нашем случае удобнее определить парадигму как связную иерархичную (системную) совокупность аксиом, исходя из которых дедуцируются теории, применяемые к «социальной реальности» (старого спора об индуктивных обобщениях и дедукции из аксиом в их значении для теоретического знания о «действительности» мы можем здесь не касаться). Откуда берутся (открываются исследователю) эти аксиомы – не вопрос нашей статьи. Следует только иметь в виду, что это не все аксиомы, но лишь «основные», те, которые определяют предмет исследования в целом – их мы назвали выше основоположениями. Относительно неокантианства следует также учитывать исследования о том, что может значить «реальность» в горизонте «критик» Канта (например, первую главу книги С. Жижека «Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии» [9]), – но обсуждение этого вопроса тоже вне предмета данной статьи.

5. Наша классификация теорий ценности основана на придаваемом теорией статусе ценностям: трансцендентное (божественное установление; вопрос о предании и церкви – особый и не влияет на основание классификации), трансцендентальное (царство ценностей И. Канта), органическое («воля к власти» Ф. Ницше), утилитарное (все разновидности позитивизма, современные теории рационального выбора, классическая и неоклассическая экономическая теория) понимание ценностей; в двух последних случаях местобытием ценностей является реальность и необходимости в выделении «царства ценностей» нет; первый случай не актуален для современной теоретической социологии.

6. Их до сего времени в социологии всего две; остальные – либо производные от них, либо редуцируют социологию к истории (этнометодология, нарратив и др.), экономике (теория институтов, капиталов и др.), политической науке (стоическая или макиавеллистская традиции – две соперничающих парадигмы).

7. В отечественной социологии есть несколько интерпретаций, что следует понимать под «социальным фактом как вещью» у Э. Дюркгейма. Мы сошлемся на последнее по времени истолкование этой темы, тем более, что в этой же работе содержится анализ некоторых идей М. Вебера, также находящихся в центре внимании в этой статье: курс лекций Ионина Л.Г. «Философия и методология эмпирической социологии» [13].

8. «Как только мы пытаемся осмыслить образ, в котором жизнь непосредственно предстает перед нами, она предлагает нам бесконечное многообразие явлений, возникающих и исчезающих последовательно или одновременно «внутри» и «вне» нас. Абсолютная бесконечность такого многообразия остается неизменной в своей интенсивности и в том случае, когда мы изолированно рассматриваем отдельный ее «объект» (например, конкретный акт обмена), как только мы делаем серьезную попытку хотя бы только исчерпывающе описать это «единичное» явление во всех его индивидуальных компонентах, не говоря уже о том, чтобы постигнуть его в его каузальной обусловленности. Поэтому всякое мысленное познание бесконечной действительности конечным человеческим духом основано на молчаливой предпосылке, что в каждом данном случае предметом научного познания может быть только конечная часть действительности, что только ее следует считать «существенной», то есть «достойной знания» [8, с. 369].

9. Но даже и в случае предельного «овеществления» (натурализма) речь может идти лишь об объяснении не вещи, но признака вещи, данной в пред-

ставлении/описании (мы уклоняемся от того, чтобы говорить здесь о понятии); сошлемся здесь на представителя Венского кружка К.Г. Гемпеля, который в статье 1942 г. «Функция общих законов в истории» писал: «То, что иногда называют полным описанием события, требует утверждений обо всех свойствах… Эта задача никогда не может быть выполнена полностью»; «тем более, невозможно объяснить индивидуальное событие в смысле учета всех характеристик с помощью универсальных гипотез»; и далее: «И история, и естественные науки могут дать отчет о предметах своего изучения только в терминах общих понятий, и история «может схватить уникальную индивидуальность» объектов своего изучения не больше, чем физика или химия» [19, с.17]. М. Вебер считал именно это «номотетическое» знание *предварительным*, подготовительным для того, чтобы реализовать цель познания социологии как науки о действительности. Но, в связи с позицией Дюркгейма, не это является наиболее для нас важным: согласно «догмам позитивизма» степень «математизации» определяет совершенство науки; но математизация как раз и означает принципиальное преодоление «натурализма»: вещественного в математической физике не остается ничего совсем. С другой стороны, Г. Риккерт утверждает, что понятие тем совершеннее, чем меньше в нем осталось «воззрительного многообразия» действительности, то есть, в интересующем нас отношении, говорит точно о том же. Наука о действительности, по образцу математической физики и риккертовского естествознания, – есть преодоление натурализма. Напротив, «исторический индивид» – основной предмет познания исторических наук о культуре, в высшей степени «реален», то есть *символичен* (но тоже не вещественен: его местобытием является рассказ, дискурс, идеология, миф). Отсюда – постоянная тяга «исторических наук о культуре» к символическому познанию своих объектов, отмеченная М. Хайдеггером, например, в «Пролегоменах к истории понятия времени» [20].

10. «Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем дальше они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение» [8, с. 623–624].

11. При этом никаких оснований для выбора нет, по крайней мере, нет методики рациональной критики таких оснований до того, как выбор будет сделан. Исследователь находится в положении, прекрасно описанном Черчиллем, который определял роль политика как выбор, решение – после того, как эксперты и прочие знатоки привели бесконечное количество доводов в пользу той или другой альтернативы (М. Вебер тоже писал о решении, которое должен принять исследователь; в этом решении он обретает «точку зрения» и условие возможности научной рациональности).

12. Необходимость, правила, которым следует рассказ, в которой представляется (обретается и осуществляется) социальная реальность – изучаются такими авторами как, например, К. Гинзбург [22] или Р. Анкерсмит; последний создал специальную научную дисциплину – нарративную логику (на ее сложные взаимоотношения с риккертовской, а значит, и веберовской методологией социального познания мы указывали выше).

13. Мы не касались введенного Аристотелем различения эпистемологического, фронетического и технического знаний и соответствующих им «реальностей»; например, утверждение, что фронетическое знание описывает социальную реальность – радикально изменило бы «систему координат», выбранную нами для интерпретации «ситуации мультипарадигмальности». Мы не касаемся также болезненного для социальных наук как «исторических наук о культуре» вопроса, поставленного также еще Аристотелем: может ли индивидуальное (случайное) быть предметом знания. Позитивист Дюркгейм и логический, утонченный, позитивист Гемпель, на которого мы сослались в этой статье, решительно считали, что и не может, и это не интересно (не релевантно, не нужно); веберовская процедура «каузального сведения» (выходя за рамки «охватывающих законов», или, в терминологии самого Вебера, «объясняющих причин»), основанная на разработанной Г. Риккертом теории «исторического индивида» и способов его познания, кажется, приоткрывает такую возможность.

14. Начиная с 60-х годов XX века все шире распространяется убеждение (оно стало господствующим уже в 80-е годы прошлого века), что методологические различения баденского и марбургского неокантианства, философии жизни (прежде всего В. Дильтея) относительно естествознания и наук о духе (мы намеренно уклоняемся от существенных особенностей, свойственных каждому типу различений каждой из названных школ) либо устарели, либо были несостоятельны с самого начала. Мы утверждаем, напротив, что различие носит совершенно «объективный» характер и выбор совершается в любом случае: он может быть сознательным, методически контролируемым, или несознательным – но он предшествует любому связному рассуждению, повествованию о «реальности», которая, повторим за Риккертом (Виндельбандом, Вебером), – одна, но может быть рассмотрена с разных точек зрения.

15. Мы добавим: или в положение александрийца «музейного» периода, многое знающего, не способного выбрать и творчески совершенно бесплодного. Было бы также необоснованно полагать, что речь идет о выборе только между дюркгеймовской и веберовской традициями в теоретической социологии, хотя именно так ситуация выглядит на первый взгляд. Не оценивая возможности дюркгеймовской традиции реализовать требования научности, определенные ею для себя и зафиксированные фон Вригтом как догмы позитивизма, мы утверждаем, что в рамках веберовской традиции теоретической социологии возможна социология как естественная наука (понятийная чистота идеально-типического познания тому пример), так и социология как историческая наука о культуре, и здесь мы должны еще раз разобраться с критикой риккертовского наследия Р. Анкерсмитом в «Нарративной логике».

Список литературы

1. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.

2. Шаров А.Н. Об основаниях мультипарадигмальности в науке об обществе // Социология науки и технологий. 2014. Вып. № 2. Т. 5.

3. Коллинз Р. Четыре социологические традиции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. 317 с.

4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 643 с.

5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.

6. фон Вригт Г.Х. Объяснение и понимание // Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. 600 с.

7. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. М.: Издательский дом ГУ «Высшая школа экономики», 2011. 472 с.

8. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 416–494.

9. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.

10. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997. 532 с.

11. Вико Д. Основание новой науки о новой природе наций. М.: Ирис, 1994.

12. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.

13. Ионин Л.Г. Философия и методология эмпирической социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. 365 с.

14. Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон, 1995. С. 5–170.

15. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи // Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 20–293.

16. Виндельбанд В. О свободе воли // Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 508–656.

17. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе / Собрание сочинений в 6 тт. Т. 3. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.

18. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея–Пресс, 2003. 360 с.

19. Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории // Логика объяснения. М.: Издательство «Дом интеллектуальной книги». 1998. 239 с.

20. Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.

21. Searle J. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995.

22. Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. 348 с.

23. Эпистемология и философия науки. Энциклопедия. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

ABOUT IDENTIFYING THE CAUSES AND INTERPRETATION OF «MULTIPARADIGMALITY» IN SOCIOLOGY: A METHODOLOGICAL ASPECT

K.G. Maltsev[1], E.A. Zaitseva[2]

[1] Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
[2] Nizhni Novgorod State Technical University

The aim of the paper is to examine multiparadigmality recently discovered in domestic theoretical sociology in the context of disciplinary structure of knowledge formed during the last third of the 19th century. Theoretical sociology developed as a science in the context of distinguishing between «natural sciences» and «historical sciences of culture», nomothetic and ideographic approaches, generalizing and individualizing methods. From the very beginning, there has been a fundamental disagreement about which group of sciences it should belong to. With the possibility suggested by H. Rickert to study «all reality as a whole» by employing one of the two opposing methods at any level of research/reality, «the situation of multiparadigmality», seen by many as a crisis, becomes natural. The paper suggests a new interpretation of the basic principle of causality, causal reduction, ideal-typical cognition in relation to the concepts of narrative, discourse, ideology.

Keywords: multiparadigmality, nomothetic and idiographic, value, narrative, narrative logic, discourse, phronesis.

УДК 316. 3./4

ПУБЛИЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СУБЪЕКТЕ РФ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ПРАКТИКЕ

© 2016 г.

М.А. Казаков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

kazakov_mihail@list.ru

Статья поступила в редакцию 06.01.2016
Статья принята к публикации 25.04.2016

Показано, что, нарастив свою презентабельность сообразно условиям политической жизни, модели публичной экспертизы, сформировавшиеся в РФ 1990-х и начала 2000-х гг., оказываются в силу промежуточности неспособными к наращиванию эффективности экспертных организаций в обеспечении аналитическими оценками и прогнозами политико-формирующих кругов общества. Рыночная модель публичной экспертизы «буксует». В структуре ее образующих это находит отражение не только в традиционном по качеству типе, ныне проявляющемся в ней как инструменте адаптации, но и в поиске экспертами гибких отформатированных, инвестиционно привлекательных форм проявления для продуцирования мер «улучшения» социального устройства регионов и страны в целом в треугольнике «государство – гражданское общество – бизнес».

Ключевые слова: экспертиза, публичная политическая экспертиза, инновации, система знаний, государство, институты гражданского общества, элита.

Везде и во все времена политика общества и государства остро нуждалась в знающих творческих людях – *экспертах*. Будучи субъектами науки, вовлеченными в политический процесс «вторичными агентами власти» (Дж. Келли), они осуществляют взаимодействие между этими профессиональными сферами социума, опираясь на собственное обеспечение, инструментарий и привлекаемые ресурсы заинтересованных сторон. Наличие сложнейших, противоречивых проблем в политической жизни новой России обусловило формирование экспертных сообществ в субъектах РФ, ставших с 90-х гг. и акторами международных отношений.

Чем демократичнее в стране политический процесс, тем более открытым, публичным является воздействие экспертов на общественную политику, проясняющее их роль в процессе принятия решений. *Публичная экспертиза, реализуемая в социальном пространстве, есть всегда проявление человеком, принадлежащим к определенной группе и выступающим компетентным участником тех или иных процессов, специфики своего предмета работы в рамках выбранной профессиональной области*.

Данная экспертиза призвана в различных формах коммуникации обеспечивать общество разнообразной качественной информацией, своевременность и полнота которой влияют на определение стратегии коллективного действия и ее исполнение. В качестве методики оценки эффективности этих процессов логичным (и обычным) является обращение к оценкам компетентных по профилю лиц (социологов, политологов, юристов и т.д.). Они способны выявить качественную результативность в соответствии с определенными параметрами (от военных до гуманитарных), придать стратегии координаты действенной, гибкой и вариативной линии.

В ракурсе фаз развития публичная экспертиза в России, скорее, лишь стремится к созданию своего *гармоничного* типа, чем располагает им. И поскольку на каждой стадии политического цикла решаются задачи планирования, определения условий и организации, исполнения, руководства, то первичными величинами, характеризующими устройство публичной экспертизы в субъекте РФ, выступают *формы организации* экспертного знания (государственные/негосударственные) и *аудитории*, на которую рассчитан экспертный продукт (внешняя/внутренняя).

Понимание данных параметров позволяет охарактеризовать последовательное движение в освоении этой области в высшей школе посредством четырех этапов:

– этап первичной профессионализации;
– этап специализации;
– этап профессионализма;
– *этап экспертизы*, прежде всего, *как выхода в конструирование новых средств и особенностей предмета деятельности.* В целом это *открытая система знаний*, развивающаяся на основе постоянного уточнения векторов, образов, символов, взаимосвязей политики. Углубления исследований, как ее социального инструментария, так и инструментов самой экспер-

тизы. Она требует сложно организованных мыслительных способностей и определенной структуры сознания человека, стремящегося постичь те или иные соотношения для выхода в плоскость конструирования и прогноза.

На современном этапе научного знания главным организатором прогностических усилий будет выступать, как писал еще А.С. Панарин, «не так называемая экспериментальная или строгая наука, а *культура»* [1, с. 400]. Или уровень профессионализма, позволяющий задавать нормы и направления этой области в рамках сетевой кооперации и социального партнерства. Профессиональная культура экспертов и элит – это и важный источник легитимации политического режима. Но воздействие первых на политику вторых редко бывает решающим, за исключением случаев в условиях переходного процесса. По мнению ряда экспертов, он вновь характерен для нынешней России и займет отрезок времени от 5 до 8–10 лет [2, с. 168] при общем признании значения личности политического лидера.

Здесь содержатся и те методологические тонкости, что нельзя упускать из вида: во-первых, мы прогнозируем не события как «вещи в себе», пребывающие по ту сторону нашего организованного бытия и смысла, а социально-исторический смысловой потенциал этих событий. По мере роста напряженности от вмешательств в реальный мир непредвиденных обстоятельств и разного рода кризисов имеем дело с трансцендентальным полем значений, которые образуются и осваиваются на основе культурно заданных реакций на внешние вызовы. Во-вторых, в *информационном,* особенно интернет-пространстве, в отличие от социального, признаки культурных традиций исчезают и люди сталкивается с *вызовами* ситуаций неопределенности. Тут и вступает в «игру» экспертиза с целью конструирования и сужения их границ для осуществления «шага развития».

Набор освоенных профессионалом реактивно-циклических форм, как и инновационных средств деятельности, предопределяет *его способ отношений с миром*, что становится источником используемых экспертом технологий. Достигнутая позиция экспертизы наделяет человека механизмами сортировки, форматирования, (пере)оформления информации. В зависимости от их типа и сопряжения можно получать качественно различное и необходимое ее количество по решаемой проблеме.

Такое введение необходимо для того, чтобы четче понимать два этапа (периода) и две модели организации научной жизни в постсоветской России; отдельные факторы формирования зоны публичной экспертизы в субъектах РФ (опираясь на опыт Нижнего Новгорода); особенности развития событий в этой сфере, основные проблемы на этапе социально-политического развития.

Итак, первый период – это 1990-е с их инерцией примерно до 2004 г. Важным фактором выживания аналитических и информационных центров, исследователей и педагогов новой тогда политической науки стали *выборы* и *грантовая* деятельность западных фондов. Данная область в известной степени обеспечивала ввод в научный оборот нового понятийного аппарата, общепринятых в мире тем и методов исследования, сопутствующих им «когнитивных карт» и сетевых профессиональных контактов. Обозначив ее как элемент международной сферы, сразу назовем и другие, с которыми непосредственно работает публичная экспертиза. Это государство, экономика, гражданское и «политическое» общество.

Выборы как элемент последнего способствовали «сборке» новых способов профессиональной и массовой коммуникации, формирующих «новую публику» в значении общества (среды), способного к воспроизводству, преобразованию и использованию информации, а став особым субъектом, и технологий. С целью придания позитивного характера эволюции должны были действовать различные типы грамотных политиков, медиаторов и шире – политик, которых в «нужный» момент не оказалось. Шанс перевода изменений в экономике, политике, науке и др. в *режим развития* был упущен, но экспертиза успела заявить о себе как его части, актуальной и в научном, и практическом плане.

Трансформация базовых форм и отношений все более приобретала негативную перспективу, в условиях которой стартовал второй этап (модель начала 2000-х гг.), охвативший десятилетие. Государство, в лице сменившейся правящей группы, взялось за решение задач национального строительства с «наведения порядка» в поочередно важных для себя сферах. Общественная жизнь ее интересовала через призму вертикального измерения социальной реальности. Общественные науки того времени не только ее отражали, но и переживали бум «переоткрытия заново» принципов демократического устройства России сообразно с ее историческими традициями, культурой и условиями современного существования.

Наряду с действием в видоизмененном виде основных тенденций и подходов к анализу явлений предшествующего периода естественным образом усилилась потребность в аксиологических подходах и концептах, интерпретирующих политическую жизнь через матрицу Человека. В

этом контексте весьма искусственным предстало внедрение профессиональных стандартов в сферу науки без участия в их разработке профессиональных сообществ. Интересным, в этой связи, видится опыт становления института публичной политической экспертизы в Нижнем Новгороде.

Во многом общим для специалистов, поначалу входивших в состав Нижегородского исследовательского фонда (НИФ), стало признание того факта, что возникновение института политической экспертизы в регионе связано с процессом формирования зоны публичного анализа на пересечении двух сфер профессиональной деятельности, каждая из которых, в принципе, может существовать автономно. Это: а) научные (академические) исследования и б) политическое планирование в рамках структур власти. Именно наложение друг на друга этих двух различных, но потенциально взаимно дополняющих друг друга сфер и дает эффект в виде феномена публичной политической экспертизы [3, с. 129].

Нижегородская специфика изначально состояла в том, что, с одной стороны, экспертиза становилась неотъемлемым фактором регионального политического процесса, с другой – ее инновационность превращалась в один из компонентов анализа становящихся политических институтов, одним из которых она была и сама. Чем и объясняется перевес *политического* в структуре публичной экспертизы тех лет (при необходимости для ее анализа учитывать и культурный, и социологический фон), в контексте обстоятельств, обусловливающих формирование этих «зон пересечения».

Среди них в виде ключевого отметим резкий перелом в характере и направлениях социально-экономического развития страны с начала 90-х гг. XX в. Полный развал экономики как рационально-рефлексивного контура сразу же обнажил неприспособленность наличных системы образования и кадров к предпринимательской активности населения и элит. Последние умели править, опираясь на мобилизационный тип экономики, но не управлять, оперируя эволюционным способом проектирования. Осознание недостатка информации и знаний относительно решения новых проблем востребовало обращение к знаниям экспертов как ресурсу для создания более-менее действенного механизма для практической реализации планов.

Необходимо учитывать, что тогда, в 90-е, политических экспертов в Нижнем Новгороде было мало, особенно тех, кто был «на виду». Работая преимущественно в сфере политической регионалистики, они (по-разному) использовали инновационный потенциал экспертизы как возможность преодоления экономических, социальных и иные провалов, сопутствующих им негативных политических трендов. Так или иначе, но у истоков этого действия стояли: С.В. Борисов, А.В. Дахин, М.А. Казаков, А.С. Макарычев, Н.П. Распопов, Д.Г. Стрелков. Из научных кругов Н. Новгорода в начальном процессе активно участвовали В.Я. Израитель, Л.А. Зеленов, О.А. Колобов, З.Х. Саралиева, И.В. Ромашова, А.А. Сергунин, С.В. Соколов, В.Т. Томин и др. [4, с. 22]. Это не исключает наличия в обоих рядах и иных фигур, работающих в другом амплуа.

Нельзя не отметить и роль «умеющего слушать» губернатора И.П. Склярова, его вице- и первых помощников Б.С. Духана, А.А. Серикова, которые не только обращались к экспертам за требуемой информацией, но и, корректируя их действия при обозначении своих позиций, разнообразно им помогали. Не вмешиваясь в само участие, борьбу экспертов за интерпретацию политической реальности. Поэтому те из немногих и существующих ныне экспертных организаций, создавших себя и свое дело в 90-е гг., откликались и на не сформулированный до конца «социальный заказ», и на стимулы, предлагаемые региональной властью. Этим, скорее, подтверждали действие «элитистского» подхода в оценке роли экспертов.

Но так было далеко не во всех субъектах РФ, прежде всего из-за отсутствия терпимости элит регионов и их нежелания взаимодействовать с кем-либо из нижестоящих акторов. Об этом на проводимых в Н. Новгороде конгрессах по проблемам политической регионологии [5] сообщали эксперты из иных городов и областей. Достаточно назвать среди них такие узнаваемые в политологии и социологии фигуры, как А.Н. Аринин, М.Н. Афанасьев, И.М. Бусыгина, В.Я. Гельман, Д.В. Доленко, А.В. Дука, Н.В. Зубаревич, В.А. Ковалев, А.С. Кузьмин, В.Н. Лысенко, С.М. Маркедонов, Н.В. Петров, Н.В. Смирнягин, А.Г. Чернышов, А.Ю. Шутов.

Деятельность многих из них на рубеже веков приводила вкупе к формированию сравнительно нового для регионов России «проектного» мышления. В своей основе оно предполагало решительный отказ от «заранее известного» набора знаний, умений, навыков и формирование, *проявление* необходимого *нового знания* в процессе проектной деятельности. На практике это давало экспертам новое пространство самореализации и спрос элиты на их аналитическую продукцию.

В свою очередь, в организационной структуре политической экспертизы того времени особая роль принадлежала небольшим творческим коллективам. Даже по сравнению с экспертными коалициями, строящимися по сетевому принципу

(местные отделения РАМИ, РАПН), они гораздо мобильнее воспринимали и генерировали новые идеи. Таким сначала был упомянутый Нижегородский исследовательский фонд. Своеобразным «долгожителем», успешно действующим и в наши дни, является Нижегородский центр социально-экономической экспертизы (рук. проф. А.В. Дахин). Их продукт был рассчитан на внутреннего потребителя вне зависимости от того, на какие средства осуществлялась работа.

Деятельность этих и других подразделений, особенно работающих на постоянной основе ряда социологических центров (НИСОЦ, НИЦ ЭОН), протекала на фоне общего для всей страны кризиса базовых систем социализации (образования, армии, госслужбы и т.д.). Университеты любого типа (не говоря уже об институтах) как эпицентры и камертоны научной (академической) жизни провинции стремительно теряли тогда свою самодостаточность, прежде всего из-за неналаженного производства востребованных временем кадров, профессионалов.

«Рядовой» эксперт в этих условиях делал то, что понимал и умел («входить» в проектную логику, заниматься стратегированием, просчетом и прогнозированием последствий применительно к конкретной профессиональной области).

Существенно для понимания особенностей постсоветской РФ и то, что в ходе 90-х гг. на местах не без помощи органов власти была фактически разрушена промышленность. Фундаментальная и прикладная наука потеряла одного из главных доноров. На его место пришел весьма противоречивый российский бизнес, а вместе с ним и новые взаимосвязи. С другой стороны, никуда не уходили государственный патернализм населения как многовековое наследие, цивилизационные изъяны российской власти, проступавшие каждый раз при проведении выборов. Именно они тогда были своеобразным маркером направления и движущих сил происходящих институциональных сдвигов.

Из западных смыслов и гражданских технологий укоренялись те, что меньше расходились с публично выдвинутыми целями государства. Поэтому сегодня, в условиях пусть усеченной, однобокой, но идущей модернизации экономики страны, перевод ее на рельсы инновационного развития требует активного участия *институтов гражданского общества* и как фактора трансформации публичной экспертизы. При неизменности принципов данного общества ныне преобладает его понимание как способа объединения организаций, находящихся за пределами государства и корпораций. Среди этих организаций и место политической экспертизы, если исходить из стратегии ее позиционирования как «центра публичной политики» [6, с. 6].

Взаимоотношения институтов гражданского общества с властными структурами до сих пор пребывают в стадии формирования. При единой ныне политической линии власти каждая некоммерческая организация экспертного профиля, действующая в РФ, развивает свою собственную «организационную культуру». (Принцип управления через культуру.) Она базируется на профессиональной этике, репутации и «человеческом материале» в условиях тех правил политической игры, что преобладают в рамках организационного целого.

Что мы должны иметь в виду, говоря о них? Ответ очевиден: эти правила, во всяком случае в условиях демократии, определяются Конституцией и неформальными нормами политического поведения и находят свое воплощение в *институтах* [7, с. 23]. «Если попытаться проанализировать, каким образом осуществляется такое чудо, то мы увидим, что управляющие не могут опереться ни на что, кроме мнения, кроме *одобрения*…» [8, с. 113]. В этом нет преувеличения. Даже в ситуации сегодняшней рецессии, когда определенная часть населения кулуарно выражает недовольство деятельностью «ЕР», большинство граждан не подвергает сомнению необходимость и легитимность политических институтов.

Будучи как бы вне их, публичная экспертиза в области модернизации представляет собой, прежде всего, *широкий общественный дискурс* принципов государственной социально-экономической политики, ее правовой базы, социально значимых проектов и мер в разных сферах общества. Ученые понимают, что она может быть глубже, разностороннее, жестче в оценках, но делают выбор в сторону такой *совместно* предпочтительной стратегии только тогда, когда за выбор *индивидуально* предпочтительной стратегии «бьют по голове». Тем самым, и в человеческой природе заложена «кривая развития» публичной экспертизы. Она профессионалами искусно скрыта использованием пространственного и математического моделирования в политическом процессе.

Такой формат деятельности характерен для большинства столичных и региональных экспертных организаций. Их объединяет обращение к проектно-ориентированным подходам для использования их терминологии и инструментария для деполитизации социально-экономического и информационного дискурса, адаптации интеллектуального стиля под повестку дня власти. Свойственен этот формат и вузовской экспертизе. А.С. Макарычев серьезной проблемой данного сегмента считает «существование такой

модели организации профессионального знания, которую можно условно назвать «традиционной», поскольку она несет на себе отпечаток советской эпохи и основана на следовании административной иерархии, существующей в научной сфере» [3, с. 135].

Автор склонен именовать настоящую модель «имитационной», имея в виду и следование запросам экономики, и определенный результат от всей цепочки *инноваций*. Запрос на подготовку кадров инновационного персонала менеджмента и предпринимательства со стороны промышленности лучше приоритетов любых программ характеризует цель экспертизы в современном вузе – стимулировать коллективные (сетевые) проекты, оснащающие элиты и гражданское общество компетенциями к инновационному решению, развивающему возможности государственно-частного партнерства и их собственный инновационный потенциал [9, с. 108]. Как пример – действующая в 2014–2015 гг. в Нижнем Новгороде экспертная группа «Региональная экспертная стратегия» (РЭС) [10].

Спрос во властных структурах на информацию такого типа применительно к разрешению неотложных и конфликтных ситуаций заметно возрос. Вполне закономерным поэтому следует признать формирование соответствующих экспертных объединений (в лице индивидуумов, групп экспертов, их профессиональных организаций), аффилированных со знаковыми политическими структурами. Симптоматично, что количество попыток, связанных с созданием подобных дискуссионных площадок, в РФ в последние годы увеличилось и, что интересно, инициатива исходит как раз от представителей критикуемой правящей партии.

Еще в 2012 г., например, Союзом сторонников партии «Единая Россия» была сформирована Общественная рабочая группа по инновациям (ОРГИ), важной составной частью которой является секция «Правовое обеспечение инновационной деятельности». Секция (в состав которой в настоящее время входит около 60 высококвалифицированных специалистов) была создана, главным образом, на базе экспертов некоммерческого партнерства экспертов ФС РФ «Парламентский Центр «Наукоемкие технологии, интеллектуальная собственность» (НТИС) [11, с. 70].

Другим примером привлечения лиц, не входящих в политическую элиту, к принятию важных для страны решений является Экспертный совет при Правительстве РФ. Он является совещательным органом и организован с целью проведения экспертизы экономических и социально значимых решений Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, правительственных, межведомственных комиссий и советов, а также для формирования вопросов со стороны институтов гражданского общества и обсуждения с председателем Правительства РФ и по его поручению – с федеральными органами исполнительной власти [12].

Основными задачами Экспертного совета являются: во-первых, организация участия экспертного сообщества в процесс подготовки и реализации решений Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти; во-вторых, организация общественного контроля за деятельностью исполнительной власти. Однако в состав данного совещательного органа входят лица, которых лишь по формальным признакам нельзя отнести к политической элите. По состоянию на 2014 г. в Экспертный совет входили такие граждане, как М.Ю. Барщевский (полномочный представитель Правительства РФ в высших судебных органах), С.Н. Катырин (президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации), Я.И. Кузьминов (ректор НИУ «Высшая школа экономики»), В.Е. Фортов (академик, президент РАН), А.Б. Чубайс и др.

Суть, конечно, не в персоналиях, а в тех проблемах и общей тенденции, которая со всей очевидностью фиксирует некую развилку в процессе формирования – развития института публичной политической экспертизы, свойственную и структурам гражданского общества РФ. Постсоветский переходный путь пройден. Экспертное сообщество дифференцируется. Однако характерное для него параллельное сосуществование опыта советской общественной жизни с привнесенными традициями западной гражданской культуры не дало более качественных ожидаемых результатов.

Ориентация на внутреннюю аудиторию тех же вузовских ученых предполагает ограниченный спектр экспертных продуктов. Одни из них могут рассчитывать на медийный формат, другие в жанре политического (предвыборного) консультирования в виде аналитических записок способны лечь на стол лиц, принимающих решения, а далее «по накатанной» – конференции, вестники, монографии и т.д. Но главное – в фарватере того, что дискуссионные и переговорные площадки, гражданские инициативы и общественные экспертизы, межотраслевое взаимодействие между «частными» субъектами политической, экономической и других видов деятельности, общественный контроль и иные, новые для России технологии остаются прерогативой «околоэлитных» и элитных групп. Цензуры нет, но работают фильтры и самоцензура.

Слабое представительство экспертов среднего слоя российского социума в общественных

советах весомых органов власти и корпораций служит негативным показателем развития демократии в России и не является предметом оперативного решения. Причем прогноз эволюции недоверия к ним, спускающегося к массам, уже сказался на общем ходе модернизации, значительно снизив скорость ее осуществления, что стало промежуточным результатом коллективного действия к историческим весенним событиям 2014 г., когда 16 марта в Крыму состоялся референдум [13, с. 3]. Одновременно стартовал текущий этап трансформации публичной экспертизы. Но это уже тема другой статьи.

Таким образом, нарастив свою презентабельность сообразно условиям политической жизни, модели публичной экспертизы, сформировавшиеся в РФ 1990-х и начала 2000-х гг., оказываются в силу промежуточности неспособными к наращиванию эффективности экспертных организаций в обеспечении аналитическими оценками и прогнозами политико-формирующих кругов общества. Обобщив некоторые практики ученых Н. Новгорода в экспертной деятельности, можно сделать следующий вывод. Рыночная модель публичной экспертизы «буксует». В структуре ее образующих это находит отражение не только в традиционном по качеству типе, ныне проявляющемся в ней как инструменте адаптации, но и в поиске экспертами гибких отформатированных, инвестиционно привлекательных форм проявления для продуцирования мер «улучшения» социального устройства регионов и страны в целом в треугольнике «государство – гражданское общество – бизнес».

Список литературы

1. Панарин А.С. Политология. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: «ПБОЮЛ М. Грачев», 2000. 448 с.

2. Водопетов С.В., Колобов О.А. Кризис страновой идентичности как импульс инновационных изменений для модернизации страны: международные примеры, причины, результаты. М., Подольск: ОАО «ПФОП», 2013. 184 с.

3. Макарычев А.С. Управление научными ресурсами в России и институциональные характеристики политической экспертизы // Управление региональным развитием: наука, экспертиза, инновации: ученые записки. Т. 8. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2010. 168 с.

4. Казаков М.А., Лысцев М.С. Региональные элиты и национальные интересы современной России: Монография. Н. Новгород: Изд-во «Дятловы горы», 2012. 146 с.

5. Нижегородский исследовательский фонд. URL: http://nnrf.da.ru (дата обращения: 10.12.2015).

6. Римский В., Сунгуров А. Фабрики мысли, центры демократии и центры публичной политики // Фабрики мысли и центры публичной политики: международный и первый российский опыт / Центр «Стратегия». СПб., 2002. С. 6–30.

7. Голосов Г. Сравнительная политология. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 206 с.

8. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. 170 с.

9. Казаков М.А. Управление инновационным развитием РФ: выработка эффективных элементов профессионального инструментария элит // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4(60). Т. 3.

10. «Региональная экспертная стратегия» (РЭС): сайт «Нижний сейчас»: URL: http://nn-now.ru (дата обращения: 10.12.2015).

11. Севостьянов В.Л. Развитие общественной экспертизы в сфере инновационной деятельности // Мониторинг правоприменения. 2013. № 1.

12. Экспертный совет при Правительстве России. Режим доступа: http://government.ru/department/270/ (дата обращения: 15.12.2015).

13. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов. М.: Изд-во «Известия», 2014. 30 с.

PUBLIC POLICY EXPERTISE IN A RUSSIAN REGION: GENERAL AND SPECIFIC FEATURES IN THE PRACTICES OF NIZHNI NOVGOROD

M.A. Kazakov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Using an integrated and problem-chronological approach, the article shows that new models of policy expertise in the Russian Federation, even with their enhanced presentability compared to the 1990s and early 2000s, are yet unable to further improve the efficiency of expert organizations in the promotion and protection of the interests of Russia's civil society, which is both the object of modernization, and the subject of innovation. As well as its institutions, they are in search of new independent forms of expression – participation and accountability (removing their dependence on the power of the state and corporations) aimed at developing and implementing additional measures to «improve» the political system of the regions and the country as a whole.

Keywords: expertise, public policy expertise, innovation, knowledge system, state, civil society institutions, elite.

УДК 316.346.32-053.9

«КОМПЬЮТЕР НЕ РОСКОШЬ, А СРЕДСТВО…»: ВКЛЮЧЕННОСТЬ В ЦИФРОВОЙ МИР СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2016 г.

А.С. Биккулов, [1] ***О.В. Сергеева***[1,2]

[1]Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики
[2]Санкт-Петербургский государственный университет

abikkulov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.01.2016
Статья принята к публикации 22.04.2016

Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в Санкт-Петербурге, Гатчине и Чудове с целью выявления характера взаимодействия с ИКТ людей старших возрастных групп. Сбор данных был осуществлен весной–летом 2015 г. методом стандартизированного интервью. Авторы обсуждают рутинизацию пользовательских практик, показывая их отличия в группах третьего и четвертого возрастов, рассматривают мотивы приобщения к компьютеру, в частности профессиональную и досуговую мотивации, показывают связь между освоением компьютера и доверием другим современным технологиям – мобильному телефону и банкомату, приводят рейтинг видов интернет-активности.

Ключевые слова: старость, возраст, использование компьютера и Интернета.

Вводные замечания

Процессы рутинизации компьютерных практик и выход пользовательских навыков за пределы узкопрофессиональных сообществ происходили в России в течение 2000-х гг. В этот период социализировались молодые поколения, с рождения осваивавшие домашние компьютеры, планшеты, смартфоны. Вместе с тем и более старшие группы адаптировали главную техническую инновацию конца XX в. – персональный компьютер с выходом в Интернет. Каковы сегодняшние пользователи третьего (60+) и четвертого (75+) возраста? Что и в какой степени из возможностей компьютера ими освоено? По каким путям пришли эти люди в цифровой мир? Эти вопросы требуют ответа, поскольку от диагностики пользовательских характеристик старших возрастных групп зависит прогнозирование потенциала их адаптивности, включенности в социальные взаимодействия, которые сегодня опосредованы компьютерными технологиями.

С середины 2000-х гг. государство оказывало и продолжает оказывать поддержку в освоении компьютера через центры социального обслуживания и сеть массовых библиотек, где действуют специализированные курсы. Актуальным представляется вопрос о значении этого финансируемого государством пути приобщения к компьютеру для людей в возрасте. Наконец, анализ мотивов отказа от освоения и владения компьютером также очень важен для понимания как возрастной субкультуры, так и особенностей распространения технических инноваций в обществе.

По мере включения в пользовательские компьютерные практики людей старших возрастных групп этот процесс осмысляется как исследовательская проблема, прежде всего социальными учеными, отечественными и зарубежными. Принимая во внимание данные статьи «Использование компьютера представителями старших возрастных групп: мультидисциплинарный обзор» [1], вышедшей в 2010 г., можно констатировать, что в зарубежной (англоязычной) научной периодике «возрастная» тематика появилась еще в 90-е гг. XX в. Скачок публикационной активности произошел после 2000 года, журналами-лидерами стали геронтологические издания, такие как «Старение и общество» (Ageing & Society), «Европейский журнал по старению» (European Journal of Ageing), «Журнал исследований старения» (Journal of Aging Studies) и ряд других. Но в 2005–2008 гг. лидерство в освещении тематики возрастных пользователей компьютера переходит изданиям направления «human-computer interaction – взаимодействие человека и компьютера», это, например, «Международный журнал исследований взаимодействия человека и компьютера» (International Journal of Human-Computer Studies), «Взаимодействуя с компьютерами» (Interacting with Computers), «Компьютеры и человеческое поведение» (Computers in Human Be-

havior) и др. Геронтологическая периодика опускается на второе место по количеству публикаций, а третье место занимают журналы направления «забота о здоровье» (healthcare). По переориентации потока статей можно проследить, как изменялся научный дискурс: от рассмотрения пользовательского опыта в третьем возрасте как некоторой специфической проблемы к изучению отдельных, частных аспектов взаимодействия с компьютером в среде возрастных групп.

Российские ученые осваивают тему примерно с середины 2000-х гг. Поскольку речь идет о национальной ситуации и нет такого обширного потока, как масса интернациональной англоязычной периодики, возможно отметить конкретные вопросы, нашедшие отражение в российских публикациях: возрастное информационное неравенство и освоение компьютерных навыков на пути социально-экономической инклюзии и улучшения межпоколенческих взаимодействий (И.В. Трифонова [2], А.А. Смолькин [3, 4]); сравнение степени вовлеченности в использование ИКТ старшими группами разных стран (И.А. Григорьева, С.П. Чернышова [5]); интерпретация обыденных представлений о цифровых технологиях у людей третьего возраста (А.Д. Трахтенберг [6]) и изменениях их повседневности в связи с компьютером (О.В. Сергеева [7]). В 2013–2015 гг. появился комплекс работ петербургских социологов А.С. Биккулова [8], Л.А. Видясовой [9], И.А. Григорьевой [10, 11], А.В. Дмитриевой [12], в значительной степени заполняющих лакуны возрастной проблематики цифровизации.

Методология исследования

Цель исследования – выявление параметров взаимодействия людей старших возрастных групп с ИКТ. Для того чтобы выяснить, способствуют ли современные ИКТ активности пожилых, их включению в «информационное общество» и замедляют ли социальное старение и исключение, нельзя оставлять в фокусе внимания только приобщившихся к цифровым технологиям, понимание особенностей «жизни с технологией» возможно только при сравнении пожилых пользователей и непользователей. Поэтому была сформирована стратифицированная выборка, квотированная по показателям пола, возраста и места проживания. Участниками опроса были 1084 человека (мужчины – 30%, женщины – 70%), что примерно соответствует демографической структуре населения этого возраста в возрастных рамках, официально установленных в России пенсионным законодательством (женщины от 55+, мужчины 60+), как владеющие компьютерными навыками, так и невладеющие.

Опрос был проведен в 2015 г. методом стандартизированного интервью. Опросный лист включал закрытые и полузакрытые вопросы: всего 26 вопросов, из них 7 вопросов социально-демографического характера, а 4 вопроса – для не пользующихся компьютером. Такое количество вопросов позволяло избежать ослабления внимания и потери интереса к общению у респондентов. Средняя продолжительность интервью была 7 минут.

Территория реализации выборки – Санкт-Петербург и два районных центра – г. Гатчина (Ленинградская область) и г. Чудово (Новгородская область). В Санкт-Петербурге были опрошены 884 человека, 100 – в Ленинградской области, 100 – в Новгородской области. Целенаправленный отбор респондентов был осуществлен через комплексные центры социального обслуживания населения (КЦСОН), центр «Хэсэд Авраам» (Петроградский район) и специализированные мероприятия, проводимые Центральной городской библиотекой им. В.В. Маяковского. В опросе участвовали КЦСОН Адмиралтейского, Калининского и Василеостровского районов. Структура КЦСОН включает как социально-досуговые отделения в округах района, так и отделения дневного пребывания граждан и отделения временного проживания. Работа в разных структурных подразделениях КЦСОН обеспечивала доступ интервьюеров к представителям как «третьего», так и «четвертого» (старше 75 лет) возрастов.

Пользователи или непользователи?

«Мой планшет всегда со мной», – так ответила одна из респонденток на первый вопрос интервью, деливший всех опрашиваемых на пользователей и непользователей. Этот ответ, а также полученные данные показывают степень вовлеченности в цифровой мир тех, кого по инерции повседневного сознания считают преимущественно исключенными. Оказывается, это не совсем так.

Распределение ответов в возрастных группах показывает, что группы 55–60 и 61–65 в большинстве своем (85% и 77%) умеют пользоваться компьютером, причем в половине случаев оценивают свои навыки как хорошие. Предсказуемо больше половины непользователей компьютера – в старших возрастных группах (71–80, 81+). Конечно, надо иметь в виду, что данные относятся к жителям второго российского столичного мегаполиса и близлежащих район-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Умеете ли Вы пользоваться компьютером?» (в зависимости от возраста), %

Варианты ответа	Возраст респондента				
	55–60	55–60	55–60	55–60	55–60
Да, хорошо	**43**	**43**	**43**	**43**	**43**
Пользуюсь, но с трудом	**42**	**42**	**42**	**42**	**42**
Нет, не умею пользоваться	15	15	15	15	15
Итого	100	100	100	100	100

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Умеете ли Вы пользоваться компьютером?» (в зависимости от пола), %

Варианты ответа	Муж.	Жен.
Да, хорошо	31	20
Пользуюсь, но с трудом	19	25
Нет, не умею пользоваться	50	55
Итого	100	100

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Умеете ли Вы пользоваться компьютером?» (в зависимости от места жительства), %

Варианты ответа	Санкт-Петербург	г. Гатчина, г. Чудово
Да, хорошо	24	19
Пользуюсь, но с трудом	22	35
Нет, не умею пользоваться	54	46
Итого	100	100

ных городов. Тем не менее цифры красноречиво говорят о том, что компьютер перестал быть молодой технологией для молодых. Так, например, когда мы сегодня говорим «геймер», то им вполне может быть не только подросток, но и его дед, коротающий свободное время за партией бильярда онлайн.

В исследовании мы ставили задачу проверить, влияют ли пол, уровень образования, место жительства, профессиональный статус на приобщение к использованию компьютера.

Принципиальных отличий между мужчинами и женщинами нет, хотя можно видеть, что мужчины увереннее в самооценке пользовательских навыков, почти половина мужчин освоила компьютер самостоятельно, без посещения компьютерных курсов, они имеют более продолжительный опыт работы с компьютером. Женщины склонны говорить осторожнее, отмечая свои трудности, как правило, для освоения компьютеров посещали какие-либо курсы. Один из немногих вопросов, где в ответах ярко выражено различие по полу, это вопрос о том, насколько пригодилось умение пользоваться компьютером для работы, зарабатывания денег, продолжения профессиональной деятельности (выбрали ответ «да, очень помогло» 39.7% мужчин и только 12.8% женщин), что, вероятно, является следствием особенностей профессиональной занятости мужчин после достижения пенсионного возраста. Вместе с тем женщины больше общаются в Интернете в социальных сетях (48.4% женщин-пользователей против 33.8% у мужчин), на форумах и блогах (11.6% женщин-пользователей против 5.4% у мужчин), чаще пользуются интернет-телефонией в виде Skype и др. (48.4% против 36.5%).

Различия в результатах исследования между Санкт-Петербургом и районными городами имеются, но не столь значительные, как ожидалось. Так, респондентов, ответивших, что умеют пользоваться компьютером, 24.5% в Санкт-Петербурге и 18.6% – в Гатчине и Чудове. По количеству часов в день, проводимых за компьютером, выбрали минимальный вариант «пользуюсь не каждый день» 34.0% в Санкт-Петербурге против 57.6% – в районных городах. Хотя по уровню компьютерных навыков, продолжительности использования компьютеров и конкретных сервисов Интернета результаты отличаются примерно в полтора раза в сторону более низких показателей в районных городах, но в дальнейшем мы в основном будем опираться на анализ по возрастным группам, так как он более показателен; в районных городах видны те же тенденции, только в меньшем масштабе.

Достаточно предсказуемым оказалось влияние на уровень использования информационных

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Умеете ли Вы пользоваться компьютером?» (в зависимости от профессионального статуса), %

Варианты ответа	Руководящие должности (начальник, заместитель начальника)	Специалисты с высшим образованием без подчиненных	Служащие, не занятые физическим трудом	Рабочие и другие (например, домашние хозяйки)
Да, хорошо	**48**	27	14	15
Пользуюсь, но с трудом	18	24	24	37
Нет, не умею пользоваться	34	49	**62**	**48**
Итого	100	100	100	100

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Пользуетесь ли Вы банкоматом?» (в зависимости от наличия компьютерных навыков), %

Варианты ответа	Пользуюсь компьютером	Не пользуюсь компьютером
Пользуюсь банкоматом	70	20
Не пользуюсь банкоматом	30	80
Итого	100	100

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Пользуетесь ли Вы мобильным телефоном?» (в зависимости от наличия компьютерных навыков), %

Варианты ответа	Пользуюсь компьютером	Не пользуюсь компьютером
Пользуюсь мобильным телефоном	98	79
Не пользуюсь мобильным телефоном	2	21
Итого	100	100

технологий образования и профессионального статуса респондентов, который был у них до достижения пенсионного возраста: чем выше образование, квалификация и должность опрашиваемого, тем выше уровень самооценки сегодняшних компьютерных навыков. В частности, половина респондентов с ученой степенью оценивает свои навыки использования как хорошие, среди людей с высшим образованием таких уже около трети, среди респондентов со средним образованием около 20%, с неполным средним – 2.5%.

Распределение ответов на вопрос «Сколько часов в день Вы проводите за компьютером?» по возрастным группам показывает, что примерно треть пользуется компьютером не ежедневно (эта доля предсказуемо растет с возрастом, но не превышает 45% ни в одной возрастной группе), а остальные практически равномерно распределены между вариантами ответа «примерно один час», «больше одного часа», «больше 3 часов», из чего можно сделать вывод, что если человек умеет пользоваться информационными технологиями, то в большинстве случаев пользуется ими достаточно активно, возраст при этом не является барьером. Скорее следует признать, что возраст – как опыт, привычки, особенности социализации в другой информационной среде (которую часто называют книжной культурой) – оказывает влияние на начальном этапе, когда нужно сделать первый шаг к освоению технологии.

Окружающий нас мир является средой встроенных в повседневные вещи микрокомпьютеров. Автоматические стиральные машины, мультиварки, пылесосы и др. – вся техника имеет сегодня свой маленький компьютер и интерфейс для взаимодействия с ним. Поэтому одной из задач опроса была направленность на выяснение того, как пользователь компьютера адаптирует другие распространенные технические устройства, в частности мобильный телефон и банкомат.

Полученные данные показывают, что пользователи компьютера гораздо чаще принимают и другие современные ИКТ, хотя банкомат значительно уступает в освоенности мобильному телефону.

Как и почему пользователи стали пользователями

Ответы на вопрос «Научились ли Вы использовать компьютер в большей мере до пенсионного возраста или после его достижения?» показывают зависимость от соотношения достижения пенсионного возраста опрашиваемыми и времени активного распространения компьютерных технологий. Так, если в наиболее молодой возрастной группе респондентов (55–60), которые застали бум информационных технологий еще в период своей работы, ответы поделились примерно поровну между вариантами «в большей мере до пенсионного возраста», «в равной степени и до, и после», «в большей мере после достижения пенсионного возраста»,

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Обучались ли Вы когда-нибудь использованию компьютера на курсах (бесплатных или платных)?» (несколько вариантов ответа), %

Варианты ответа	Возраст респондента				
	55–60	61–65	66–70	71–80	81 и старше
Обучился самостоятельно	31	21	20	33	15
Да, посещал(а) платные курсы	29	15	4	2	8
Да, посещал(а) бесплатные курсы в библиотеке, центре социального обслуживания	**20**	**31**	**38**	**38**	**23**
Меня научили близкие	24	23	18	24	39

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Помогли ли Вам полученные знания и навыки использования компьютера для организации досуга, развлечения, общения?», %

Варианты ответа	Возраст респондента				
	55–60	61–65	66–70	71–80	81 и старше
Да, очень помогли	55–60	61–65	66–70	71–80	81 и старше
В общем-то, помогли, но не очень	49	54	58	53	46
Совсем не помогли	23	18	15	12	23
Затрудняюсь ответить	12	12	18	23	23
Итого	16	16	9	12	8

то более пожилые пенсионеры-пользователи были вынуждены в большей степени осваивать компьютерные технологии уже после выхода на пенсию (37% в возрастной группе 55–60, 80% в возрастной группе 71–80).

Анализ ответов на вопрос «Обучались ли Вы когда-нибудь использованию компьютера на курсах (бесплатных или платных)» показывает, что большинство представителей старших групп, владеющих ИКТ, во всех возрастных диапазонах, научились этому преимущественно на курсах (в равной степени на платных и бесплатных), самостоятельными усилиями и в несколько меньшей степени с помощью родных и близких.

Компьютерные курсы, организованные сегодня в центрах социального обслуживания, муниципальных библиотеках, клубах, показывают себя как агента социализации, специфика которого, как считают исследователи, – в приобщении к новым формам досуга [12, с. 196].

Одной из центральных задач исследования, выразившейся в нескольких вопросах, была задача выявления мотивов освоения и использования компьютерных технологий у тех, кто ими пользуется. В частности, сопоставление ответов на два самых общих вопроса: помогают ли компьютерные технологии сохранять связи с близкими и друзьями и помогают ли (помогали ли) они в профессиональной деятельности – показало, что большинство старших пользователей отмечают несомненную поддержку компьютера, Интернета, скайпа в поддержании связи с близкими и друзьями (во всех возрастных группах – около 60%). В районных городах Гатчине и Чудове эта цифра даже выше (около 80% пользователей). Это связано, вероятно, с тем, что молодые поколения уезжают жить в более крупные города и интернет-общение становится важной повседневной практикой для остающихся старших родственников. Значительно меньшее число респондентов отметило использование компьютерных технологий для своей профессиональной деятельности, постоянное или эпизодическое (около 50% в группах до 70 лет, около 30% – в группе 71–80). При ответе на вопрос «Помогли ли Вам полученные знания и навыки использования компьютера для работы, зарабатывания денег, продолжения профессиональной деятельности» оказалось почти вдвое больше тех, кому компьютерные навыки совсем в этом не пригодились (примерно 50% против 25% или 40% на 20% во всех возрастных группах).

Устойчивым является интерес респондентов к компьютеру как средству досуга и общения. Это общекультурная глобальная тенденция, в русле которой мы все сегодня движемся, и старшие группы – не исключение.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного Вам приходилось делать в Интернете за последний месяц?» (несколько вариантов ответа), %

Варианты ответа	Возраст респондента				
	55–60	55–60	55–60	55–60	55–60
Искать информацию	76	71	76	69	46
Читать новости	67	72	56	54	46
Общаться в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте» и др.)	56	54	31	39	23
Просматривать фотографии	53	59	42	26	54
Вести переписку по электронной почте	53	44	38	39	31
Пользоваться интернет-телефонией (Skype, Google voice и т.д.)	47	46	33	52	31
Скачивать, просматривать видео	36	33	27	35	31
Скачивать, прослушивать музыку	31	33	20	32	31
Покупать, заказывать товары / услуги в интернет-магазинах	29	18	9	12	0
Получать госуслуги через Интернет (оформление пособий, пенсии, паспорта, загранпаспорта и других документов, записываться на прием к врачу и др.)	24	16	20	15	0
Заказывать номерок к врачу или вызывать врача	24	15	20	19	16
Читать и общаться в форумах или блогах (обсуждения на форумах или блогах)	22	13	7	2	0
Смотреть интернет-телевидение	16	25	4	12	8
Искать работу	16	16	4	5	0
Управлять банковским счетом через Интернет	16	8	2	5	0
Играть в онлайн-игры	9	18	22	20	15
Оплачивать товары / услуги электронными деньгами	9	13	9	8	15
Использовать сервисы электронного правительства	9	10	0	8	8
Скачивать, приобретать программное обеспечение, приложения	9	8	2	3	0
Вести интернет-дневник (блог)	9	2	0	2	0
Заказывать лекарства	9	2	7	8	0
Слушать интернет-радио, подкасты	7	12	0	9	8
Пользоваться сервисами обмена мгновенными сообщениями (ICQ, QIP, Jimm и т.д.)	4	2	0	2	0
Ничего из перечисленного	2	0	4	9	31

Часы, проведенные за компьютером в среде третьего и четвертого возрастов, тратятся на просмотр разнообразной информации, новостей и на поддержание социальных связей. Наиболее востребованные функции Интернета среди респондентов в порядке убывания: поиск информации, чтение новостей, общение в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте» и др.), просмотр фотографий, переписка по электронной почте, использование интернет-телефонии (Skype, Google voice и т.д.) – в разных возрастных группах ими пользуются в целом больше половины респондентов, имеющих компьютерные навыки. И если у нас принято традиционно говорить о стариках как «телепоколении», нужно иметь в виду, что представители компьютерных пользователей совмещают телевизионный и сетевой информационные потоки, чтобы получить разные мнения и оценки событий.

Одна из гипотез, формулировавшихся нами в ходе подготовки опроса, заключалась в том, что представители более молодых групп (55+ и 60+), освоившие компьютер в не столь поздний период жизни, будут настроены оптимистичнее

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое будущее»? (в зависимости от возраста), %

Варианты ответа	55–60	61–65	66–70	71–80	81 и старше
Оптимистически	61	61	60	51	55
Пессимистически	13	21	17	18	18
Затрудняюсь ответить	26	18	23	31	27
Итого	100	100	100	100	100

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое будущее»? (в зависимости от компьютерных навыков), %

Варианты ответа	Пользуюсь компьютером хорошо	Пользуюсь компьютером с трудом	Не умею пользоваться
Оптимистически	66	59	50
Пессимистически	13	16	20
Затрудняюсь ответить	21	25	30
Итого	100	100	100

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос «Почему Вы не освоили компьютер?» (в зависимости от возраста; несколько вариантов ответа), %

Варианты ответа	55–70	71 и старше
Это дорогая вещь, не могу ее купить	11	14
Это ненужное мне устройство, я хорошо обхожусь и без компьютера	13	14
Не освоил/освоила, так как никто не помог, не подтолкнул к освоению	**54**	**52**
Компьютер кажется мне вредным для здоровья	27	33
Компьютер – это техника для молодых	19	23

в оценке своего будущего по сравнению с возрастными группами 71+. Такое предположение казалось нам вполне очевидным, поскольку окружающая нас реальность постоянно требует быть компетентными в обращении с ИКТ. А человек, лишенный компьютерных навыков, как мы думали, ощущает озабоченность перед технологизирующимся будущим и свою несовременность. Однако полученные данные не подтвердили гипотезу, показав значительный уровень оптимизма среди всех опрошенных представителей старшего поколения – более молодых и старше, пользователей и непользователей (табл. 10, 11).

В объяснении установки на оптимизм, как мы предполагаем, можно высказать несколько идей. Во-первых, обусловленность этого настроения особенностями советской социализации, формировавшей ориентацию на будущее и правило «в быту довольствоваться малым». Во-вторых, отсутствие явного страха перед будущем даже в среде непользователей связано, вероятно, с тем, что эти люди имеют устойчивый мир отношений и действий, поддерживаемых «старыми» способами, доступными и в компьютеризированном настоящем. Например, получение информации через традиционные СМИ, досуг и общение в первичных группах, находящихся поблизости в городе, использование еще докомпьютерных сервисов – почтового, банковского, административно-бюрократического. Мы видим, что несмотря на уменьшение количества не пользующихся ИКТ в среде старших возрастных групп, некоторые «островки» миров без компьютера еще сохраняются.

Выявление причин избегания и невнимания к новым технологиям, в частности к компьютеру, также интересно и эвристично для социальной науки, как и анализ адаптации инноваций. По нашим данным, в группах молодых (до 70) и в группах старших (71+) респондентов, не пользующихся компьютером, лидирует объяснение, которое связано с отсутствием социального побуждения (табл. 12).

Вариант ответа «никто не помог, не подтолкнул к освоению» свидетельствует, как мы думаем, во-первых, о значении малых групп – семейных, дружеских, профессиональных, взаимодействие в которых и эффект подражания побуждают человека к изменению повседневных практик; во-вторых, причина отсутствия социального побуждения не прямо, но косвенно подтверждает сохранение, казалось бы в плотной цифровой реальности, миров без компьютера.

Выводы

Результаты исследования продемонстрировали, что старшие поколения все больше становятся обычными в положительном смысле этого слова участниками компьютерно-опосредованных коммуникаций и в большинстве своем (85–77%) умеют пользоваться компьютером, причем половина из тех, кто умеет пользоваться компьютером, оценивают свои навыки как хорошие. Многие прошли обучение на курсах, чаще бесплатных. В целом практики этой группы все меньше отличаются от практик остальных пользователей компьютера, они также проводят все больше времени перед монитором по мере освоения функций технологии, также используют Интернет в качестве источника информации, средства общения в соцсетях и Skype. Некоторые особенности в способах вхождения в цифровой мир и в пользовательском опыте можно обнаружить в сравнении «третьего» и «четвертого» возрастов, при этом отдельный интерес представляет обращение к открытию непользовательских миров, все сужающихся, но все-таки сохраняющихся в изучаемой поколенческой среде. Старшие пользователи компьютера являются также адептами и других современных технологий, они в большинстве своем включили в свои практики мобильный телефон и банкомат. В дальнейшем перспективным направлением считаем исследование содержательной дифференциации в среде старших поколений по пользовательским практикам – коммуникативной, геймерской, блогерской. Такое направление работы позволит не только получить новые данные, но будет иметь и этический смысл устранения эйджистских стереотипов.

Примечания: Исследование выполнено в Университете ИТМО на средства гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03434) по теме: «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии»

Список литературы

1. Wagner N., Hassanein K., Head M. Computer use by older adults: A multi-disciplinary review // Computers in Human Behavior. 2010. V. 26. P. 870–882.

2. Трифонова И.В. Информационная поддержка представителей третьего возраста в современном российском обществе: Автореф. дис. … канд. социол. наук. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2006. 19 с.

3. Смолькин А.А., Трифонова И.В. Геронтологические аспекты информационного неравенства // Старшее поколение в соврем. семье: Сб. науч. ст. / НИСОЦ. Н. Новгород, 2009. С. 413–415.

4. Смолькин А.А. Навыки владения современными компьютерными технологиями у представителей старших возрастных групп как условие их успешной социально-экономической интеграции // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 115–136.

5. Григорьева И.А., Чернышова С.П. Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 2. С. 186–196.

6. Трахтенберг А.Д. «Компьютеры на Россию как ушат воды вылили»: информационно-коммуникационные технологии глазами пожилых людей // Дискурс-Пи. 2010. Т. 9. № 1–2. С. 117–120.

7. Сергеева О.В., Анипкин М.А., Калашникова О.С., Каушан Ю.Э., Смирнова Е.Д. Пожилые люди и компьютер // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2012. Т. 24 (65). № 1–2. С. 316–322.

8. Бершадская Л.А., Биккулов А.С., Жук Д.В., Низомутдинов Б.А. Интернет и пожилые: включенность старших возрастных групп и внимание к их проблемам // Информационные ресурсы России. 2014. № 5 (141). С. 11–15.

9. Видясова (Бершадская) Л.А. Технологии электронного правительства и инструменты электронного участия: новые возможности для жителей Петербурга «старшего возраста» // Государство и граждане в электронной среде: теория и технологии исследований: Сборник научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2015), Санкт-Петербург, 23–25 июня 2015 г. СПб.: Университет ИТМО, 2015. С. 159–168.

10. Григорьева И.А., Дмитриева А.В. Обучение пожилых ИКТ и возможности их трудоустройства // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: Сборник научных статей. Труды XVII Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2014) / Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики; Библиотека Российской академии наук. СПб., 2014. С. 317–319.

11. Григорьева И.А. «КиберПочт@» для пожилых в Санкт-Петербурге // Государство и граждане в электронной среде: теория и технологии исследований: Сборник научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2015), Санкт-Петербург, 23–25 июня 2015 г. СПб.: Университет ИТМО, 2015. С. 168–176.

12. Дмитриева А.В. Компьютерная грамотность как инструмент социального включения пожилых людей в современное общество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. №3. С. 184–197.

**PERSONAL COMPUTER AS EVERYDAY TECHNOLOGY:
EMPIRICAL RESEARCH OF COMPUTER USAGE AMONG RUSSIAN ELDERLY**

***A.S. Bikkulov,*[1] *O.V. Sergeyeva*[2]**

[1]ITMO University
[2]Saint-Petersburg State University

This article aims to explore how Russian elderly use digital technology. For that purpose we contacted people who are 55+ and live in St. Petersburg, Gatchina and Chudovo and asked them to complete a short interview. We discuss the routinization of computer usage, show the differences between third age and fourth age groups, explain the motives for familiarization with computer technology such as professional and recreation motivations. We also investigate the relation between computer usage and the trust in other modern technologies like mobile phones and ATMs and show the rating of Internet activity types.

Keywords: elderly, age, computer and Internet use.

УДК 316.3

ИНЖЕНЕРНЫЕ ДИНАСТИИ: РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППЫ

© 2016 г.

Е.М. Колесникова

Институт социологии РАН, Москва

Kolesnikova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.12.2015
Статья принята к публикации 22.04.2016

Изучается проблематика статуса и фактора династийности в инженерной профессии. Исследование проводилось как часть проекта по изучению инженерных династий в России. Профессиональная группа рассматривается с позиций межпоколенной мобильности ее представителей. Проблематика «равенства возможностей» рассматривается в социологической литературе в основном с точки зрения межпоколенных изменений доступа к образованию и доходу, реже к профессиям. На наш взгляд, объем ресурсов, возможных к аккумуляции в династии, стимулирует перспективы профессиональной лояльности в большей степени, нежели восходящей социальной и профессиональной мобильности инженеров. Локализация социального капитала в династиях может рассматриваться как один из инструментов поддержания должного квалификационного уровня инженерного сообщества. Исследование проводилось в одном из индустриальных центров Поволжья – г. Самаре.

Ключевые слова: социология профессий, межпоколенная мобильность, социальная мобильность, инженеры, профессиональная династия.

Инженерные династии заслуживают рассмотрения как часть профессионального сообщества, с одной стороны, и как самостоятельный социальный феномен, с другой. Сложная ситуация постсоветской России конца 90-х годов нашла свое отражение не просто в переделе государственной собственности, но и сокращении промышленного производства, а вместе с ним и в упадке инженерной профессии. Постепенное восстановление постсоветских предприятий в новом качестве (в форме как государственных, так и частных предприятий) и развитие промышленного производства, модернизация экономики способствовали новому толчку к развитию инженерной профессиональной группы, притоку в нее молодежи. В данном контексте интересно рассмотреть роль профессиональных династий инженеров в сохранении и развитии профессиональной группы, в частности как ресурса социальной мобильности.

Исследование проводилось в одном из индустриальных центров Поволжья – г. Самаре – как часть проекта по анализу проблематики инженерных династий в России (грант РГНФ № 15-03-00666) и включало экспертные интервью со специалистами отрасли. В нем приняли участие представители профессиональных инженерных династий, практикующие инженеры региона (нефтехимической и авиационно-космической отраслей), а также преподаватели двух крупнейших инженерных вузов региона: НИУ «Самарский государственный аэрокосмический университет им. С.П. Королева» и Самарского государственного технического университета (общее *N*=15).

Выбор данного региона диктовался несколькими причинами: присутствие в нем развитого промышленного сектора и наличие необходимого исторического периода продолжительности его функционирования для формирования инженерных династий. История активного развития промышленности региона, начиная с периода Великой Отечественной войны, связана с оборонным и нефтяным направлениями. На сегодня в Самарской области функционируют около 500 крупных и средних промышленных предприятий. В структуре ВРП доля промышленности составляет более 40%. К системообразующим отраслям промышленности Самарской области относятся автомобилестроение и производство автокомпонентов, авиакосмическое машиностроение, химия и нефтехимия [1]. Нефтехимический комплекс Самарской области является одним из базовых в экономике региона и включает в себя нефтедобывающую, нефтеперерабатывающую, химическую и пластмассовую отрасли промышленности, а также магистральный нефте- и нефтепродуктотрубопроводный транспорт. В нефтехимическом комплексе Самарской области в период с 2009 г. по 2018 г. реализуются 93 крупномасштабных инвестици-

онных проекта. Машиностроительная отрасль – это прежде всего автомобилестроительная и авиационно-космическая отрасли. На предприятиях автомобилестроения и авиационно-космической отрасли занято более 10% населения, задействованного в экономике Самарской области, обеспечивается около 36% отгрузки промышленных товаров. Автомобилестроение и сопутствующие отрасли представлены, в частности, такими крупными компаниями, как ОАО «АвтоВАЗ», ЗАО «Джи-Эм АвтоВАЗ». Аэрокосмическая отрасль представлена в регионе тремя приоритетными в национальном масштабе промышленными комплексами – ракетно-космическим, двигателестроительным и авиастроительным. АО «РКЦ «Прогресс» – головное предприятие аэрокосмического комплекса. Основная роль в ракетном и авиационном двигателестроении Самарской области принадлежит ОАО «Кузнецов», созданному путем объединения ряда ведущих производственных предприятий и проектных организаций отрасли. Авиастроение в Самарской области представлено в первую очередь ОАО «Авиакор – авиационный завод», которое обладает опытом в области серийного производства гражданских и военных самолётов из деталей, узлов и агрегатов собственного производства [2].

Возможность социально-профессионального роста работников в профессии и посредством нее связывается социологами с процессами социальной мобильности, их направленностью, интенсивностью и открытостью общества в целом. Проблематика «равенства возможностей» рассматривается в социологической литературе в основном с точки зрения межпоколенных изменений доступа к образованию и доходу, реже к профессиям. Статусное социально-профессиональное неравенство и его воспроизводство в поколениях представляют интерес с точки зрения эффективности функционирования политической и экономической систем государства и общественной солидарности (см., например, [3, 4]). При этом как отечественные, так и зарубежные ученые сходятся в оценке сохраняющегося наследования классовых, социальных преимуществ (см., например, [5, 6]) и использовании профессиональных позиций как одного из инструментов закрытия (см., например, [6, 7]). Немецкие социологи, основываясь на лонгитюдном исследовании (1980–2010 гг.) и рассмотрении влияния индивидуального и семейного накопленных ресурсов на предпочтения в профессиональной занятости в Германии, Великобритании и США, подтверждают наличие межпоколенческого наследования профессионального статуса и профессиональной сегрегации [8]. Здесь стоит учитывать и гендерный аспект династийности в профессиях и существование «женских» и «мужских» профессиональных династий. Так, Ленц и Лабанд считают, что наибольшими показателями династийности для мужчин отличаются профессии, связанные с медициной и сельским хозяйством [9]. Для женских профессиональных династий характерен общий тренд выбора отрасли, позволяющей наиболее эффективно совмещать выполнение семейных, материнских обязанностей и занятость [8, 10].

Одной из задач исследования был предварительный анализ процессов социальной межпоколенной мобильности инженеров с точки зрения династийности. В интервью с представителями инженерных династий задавались вопросы, позволяющие установить ряд ретроспективных сведений о социально-профессиональных траекториях респондентов и характеристиках их ближайшего окружения. В частности, это аспекты первичной и вторичной профессиональной социализации респондента и участие в ней (пра)родителей и ближайших родственников. Нами предполагается наличие специфики в отношении типа и объема социальных ресурсов, которыми человек располагает в начале своего профессионального пути при включении его в династийный профессиональный проект. Жизненные истории инженеров в системе этих показателей рассматриваются как их социальные маршруты, их исходное и текущее социально-профессиональное положение. Проблематика формирования профессиональной группы с точки зрения династийности включает в себя вопрос учета как очевидно положительных, так и спорных моментов. Данный вопрос можно рассмотреть не только с точки зрения формирования профессиональных ориентаций и идентичностей молодых представителей профессиональной группы. Но он также интересен в аспекте конкурентных преимуществ на рынке труда. Очевидно, что набор этих характеристик не описывает профессиональную группу с точки зрения социальной мобильности в полной мере, но позволяет рассмотреть важные аспекты динамики.

Инженерное дело как пространство для развития династийности

Инженер, как профессия, позиционируется экспертами на континууме между «академической наукой» и «непосредственной практикой», между «ученым», «исследователем», «консультантом» и «рабочим». Такая трактовка нашла выражение в соотношении понятий «наука» и

«труд» в описаниях инженерами своей профессии. Усложнение и высокотехнологичность современного производства все активнее сближают современного инженера с актуальными научными разработками:

Специальность инженера является локомотивом развития всего общества, которое ориентировано на реализацию достижений, которые появляются в науке, в нашу реальную жизнь. Так же как все более интенсивно появляются новые знания, так же все быстрее эти знания внедряются в нашу повседневную жизнь. … Сейчас происходит ускоренное развитие общества, в том числе и с технической точки зрения. Появляются очень быстро новые знания, которые надо суметь освоить и переложить их в прикладной характер (*представитель СГАУ*).

В то же время локализация его рабочего места и непосредственной практики сохраняет и поддерживает связь с производством:

Я когда устраивался на станкозавод, то мне отец сказал, что надо начинать с цеха. С производства. Прежде чем что-то конструировать, надо полгода проработать на производстве, чтобы стало понятно (*инженер, представитель династии*).

В данном контексте понимания профессии династийность имеет свои преимущества. Формирование профессиональных групп, основанных на сочетании сложных научных знаний и практики, требует больших затрат со стороны государства, системы образования и самого профессионального сообщества. Далеко не всегда мы можем говорить о наличии развернутой и продуманной системы мер в этой сфере. Здесь профессиональные династии могут выступать в роли неформальных институтов воспроизводства профессиональной группы, берущих на себя выполнение части этой работы. Так, с точки зрения респондентов, наличие профессиональных династий благотворно сказывается на рынке рабочей силы региона в длительной перспективе:

Династии вообще полезны... Здесь человек уже рождается в этой атмосфере инженерного творчества, инженерного труда. Ему понятны интересы родителей, понятны условия, в которых он работает, понятно вознаграждение труда родителей. Человек со знанием дела принимает на себя этот вид деятельности. Если подготовка идет в несколько поколений, то для отрасли это лучше. И человек, который в поколениях занимается конкретным видом деятельности, он, с моей точки зрения, более готов к труду. Через нас проходит много династий. СГАУ был организован в 1942 году. В принципе это, конечно, совсем не старый вуз. Но, тем не менее, уже три поколения есть, династии, которые прошли через СГАУ. Мы их знаем (*представитель СГАУ*).

Наличие достаточного процента династий в профессиональной группе способствует снижению рисков депрофессионализации группы с точки зрения квалификационных показателей даже при условии ситуативного недостаточного вклада в воспроизводство группы (например, в постперестроечный период). Это дает возможность аккумулировать при необходимости достаточное количество квалифицированных работников сложного инженерного труда, даже в случае отсутствия длительных и системных вложений в поддержание профессиональной лояльности и мотивации:

...прием студентов на наш факультет как раз связан с династиями. Не с общей обстановкой в стране, не с экономическим положением в стране, а с династиями. Потому что к нам приводят учиться родители, которые закончили наш факультет, наш институт. Те, кто взяли в основу машиностроительное, экономическое, производственное направление обучения, подготовки и жизни, связанной с производством. ... Я задал вопрос студентам 1-го курса: у кого родители, родственники работают инженерами? 50% ответили, что у них есть такие родственники. ...Студент приходит, и у него более-менее хорошо начерчено, хоть и чертят сейчас на компьютере. Говоришь: хорошо, а кто тебе помогал? Отец помогал. Брат помогал. Это передача идет в семье. Без самостоятельной работы и передачи в семье трудно рассчитывать на хорошего студента. Все, кто работает на предприятии, они все к нам присылают своих… чад, обучаться. Мы стараемся, оставляем маленькую щелку для того, чтобы производство не затухло, не умирало, а чтобы мы делали продукцию не хуже… (*представитель СГТУ*).

Транслирование профессиональной культуры через династии инженеров

Династийность позволяет использовать опыт непосредственного общения с родителями, родственниками, ближним взрослым окружением (например, друзей родителей) как представителями профессионального сообщества в профориентации детей и подростков. Аккумуляция социального капитала (наличие развитой инфраструктуры «связей» в профессии, «друзей и доверительных отношений с ними») становится преимуществом династийности. Непосредственная и непроизвольная передача профессио-

нального опыта, элементов квалификационных составляющих профессии способствует поколенной профессиональной лояльности и концентрации социокультурного-профессионального капитала в семьях-династиях:

У меня мама занимала довольно высокий пост на «Волгабурмаше», поэтому каждое лето, начиная с 8-го класса школы, по два месяца я работал во всех цехах. На этапе школы это делалось для того, чтобы определиться: куда идти учиться. Будет ли это техническое направление или гуманитарное. Технические направления тоже разные, это и теплопроизводство, и энергетика, и конструкторское бюро, технологическая служба. Это делалось, чтобы определиться (*инженер, представитель династии*).

Мне, конечно, хотелось бы, чтоб и дети тоже пошли по моему профилю. Вот один сын сейчас с типографией начал. Младший вот учится, но его больше привлекает программирование. Сейчас он по специальности уже устроился работать. Повышает свою квалификацию. Он сейчас на 4-м курсе в Авиационном. У него чувствуется такой настрой, такая организация жизни, что, я надеюсь, он достигнет много в профессии. Вначале мы вообще много с ним говорили о профессии. У меня много знаний, и это было полезно. По каким-то вопросам сейчас он меня уже обошел. Но, тем не менее, он советуется. У меня интуиция и база есть, поэтому я могу совет дать по любому техническому вопросу (*инженер, представитель династии*).

Формирование интереса к профессии может также идти опосредованно через выбор родителями специализации среднего образования; возможности визуального наблюдения элементов профессиональной биографии значимых взрослых (например, учебы родственников) или элементов профессиональной культуры (например, самого труда или обсуждений родственниками производственных вопросов между собой или с коллегами). Биографические данные наших экспертов содержат следующие примеры:

У меня отец был инженер. Он начинал на станкозаводе. ... Мой дядя жил с нами и учился, заканчивал институт политехнический. И больше его пример меня вдохновил. Мы жили вместе. Он на моих глазах учился. Рассказывал все… Родители не могли меня взять на свою работу, когда я был в том возрасте, когда имело смысл взять. Они работали на закрытом заводе. Это были секретные заводы, закрытые. Авиационная промышленность. ... Сын тоже инженер. Он сам решил (*инженер, представитель династии*).

Отец у меня технарь. Дед там еще… Они выходцы с Дальнего Востока. Дед мой был начальником спецотдела Дальневосточного управления авиации. Отец смолоду… что-то связанное с авиацией и радио, потом война, он профессиональным разведчиком стал, все три войны прошел, был в спецотделе. После войны он был представителем министерства в тылу, Поволжье, Урал у него были, по энергетике. Потом… работал инженером по электро. Я помню, с ним ездил в детстве. Нефтепровод «Дружба» тянули. Он делал электрическую защиту трубопровода. Он меня всегда брал с собой (*инженер, представитель династии*).

Трансляция родительских установок в отношении профессионального выбора может присутствовать на различных этапах профессиональной биографии: выбора направления среднего образования, выбора профессионального образования, предоставления возможностей подработки на рабочем месте родителей в период учебы. Представители инженерных династий, участвовавшие в исследовании, давали, в частности, и такие описания этапов профессиональной биографии:

Я никогда не сомневался в выборе профессии. Я не выбирал институт. Я знал куда пойду. Я один из класса поступал на механический факультет в политехнический институт. Все было как-то само собой. Давно это было ясно. Поступать было просто. Там же обычная программа. А после математической школы это было просто. А в процессе обучения в институте я советовался и с отцом, и с дядей. ... Нет, математическую школу я не выбирал сам. Это уже родители постарались (*инженер, представитель династии*).

Все пошло с института. Сначала это никак не влияло – то, что отец инженер. А потом, когда я уже начал расти, со временем все больше и больше, я начал понимать, что [*он*] *действительно человек умный и многому чему есть поучиться. И с годами все больше влияет на меня, сейчас, советы какие-то дает. У него большой опыт, и он много что подсказать может, в прикладных вопросах. Хотя у него не нефтяная сфера, не машиностроение. Но все равно, прикладная часть, она играет свою роль. Первая временная работа была на Нефтемаше. … Вторая временная работа была у отца – оформление отчетной документации* (*инженер, представитель династии*).

Династия как фактор профессиональной мобильности инженера

Династийность может анализироваться с точки зрения проблематики непотизма, непрозрачной конкуренции на рынке труда, искусст-

венных барьеров профессиональной мобильности. В то же время принадлежность к династии значима как фактор, упрощающий доступ в группу или продвижение в ней, при дополнительном доступе к административным/властным ресурсам и в условиях высокой конкуренции на рынке труда. Превратить «семейное дело» в «семейный бизнес» возможно далеко не всегда, особенно на рынке наемного труда. Закономерно, что данная проблема более значима для профессионалов, занимающих руководящие должностные позиции, или собственников предприятий и менее – для профессиональных «рядовых» должностных позиций, а также для отраслей или предприятий с низкой конкуренцией при приеме на работу (в силу различных причин).

В данном аспекте важным является понимание общего статуса профессии инженера и того объема социальных выгод, который доступен в силу данной профессиональной принадлежности. Дауни и Лусена рассматривают вариации статуса профессии инженера в странах как результат различного понимания основ профессии и истории ее развития. Например, для Франции характерны математическая теория как доминанта культурного кода инженеров и основа инженерного образования, а также преобладание инженерной элиты в исполнительной власти. Здесь присутствует параллельность иерархий образования и занятости. Элитные инженерные школы (grandes écoles), стоящие в иерархии выше университетов, занимали самые высокие позиции на основании того, что доступ в них основывался на крайне сложных математических экзаменах (*les concours*), последовательного приоритета высшей математики в вопросах обучения и прямого пути своих выпускников в высшие эшелоны власти. Иными словами, французские инженеры отвечали за национальный имидж прогресса, на основании математических способностей и математически выверенных действий. Дополнительной поддержкой их статуса стало и превалирование государственного сектора в производстве, обеспечивающего занятость. Британские инженеры в XIX веке фундаментом своего культурного кода избрали практические инженерные знания и обучение через институт ученичества. Исходное низкостатусное позиционирование профессиональной группы связывалось с ручным трудом и ремеслом, как основами профессии, и занятостью в качестве наемного работника в частном секторе, доминирующем в промышленности. Это способствовало тому, что достижение высоких позиций традиционных профессий (юристов, медиков, духовенства) шло через организацию в профессиональные сообщества. Но политехнические институты стояли по статусу ниже университетов, с их классическим образованием, а профессиональные сообщества не могли конкурировать с нанимателями в вопросах контроля инженерного труда. Германия предлагает еще один вариант позиционирования инженеров с точки зрения знания и социального статуса. Они были выходцами из ремесленников и пытались упрочить свое положение через развитие профильного образования, высших технических институтов. Немецкие инженеры сделали основной упор на производстве качественной техники, где «качество» является воплощением инженерной точности. Параллельно развивающееся инженерное дело сконцентрировано также на точности и «научности технологий», на научных знаниях, специально разработанных, чтобы помочь решить технические проблемы. Хотя немецкие инженеры, как правило, работают в частном секторе, как и английские, у них была возможность получить статус важной профессиональной группы, обеспечивающей национальный прогресс [11].

Статус инженерной профессии в России только начинает восстанавливаться после длительного периода достаточно низких показателей. Определение его актуального уровня должно включать оценку ситуации в отрасли, рынка труда и перспектив профессиональной мобильности в целом по региону и/или стране. С одной стороны, инженерные династии не имеют четкой привязки к занятости на конкретном предприятии (работе двух или более поколений на одном и том же заводе) или в какой-то одной конкретной отрасли. В целом, они даже не предполагают обязательного сохранения занятости ее представителей в конкретном регионе. С другой стороны, для их эффективного существования и развития принципиально наличие рынка труда по инженерным специальностям, рынка рабочих мест. Респонденты данного региона, оценивая ситуацию в отрасли и на рынке труда, обращали внимание на проблему востребованности инженерных специалистов с точки зрения потенциального вознаграждения за труд, а также значение отрасли, в которой занят инженер. Стоит отметить, что рынок труда инженера в регионе неоднороден. Один из немаловажных факторов в данном случае – это отрасль производства, в которой занят инженер. Так, среди наших экспертов были специалисты, работающие и хорошо знающие ситуацию в нефтехимическом и авиакосмическом комплексах региона. Их оценка актуальной ситуации довольно неоднозначна с точки зрения перспектив успешной профессиональной мобильности в отраслях:

Династии – это, конечно, важно, но в современных условиях очень сложно. Например, отец всю жизнь работает инженером, потом раз – ситуация изменилась, закрыли предприятие, на другое уже не устроишься. Сын за тобой тянулся, а куда ему деваться, он не может устроиться на работу, самое элементарное. Династия – она предполагает, что по твоей специальности идет сын, а потом внук. А какая может быть династия, если все рушится (*инженер, представитель династии*).

У нас много молодежи. Идут потому, что некуда идти. У нас наиболее благополучное предприятие по зарплате, задержек нет. А другие предприятия, хоть «Прогресс», хоть «Авиакор», наши флагманы... Зарплата у них низкая. У нас зарплата чуть не в полтора раза выше, даже если идут на должность пониже. От них уходят люди. Кто-то приходит к нам. У них висят объявления о том, что требуются люди, инженера. А зарплата-то? У нас рабочий получает больше, чем у них инженер. Кто-то приходит к нам. А это «Авиакор», флагман авиастроения. Заинтересованность очень низкая. Приходят к нам с долотного завода, там сокращают людей… (*главный инженер, частное предприятие*).

Потому что промышленность свернулась, это все связано с экономикой. Если раньше у нас было 40 авиационных заводов в Самаре и области. Потом шел Саратов и Ульяновск. Сейчас, наверное, осталась только половина, действующих. Но они остались действующими не в том же уровне. Вот взять тот же «Аиакор», раньше это был Завод №1, я на нем практику проходил. Тогда на нем работа кипела. Было работников несколько десятков тысяч. ... Там была взлетная полоса. Свои цеха. В прошлом году мне довелось там побывать. Корпуса стоят, работы там очень мало. Периодически какие-то ремонты самолетов делают. Зарплаты, естественно, очень маленькие. У нас в строительстве (предприятие входит в структуру компании «ЛУКойл». – *Прим. автора*) *подсобный рабочий 25–30 тысяч получает, квалифицированный рабочий – 50–60 тысяч. Спокойно зарабатывают. А сейчас и под 100. А там инженеры 17–20 тысяч получают. Это несерьезно, конечно* (*инженер, представитель династии*).

В то же время, оценивая ситуацию в регионе, специалисты говорят и о позитивных тенденциях, таких как развитие производств, особенно в некоторых отраслях (например, в нефтегазовой отрасли), а также среднего и малого бизнеса. Эти факторы создают основу для потенциальной профессиональной мобильности. В этих условиях принадлежность к профессиональной династии может становиться конкурентным преимуществом на рынке труда. Так, эксперты приводили, в частности, и такие описания стратегий занятости на региональном рынке труда:

При выборе специализации присутствовало понимание, что в нашей стране это доходная отрасль, нефть – это доход номер один. И проходной балл при выборе специализации соответствовал. Вот, например, на металлургию очень низкий проходной балл, потому что отрасль невостребованная. ... Так как у нас страна нефте- и газозависимая, то все крутится рядом с этими областями. То же автомобилестроение, там оплата труда инженера меньшая. ... У нас в Самаре нефтяное оборудование – лучшее направление, а это стабильное предприятие (*инженер, представитель династии*).

Очень интересное наблюдение – многие малые предприятия, которые заняты в производстве, возглавляются студентами нашей кафедры. Многие из них из династий. Они приходят, на производстве поработали, зарплата не всегда их устраивает, и они часто, со своими знаниями, открывают свои предприятия, начинают производить свою продукцию. Очень много комплектующих делается для автомобильного, аэрокосмического направления. Поэтому много частных средних и малых предприятий сделано. Я сам для себя открыл в прошлом году – малых предприятий около 380 в Самаре, и почти все наши выпускники. Занимаются они разными производственными задачами, и это тоже здорово (*представитель СГТУ*).

***

В данной статье мы пытались рассмотреть проблематику профессиональной группы инженеров с точки зрения династийности. На наш взгляд, объем социальных ресурсов, возможных к аккумуляции, в начале профессионального пути инженера в династии стимулирует перспективы профессиональной лояльности в большей степени, нежели мобильности. Накапливание квалификационного капитала в династиях может рассматриваться как один из инструментов поддержания должного уровня профессионального мастерства инженерного сообщества. Данные, собранные на начальном этапе исследования, позволяют делать только первоначальные предположения, проверка которых предстоит в последующем.

Список литературы

1. Министерство экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области: Самарская

область в цифрах: Промышленный потенциал. URL: http://economy.samregion.ru/activity/ekonomika/values_so/#prom (дата обращения: 10.12.2015).

2. Правительство Самарской области: Экономика: Промышленный потенциал. URL: http://www.samregion.ru/economy/prom_potencial/ (дата обращения: 01.12.2015).

3. Atkinson A.B., Piketty T., Saez E. Top Incomes in the Long Run of History // Journal of Economic Literature. 2011. 49(1). P. 3–71.

4. The Economics of Inequality, Poverty, and Discrimination in the 21st Century / Rycroft R. (ed.) Santa Barbara, Calif.: Praeger, 2013. 613 p.

5. Corac M. Generational Income Mobility In North America And Europe. New York: Cambridge University Press, 2004. 340 p.

6. Ястребов Г.А. Динамика социальной мобильности в России в длительной исторической перспективе [Электронный ресурс]: препринт WP17/2015/01 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (1 Мб). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 65 с.

7. Corak M., Piraino P. The Intergenerational Transmission of Employers // Journal of Labor Economics. 2011. 29. P. 37–68.

8. Eberharter V.V. The Intergenerational Transmission of Occupational Preferences, Segregation, and Wage Inequality – Empirical Evidence from three Countries // SOEP Papers on Multidisciplinary Panel Data Research. 2012. № 506. 25 p.

9. Lentz B.F., Laband D.N. Why so Many Children of Doctors Become Doctors // Journal of Human Resources. 1989. 24. P. 396–413.

10. A labour of love: Women, Work, and Caring / Finch J., Groves D. (eds.) London and Boston: Routledge & Kegan Paul, 1983. 182 p.

11. Downey G.L., Lucena J.C. Engineering Cultures // Science, Technology, and Society / Restivo S. (ed.) New York and Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 124–129.

ENGINEERING DYNASTIES: A RESOURCE FOR SOCIAL MOBILITY AND GROUP FORMATION

E.M. Kolesnikova

RAS Institute of Sociology (Moscow)

The article examines the status of the engineering profession and the factor of dynasties in it. The study was a part of the project to study the engineering dynasties in Russia. The professional group of engineers is analyzed from the standpoint of intergenerational mobility. The problems of «equal opportunities» are mostly considered in sociological literature from the viewpoint of intergenerational changes with regard to access to education and income, and in some cases to professions. In our opinion, the resources available for accumulation in the dynasty stimulate the prospects of professional loyalty to a greater extent than the prospects of social and professional upward mobility of engineers. Localization of social capital in the dynasties can be treated as one of the tools for maintaining the proper qualification level of the engineering community. The study was organized in Samara, an industrial center of the Volga region.

Keywords: sociology of professions, intergenerational mobility, social mobility, engineers, professional dynasty.

УДК 316

ПСИХИЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ В МЕЖСИБЛИНГОВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

© 2016 г.

С.А. Судьин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

sudjin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.02.2016
Статья принята к публикации 19.04.2016

Представлены особенности внутрисемейной социализации сиблингов в условиях психического расстройства одного из них. Анализируются реакции здоровых братьев/сестер на трудности, обусловленные заболеванием сиблинга: необходимость заботы, коммуникативную депривацию, финансовые потери, чувство вины, необходимость формирования адаптивных стратегий, созависимость, парентизацию ребенка. Делается вывод о необходимости сохранения личных границ, внимания к собственным потребностям, просветительской работы и поддержки со стороны общественно-гражданских организаций. Статья представляет собой обзор наиболее известных зарубежных эмпирических исследований взаимодействия психически больных и здоровых сиблингов, проведенных в период с 1981 по 2004 год. Новизной представленной работы является обращение к проблеме социализации здорового сиблинга при наличии психически больного брата или сестры с целью создания основы для сравнительных исследований в отечественной социологии.

Ключевые слова: социология психического здоровья, социология семьи, межсиблинговое взаимодействие, социализация, стигматизация, созависимость.

Тема психических расстройств как фактора семейных проблем является новым исследовательским направлением в отечественной социологии. При этом основное внимание уделяется сфере межпоколенных отношений: исследуются проблемы родителей, связанные с принятием диагноза ребенка, чувством вины, с психологическим бременем, вызванным необходимостью ухода и заботы, поиском учреждений и организаций, оказывающих содействие в социализации больного ребенка. Проблемы родных братьев или сестер психически больного ребенка остаются словно за кадром, что не соответствует той близости, что характерна для межсиблинговых отношений. В данной статье предпринимается попытка анализа комплекса явлений, сопровождающих процесс социализации ребенка, имеющего психически больного брата или сестру.

Сложности во взаимодействии с психически больным братом или сестрой складываются из нескольких основных компонентов. Первый и наиболее очевидный из них – это поведение больного брата или сестры, обусловленное проявлениями болезни. Необходимо сказать, что в силу многообразия психических расстройств поведенческие проявления с трудом поддаются какой-либо классификации. Нарушения настроения, восприятия, пищевого поведения, негативная и позитивная симптоматика, суицидальные попытки – все это действует деморализующее и крайне тяжело переживается здоровыми сиблингами, особенно на первых стадиях заболевания. Имея широкий круг общения и различные возможности проведения свободного времени, они нередко ощущают чувство вины за одиночество своего больного брата/сестры, которое может усугубляться и родительскими просьбами взять его/ее с собой на какие-то совместные мероприятия. Это приводит к субъективному чувству моральной перегруженности здорового ребенка, о чем свидетельствуют исследовательские данные. На это накладывается и недостаток информации о болезни, ее перспективах и индивидуальном прогнозе; слабая информированность порождает неуверенность и отягощает груз индивидуальных переживаний здорового ребенка.

Другой отягощающий фактор – это проблема сохранения баланса между близостью и дистанцией в отношениях с больным сиблингом. В отличие от взаимоотношений здоровых братьев и сестер, в данной ситуации имеет место асимметричный характер взаимодействия, основанный на принципах поддержки и возможности ее оказания. Ребенок с особенностями психического развития может требовать от здорового брата или сестры всестороннего внимания, что может нарушить принцип личной автономии, необходимый для нормальной социализации. Другая крайность – когда особенный ребенок вследствие болезни отказывается от контакта, чем вре-

дит себе и, в конечном итоге, осложняет семейную ситуацию.

Вопрос о семейном благополучии заставляет задуматься о субъективной оценке уровня взаимоотношений между сиблингами. По данным американского исследования, проведенного под руководством профессора социологии Алана Хорвица из Ратгерского университета (Нью-Джерси, США), в ходе которого были опрошены 108 братьев и сестер больных шизофренией и маниакально-депрессивным психозом, выяснилось, что лишь в 3% случаев здоровые дети хотели бы ограничить контакты со своими особенными сиблингами. 47% респондентов были полностью удовлетворены сложившимся уровнем взаимодействия, и половина респондентов желала бы чаще контактировать со своими братьями и сестрами [1]. Разумеется, это желание в какой-то мере двойственно, учитывая болезненное состояние ребенка со всеми поведенческими и иными особенностями, однако больше половины родственников, включая братьев и сестер, не отметили, что испытывают какие-то серьезные затруднения, связанные с необходимостью проявлять заботу. Здоровые братья и сестры в большинстве готовы принять своего больного сиблинга в своем доме на месяц и даже на более продолжительный срок, но идею жить с ним под одной крышей постоянно, даже при финансовой поддержке со стороны государства, позитивно восприняли только 15% опрошенных. Хотя данное исследование и имеет очевидные ограничения – сравнительно небольшой объем выборки, отсутствие дифференциации по диагнозу больного ребенка, а также трудности с распространением этих данных на российскую ситуацию, – важность сохранения баланса между вовлеченностью и вниманием к собственным потребностям в отношении сиблингов ощущается особенно остро.

Нарушение этого баланса актуализирует еще один характерный перекос в отношениях здоровых сиблингов с их особенными братьями и сестрами. Речь идет о трансформации и смешении внутрисемейных ролей в отношении больного ребенка, имеющих место в случаях, когда здоровым оказывается младший из детей. В традиционных случаях старшие братья и сестры являются значимыми агентами социализации, чего в данных ситуациях не происходит: как правило, младшие сиблинги стараются избегать идентификации с особенным братом или сестрой.

Ролевой перекос или ролевая асимметрия имеют место в двух основных случаях. Во-первых, когда младший, здоровый ребенок, быстро достигая и превосходя уровень интеллектуального развития своего брата или сестры, становится или должен стать для них старшим. Во-вторых, что в большей степени характерно для отечественной практики семейного воспитания, когда ребенок начинает нагружаться несвойственными его возрасту функциями по воспитанию и сопровождению больного сиблинга вне зависимости от его возраста. Совершенно очевидно, что выполнение остальных социальных ролей начинает игнорироваться или искажаться. Для характеристики подобных ролевых трансформаций в зарубежной литературе встречается понятие «парентизация ребенка» (от английского parents – родители); при отсутствии адекватной аналогии в русском языке использование данного термина кажется обоснованным.

Второй блок трудностей составляют взаимоотношения с родителями и другими братьями и сестрами, которые в силу глубокой интеграции внутрисемейных процессов отягощают отношения здоровых и больных сиблингов. Сокрытие диагноза от здорового сиблинга, продиктованное естественным желанием родителей не нагружать его негативной информацией, может стать исходным пунктом для формирования отчуждения и чувства неуверенности. Ребенок может чувствовать себя исключенным из процессов принятия решения о взаимодействии с больным братом или сестрой, имея, возможно, в силу возраста, собственные представления по этому вопросу. Может оказаться, что именно старший брат или сестра первыми замечают неадекватные поведенческие проявления у младшего сиблинга; в этом случае начинается кампания по убеждению родителей в необходимости квалифицированной оценки состояния ребенка врачом-психиатром. В других случаях здоровый ребенок может выражать несогласие с существующими методами воспитания: потаканием или, наоборот, излишней требовательностью, проистекающей из чувства родительской вины.

Взаимодействие родителей и детей может отягощаться и отношением к проблеме, получившей в англоязычной профессиональной литературе название «Mad or bad» – «больной или плохой». Вопрос о том, неспособен больной ребенок выполнять какие-либо задачи или он не хочет этого делать, вольно или невольно спекулируя на чувствах родителей и собственной болезни, не является праздным. При всех минусах, которыми характеризуется болезнь, наличие определенных выгод при исполнении роли больного очевидно, а родители не в состоянии точно оценить уровень способностей особенного ребенка. Здоровый ребенок, наблюдая за больным сиблингом, нередко может дать более точные характеристики его состояния, тонко

чувствует обман с его стороны и реагирует на это достаточно остро в силу того, что благополучие особенного брата или сестры является центром семейных интересов.

Согласно данным одного из исследований, в ходе которого опрашивались больные шизофренией и члены их семей, почти половина больных и две трети их родственников выразили уверенность в том, что пациенты способны влиять на течение их болезни [2]. Другие исследования показывают, что поведенческие проявления, считающиеся неподконтрольными больному, воспринимаются здоровыми сиблингами не так остро, какими бы отталкивающими они ни были по сравнению с теми, которые больной может контролировать [3]. Таким образом, одной из родительских задач становится формирование справедливой системы контроля, вознаграждений и принуждений, которая должна функционировать и по достижении детьми взрослого состояния. Подобная родительская амбивалентность порождает у здоровых сиблингов внутренние сомнения в непоколебимости позитивных установок по отношению к своей семье.

Еще одним фактором стресса для здоровых сиблингов является нехватка родительского внимания и ограниченная родительская доступность вследствие болезни брата или сестры. Соперничество за внимание родителей является неотъемлемым элементом межсиблинговых отношений; в длительные кризисные периоды возможность адекватных контактов со здоровым ребенком значительно снижается вследствие ограниченности коммуникативных и временн*ы*х ресурсов родителей. Несмотря на кажущуюся очевидность данного тезиса, исследовательские данные показывают противоречивые результаты оценки коммуникативной депривации ребенка. Еще в 1999 г. профессор Технического университета Дортмунда Генрих Трёстер, обобщив результаты 36 исследований по данной тематике, пришел к выводу об отсутствии каких-либо универсальных сценариев развития реакций здоровых сиблингов на отсутствие достаточного родительского внимания [4]. Более того, им были выявлены и позитивные стороны этой коммуникативной модели.

Тем не менее риск возникновения раздражения и зависти у здорового сиблинга вполне реален. Он может сопровождаться агрессивными и протестными поведенческими проявлениями, направленными на возвращение себе хотя бы части родительского внимания и заботы.

Символические потери, возникающие с болезнью ребенка, также отражаются на здоровых сиблингах. Механизм этого отражения понятен. Болезнь одного из детей всегда приводит к ревизии жизненных надежд и планов родителей, которые теперь должны быть реализованы их здоровым ребенком. Субъективно осознаваемая ответственность за семейные перспективы приводит к избыточной активности в сфере учебы, спорта, социальных отношений, следствием чего становятся повышенные нагрузки и риски эмоциональных срывов. К этому прибавляется и необходимость заботы, которая на фоне возросших нагрузок будет восприниматься как дополнительный отягчающий фактор.

Уход из родительской семьи, в которой воспитывается психически больной ребенок, – естественный шаг на пути личностной социализации, который в случае со здоровым сиблингом может принести как шансы на новую жизнь, так и новые проблемы. Здоровые дети, оторвавшиеся от родителей, нередко задаются вопросом, в какой степени они могут позволить себе жить самостоятельно, оставляя своих родителей и больного брата или сестру наедине со своими проблемами. В исследовании профессора социальной медицины и управления Университета Рейн-Майн (Висбаден, Германия) выявлено, что дети, выросшие в семьях с психически больными сиблингами, имеют схожую историю. Поначалу они не проявляют живого участия в жизни больного брата или сестры, рано (в 18–20 лет) покидают семью, но уже в зрелом возрасте (25–27 лет) демонстрируют повышение интереса к судьбе особенных сиблингов [5].

Проблемы, связанные с наличием больного ребенка, являются испытанием не только для родительско-детских отношений, но и для отношений между здоровыми сиблингами в семье. Совершенно очевидно, что на единственного здорового сиблинга приходятся б*о*льшие объемы помощи, оказываемой больному брату или сестре, чем если бы он был не один. Но распределение этой помощи между несколькими здоровыми сиблингами также проблематично. На основании серии исследований, проанализированных в обзоре профессора психиатрии из Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) Лизы Диксон, было отмечено, что в семьях, в которых воспитываются двое или более здоровых детей, лишь один или одна из них по-настоящему интегрированы в проблемы больного родственника. Остальные же демонстрируют отстраненность и меньшую ответственность [6, с. 246]. Вполне возможно, что последние уже заплатили немалую цену в виде разочарования, отчаяния, злости и считают себя вправе на подобное безразличие. Независимо от причин, подобная асимметричная ситуация чревата серьезными спорами и взаимными претензиями, которые могут сохраняться надолго.

Третий блок переживаний связан непосредственно с жизненной ситуацией здорового сиблинга.

Первое и самое очевидное обстоятельство – это противоречие между личной автономией и чувством ответственности перед больным сиблингом, родителями и собственным партнером (если таковой уже имеется), деактуализировать которое без последствий для здорового ребенка невозможно. Свободного времени для реализации собственных планов становится особенно мало в среднем возрасте, когда родители, в силу ограничений по своему здоровью, все больше начинают вовлекать в заботу о больном своих повзрослевших детей. Те же, в свою очередь, сами находятся на пике интеллектуальных и физических нагрузок, связанных с выполнением профессиональных обязанностей, воспитанием детей и многим другим. В исследовании Сони Лайвли и ее коллег из Университета Айовы (1995 г.) было выявлено, что более 63% опрошенных братьев и сестер больных шизофренией охарактеризовали влияние больного сиблинга на их возможность выстраивания жизненного графика и проведения свободного времени как весьма значительное и очень значительное [7]. Следствием такого противоречия является эмоциональное выгорание и риск развития психического нарушения у некогда здорового сиблинга. В исследовании 1999 г. они же поднимают проблему роли здорового сиблинга в купировании агрессивных приступов у брата или сестры, а также страха самому стать жертвой каких-либо насильственных действий со стороны больного. Этот порождает у здорового сиблинга необходимость быть в состоянии напряженной бдительности, что также отнимает силы от привычных форм активности. Очевидно, что сниженная мотивация на обучение, социальная изоляция и иные поведенческие отклонения не есть проявление лени, а носят реактивный характер [8]. Авторы признают, что здоровые сиблинги оказываются самыми незащищенными членами семей, что усугубляется фактическим отсутствием программ поддержки, нацеленных на данную категорию родственников психически больных. Позднее ими был разработан инструментарий для оценки воздействия шизофрении на здоровых сиблингов для выработки специализированных социальных практик [9, 10].

Ограничения, вызванные болезнью брата и сестры, касаются не только непосредственно сиблингов, но и их брачных партнеров. Чаще всего здоровые сиблинги к моменту формирования брачных пар уже приобрели достаточный опыт взаимодействия со своими особенными братьями или сестрами и готовы продолжать оказывать им всяческую поддержку, но их обретенные вторые половины могут не разделять этих установок. Обман ожиданий, несправедливое, по их мнению, распределение свободного времени, количество внимания, уделяемое члену родительской семьи, который не всегда способен это оценить, – вот основные упреки, которые могут сопровождать здорового сиблинга на протяжении всей жизни [11].

Необходимость ухода и заботы имеет и относительно отдаленные последствия в виде снижения работоспособности до уровня, когда даже школьные требования или условия работы начинают казаться чрезмерными. Отметим, однако, что нет исследовательских данных, однозначно свидетельствующих о проблемах со школьной успеваемостью у здоровых сиблингов психически больных детей [12]. Схожие трудности характерны и для работающих сиблингов: они указывают на проблемы с концентрацией и вниманием, возникающие вследствие необходимости ухода и проявления заботы [13].

Помимо нематериальных затрат забота о больном сиблинге имеет и вполне определенное финансовое выражение. В уже упомянутом нами исследовании А. Хорвица 45% из 108 опрошенных родственников были вынуждены безвозмездно и регулярно давать деньги своим братьям и сестрам, больным шизофренией и маниакально-депрессивным психозом; 87% респондентов регулярно делали им подарки [1]. Хотя эти данные и нуждаются в сравнении, например, с практикой финансовых взаимоотношений в рамках обычных сиблинговых пар, исключать данный аспект из проблемного круга особенных семей было бы опрометчиво.

Постоянный стресс, обусловленный объективными и субъективными проблемами, связанными с наличием ребенка с особенностями психического развития, не может не отражаться на соматическом и психическом состоянии родственников, осуществляющих уход. Родственники, в том числе и здоровые сиблинги, регулярно жалуются на целый комплекс психосоматических симптомов, таких как недифференцированные желудочные и сердечные боли, бессонницу, не говоря уже о таких очевидных вещах, как выгорание, потеря сил и моральная опустошенность. В упомянутом исследовании ученых из Университета Айовы, в ходе которого были опрошены здоровые сиблинги больных шизофренией, выяснилось, что около 67% респондентов, осуществляющих уход, испытывают серьезные проблемы психологического характера, а каждый пятый указал на наличие выраженных психосоматических симптомов [7]. От-

метим, что средний возраст опрошенных составлял 37 лет. Подобная ситуация легко объяснима. Характер заболевания ребенка таков, что не оставляет шансов на полное выздоровление, а его хроническая природа будет постоянно актуализировать чувства отчаяния, бесполезности и ненужности принимаемых мер.

Здоровых сиблингов нередко мучает вопрос, какие обстоятельства их поведения могли способствовать развитию болезни их брата или сестры, а также о том, чего они не сделали, чтобы болезнь не получила дальнейшего развития [14]. Хотя подобное самобичевание вряд ли оправданно, оно составляет значительную часть эмоциональных переживаний и заметно отягощает внутрисемейное функционирование. Свою лепту вносит и социальное окружение, подчас открыто намекающее здоровым сиблингам о долге позаботиться о своем больном брате или сестре. Нередко в этом оно заходит слишком далеко, формируя в итоге зависимость больного сиблинга от здорового и созависимость здорового от больного.

Еще одним эмоциональным бременем для здорового сиблинга является страх развития у себя психического расстройства, что особенно характерно для родственников больных шизофренией. Логично предположить, что подобный страх связан с опытом наблюдения социальной дезадаптации и когнитивного дефицита больного, наличием хотя бы минимальных знаний о предрасположенности к данному заболеванию, а сравнительно позднее начало болезни заставляет жить в постоянном тревожном ожидании не один год. Озабоченность проблемой собственных перспектив почти всегда сопровождается у здорового сиблинга страхом за психическое здоровье его детей. Это является фактором отягощения супружеских отношений уже после ухода из родительской семьи, так как ответственный подход к родительству неизбежно должен вызывать вопросы о семейном анамнезе и проблемах брата и/или сестры, которые к тому времени для партнера станут очевидными. Одним из выходов из сложившейся ситуации может стать ревизия репродуктивных планов вплоть до полного отказа от деторождения.

В исследовании ученых из университета г. Упсала (Швеция, 2003 г.) на основании 16 глубинных интервью была проверена зависимость уровня обеспокоенности здоровых сиблингов семейным анамнезом от глубины опыта шизофрении в их роду. Результаты оказались вполне предсказуемыми: обеспокоенность тем выше, чем большее количество поколений семьи сталкивалось с проблемой шизофрении, и наследственный фактор был одной из самых очевидных объяснительных стратегий. Однако отметим, что даже единичный опыт шизофрении в роду порождал озабоченность у здорового сиблинга [15].

Для большинства здоровых сиблингов актуален вопрос о том, смогут ли они осуществлять уход за своим особенным братом или сестрой и обязаны ли они это делать вообще. Эта проблема встает очень остро особенно после смерти родителей – основных членов семьи, осуществляющих уход. Очевидно, что в силу своего состояния абсолютное большинство хронических психически больных не вступают в брак, не создают устойчивых партнерских отношений и не имеют детей. Кроме того, количество социальных связей психически больных вне семьи крайне ограниченно. Из-за этого вся тяжесть обслуживания больного сиблинга ложится на его братьев и сестер, которым предстоит испытать все тяготы, которые некогда лежали на родительских плечах. Это особенно актуально в условиях неразвитости или слабой доступности организаций, оказывающих услуги по стационарному обслуживанию психиатрических пациентов (как это можно наблюдать в России), а также отсутствия волонтерской поддержки или материальных ресурсов для привлечения третьих лиц к уходу за больным. В исследовании сотрудников Кентского университета (Огайо, США) под руководством профессора Грега Смита (2000 г.), в ходе которого были опрошены 157 матерей тяжелых психиатрических пациентов, выяснялись родительские стратегии относительно будущего их больных детей [16]. По их данным, лишь 11% опрошенных женщин (средний возраст которых составлял 67 лет) позаботились о жизнеустройстве их больных детей после своей смерти. 76% респонденток надеются на то, что здоровый брат или сестра возьмут на себя ответственность за больного ребенка. 66% матерей сообщили о наличии денежных сбережений, предназначенных для больного ребенка; их размеры, однако, остались неизвестными. 68% опрошенных сказали, что им нужна информационная и консультационная поддержка при планировании дальнейшего жизнеустройства их больного ребенка. К моменту опроса лишь 24% матерей успели поинтересоваться предложениями социальных организаций, оказывающих услуги по стационарному обслуживанию хронических психически больных.

Оставляя без ответа вопрос о психическом здоровье или адекватности опрошенных, отметим, что эти данные демонстрируют родительскую беспомощность в решении вопросов жизнеустройства их больных детей, уверенность в

надеждах на помощь здоровых сиблингов. Те же, в свою очередь, начинают испытывать двойную ответственность – как перед больным братом или сестрой, так и перед родителями. Исследования А. Хорвица доказывают, что после смерти родителей и даже одного из них возрастает частота личных и телефонных контактов, интенсифицируются всевозможные виды поддержки со стороны здоровых сиблингов, которые таким образом пытаются найти способы компенсации отсутствующей родительской заботы [17]. Чувства неуверенности и страха перед грядущей необходимостью заботиться начинают овладевать здоровыми сиблингами задолго до того, как она становится для них актуальной.

В то же время исследователи выделяют и положительные стороны подобных переживаний, носящих, преимущественно, стратегический характер. Принятие новых социальных ролей с их правами и обязанностями обусловливает более адаптивное взросление, обогащает ребенка представлением о биопсихосоциальном разнообразии мира, формирует выраженные толерантные установки и просоциальную мотивацию.

Данная тема имеет широкие исследовательские перспективы, интегрируя несколько направлений научного поиска. Так, со стороны социологии семьи большой интерес представляет, например, дифференциация данных по переменной полноты родства сиблингов. Предполагается, что отношения между сводными братьями/сестрами будут отличаться от тех, что формируются между полнородственными сиблингами. Конечно же, количественные оценки будут затруднены в силу труднодоступности и даже экзотичности выборки, но качественные исследования могут оказаться вполне реальными и дать интересные результаты. Учитывая зачаточное состояние исследований в данной сфере в отечественной социологии, результаты зарубежных исследований могут стать теоретической основой для сравнительного изучения межсиблинговых отношений в семьях с психически больным ребенком.

Список литературы

1. Horwitz A.V. Siblings as caregivers for the seriously mentally ill // Milbank Quarterly. 1993. **71.** P. 323–339.

2. Holzinger A., Müller P., Priebe S., Angermeyer M.C. Die Prognose der Schizophrenie aus der Sicht der Patienten und ihren Angehörigen // Psychiatrische Praxis. 2002. **29**. S. 154–159.

3. Greenberg J.S., Kim H.W., Greenley J.R. Factors associated with subjective burden in siblings of adults with severe mental disease // American Journal of Orthopsychiatry. 1997. Volume 67, Issue 2. P. 231–241.

4. Tröster H. Sind Geschwister behinderter oder chronisch kranker Kinder in ihrer Entwicklung gefährdet? Ein Überblick über den Stand der Forschung. // Zeitschrift für Klinische Psychologie. 1999. **28**. P. 160–176.

5. Peukert R. Geschwister teilen alles? Eindrücke vom ersten Treffen einiger Geschwister psychisch kranker Menschen // Psychosoziale Umschau. 2003. **4**. S. 35–37.

6. Dixon L. The next generation of research: Views of a Sibling−Psychiatrist−Researcher // Journal of Orthopsychiatry. 1997. **67**. P. 242–248.

7. Lively S., Friedrich R.M., Buckwalter K.C. Sibling perception of schizophrenia: Impact on relationships, roles and health // Issues Mental Health Nursing. 1995. **16**. P. 225–238.

8. Lively S., Friedrich R.M., Buckwalter K.C. Well siblings living with schizophrenia. Impact of associated behaviors // Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services. 1999. **37**(**8**). P. 11–19.

9. Rubenstein L., Friedrich R.M., Lively S., Buckwalter K. The Friedrich-Lively Instrument to Assess the Impact of Schizophrenia on Siblings (FLIISS): Part I – instrument construction // Journal of Nursing Measurement. 2002. **10**(**3**). P. 219–230.

10. Rubenstein L., Friedrich R.M., Lively S., Buckwalter K. The Friedrich-Lively Instrument to Assess the Impact of Schizophrenia on Siblings (FLIISS): Part II – reliability and validity assessment // Journal of Nursing Measurement. 2002. **10(3).** P. 231–248.

11. Moorman M. Zwiespalt. Meine schizophrene Schwester und ich. München: Verlag Th. Knaur, 1994. 318 s.

12. Breslau N., Weitzman M., Messenger K. Psychological functioning of siblings of disabled children // Pediatrics. 1981. **67**. P. 344–353.

13. Gerace L.M., Camilleri D., Ayres L. Sibling perspectives on schizophrenia and the family // Schizophr. Bull. 1993. **19**. P. 637–646.

14. Nechmad A., Fenning S., Ternochiano R., Treves I., Fennig-Naisberg S., Levkovich Y. Siblings of Schizophrenic Patients. A Review // The Israel Journal of Psychiatry and Related Sciences. 2000. **37**. P. 3–11.

15. Stahlberg G., Ekerwald H., Hultman C.M. At Issue: Siblings of patients with schizophrenia: sibling bond, coping patterns, and fear of possible schizophrenia heredity // Schizophrenia Bulletin. 2004. V. 30. № 2. P. 445–458.

16. Smith G.C., Hatfield A.B., Miller D.C. Planning by older mothers for the future care of offspring with serious mental illness // Psychiatric Services. 2000. V. 51. № 9. P. 1162–1166.

17. Horwitz A.V. Adult siblings as sources of social support for the seriously mentally ill: A test of the serial model // Journal of Marriage and Family. 1993. V. 55. P. 623–632.

MENTAL ILLNESS AS A SOCIALIZATION FACTOR IN INTER-SIBLING INTERACTION

S.A. Sudyin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

We consider some features of siblings' intra-family socialization in situations when one of them has a mental disorder. Social and psychological reactions of healthy brothers/sisters to the difficulties caused by a sibling's disease are analyzed: need of care, communicative deprivation, financial losses, sense of guilt, the need to develop an adaptive strategy, co-dependence, and the child's parentization. We argue that it is important to maintain personal borders and pay attention to one's own needs; educational work and support from the public and civil organizations are equally important. The article gives a review of foreign empirical studies conducted from 1981 to 2004. The novelty element of the article is in that it addresses the problem of socialization of the healthy sibling with the purpose to create a basis for comparative research in domestic sociology.

Keywords: sociology of mental health, sociology of family, inter-sibling interaction, socialization, stigmatization, co-dependence.

УДК 316

ПОТЕНЦИАЛ ВЛИЯНИЯ «САМООРГАНИЗУЮЩИХСЯ СНИЗУ» СООБЩЕСТВ НА СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РФ

© 2016 г.

Л.И. Левкина

Институт государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

LevkinaLI@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.02.2016
Статья принята к публикации 22.04.2016

Рассмотрены особенности становления гражданского общества в России; показана ведущая роль влияния «самоорганизующихся снизу» сообществ на этот процесс, начиная с 90-х гг. по настоящее время; определены тенденции и перспективы дальнейшего развития демократического общества в Российской Федерации. Показателем активности гражданского общества является динамика общественных формирований и их активность. Отмечается трансформация исследуемых категорий, даны характеристики изменений. Методы: статистический, сравнительный, контент-анализ, классификации, оценки данных, полученных путем социологических исследований. Цель – определение динамики развития демократии в России, выявление роли «самоорганизующихся снизу» сообществ в развитии гражданского общества в России. Научная новизна: авторские статистические, аналитические исследования, подтверждающие цель исследования; рассмотрение процесса преобразований в обществе через призму взаимоотношений «самоорганизующихся снизу» и «организованных сверху» сообществ. В результате доказано влияние общественных формирований, протестных акций, забастовочного движения на становление гражданского общества РФ.

Ключевые слова: «самоорганизующиеся снизу» сообщества, «организованные сверху» сообщества, гражданское общество, демократия, динамика развития, общественные объединения, митинги, забастовки, активность сообществ, кросс-дисциплинарный синтез, кросс-дисциплинарное исследование.

Введение

Процесс формирования гражданского общества на территории постсоветской России становится все более актуальным, поскольку времена всплеска активности «самоорганизующихся снизу» сообществ в 90-е гг. прошли, а новый пик роста их активности подвергается давлению власти сверху. Воздействие силовых структур и законотворческая деятельность, направленная на затормаживание общественных акций, вызывает ответную реакцию гражданских сообществ, следствием чего становится их реструктуризация и волнообразное проявление, а также накопление и реализация протестного потенциала в различных формах. Ряд социологов признают: для современного состояния гражданского общества в России характерно проявление попыток *организовать* гражданское общество снизу, т.е. построить гражданское общество на принципах управляемой демократии, независимо от того, берет ли начало функция управления в структурах власти или власти делегируют их в низовые структуры; большинство социологов отмечают, что гражданское общество полноценно формируется только при активной деятельности *самих* «самоорганизующихся снизу» сообществ.

Гипотеза исследования заключается в том, что «самоорганизующиеся снизу» сообщества являются показателем определенной стадии формирования гражданского общества. Активная деятельность сообществ, общественных объединений, акции протеста, забастовочная волна в российском современном сообществе являются признаками гражданского общества. Без полноценных «самоорганизующихся снизу» сообществ существование полноценного гражданского общества невозможно, что мы и ставим целью доказать в данном исследовании.

Становление полноценного гражданского общества в современной России – вопрос, который все больше волнует социологов, антропологов, политиков и неравнодушных специалистов. Т.И. Заславская и В.А. Ядов отмечают, что современное общество России находится достаточно далеко от гражданского общества [1, с. 12], правда, при этом признавая, что понимание термина «гражданское общество» весьма расплывчато.

Мы остановимся на понятии «гражданское общество» с точки зрения исследуемой проблемы. Социология изучает гражданское общество через призму социальной структуры, выступающей в форме общественной организации, характеризующейся постоянным общением. Такое общество принимает и осознает исключительные понятия: общественная солидарность, ценность групповых акций.

«Задача соединения жизненной энергии, направленной на индивидуальную самореализацию, с потенциалом общественной активности уже не представляется невыполнимой» [2, с. 124]. Гражданское общество состоит в том числе и из объединений, возникающих, «самоорганизующихся снизу» спонтанно, на основе общих целей, взаимных интересов, необходимости решения возникающих проблем независимо от желания или повеления властных структур. Мы разделяем определение *гражданского общества* как «формирующейся и развивающейся в демократических государствах человеческой общности, представленной сетью добровольно образовавшихся во всех сферах жизнедеятельности негосударственных структур; характеризующейся совокупностью негосударственных политических, экономических, социальных, духовных отношений, существующей автономно от государства в рамках действующих законов» [3, с. 55]. Но для обеспечения на современном этапе согласия в обществе нужна система народной солидарности, которая должна выражаться в законах общежития, разрабатываемых государством.

Основа гражданского общества базируется на общественной инициативе, особенно активной в последнее время в общественно-политической сфере: политических движениях и организациях, собраниях, митингах, демонстрациях и др. В связи с высоким уровнем грамотности и образованности российских граждан неоспоримую роль в становлении гражданского общества играет духовная сфера, призванная обеспечивать свободу слова, печати, мысли, реализованную возможность публично высказывать свое мнение, проявлять самостоятельность и независимость.

В России наличествует тенденция формирования гражданского общества при активном участии сообществ, организованных политическими институтами сверху. Ряд исследователей – И.В. Мерсиянова [4], А.А. Магомедов [5], И.Г. Гавриленко [6] и др. – справедливо отмечают, что формирование пространства полноценного взаимодействия индивида и государства невозможно, если активность «самоорганизующихся снизу» сообществ «выключена» из жизни общества.

Основные этапы становления гражданского общества в постсоветской России

1. Л.Ю. Грудцына [7] полагает, что «самоорганизующиеся снизу» сообщества достигли пика в становлении гражданского общества в 1988–1991 гг. Это годы формирования современного российского государства. А именно: в августе 1988 г. был учрежден Российский народный фронт; в 1989 г. – Народный фронт РСФСР и Объединенный фронт трудящихся, в которые входили рабочие, интеллигенция, народные депутаты Советского Союза. В демократическое крыло входили народные фронты, в консервативное – объединенные фронты трудящихся. Первые демонстранты, выступившие за демократизацию и перестройку, являлись представителями т.н. «неформального движения», созданного на базе различных общественных инициатив и сообществ, складывавшихся на грани властных госструктур [8].

2. Перестройка стала сигналом для населения о том, что его активность теперь не будет подавлена сверху, как это было в коммунистические времена; произошел всплеск формирования спонтанных народных движений: обществ, клубов по интересам, кружков, фронтов за какую-либо идею; развивались самоуправляющиеся инициативы, в том числе в производственной сфере и в сфере жилищного строительства.

3. Период после распада СССР характеризуется усилением национально-патриотического движения. На идее патриотизма возникали: Российский общенародный союз, Национально-республиканская партия, Союз духовного возрождения России, Русская партия национального возрождения, Славянское общество, объединившиеся в Российское народное собрание. В 1992 г. был сформирован блок политических партий «Новая Россия» левоцентристского направления, в который вошли: Социал-демократическая партия России, Крестьянская партия России, Социал-либеральное объединение, «Молодая Россия». К этому же периоду относится создание Умеренно-центристского блока «Гражданский союз» и Фронта национального спасения.

Основой процесса стали попытки реформирования экономики страны в 1985–1988 гг. с целью ее обновления в рамках сохраняющейся власти партийно-государственного класса: 7 апреля 1989 г. приняты Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об аренде и арендных отношениях» и Дополнения к Закону «О государственном предприятии (объединении)» от 4 апреля 1989 г., несколько расширившие возможности производителей. В 1990-х гг. появились законы о малых и совместных предприятиях, акционерных обществах, коммерческих банках. Сдвиги в экономике страны происходили при сохранении высоких налогов на прибыль (от 35 до 45%) в коммерческих структурах. Но попытка перехода на рыночные отношения закончилась спадом производства: в 1986–1989 гг. отмечался незначительный прирост ВВП; в 1990 и 1991 г. его падение составило до 2% и 10% со-

ответственно; по нефтяной, угольной, текстильной отраслям – до 20–25%. Экономическую активность россиян стимулировали, с одной стороны, падение уровня жизни, с другой – бурный рост частных предприятий, связанный с верой в возможность изменения ситуации. Вместе с тем падение производства влекло за собой ухудшение жизни населения. В 1991 г. инфляция составила 5–10% ежемесячно, рост цен – 50%. Отличительные черты того периода: черный рынок, спекуляция, разгул мафиозных формирований.

Это время характеризуется забастовочной активностью. Человеческий ресурс и потенциал «самоорганизующихся снизу» сообществ представляли забастовочные и стачечные комитеты, свободные профсоюзы, сообщества бастующих шахтеров и горняков и др. Протестующие организовывали «рельсовые» забастовки: в поисках изменения положения люди останавливали железнодорожное сообщение. В 1989–1991 гг. бастовали рабочие практически всех отраслей промышленности. Количество забастовок насчитывало несколько тысяч, бастующих – несколько сотен тысяч. Предъявлялись экономические требования: улучшение условий труда, повышение зарплаты и др.

Вышесказанное подтверждают результаты совместного опроса «Литературной газеты» и ВЦИОМ об итогах 1988 и 1989 г. и ответ на вопрос: «Как вы думаете, чьи действия обострили положение в стране в 1989 году?» [9]. Респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов (табл. 1).

Таблица 1

Акторы действий, обострявших положение в СССР в 1989 г. (в %)

Центральные власти	24.6
Народные фронты	13.2
Руководства профсоюзов	1.9
Инициаторы экономической реформы	5.5
Армия и войска МВД	11.6
Бастующие шахтеры	23.8
Журналисты	2.7
Партийный аппарат	16.9
Мафия	33.5
Националистические силы и организации	28.7
Затрудняюсь ответить	18.3

Девяностые годы оцениваются как период всеобъемлющего вакуума после распада Советского Союза: духовного, идеологического, политического. 28.7% считают виновными в обострившейся в стране ситуации в этот период националистические формирования. СССР, как и новая Россия, не отличался высокими достижениями в политической культуре, не имел весомого багажа в политической деятельности. Эти факторы явились основными причинами того, что национальное движение отличалось, как правило, реакционным характером, свойственным периоду XIX – нач. XX в. Национализм обрел форму ционного политического сообщества, заявив о формировании национальной общности/общины как о своей основной цели. На этом и была строена политика нацреакционеров по поиску путей взаимодействия с государственными структурами как на федеральном, так и региональном уровнях, направленная на борьбу за свои сы, подчас преследующие определенную выгоду. Мы солидарны с авторами высказывания: «В обобщенном виде поведение русских националистов в 90-е гг. прошлого века можно охарактеризовать как поиск – поиск политической стратегии и вождя, новой идеологии и нового типа организации» [10, с. 23].

На этом фоне нарастающее политическое многообразие способствовало расширению возможности для становления и активизации не только крупных социальных сообществ, но и малых групп, что привело к росту относительной свободы действий индивидов. По мнению К.С. Гаджиева, эта ситуация «находит отражение в возникновении широкого спектра самых разнообразных новых общественно-политических движений, организаций и объединений» [11, с. 123].

Одним из формирований, демонстрирующих активность российских сообществ, являются общественные объединения. На их примере мы можем проследить за динамикой изменений в отечественном социуме в рассматриваемом периоде. Мы приводим таблицу динамики количества общественных объединений с 1985 по 2014 г. как доказательного фактора анализируемых нами феноменов и событий (рис.).

Рассмотрим период 1985–1993 гг.

Объединение позиций «самоорганизующихся снизу» сообществ, начавшееся в конце 80-х, привело к спонтанному маршу протеста в 1991 г. и перестройке существующего политического режима в сторону гражданского общества под влиянием перекрестного кумулятивного эффекта и политизации части самоорганизующихся сообществ. Неформальные движения в основном поддерживали демократизацию общества, отмену партийной диктатуры, возвращение «власти народу». Итогом стал приход к власти воплощающего надежды на построение гражданского общества Б. Ельцина.

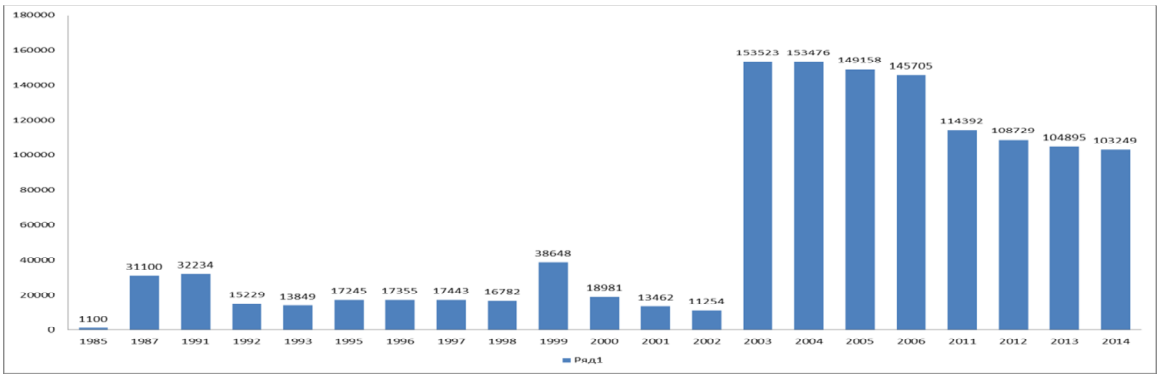


Рис. Динамика количества общественных объединений в 1985–2014 гг.

Таблица 2

Количество общественных объединений в России в 1985–1993 гг. [12; 13]

1985 г. и несколькими годами ранее	1987 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г. (на начало года)
1100	31100	32 234	15 229	13849

Появились новые сообщества. Их отличительными чертами стали самостоятельность и самодостаточность, но не политизированность, а установившееся взаимодействие. Ряд из них сформировали более крупные движенческие социальные структуры, деятельность которых была направлена на решение повседневных общественных проблем. Возникали сетевые гражданские структуры, которые, сохраняя свою автономию, осознавали необходимость совместного действия. Сетевой принцип подразумевает отсутствие вынужденной централизации, скорость передачи и получения информации, возможность обезличенного участия в происходящих процессах, особенно в сети Интернет. Деятельность новых общественных формирований – некоммерческих и негосударственных общественных организаций, правозащитных структур периода Б. Ельцина – не способствовала росту рядов и активизации народного движения. Часть из них политизировалась.

Нередко значительное участие в социальных движениях принимали профсоюзы и политические партии. После президентских выборов 1996 г. произошло становление оппозиционных политических партий, сформированных из политизировавшихся «самоорганизующихся снизу» сообществ, началась активизация деятельности в политической сфере крупнейших финансово-промышленных групп, на политической арене появились объединения национально-религиозного направления. «Особо следует отметить выход на политическую арену объединений, построенных исключительно по религиозному признаку, и целого ряда объединений на национальной основе. И хотя в декабре 1995 г. национально-религиозная карта по существу не была разыграна, тем не менее создался опасный прецедент участия в борьбе за власть объединений подобного рода… к многонациональной России с ее разнообразием религиозных конфессий не применим опыт стран с мононациональным и моноконфессиональным устройством общества» [14, с. 43].

В 1997 г. официально были зарегистрированы около 120 политических партий, еще примерно 120, по мнению аналитиков, действовали неофициально [15, с. 2].

Обратимся вновь к середине 90-х гг. Отсутствие сколько-нибудь оправданной идеи и небольшая численность ряда партий привели их к неэффективному функционированию в этот период. А итогом забастовок конца 80-х гг. явились новые общественные формирования, такие как «свободные» профсоюзы, инициированные «снизу». Эти структуры представали как альтернатива ранее существовавшим заорганизованным профсоюзам, в большинстве своем являвшимся послушным придатком к административному руководству предприятий и организаций. Новые профсоюзы вели истинную борьбу за права работников и практически не зависели или зависели в весьма ограниченной степени от работодателей. «Ключевым здесь является *соответствие организации или типа активистской деятельности низовым гражданским инициативам*. Необходимо, чтобы формы объединений создали резонанс с заботами, интересами и взглядами «обычных граждан», которые начинают активизироваться. А новые активисты предпочитают централизованным структурам формы самоорганизации, привя-

Таблица 3

Количество общественных объединений в России в 1995–1998 гг. [13]

1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
17245	17355	17443	16782	38648

Таблица 4

Количество общественных объединений в России в 2000-2003 гг. [13]

2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
18981	13462	11254	153523

занные к конкретной проблеме определенного сообщества, укорененные в повседневном мире, характеризующиеся деидеологизированностью и прагматичностью и в то же время склонностью к активному использованию протестных действий и выстраиванию горизонтальных связей с другими подобными группами в борьбе за поставленные цели» [16, с. 66].

Говоря о партиях постперестроечной России, отметим, что руководители партий постепенно утратили связь с социумом, из которого брали начало, и ожидаемые от них социальные инициативы рассеялись. А граждане нового общества, формировавшего гражданственность и демократию, выжидали, надеясь, что «самоорганизовавшиеся снизу» сообщества и при политизации не утратят изначальных посылов к активному формированию гражданского демократического социума. Но окончательная победа в 1993 г. ельцинской партии показала, что демократия политическая и народная потеряли взаимосвязь, и период гражданской активности по формированию сообществ «снизу» пошел на спад, в том числе из-за нестабильности в партийном движении, немногочисленности состава партий и блоков и отсутствия надежной базы избирателей.

Основной причиной снижения социальной активности стала требовавшая выживания экономическая ситуация. Она не способствовала участию в демонстрациях и акциях в защиту демократии. Деятельность «самоорганизующихся снизу» сообществ выражалась в массовых протестах, направленных на выплату заработной платы, против массовых увольнений и пр.

Активность сообществ в области экономических и социально-трудовых отношений привела к дефолту в 1998 г., что мгновенно отразилось на народной инициативе. На начало 1999 г. число общественных объединений возросло в 2.3 раза. Однако итоги дефолта подверглись политизации – основой стачек стало требование отставки Ельцина, а не стремление реорганизовать власть снизу. Это вновь повлекло за собой снижение общественной активности сообществ, начиная уже с середины 1999 г.

Приход к власти В.В. Путина стабилизировал социально-экономическую обстановку в стране, а также создал видимое движение в сторону становления гражданского общества, поэтому период с 1999 по 2003 г. – это период «наблюдения» народных масс за деятельностью политических сообществ «сверху»; сообщества «снизу» активности не проявляли. Подробная характеристика «самоорганизующихся снизу» сообществ приведена автором в статье «Потенциал влияния местных и самоорганизующихся сообществ на социально-экономическое развитие территорий» [17, с. 325–326]. За год (1999–2000 гг.) число общественных объединений сократилось в 2 раза и продолжило снижаться.

Поясним, что значительное увеличение количества общественных объединений в 2003 г. связано с изменениями статьи 21 Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. (изменения внесены ФЗ № 31 от 21.03.2002 г.) [18]. До 2002 г. решение о государственной регистрации общественного объединения принималось федеральным органом исполнительной власти в области юстиции. Статья 21 закона в редакции 2002 г. позволила проводить регистрацию общероссийских и международных общественных объединений федеральным органом юстиции, а решение о государственной регистрации региональных и местных общественных объединений принимается органом юстиции соответствующего субъекта РФ. Таким образом, упрощен порядок государственной регистрации общественных объединений.

Благодаря монополизации административных ресурсов существующая власть восстановила популярность и легитимность политического режима и де-факто уничтожила политическую оппозицию, которая могла бы играть роль референта для социальных движений.

Однако попытка организовать становление гражданского общества «сверху», закончившаяся победой, и второй президентский срок В.В. Путина привели к новой волне самоорганизации социально активных сообществ. 2005–2007 гг. отмечены социальной протестной активностью, выраженной в таблице примерно в одинаковых показателях. Гражданские инициативы проходили путь осознания своего предназначения и искали возможности для консолидации де-

Таблица 5

Количество общественных объединений в России в 2004–2007 гг. [13]

2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
153476	149158	145705	141789

мократических сил, не предусматривая и не предпринимая шагов по пути конфронтации с государством.

Структурная дифференциация общества стала возможной в результате более стабильного политико-экономического состояния и увеличения доходов населения, в результате чего вновь появилась возможность самоорганизации (см. таблицу 5 и рис.).

Характер новой волны значительно отличался от таковой в 90-е гг.:

1. Протесты стремятся повлиять на политический режим, а не на его смену, чтобы изменить ряд позиций в пользу граждан, так как современная политика – участь политической элиты, для низовых инициатив практически недоступна;

2. Активизация «самоорганизующихся снизу» сообществ исходит в основном от неудачливых предпринимателей, от небольшого количества тех уверенных в себе предпринимателей, которые зиждутся на собственной базе, от студентов, пенсионеров. Другие беспокоятся за свою обеспеченность и стабильность, поэтому выбирают позицию наблюдателей;

3. Протестные события чрезвычайно редко освещаются СМИ. Это негативно отражается на дальнейшем формировании гражданских инициатив «снизу».

Социальные движения 2005 г. – это принципиально новая форма социальной активности населения, характеризующейся аккумуляцией не только различных разобщенных гражданских инициатив, но и усилий политических, профсоюзных, общественных сообществ, направленных на совместные действия.

Первыми такими волнами в 2005 г. стали протесты против монетизации льгот и изменений в Жилищном кодексе. Кроме протестных движений, отметим формирование двух крупных неполитических «самоорганизованных снизу» сообществ – движения автомобилистов и движения в защиту Байкала. Это движение было аккумулировано не только за счет множившихся народных инициатив, но и благодаря бессчетным НКО, экологическим организациям, участию СМИ. Но достижение цели – изменение проекта строительства и послужило причиной спонтанного расформирования движения. «По среднегодовым данным ВЦИОМ, 46% россиян допускали акции протеста, 29% декларировали возможность своего участия в них. Это самый высокий показатель за последние 10 лет» [19, с. 6].

В 2006–2007 гг. показатели активности оставались высокими, варьировались незначительно. Отмечены протесты против нарушения жилищных прав и «точечной застройки».

Следующая развитая протестная волна отмечается в 2011-–2012 гг. Движение «самоорганизующихся снизу» сообществ направлено на демократизацию политических институтов.

«Большую склонность к участию в протестных мероприятиях демонстрируют россияне, выделившие политические и властные проблемы. Так, самой протестно интенсивной проблемой оказалась фальсификация результатов выборов и референдумов – 40.9% респондентов, выделивших ее, заявили в марте 2011 г. о готовности принять участие в акциях. На втором месте – неэффективность власти, безработица замыкает общий список» [19, с. 10].

Основные категории граждан, принявших участие в протестных движениях: оппозиционные политические деятели, политически активные люди, гражданские активисты, люди творческих профессий. Итогом их стремлений стали известные митинги на Болотной площади и проспекте Сахарова.

В «Вестнике общественного мнения» Д.А. Волков приводит данные «Левада-Центра» и ВЦИОМ, касающиеся участников протестов 2011–2012 гг. К категории демократов себя отнесли 38% опрошенных участников декабрьского (2011 г.) митинга и 30% февральского (2012 г.), к либералам – 31% и 27% соответственно, к социал-демократам – 10% и 10%, коммунистам – 13% и 18%, к националистам – 6% и 14% соответственно. Солидарными с оппозиционными партиями себя признали только 15% респондентов – участников митинга на пр. Сахарова, при этом подчеркивалось, что оппозиционные настроения являлись только мотивом участия, 13% респондентов выражали симпатии организаторам митинга. 73% опрошенных участников митинга объяснили, что они недовольны положением дел в стране, также 73% «возмущены фальсификацией выборов», 52% недовольны их игнорированием в вопросах принятия ответственных решений в стране, 42% разочарованы в «медведевской модернизации» [20, с. 75].

Причинами несостоявшейся модернизации респонденты называли опору на узкий круг сторонников, которые не были достаточно известны обществу и, таким образом, не имели широкой поддержки. Для модернизации российского об-

Таблица 6

Общее и среднее количество трудовых протестов за 2008–2014 гг. [21; 22]

Год	Общее число акций	Среднемесячное число акций	Общее число стоп-акций	Среднемесячное число стоп-акций	Доля стоп-акций (%)
2008	93	7.75	60	5.0	64.5
2009	272	22.7	106	8.8	38.9
2010	205	17.1	88	7.3	42.9
2011	263	21.8	91	7.6	34.7
2012	285	23.8	95	7.9	33.3
2013	278	23.1	102	8.5	36.8
2014	293	24.4	97	8.1	33.2
Всего	1689	20.1	639	7.6	37.9

щества необходима консолидация элитных сообществ, создание работоспособной команды единомышленников, опирающейся на народ.

Четвертого ноября 2011 г. прошел «Русский марш» – шествия и сходы представителей русских националистических организаций в Москве и других городах; 05.12 – акция движения «Солидарность»; столкновения протестующих с милицией против итогов выборов (Москва, Лубянка); 06.12 – несанкционированная акция про призыву Э. Лимонова (Москва, Триумфальная площадь); 10.12 – митинг с требованиями перевыборов, освобождения политзаключенных, отставки главы ВЦИК, принятия нового законодательства о демократических выборах (Москва, Болотная площадь; от 25 тысяч до 150 тыс. чел.), 24.12 – митинг (до 120 тыс. участников; Москва, проспект Академика Сахарова и акции в городах РФ).

2012 г. начался с митинга, инициированного партией «Яблоко» (14 января, Москва; Чистопрудный б-р); 04.02 вновь прошел митинг против фальсификации выборов «За честные выборы» (Москва, Болотная пл.; от 36 до 208 тыс. чел.), митинг также прошел в 100 городах России и зарубежья. В этот же день состоялся митинг на Поклонной горе в противовес митингу на Болотной[1].

Март–апрель 2012 г. – состоялся ряд несанкционированных митингов (Москва, Санкт-Петербург и другие города РФ). Май также начался с акции протеста: 06.05 – акция «Марш миллионов»: выражение протеста против инаугурации В. Путина, закончившийся вмешательством полиции и арестами (по официальным данным, задержаны 436 человек) (Москва). Представителями оппозиции был создан «Комитет 6 мая», поддерживающий арестованных и находящихся в розыске. Начиная с 07.05 – акции протеста (Москва и другие города РФ); 15.09 – второй «Марш миллионов» (Москва и другие города РФ). У проспекта Сахарова прошел митинг с участием около 54 тыс. чел. Акции были поддержаны в Санкт-Петербурге и других городах.

2013 г.: 13.01 – «Марш против подлецов», осуждающий депутатов Государственной думы, поддержавших «Закон Димы Яковлева» (Москва); 02.03 – «Марш за права москвичей» против уплотнительной застройки и недостатков в сфере ЖКХ (Москва); 06.05 – митинг в поддержку политзаключенных по «болотному делу» (Москва, Болотная набережная); 18.07 – «народные сходы» против ареста Алексея Навального и Петра Офицерова, взятых под стражу в этот день в Кирове (Москва, Санкт-Петербург и еще 20 городов РФ; в Москве от 4 до 20 тыс. чел.). С 01.07.2013 г. по 01.12.2013 г. – серия акций протеста против реформы Российской академии наук.

В 2014 г. в целом наблюдался спад протестного движения. В сентябре прошло несколько акций с требованиями организации честных выборов, остановки военного вмешательства на Украине, освобождения политзаключенных, отставки администрации г. Омска и районной администрации в г. Новгороде, в г. Озерске Челябинской области и др. 25.10.2014 г. имела место акция протеста родителей против коммерциализации образования.

Подсистемы общества тесно связаны между собой, и наряду с социально-политическими проблемами в последнее время встают социально-экономические. Особенно частыми в последние годы стали трудовые забастовки. Бастуют бюджетники, шахтеры, металлурги. Однако цифры доказывают, что протестные акции по трудовым вопросам достигли своего пика еще в 2009 г. в связи с финансовым кризисом и рецессией 2008–2009 гг. в России как частью мирового финансового кризиса.

В целом же по стране показатель распространенности протестов увеличился на 4 процентных пункта и составил 73%, т.е. в 62 из 85 регионов России проходили трудовые протесты. Наряду с трудовыми забастовками все чаще возникают акции социального протеста. Уже в 2014 г. готовы были протестовать 26% жителей крупных городов, 45% жителей поселков городского типа и 40% жителей сельских поселений [22].

Таблица 7

Количество общественных объединений в России в 2011–2014 гг. [13]

2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
114392	108729	104895	103249

В 2015 г. акции продолжились. 9.08.2015 г. от Калининграда до Приморья состоялись акции протеста против тупиковой социально-экономической политики правительства в условиях экономического кризиса в защиту населения России. Инициатором проведения акций стала КПРФ. Акции поддержали профсоюзы производственных предприятий, общественная организация «Дети войны» и др. Волновали граждан валютная ипотека, рост тарифов в сфере ЖКХ. 20.09.2015 г. в Москве состоялся оппозиционный митинг «За сменяемость власти» (7 тыс. участников). Митинг инициирован сообществами активистов «Демократической коалиции», правозащитников, общественными деятелями. 17.10.2015 г. в центре Москвы прошел митинг «Нет войне!», организованный движением «Солидарность», направленный на критику военной операции в Сирии. 02.10.2015 г. учительские профсоюзы продолжили акцию протеста, направленную против сокращения расходов на образование и снижения зарплат. По сведениям Центра социально-трудовых прав, в настоящее время на каждый рабочий день в России приходится 1.1 трудового протеста. В 2015 г. состоялось 409 протестов, что превысило показатель 2014 г. на 40%. Количество стоп-акций за 2015 г., в процессе которых частично или полностью была остановлена работа, составило 168 [23]. В частности, в ноябре–декабре 2015 г. по всей стране бастовали дальнобойщики против введения системы взимания платы с водителей большегрузов за проезд по федеральным трассам под названием «Платон». Решением Госдумы от 4 декабря 2015 г. снижена плата за проезд по федеральным трассам, штрафы за неоплаченный проезд для водителей грузовиков уменьшены до пяти тысяч рублей (ранее штрафы равнялись суммам до 450 тыс. руб.).

Большая часть протестов, а именно 55%, проходит в виде стоп-акций. Акций стало больше, они принимают более жесткие формы. Главным двигателем роста протестности являются невыплаты зарплаты и неудовлетворенность руководством предприятий. Ситуация усугубляется стихийным характером забастовок. Локальные трудовые конфликты становятся опасными вследствие возможности перерастания в масштабные социальные явления. Веянием времени является замещение цивилизованных форм протеста маргинальными. Заметим: из истории известно, что нерешенные «рабочие» вопросы довольно быстро превращаются в вопросы политические.

Митингующая и забастовочная Россия несколько отвлекла на себя потенциал «самоорганизующихся снизу» сообществ, выступающих в форме общественных объединений, что выразилось в умеренном снижении их количества (см. таблицу 7).

Современное положение дел в области формирования гражданского демократического общества отражает Федеральный закон от 19 июня 2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (с изменениями и дополнениями), который фактически запрещает митинги, если они не могут быть подконтрольны существующей власти, устанавливает запрет на действия НКО иностранного происхождения, т.е. фактически контроль над возможностью финансирования гражданских инициатив не со стороны государства, контроль над СМИ, контроль над гражданскими инициативами, отделение от мировых сообществ.

В идеале приоритет государственного управления должен состоять в содействии формированию гражданского общества. Однако старание власти создать институты гражданского общества и гражданские сообщества «сверху» может стать эффективным орудием манипулирования объективными процессами в социуме, где при наличии даже незначительных демократических предпосылок гражданские сообщества неизбежно «самоорганизуются снизу». Ставшая основной правящей партией организация, по сути влившаяся в структуру государственного управления, фактически становится его прямым подчиненным ресурсом. Если же структурные компоненты многопартийной системы (партии) не находятся у власти, являются негосударственными политическими объединениями (организациями), стремятся к реализации интересов конкретных сообществ или общества в целом (исключая маргинальные и реакционные формирования), то они есть субъект гражданского общества.

Слова К. Кумара, написанные в 1994 г.: «…гражданское общество есть та среда, в которой современный человек законным путем удовлетворяет свои потребности, развивает свою индивидуальность, приходит к сознанию ценности групповых акций и общественной солидарности» [24, с. 21] – точны и актуальны более 20 лет, и мы надеемся на максимальное

приближение именно к таким образом самоорганизующейся социальной структуре.

Выводы

1. Начало становления гражданского общества в России было инициировано «самоорганизующимися снизу» сообществами в начале 90-х годов и привело к реорганизации политического режима и смене власти.

2. Дальнейшая деятельность сообществ «снизу» была направлена на повышение благосостояния общества в период кризиса и в большинстве случаев заканчивалась удовлетворением гражданских инициатив или нахождением компромиссов.

3. Современное состояние российского общества таково, что «самоорганизующиеся снизу» сообщества активно набирают силу, но в большинстве случаев не направлены на политику, в то время как политика в стране старается строить гражданское общество сверху, контролируя доступные гражданские инициативы.

4. Современное состояние общества в России оценивается как гражданское общество в стадии становления.

5. Обзор тенденций развития российского социума показывает, что «самоорганизующиеся снизу» сообщества – единственный реальный двигатель возможности сформировать гражданское общество.

6. Отражением процесса формирования гражданского общества в России может служить динамика активности общественных объединений, в том числе инициирующих протестные акции и движения. Трансформация процессов становления гражданского общества коррелирует с динамикой активности общественных объединений.

7. Новый рост активности «снизу» неизбежен.

Примечание

1. Д. Волковым использованы исследования «Левада-Центра»: инициативные всероссийские опросы, опросы москвичей, опросы на митингах 24 декабря 2011 г. (по заказу организаторов) и 4 февраля 2012 г. (по заказу «Новой газеты»), материалы углубленных интервью с руководителями российских НКО, лидерами неформальных гражданских инициатив, организаторами и участниками московских протестных митингов, проведенных в рамках исследований «Перспективы гражданского общества» и «Перспективы общественных движений» в 2010–2011 гг. и 2012 г. при поддержке фонда National Endowment for Democracy.

Список литературы

1. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.

2. Дискин И., Петухов В.В. Демократия участия и политическая трансформация России // Политический класс. М.: Academia, 2007. № 12. 176 с.

3. Полунина Г.В. Политические системы общества: Учебное пособие для высших учебных заведений / Под редакцией доктора экономических наук, профессора Г.В. Полуниной. М.: АКАЛИС, 1996. 86 с.

4. Мерсиянова И.В. Мониторинг состояния гражданского общества в России: возможности реализации и перспективы развития // Эмпирические исследования гражданского общества. 2011. № 1. С. 43–47.

5. Магомедов А.А. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу». М., 2000. 215 с.

6. Гавриленко И.Г. Развитие деловой активности населения через формирование института самоуправления в жилищной сфере // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы: Сб. научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2012. С. 11–20.

7. Грудцына Л.Ю. Философско-правовая концепция гражданского общества как самоорганизующейся социальной системы: от Гегеля до наших дней // Образование и право. 2013. № 7. С. 45–51.

8. Институт политических исследований. Как рождались политические движения. Общественный подъем 1989–1991 годов [Электронный ресурс]. URL: http://ispr.ru/v-mire/rossiya/kak-rozhdalisy-polititcheskie-dvizheniya/obshtestvenny-podaem-1989-1991-godov.html (дата обращения: 14.01.2016).

9. Есть мнение! Итоги социологического опроса. М.: Прогресс, 1990. 296 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.agitclub.ru/gorby/soc/soziolog03.htm (дата обращения: 16.01.2016).

10. Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. 440 с.

11. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку: Учебник для высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1999. 544 с.

12. Формирование и деятельность общественных движений в СССР в 60–80-е гг. [Электронный ресурс]. URL: http://bibliofond.ru/view.aspx?id=563012 (дата обращения: 16.01.2016).

13. Российский статистический ежегодник. 1994 г. Статистический сборник / Госкомстат России. М., 1994. 799 с.

14. Лапаева В.В. Становление российской многопартийности // СОЦИС. 1996. № 8. С. 34–47.

15. Партии. Профсоюзы [Электронный ресурс]. URL: http://do.gendocs.ru/docs/index-70774.html (дата обращения: 17.01.2016).

16. Неформалы: Кто они? Куда зовут? / Под общ. ред. В.А. Печенева; ред.-сост. В.И. Вьюницкий. М.: Политиздат, 1990. 334 с.

17. Левкина Л.И. Потенциал влияния местных и самоорганизующихся сообществ на социально-

экономическое развитие территорий // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 322–328.

18. Об общественных объединениях. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 31.01.2016) [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_law_6693/ (дата обращения: 07.02.2016).

19. Мамонов М.В. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. Январь–февраль. № 1 (107). С. 5–22.

20. Волков Д.А. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 г.: запрос на демократизацию политических институтов // Левада-Центр. Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 73–86.

21. Отчет о научно-исследовательской работе по проекту: «Информационно-аналитический обзор состояния профсоюзного движения в современной России». Ростов-на-Дону, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-512627.html (дата обращения: 19.01.2016).

22. Аналитический отчет «Трудовые протесты в России в 2008–2014 гг.» по результатам мониторинга трудовых протестов ЦСТП / Составитель П.В. Бизюков [Электронный ресурс]. URL: http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1357 (дата обращения: 19.01.2016).

23. Мониторинг ЦСТП. Трудовые протесты [Электронный ресурс]. URL: http://trudprava.ru/news/protestnews/1579] (дата обращения: 20.01.2016).

24. Кумар К. Гражданское общество. М.: Райт, 1994. 87 с.

THE POTENTIAL OF THE IMPACT OF «GRASSROOTS SELF-ORGANIZING» COMMUNITIES ON THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

L.I. Levkina

Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article describes the features of civil society development in Russia and shows the key role in this process of «grassroots self-organizing» communities since the 1990s until present. The trends and prospects for further development of a democratic society in the Russian Federation are identified. It is shown that the dynamics of social groups and their activities is an indicator of civil society's activity. We note the transformation of the categories being examined and characterize the changes. Using statistical and comparative methods as well as content analysis, classification and evaluation of the data obtained by sociological research, we determine the dynamics of the development of democracy in Russia and identify the role of «grassroots self-organizing» communities in developing Russia's civil society. The process of change in the society is examined through the prism of interrelation between «grassroots self-organizing» communities and «top-down organized» communities. The results of the research prove the impact of social communities, mass protests and strike movement on the formation of Russia's civil society.

Keywords: «grassroots self-organizing» communities, «top-down organized» communities, civil society, democracy, development dynamics, public associations, rallies, strikes, community activity, cross-disciplinary synthesis, cross-disciplinary research.

УДК 316.74:82

МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

© 2016 г.

Б.Л. Цветкова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

bsnn@mts-nn.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2016
Статья принята к публикации 25.04.2016

Анализируется массовая литература как культурный феномен, определяются истоки его формирования. Выделяются характеристики и критерии массовости современной российской, и в частности детской, литературы. Для этого применены методы сравнения, синтеза, анализа, логического подхода. Обзор вариантов западного, в первую очередь американского, перехода к формированию нового слоя массовой культуры иллюстрирует процесс превращения искусства в ремесло, замену уникальности технологизацией и стандартизацией, с просчитываемой рентабельностью. Анализируются как негативные эффекты (низкое качество и отсутствие художественной ценности текстов), так и некоторые позитивные результаты процесса массовизации литературной культуры, в частности феномен «nobrow». В качестве элементов новизны акцентируется внимание на ключевых критериях, которыми массовая литература обладает как литературное направление и культурный феномен.

Ключевые слова: массовая культура, читательская культура, феномен «nobrow», облегченное качество, развлекательность, серийные выпуски, литературный вкус, стереотипные сюжеты.

Лицемерный читатель,
мое подобие, мой брат…
Ш. Бодлер

Массовая литература – часть современной культуры, феномен новейшего времени. Появление нового направления в литературе является маркером крупномасштабных социальных и культурных перемен, связанных прежде всего с развитием капиталистических отношений, урбанизацией и соответствующими изменениями в образах и стилях жизни. Переход западноевропейских стран к индустриальному, то есть к «массовому обществу», в литературном процессе означал раскол литературы на «элитарную» и «массовую». Правила и авторитеты традиционного уклада становятся менее эффективными, и на этом фоне возникает и формируется массовая потребность в литературе. В этом смысле появление массовой литературы стало маркером как снижения высоких социальных барьеров, так и большей доступности для масс культурных каналов. В этот период значительная часть населения получает образование, умеет читать и нуждается в литературе как наставнице в повседневном, анонимном и динамичном городском («буржуазном», «гражданском») существовании, в новых проблемах и конфликтах [1].

Намечается и разделение самой литературы на качественно различные направления: элитарную и массовую, что связано с концом эпохи закрытых элитарных салонов, узких ученых кружков и выходом литературы на свободный рынок. Процесс, в ходе которого сложилась массовая литература, происходил в течение всего XIX века и сопровождался профессионализацией литературных занятий, становлением системы оплаты писательского труда, формированием журнальной системы и возрастанием роли литературного критика. К концу XIX в. были заложены основы массовой культуры. Ознаменовался этот качественный переход появлением в Соединенных Штатах такого неоднозначного продукта масскультуры, как комикс.

Комиксы – рисунки, снабженные самыми краткими подписями, на какой-либо юмористический сюжет. Никаких целей, кроме развлечения, они не преследовали и были рассчитаны на малограмотных людей или на детей. В Америке они были более чем популярны. Об этом говорит случай, произошедший незадолго до начала Второй мировой войны. Забастовка типографских рабочих привела к перебоям поступления комиксов в киоски. Возмущение жителей было так велико, что мэр Нью-Йорка в эти несколько дней лично зачитывал комиксы по радио, чтобы успокоить свой город [2, с. 347]. Герои комиксов Бэтмен и Супермен стали неотъемлемой частью американской массовой культуры. Вкладом в нее стали и появившиеся в 1950-х гг. дайджесты – книги, содержащие адаптированные изложения классических литературных

произведений. Дайджесты позволяли «ознакомиться» с «Дон-Кихотом» или «Войной и миром», втиснутыми в 10–15 страниц, чтобы при случае продемонстрировать свою образованность. С бурным развитием радио, кинематографа и выпуском множества облегченных изданий в Америке создается система, тиражирующая доступные для понимания образы и идеи. Источником комиксов являются классические произведения. Заимствуются темы, характеры, приемы шедевров мировой литературы, но в адаптированном и упрощенном, доступном для невзыскательного читателя варианте.

Для российской литературной традиции и для российских читателей всегда было характерно более избирательное отношение к литературным произведениям. Зависело оно, как считает М.А. Литовская, от общественного мнения и статуса самого читателя [3, с. 14]. Это мнение подтверждается данными исследования частных письменных документов середины XIX в. – писем, дневников, которые свидетельствуют, что для неискушенных обывателей, провинциальных любителей словесности не существовало барьера между массовой и элитарной литературой. Читатели делали свой выбор в пользу легкого чтения или высокого слога в зависимости от настроения, цели чтения, ситуации. «Литературный промышленник» Булгарин и «литературный аристократ Пушкин» занимали каждый свое, подобающее ему место». В то же время человек образованный, являвшийся поклонником модных, но сомнительных с художественной точки зрения писателей, и не поднявшийся выше – к Пушкину, Тургеневу, Толстому, – вызывал в своем кругу недоумение, а то и презрение [3, с. 14].

Одна из важнейших особенностей массовой литературы – ее коммерческая направленность, определяющая значимые сущностные характеристики этой литературы. В определенном смысле она уже перестает быть собственно литературой, а становится коммерческим продуктом. Так, непременным условием существования бестселлеров является яркость и броскость оформления. Читатель завлекается пестрой картинкой, хитросплетениями интриг, доступностью изложения и искренне верит, что это и есть настоящая литература.

Следствием коммерциализации, использования литературы как предмета продаж являются облегченность, «легкоусвояемость» текстов и при этом их увлекательность. В массовой литературе эксплуатируется интерес ко всему таинственному и загадочному, детективы являются лидерами продаж. Кроме того, активно разрабатываются жанры фэнтези, «женские романы». Эти литературные опусы не ставят перед читателем каких-либо сложных социальных или нравственных проблем, в отличие от «серьезной» литературы, а «занимательности» в них иногда даже больше. Правда, вряд ли кому-либо придет в голову перечитывать подобные тексты в отличие от классических – не возникает повода.

В то же время нет смысла бороться с массовой культурой, тем более, что это невозможно, поскольку она «есть комплекс рынка и новых технологий искусства, порождение современных коммуникаций, и благодаря этому массовая культура, особенно в ее западном варианте, обладает оглушающей силой и супервлиянием на духовный мир человечества в параметрах всего земного шара, желаем мы того или нет» [4, с. 3].

Возможно, значение масслитературы как раз и состоит в том, что она акцентирует противостояние между одухотворенными образцами литературной культуры и их суррогатами, имитирующими глубокие смыслы и значения. В этой связи прижилось понятие «формулы» («сказка о Золушке», соблазнение, испытание верности, катастрофа, преступление и его расследование и т.п.), которое Дж. Кавелти ввел для массовой литературы [5]. Специфика, задачи, виды «формульной литературы» подробно анализируются современными исследователями как с точки зрения филологии, литературоведения, так и в ракурсе социологии литературы. В частности, М. Черняк выделяет в качестве предмета анализа жанры массовой литературы, которые претерпели в конце XX в. наиболее значительную трансформацию, – детектив и русский любовный роман [6].

Конечно, не все образцы массовой литературы безнадежно ничтожны и не содержат никаких идей. Многие читатели, филологи и даже литературные критики являются приверженцами серьезной литературы и в то же время любителями, например, детективов. В этом открыто признавался Х.Л. Борхес. Каждому из нас легко примерить роль героя популярного в 60-х гг. романа Уокера Перси «Посетитель кино» – мелкого биржевого маклера, мечтающего выглядеть успешным деловым человеком. Чтобы не разочаровать свою секретаршу, он прятал от ее глаз дешевый бульварный роман, который читал тайком. Говоря словами Бодлера, «Лицемерный читатель, мое подобие, мой брат» [7, с. 7].

Коммерческая культура действительно стремится к упрощению, насаждает стандарты и конформизм. Но она же создает условия для разнообразия. Популярная художественная литература всегда служила мишенью для язвительной критики, ее обвиняли в меркантильных мотивах и художественной скудости. Однако в

эстетике высокой литературы есть много от эстетики низкой литературы, и наоборот. Их тесные взаимосвязи привели к возникновению такого литературного феномена, как nobrow, в начале XX века. Сам термин введен Дж. Сибруком в книге «Nobrow. Культура Маркетинга. Маркетинг культуры» [8, с. 16]. Дж. Сибрук определяет nobrow как мир без иерархии. Новое понятие он вводит по контрасту с терминами, используемыми в американской социологии: highbrow – высокая, или элитарная, культура, lowbrow – массовая, или низкая, культура. В Америке люди делились на низшие и высшие классы не по происхождению, как, например, в Европе, а в зависимости от уровня культуры. Так продолжалось почти весь XX век, но затем ситуация изменилась. Массовая культура становится более влиятельной и в какой-то момент начинает управлять элитой. Элита, в свою очередь, пошла на компромисс, в результате чего утратила свой статус. Этот мир без культурной иерархии и есть nobrow.

Итогом становится формирование новой системы координат как в культурном пространстве в целом, так и в литературной традиции. Сторонники «чистого искусства», приверженцы «натурализма», позднейшего «модернизма» противостояли не столько низовой или коммерческой словесности, сколько художественному традиционализму. Последний обвинялся в следовании каноническим штампам, авторитарному академизму. Массовая литература упрекалась в развлекательности, отсутствии серьезной проблематики, художественной низкопробности и шаблонности.

В ходе этой полемики понятие «массовый» было определено как сочетание следующих критериев [1]:

- типичный, тиражируемый, неспециализированный (противопоставляется единичному, подлинному);
- общедоступный и «легкий» против «трудного», требующего специальной подготовки и мыслительной работы;
- развлекательный против серьезного, проблемного;
- всеобщий, доступный против индивидуального;
- низкий, вульгарный против высокого, возвышенного;
- шаблонный, охранительный, традиционалистский против элитарного и «по-настоящему» классического.

Таким образом, массовая литература является неотъемлемой частью массовой культуры и обладает ее специфическими особенностями. Оформившись в XIX в. и получив дальнейшее развитие в XX, она напрямую связана с новыми индустриально-техническими формами производства и распространения образцов культуры, сложными социальными процессами, происходящими в обществе.

Массовая литература в советском обществе

Критерием массовости литературы является не только облегченность понимания, «легкоусвояемость» – узнаваемые герои, типичные ситуации, популярные жанры, но и то, что на Западе массовая литература изначально являлась прежде всего коммерческим продуктом. Коммерческие цели означают необходимость формирования моды, определенного типа потребления и, в конечном итоге, устойчивого спроса на эти издания. Рыночная основа распространения и популяризации массовой литературы отсутствовала в советской литературе. Это не привело к изгнанию массовой литературы из культурного пространства в принципе, но принципиально изменило ее характеристики – она превратилась в идеологически обусловленный продукт.

В СССР к коммерческой развлекательной литературе было довольно негативное отношение, она рассматривалась как недоброкачественный культурный артефакт Запада. Как отмечает М.А. Литовская, даже сама постановка вопроса о существовании подобной разновидности литературы казалась неуместной. «Это было связано со спецификой решения в советском обществознании проблемы «массового» человека. Советский человек считался «особенным», в том числе и по отношению к отдыху, развлечениям, а значит, ему не нужна литература, с помощью которой развлекается/отвлекается все остальное человечество» [3, с. 18].

В первые десятилетия советской власти одной из основных задач было формирование в массах представлений о высоких принципах строителей коммунизма, поэтому большого разнообразия социального и культурного содержания в литературе не было. Низовой слой литературы был очищен за счет детектива, любовного романа, фантастики. Одни жанрово-тематические модели – ужасы, эротика – были устранены полностью, другие – редуцированы к предельно узнаваемым схемам – шпионский роман (приключения сыщика Пинкертона), идеологизированная проза. Однако в программных произведениях, например «Как закалялась сталь» Н. Островского, использовались те же так называемые «формульные приемы» [5], без которых не обходится ни один продукт массо-

вой литературы. Напряженная интрига, закрученный сюжет и вызывающий безусловную симпатию и желание подражать главный герой привлекали массового читателя к образцам новой советской литературы. При этом были продолжены лучшие традиции русской литературы: серьезность, глубина, высокие нравственные императивы, присущие главным героям. По мнению А. Рейтблата, советской массовой литературе были свойственны следующие черты [9]:

1. Служение цели «нравственного совершенствования», по этой причине были исключены типы письма, которые имеют чрезвычайный успех и влияние на Западе;

2. Советские писатели не действовали в рыночных условиях и поэтому не были вынуждены гнаться за внешней привлекательностью и утрированной доходчивостью;

3. Советские массовые жанры были поддержаны нравственной структурой, которая была чужда западному читателю.

Таким образом, столкновение западных литературных традиций и норм советского социокультурного контекста привело к своеобразному синтезу в виде лучших произведений массовой советской литературы. Западные формулы были адаптированы в советской литературной традиции, чтобы снять существующее напряжение в культуре, отвечать запросам читательской публики, сформировавшейся в советских условиях и следующей нормам советской (общей и читательской) культуры [9].

Массовая литература для детей

Общество возлагает на детскую и подростковую литературу ответственную роль формирования и закрепления представления о должном. Тексты, входящие в круг детского чтения, считаются самыми значимыми. Прочитанное в этом возрасте закладывается в мировоззрение как критерий нормы.

В советское время издательство детской литературы патронировалось государством. Самые талантливые писатели работали в жанре детской и подростковой литературы. Были широко доступны замечательно иллюстрированные качественные издания как для самых маленьких, так и книги всевозможных жанров – и классика, и приключения для старших детей и подростков.

В 30-е гг. во времена расцвета легендарной редакции Самуила Маршака, в которую входили лучшие авторы, писавшие для детей (Е.Л. Шварц, Д.И. Хармс, Л.К. Чуковская, Б.С. Житков, Н.М. Олейников, В.В. Бианки, М.М. Пришвин), книга была ценностью, событием. Редакция выпускала, по сегодняшним меркам, смешное количество книг – 3–5 книг в год. Но эти книги читают дети в нашей стране до сих пор, они были прекрасно изданы, написаны хорошим языком и с теплым чувством по отношению к своим читателям.

Детскую литературу этого периода можно условно разделить на три группы. К первой относятся строго подцензурные, идеологически выверенные произведения, обязательные для изучения в школе. Эти произведения опирались на четкие идеологические позиции, ориентирующие на воспитание высоких моральных качеств и партийные принципы. Так, в хрестоматиях этого периода подчеркивалось, что сначала необходимо познакомиться с эпохой, а затем в контексте этой эпохи рассмотреть творчество писателя. При этом идеологическая призма преломляла этот исторический контекст таким образом, что в творчестве А.С. Пушкина выражались «запросы и настроения либерального дворянства», а у Н.В. Гоголя – «примитивная жизнь захолустных помещиков». В учебно-методических пособиях этого периода особое внимание уделялось методам изучения художественной литературы. Например, журнал № 1 «Литература в школе» за 1966 г. открывался статьей «За идейность и научность преподавания – против субъективизма». Это же издание 1979 г. включало статью «Идеологический характер труда учителя» [10]. В советский период в школе не упоминалось о глубокой религиозности Н.В. Гоголя, о том, что свое творчество он рассматривал как поиск пути к Богу. Ничего не говорилось о публицистическом произведении «Выбранные места из переписки с друзьями», в котором Н.В. Гоголь попытался обосновать свою христианскую концепцию, о его попытке попробовать себя в роли духовного писателя в работе над «Размышлениями о Божественной Литургии». Н.В. Гоголя, как и А.С. Пушкина, относили к категории критических реалистов, отразивших темные стороны самодержавно-крепостнического строя. В творчестве И.С. Тургенева особо внимательно изучался роман «Отцы и дети». Образ Базарова оценивался положительно, как «новый тип передового деятеля – разночинца-демократа, человека дела». Слово «нигилист» понималось как синоним слову «революционер», и потому нигилизм Базарова также оценивался положительно.

Нередко происходило искажение смысла произведений в угоду правильному идеологическому ракурсу. Произведения, изученные таким образом вдоль и поперек, редко кто перечитывал в дальнейшем. Читательский репертуар, определявшийся на правительственном уровне,

относился скорее к «пройденным» произведениям, нежели к любимым. Литературное образование на долгое время разошлось с литературным процессом. О том, что существовал еще один литературный процесс, протекавший в эмиграции, вообще умалчивалось.

Вторую группу составлял более широкий перечень произведений так называемого внеклассного чтения. В 70-е гг. новые книги перестали включаться в школьную программу сразу, стало принято «выдерживать срок» в списке для внеклассного или факультативного чтения.

Третья группа – литература в «свободном доступе», занимавшая необъятные полки домашних и детских библиотек. Последняя включала в себя лучшие произведения для детей не только отечественных, но и зарубежных писателей (Ч. Диккенса, М. Твена, Ж. Верна, А. Дюма).

В целом уровень обращения школьников к книге в досуговой, познавательной и культурной сфере был достаточно высоким, неслучайно наша страна в тот период признавалась одной из самых читающих в мире. Идеологическую ангажированность обязательной школьной программы можно отнести к издержкам существовавшего идеологического формата как такового. К позитивным моментам этого периода относится тот факт, что в руки детей и подростков практически не попадала так называемая «мусорная» литература, низкопробное «чтиво», которое хлынуло на прилавки в огромном количестве в постперестроечные девяностые. Сам перечень книг, попадавший в поле зрения детей и подростков, обладал несомненными художественными достоинствами, отличался высоким качеством полиграфии и иллюстрации.

В девяностые годы в российской детской литературе произошло то же, что и в литературе вообще. Прилавки заполонили издания, не обременительные ни для кошелька, ни для мозгов. Преимущественно в этом качестве выступали дешевые детективы, шаблонные фэнтези и серии любовных романов на тему «кровь–любовь–морковь». Изданные на плохой бумаге, с некачественными переплетами, с отвратительными иллюстрациями, такие издания служат одной цели: убить время, помочь человеку отвлечься.

Детская книга успешно превратилась в товар, а редактор – в менеджера проекта, рекламщика, маркетолога, корректора и, зачастую, даже в соавтора. Если С. Маршак работал в государственной редакции, то это означало необходимость составления и утверждения издательского плана и тиражей. Когда какое-либо произведение попадало в утвержденный перечень, можно было не сомневаться – книга продастся. В рыночной же ситуации большее значение имеет спрос, и первая задача издательств – вырастить коммерческие имена, бренды, продать большее количество книг. Так, для самых маленьких литература продается лучше, поэтому издательства делают на нее упор. А вот подростковой литературы даже в солидных книжных магазинах недостаточно, и, кроме того, подростки более самостоятельны в выборе – сказывается влияние Сети.

Характеризуя масслитературу для детей, мы не можем не упомянуть о проблеме снижения чтения в обществе в целом. По мнению исследователей, можно даже говорить об утрате «дара чтения». Как указывает В.А. Фортунатова, «в обществе распространилась повсеместная болезнь – литературная афазия (утрата способности читать), которой сопутствуют исчезновение навыков рассказывать, вспоминать, ассоциировать одно с другим и еще разные необходимые генетические предпосылки для появления дара чтения. Этот важный для человека дар, который ему оставили многие и многие предшествующие поколения, сегодня оказался практически полностью утрачен» [11, с. 4–6]. В 2006–2007 гг. было проведено комплексное исследование «Читающие и нечитающие. Факторы, влияющие на чтение младших подростков» [12]. Целью исследования было выявление факторов, влияющих на чтение современных шестиклассников. Исследование проводилось в шести регионах РФ и в Москве, а также в Республике Казахстан. В каждом из регионов экспертами отбирались две школы: сильная, где дети активно читают, и обычная, в которой, по отзывам учителей, большинство детей не читает. Всего исследованием было охвачено 337 шестиклассников в регионах и 61 в Москве. Результаты исследования показали, что библиотека оказалась на последнем месте по степени влияния на чтение подростков. Более значительно влияние учителей. Оказалось, что читательские предпочтения учителей действительно влияют на уровень чтения школьников. В целом читательский уровень педагогов можно охарактеризовать как невысокий: на первом месте (37%) – педагоги, ориентированные на «чтиво», легкий жанр. Уровень читательской квалификации и учителей, и родителей в регионах оставляет желать лучшего. Только в лучших московских школах литераторы и другие учителя оказались способны прививать любовь и вкус к чтению. Это обеспечивает достижение подростками-шестиклассниками высокого уровня как литературного (читательского), так и личностного развития. Самой значимой является роль семьи в становлении читателя. Только 36% родителей практиковали в начальной школе и продолжают

Таблица

Выпуск книг по целевому назначению, 2014 г.

Литературно-художественные издания для детей и юношества	Число книг, печат.ед.
Литературно-художественные издания для дошкольного возраста	3044
Литературно-художественные издания для младшего школьного возраста	1806
Литературно-художественные издания для среднего и старшего школьного возраста	1592
Литературно-художественные издания для юношества	40

использовать две и более формы работы с книгой (чтение вслух, обсуждение, игры по сюжетам книг и пр.). В этих семьях у детей выше уровень литературно-творческих способностей.

Количество новых детских книг, выпускаемых в нашей стране, по мнению экспертов, несопоставимо мало по сравнению с потребностью в них. Более того, некоторые из них считают, что сейчас нет такого явления, как российская детская литература [13]. В потоке масс-маркета есть лишь отдельные хорошие книги замечательных современных российских авторов: Артура Геворгизова, Андрея Усачева, Дины Сабитовой, Евгении Пастернак, Станислава Востокова, Марины Бородицкой. Есть и позитивные моменты, связанные, например, с тем, что в 2000-х гг. было опубликовано много переводной детской литературы. Кроме того, выходили и целые серии книг российских авторов, например в издательстве «Росмэн» – серия «Настоящее время». Значимыми для публикации детских книг являются литературные конкурсы и премии, например:

– Государственная премия за произведения для детей и юношества, 1998;

– Российская литературная премия им. А. Грина, 2000;

– Международная премия им. Астрид Линдгрен, 2003;

– Национальная детская литературная премия «Заветная мечта», 2005;

– Международная литературная премия им. В.П. Крапивина, 2006;

– Международная литературная премия им. С. Михалкова за лучшее литературное произведение для подростков, 2008.

Издательство детской литературы ориентировано преимущественно на читателей-дошкольников. Для младшего и среднего школьного возраста книг выпускается почти в два раза меньше. Издания для юношества состоят в единичных экземплярах. Очевидны перекос в тиражах книг и явное невнимание к интересам детей и подростков, которые уже умеют читать и могут сами выбрать для себя книги (табл.) [14].

Однако, как считают эксперты [15], сочувствия в качестве читателей заслуживают не только подростки и юноши, но и малыши. Издания для самых маленьких – это, как правило, тонкие брошюры с дешевой полиграфией, непрофессиональными картинками и еще менее профессиональными текстами. Не книги, а скорее книжонки, особенно много их выходит в издательствах «Дрофа», «Стрекоза-Пресс», «Фламинго».

Книги для юношества – это, как правило, более серьезные издания, подготовленные к печати с участием специалистов, поэтому таких книг относительно немного. Кроме того, старшим подросткам доступны издания, которые не адресуются юношам специально, но могут войти в круг подросткового чтения.

Е.Л. Мжельская выделяет несколько основных тенденций, характерных для детской массовой литературы [15].

• Детское книгоиздание делает упор на внешний эффект книги, легкость чтения. Таким образом, формируются потребительские качества книги и самого процесса чтения: увидел – обалдел – прочитал – забыл. Детям предлагают легкую развлекательную литературу, поскольку издатели считают, что серьезной книгой ребенка заинтересовать трудно.

• Большое количество книг для детей выпускается серийно. Так, для дошкольников более 75% книг издается в сериях. При этом обновление серийных проектов составляет около 50%. Существует несколько основных широко известных серийных изданий для детей, например в «ЭКСМО» с 1996 г. выпускается серия «Детский детектив». «АСТ» выпускает серию «Ужастики», «Росмэн» – «Романы для девочек». Наблюдается небрежное отношение издателей к формированию сериальных книг для детей. Сюжеты однотипны, действия героев предсказуемы. Нередко авторы переиздают свои книги в других издательствах с измененными названиями. Например, повесть Елены Артамоновой «Карта старого пирата» переименована во «Все случилось в джунглях», а «Клоун для черной принцессы» – в «Людоеда для коронованной особы».

• Если иметь в виду издательство классической детской литературы, то тенденция заключается в том, что издатели предпочитают не рисковать и выпускают книги одних и тех же авторов. Постоянное обращение к уже проверенной детской литературе ограничивает выбор и не позволяет ни родителям, ни самим юным читателям узнать, что же сейчас есть нового в литературе для детей.

• Еще одна тенденция заключается в сокращении и адаптации классических произведений, «осовременивании» сказочных историй. В переработанном виде юным читателям предлагаются книги Д. Лондона «Белый клык», Д. Свифта «Приключения Гулливера» и даже Ж. Верна «Таинственный остров» и многих других знаменитых классиков мировой литературы.

• Возрастает удельный вес жанра фантастической литературы и фэнтези. Публикуются отечественные и зарубежные фантастические произведения как для младшего, так и для среднего школьного возраста. К лидерам среди этих книг относятся трилогия Р. Толкиена «Властелин колец» и серия книг Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер».

Книги о Гарри Поттере, на наш взгляд, не являются классическим примером масслитературы. Они стоят особняком, несмотря на явный ошеломительный коммерческий успех многократных изданий этой серии. С одной стороны, «Гарри Поттер» произвел уникальный взрыв книжного рынка и явил собой вроде бы классический пример бестселлера. С другой стороны, это не просто повествование про волшебников, абстрактные проявления добра и зла. «Гарри Поттер» – не только и не столько маркетинговый продукт, это феномен, выходящий за рамки масслитературы, несмотря на колоссальную рентабельность изданий. Феноменальность эта заключается, прежде всего, в том, что это действительно литературные произведения, написанные прекрасным языком. Книги про Гарри Поттера читают и дети, и взрослые. Такого обожания нельзя добиться искусственно, только с помощью маркетинговых инструментов. Этот успех не является и следствием исключительно моды – на Гарри Поттере вырастет еще не одно поколение.

Вполне очевидно, что детская литература тоже в значительной степени «массовизировалась» («облегченное» качество, направленность на развлекательность, серийные выпуски, переиздания под другими обложками и т.д.). По этому поводу есть устойчивое мнение, что в самом этом явлении нет ничего плохого, поскольку литература не может и не должна быть исключительно «высокой», глубокой и предназначенной для размышлений и раздумий. Для взрослого человека с устоявшимся мировоззрением, сформированным литературным и в целом эстетическим вкусом такое чтиво действительно довольно безвредно, поскольку вряд ли нанесет серьезный урон его ценностным установкам. Опасность подобной литературы, предназначенной для детского возраста, гораздо серьезнее.

Во-первых, подобная литература приучает ребенка к косноязычной и даже безграмотной речи, нечетко выражаемым мыслям. Вместо приподнимающего над обыденностью художественного текста, обогащенного аналогиями, синонимами, аллегориями и другими выразительными средствами, показывающими красоту родной речи, маленький читатель получает примитивный пошлый текст.

Во-вторых, отношения, отражаемые в подобной «литературе», как правило, очень схематичны, условны, и вызывают у зрелого читателя, в лучшем случае, разочарование и недоумение, поскольку не являются реалистичными и узнаваемыми.

В-третьих, и возможно это наиболее важный аспект, ребенок доверчивее относится к мыслям и идеям, изложенным на бумаге, принимает их за чистую монету (если нет ценностного противовеса), поэтому примитивные бездарные сюжеты способны влиять на формирование примитивного сознания.

Если же говорить о ценностях, отражаемых в современной массовой литературе в целом, можно сделать вывод, что они также элиминируют, вымываются. Ценности художественного произведения напрямую связаны с позицией Автора, его мировоззрением. Но поскольку «…произведения массовой литературы являются результатом не столько творчества автора, сколько проектной деятельности, в которой, помимо довольно условного «автора», активно участвует вся инфраструктура издательского бизнеса, включая маркетинг, рекламу, СМИ…» [16, с. 51], литературная составляющая перестает быть определяющей для масслитературы. И более того, можно говорить об уходе Автора из этих текстов.

Итак, мы рассмотрели некоторые закономерности формирования массовой литературы как культурного феномена. Можно сделать вывод, что существует ряд базовых характеристик, которыми массовая литература обладает как литературное направление и культурный феномен:

– создается, используется и распространяется как коммерческий продукт;

– как правило, обладает крайне низкой степенью художественной ценности и уникальности самого текста и, соответственно, наоборот – высокой степенью его шаблонности, узнаваемости;

– утрачивает Автора – авторское мировоззрение, позицию, видение событий, стиль изложения;

– нацелена на создание у читателя ощущения комфорта и безопасности, отвлекает от болезненных психологических, социальных и других проблем, не требует особых усилий для понимания;

– вызывает эмоции, которых человек лишен в рутине повседневности;

– подтверждает значимые для читателя «великие истины», общие места, то есть стереотипы, важные для современного читателя;

– является адресной, то есть ориентированной на определенные возрастные и социальные группы, соответствуя их ожиданиям;

– организована и структурирована по жанрам в соответствии с принятым каноном, ориентирующимся на наиболее успешные образцы массовой литературы.

При всем разнообразии форм массовая литература транслирует базовые ценности в их тривиальном и легкоусвояемом варианте и не ставит задачей развитие, духовное совершенствование и обогащение человека.

Список литературы

1. Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Массовая литература как социальный феномен // Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ, 1998. 80 с. URL: http://www.iek.edu.ru/publish/pusl5.htm (дата обращения: 03.03.2015).

2. Мещеряков В.П. Введение в литературоведение. Основы теории литературы. М.: Юрайт, 2013. 422 с.

3. Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А. Массовая литература сегодня: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 424 с.

4. Айтматов Ч. В ожидании XXI века // Известия. 1998. 7 февраля.

5. Кавелти Дж. Изучение литературных формул // НЛО. 1996. № 22. С. 33–64.

6. Черняк М.А. Массовая литература XX века. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://russianliter.ru/file.cgi?id=487 (дата обращения: 07.02.2016).

7. Бодлер Ш. Цветы Зла / Пер. с франц. Адриана Ламбле. М.: Водолей, 2012. 220 с.

8. Сибрук Дж. Nobrow. Культура Маркетинга. Маркетинг культуры. Изд-во «Ад Маргинем», 2012. 240 с.

9. Рейтблат А. Русский извод массовой литературы: непрочитанная страница // НЛО. 2006. № 77. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/re38.html (дата обращения: 03.03.2015).

10. Золотухина О. Изучение русской литературы в советской школе. URL: http://russian-literature.com/ru/education/krasnoyarsk/olesya-zolotuhina-izuchenie-russkoy-literatury-v-sovetskoy-shkole (дата обращения: 03.03.2015).

11. Фортунатова В.А. Возможное и вероятное как основа развития эмоционального интеллекта в регистре мировой литературной классики // Молодой ученый. 2015. № 22.1. 222 с.

12. Кабачек О. Читающие и нечитающие подростки: в чем разница? // Семейное чтение. 2007. № 5. С. 29–31.

13. Яковлева Ю. Состояние литературы: детские книги в России. Материалы Круглого стола редакторов на Colta.ru. URL: http://www.colta.ru/articles/literature/7485 (дата обращения: 25.07.2015).

14. Печать Российской Федерации в 2014 году: статистический сборник. М.: РКП, 2015. URL: http://www.bookchamber.ru/statistics.html (дата обращения: 02.04.2015).

15. Мжельская Е.Л. Современное книгоиздание для детей. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2011. 122 с. URL: http://storage.elib.mgup.ru/5/Mzhelskay_uch_pos_2011.pdf (дата обращения: 03.04.2015).

16. Тульчинский Г.Л. Массовая литература в современном обществе: эволюция жанров – к персонологичному фэнтези // Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России: Сб. науч. ст. СПб.: СПГУТД, 2009. 336 с.

MASS LITERATURE AS A CULTURAL PHENOMENON

B.L. Tsvetkova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article analyzes mass literature as a cultural phenomenon and the origins of its formation. The characteristics and criteria of modern Russian mass and, in particular, children's literature are identified with the use of the methods of comparison, synthesis, analysis, and logical approach.

The overview of the variants of Western, primarily American transition to the formation of a new layer of popular culture illustrates the process of transformation of art to a mere production process, and replacement of uniqueness with technologization and standardization with a well-calculated profit margin. We analyze both the negative effects (poor quality and lack of literary value of texts) and some positive results of the process of massivization of the literary culture, in particular the phenomenon of «nobrow».

The elements of novelty in the article include an analysis of key criteria of mass literature as a literary movement and a cultural phenomenon.

Keywords: mass culture, culture of reading, «nobrow» phenomenon, lightweight quality, entertaining, serial editions, literary taste, stereotype plots.

УДК 316

ВЫЯВЛЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКИ НЕУСПЕШНЫХ СТУДЕНТОВ НА ПЕРВОМ ГОДУ ОБУЧЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ НА ПРИМЕРЕ НИУ ВШЭ – НИЖНИЙ НОВГОРОД

© 2016 г.

П.А. Булычева, О.Е. Ошмарина, Е.В. Шадрина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижегородский филиал

eshadrina@hse.ru

Статья поступила в редакцию 30.10.2015
Статья принята к публикации 25.04.2016

Предлагается анализ факторов, влияющих на академическую успешность студентов первого года обучения в университете. Анализ выполнен с помощью статистических методов и методов интеллектуального анализа данных. Исходными данными для исследования является информация о студентах, собранная с помощью онлайн-системы поддержки учебного процесса в НИУ ВШЭ – LMS (Learning Management System). В ходе исследования были найдены рискованные студенты, у кого велик риск получить академическую задолженность. Результатом исследования стали рекомендации учебному офису соответствующей образовательной программы обратить внимание на данных студентов, т.е. оказать им учебную помощь (индивидуальные рекомендации преподавателей, дополнительные занятия и т.п.).

Ключевые слова: интеллектуальный анализ данных, дерево принятия решений, онлайн-анкетирование, академическая успеваемость в университете.

Введение

Такая проблема, как прогнозирование успеваемости студента, затронутая в данной работе, очень актуальна в современной университетской среде. Из опыта преподавателей на факультете информатики, математики и компьютерных наук в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород) было замечено, например, что более активные студенты и более дружные студенческие группы как правило академически успешнее. Студенты активно взаимодействуют во внеучебное время, консультируются друг с другом, повышая мотивацию к учебе всей студенческой группы. Соответственно, появилась необходимость выявить тех студентов, кому нужна помощь, найти факторы, которые влияют на академическую успешность студента. Основная сложность для первокурсника состоит в том, что сессия начинается раньше, чем студенты успевают наладить крепкие дружественные связи внутри группы, поэтому академически рискованные студенты – это в основном студенты первого курса.

Наша цель – выявление таких рискованных студентов, у кого возможны проблемы со сдачей зачетов, экзаменов, контрольных работ. Для этого использованы статистические методы и методы интеллектуального анализа данных. Для проведения исследования нам необходимы такие данные, как сведения о предыдущем образовании, семейном положении, условиях проживания, материальном благополучии, увлечениях и т.п. Материалом для исследования является информация о студентах, которая была собрана с помощью опроса через онлайн-систему поддержки учебного процесса в НИУ ВШЭ – LMS (Learning Management System).

Результатом исследования являются рекомендации учебному офису обратить внимание на определенных студентов с целью оказания им учебной помощи (индивидуальные рекомендации и материалы от профессоров, дополнительные занятия с преподавателями и т.п.).

Анализ существующих методологических подходов

Вопрос социальных исследований в вузах очень актуален для российских и зарубежных ученых. Факторами, влияющими на успешность студентов, интересовались многие ученые. В частности, в работах [1–4] проведены разносторонние исследования по этой теме. Д.-Ф. Супербай с соавторами в статье [5] проводит исследование в трех бельгийских университетах. Авторы показывают, что на успешность первокурсников влияют в основном такие факторы, как текущая посещаемость, регулярное выполнение домашней работы, успешность и количество часов математики и экономики на предыдущем месте учебы, вера в собственный успех и вера в пра-

вильный выбор, образование родителей, отсутствие вредных привычек и некоторые другие. Изучая влияющие на успешность студентов факторы, А. Арулсельван с соавторами [1] приходят к выводу, что все факторы – «довузовские» характеристики, финансовое состояние и дисциплина в учебе – влияют и на студентов из США, и на иностранных, хотя и по-разному. Исследуя процесс поступления в Белгородский государственный национальный исследовательский университет, М. Соколов с соавторами [6] приходят к выводу, что успешность абитуриентов зависит не только от баллов за ЕГЭ, но в большей степени от профессиональной и в меньшей от классовой и ситуационной ориентации.

Другая группа исследований посвящена анализу поведения студентов и школьников в малых группах, взаимодействия их между собой и с другими участниками образовательного процесса [7–9]. Такие исследования проводятся в основном с помощью методов социально-сетевого анализа и направлены на оценку распространения опыта и экспертизы [8], на прогнозирование взаимодействия студентов, преподавателей и других акторов образовательной системы [10, 11]. Например, в работах [9, 12] исследуются эффекты сообучения: оценивается влияние, которое социальное окружение оказывает на индивидуальные достижения учащихся. Д.Р. Валеева с соавторами рассматривают также факторы формирования дружеских связей между студентами, одним из которых названа близость характеристик студентов [12]. Интересно, что попав в определенный круг общения студенты интенсивнее развиваются как личности и лучше учатся [9]. Кроме того, студенты могут выбирать себе круг общения и тем самым способствовать собственной успешности [13]. А.С. Пронин с соавторами [14] исследуют возможность формирования учебных групп на основе дружеских связей студентов и предполагают, что при этом наблюдается улучшение успеваемости и повышение среднего уровня усвоения материала.

Обобщая многие исследования, пытаясь объяснить академическую успеваемость студента, предсказать успех или провал, можно выявить ряд объясняющих факторов, связанных со студентом. Все их мы разделили на три группы, рассмотрим их подробнее.

В литературе по социологии и психологии образования ([5, 6, 10, 15] и др.) были отмечены причины успехов и неудач на первом году обучения в вузе: студент, попадая из школьной среды в университетскую, испытывает серьезные изменения как в личной, так и в социокультурной среде, серьезная учебная нагрузка – все это вызывает стресс и требует адаптационного периода. Факторы, относящиеся к личной истории студента, были отнесены нами к первой группе (личность, семья, академическая успешность в прошлом и т.д.).

Ко второй группе были отнесены факторы, отражающие отношение студента к учебе или его поведение по отношению к исследовательской деятельности (участие в дополнительных учебных мероприятиях, семинарах, встречах с профессорами, участие в мастер-классах).

К третьей группе были отнесены факторы восприятия студентом учебы в вузе (каким образом он воспринимает в академическом контексте своих профессоров, систему обучения, нравится ли ему учиться и т.д.).

Для более подробного анализа данных факторов, влияющих на студентов в исследуемом вузе, мы подготовили анкету. Вопросы были составлены так, чтобы каждый ответ содержал максимальное количество переменных для анализа. В 2012–2014 гг. был проведен опрос сначала среди студентов Нижегородской области из разных вузов, а затем среди студентов 1–2-го курса факультета информатики, математики и компьютерных наук в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, обучающихся по направлениям «Бизнес-информатика», «Прикладная математика и информатика» и «Программная инженерия». Чтобы преодолеть недостатки анкетирования, мы совместили его с дневниковым методом [16], а также использовали другие независимые источники количественных и качественных данных о студентах. Поэтому часть вопросов для студентов НИУ ВШЭ – Нижний Новгород не была включена в анкету, ведь существует возможность получить данные из внутренней базы данных «АСАВ (Абитуриент, студент, аспирант, выпускник)».

Заполненные анкеты студентов и данные из системы «АСАВ» были обработаны и представлены в базе данных: возраст, уровень образования его/ее родителей, средний балл в школе, количество баллов ЕГЭ при поступлении, наличие пересдач на первом году учебы в университете, восприятие студентом университетской среды и т.д.

Одним из способов качественной и количественной оценки полученных данных о студентах является метод их интеллектуального анализа [17, 18], который позволяет выявить скрытые шаблоны поведения, понять причины и проявление различных процессов в социальной среде. Подобные шаблоны можно затем встроить в модель и получить возможность предсказывать поведение системы и ее акторов с достаточной точностью [2, 5]. В исследовании образования используются все методы анализа дан-

ных: классификация [5, 19], категоризация [1, 12], оценка [20] и визуализация [21]. Для нашего исследования необходимо оценить влияние факторов на успешность студентов НИУ ВШЭ – Нижний Новгород и разбить студентов на категории по степени риска получить академическую задолженность.

Для оценки влияния факторов на академические успехи студентов наиболее подходит корреляционный анализ данных. Он позволяет оценить меру наличия взаимосвязи между двумя или более величинами и достаточно успешно используется в социологии образования [5].

Для категоризации данных используются различные методы кластеризации [20], факторный анализ (анализ данных без учителя), а также деревья принятия решений [5, 22], генетические алгоритмы (анализ данных с учителем) [17]. Так как у нас имеются предварительные данные об успехах студентов Нижегородской области и студентов 2-го курса НИУ ВШЭ – Нижний Новгород и достаточно большое количество входных переменных, использование деревьев принятия решений наиболее целесообразно.

Предварительный анализ данных о студентах

Для обобщенного анализа возможных факторов, влияющих на успеваемость студентов, в 2012–2014 гг. был проведен опрос студентов Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Всего ответили на вопросы 145 человек. Анализ полученных данных позволил выявить зависимость между значением среднего балла студента и остальными его данными, выявить, какие данные влияют на средний балл, и использовать эти вопросы в анкете для студентов 1-го и 2-го курсов факультета информатики, математики и компьютерных наук в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород.

Вопросы, представленные в анкете, можно разделить на несколько групп:

1) данные о предыдущем образовании (уровень успеваемости, баллы за ЕГЭ);

2) данные о текущем образовании (уровень успеваемости, специальность, университет);

3) финансовое положение;

4) уровень самостоятельности (условия проживания, наличие работы);

5) круг интересов (хобби, отношение к занятиям спортом);

6) личные вопросы (возраст, пол).

В результате опроса были получены следующие данные:

1) средний возраст опрашиваемых студентов – 18–20 лет, следовательно, студенты учатся в среднем на 2–3-м курсах;

2) большинство студентов окончили школу с оценками 4–5, только 10% окончили школу с оценками 3–4;

3) около 80% респондентов поступили в университет по результатам ЕГЭ и обучаются на бюджетной основе;

4) более 70% студентов ответили, что они живут с обоими родителями, у 33% студентов есть сестра, а у 23% – брат.

Для обработки данных опроса все данные были переведены в булевы переменные. В итоге мы получили 119 переменных. Далее был использован корреляционный анализ для оценки зависимости успеваемости и наличия пересдач от различных факторов. В результате мы выявили, что наиболее важными, с точки зрения влияния на успеваемость и наличие пересдач, являются ответы на следующие вопросы:

1. На какой основе Вы обучаетесь? (бюджет, внебюджет);

2. Посещаете ли Вы дополнительные занятия? (да, нет);

3. Участвуете ли Вы в олимпиадах? (да, нет);

4. Какую школу Вы окончили? (общеобразовательная; лицей, гимназия, школа со спец. уклоном; колледж; школа-интернат);

5. Где была расположена школа? (за границей; в крупном городе; в небольшом городе, селе);

6. С какими оценками Вы окончили школу? (3–4, 4–5, медаль);

7. Ходили ли Вы на подготовительные курсы перед поступлением? (да, нет);

8. Брали ли Вы академический отпуск? (да, нет);

9. Сколько времени Вы уделяете самостоятельной подготовке к занятиям? (все свободное время, от 1 до 3 часов в день, более 3 часов в день, меньше 7 часов в неделю, готовлюсь перед занятиями);

10. Бывают ли у Вас долги по экзаменам/зачетам? (всегда, 1–2 раза в год, 1–2 раза в семестр, нет);

11. Оцените, как Вам нравится учиться (5-балльная шкала);

12. Каковы условия Вашего проживания? (живу в общежитии, в собственной квартире один, с родителями, с друзьями/супругом на съемной квартире);

13. На какие средства Вы живете? (работаю, получаю стипендию, деньги дают родители);

14. Увлекаетесь ли Вы спортом? (профессиональные тренировки; фитнес, бассейн, домашние занятия; не занимаюсь);

15. Каково образование Ваших родителей? (высшее, среднее, нет, сирота);

16. Какая у Вас семья? (оба родителя; только один родитель; родители в разводе; сирота);

17. Как много Вы пропускаете аудиторных занятий? (регулярно пропускаю, среднее количество пропусков, не пропускаю).

Часть данных о студентах НИУ ВШЭ – Нижний Новгород уже присутствует во внутренней базе данных «АСАВ», так что финальная анкета была еще короче. Некоторые вопросы подразумевают множественные ответы, другие – только один ответ.

Стоит отметить, что особое влияние оказывает показатель того, занимается ли студент спортом. Те, кто занимаются спортом, показывают очень хорошие результаты в учебе и в целом в других жизненных ситуациях.

Можно сделать вывод и о том, что следующие вопросы вообще не влияют на успешность студентов: данные о существующих сбережениях, банковской карте, среднемесячный показатель доходов, университет, в котором учится студент, данные о переводе студента на другую специальность, наличие или отсутствие перерыва между школой и университетом.

Выявление студентов с высоким риском получения академической задолженности

Следующим этапом исследования является анализ опроса студентов факультета информатики, математики и компьютерных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород с целью выявления потенциальных должников на ближайшую сессию. Часть данных были взяты из внутренней базы данных «АСАВ» (ФИО, курс, возраст, номер школы, баллы за ЕГЭ, др.), остальные данные (условия проживания, наличие работы, помощь родителей, занятия спортом, участие в олимпиадах, нравится ли учиться, образование родителей, время подготовки к занятиям, число пропусков) были получены в ходе опроса. В опросе приняли участие 110 человек: студенты 1-го и 2-го курсов. Все полученные данные были переведены в булевы переменные. Опрос был проведен в третьем модуле, т.е. студенты-первокурсники уже прошли 2 зачетные недели, имеют средний балл и некоторые уже имеют академические задолженности. Поэтому все данные были использованы для корреляционного анализа, что позволило выявить факторы, влияющие на наличие пересдач у выделенной группы студентов.

Следует отметить, что все ответившие студенты учатся на бюджетной основе и находятся на очной форме обучения. Очень интересный факт – многие из ответивших первокурсников уже имеют задолженности, хотя большинство ответивших второкурсников находятся в верхушке рейтинга. Из этого следует, что, возможно, первокурсникам сложнее адаптироваться в новой для них университетской среде.

Для анализа результатов мы разделили студентов на две группы – студенты первого и второго курсов. Затем была использована система «обучение с учителем», где в качестве «учителя» использовались ответы студентов второго курса. Студенты-второкурсники были разбиты на три категории – Good, Medium, Bad в соответствии с их рейтингом успеваемости. Студенты, которые входят в первые 30% рейтинга, не имеющие задолженности, входят в категорию Good, студенты, которые входят во вторые 30%, не имеющие задолженности, входили в категорию Medium, остальные студенты входили в категорию Bad.

Далее на основе алгоритма классификации с учителем было построено дерево принятия решений (рис. 1), которое разделяет студентов по параметрам «Наличие пересдач» и «Средний балл». Такое разделение не позволяет отразить влияние всех параметров на качество учебы студента. Кроме того, влияние именно на эти параметры имеют остальные факторы. Поэтому мы убрали из списка параметров для обучения алгоритма эти факторы и построили дерево принятия решений заново (рис. 2).

Из рис. 2 можно сделать вывод, что алгоритм принимает во внимание наличие стипендии у студента, увлечение спортом, оценки, с которыми студент окончил школу, количество пропусков, отношение к учебе и состав семьи. Действительно, студент, который не получает стипендию, не увлекается спортом и окончил школу с плохими оценками, не является успевающим и, как следствие, находится в конце рейтинга.

Итак, теперь алгоритм обучен, и можно его использовать для оценки успеваемости студентов первого курса. Результатом анализа является разделение студентов по трем группам: Bad, Medium и Good (таблица 1). В целях нераспространения личной информации о студентах ФИО каждого было замещено условным Студент 1, Студент 2, .., Студент N. Мы получили, что в категорию рискованных студентов попали 11 человек из 32, в категорию Medium – 12 студентов, в категорию Good – 9 студентов. Итак, вот студенты, которые с большой вероятностью будут иметь задолженности в предстоящую сессию: Студент 1, Студент 2, Студент 3, Студент 4, Студент 5, Студент 6, Студент 7, Студент 8, Студент 9.

После итоговой сессии в 4-м модуле появилась возможность проверить результаты иссле-

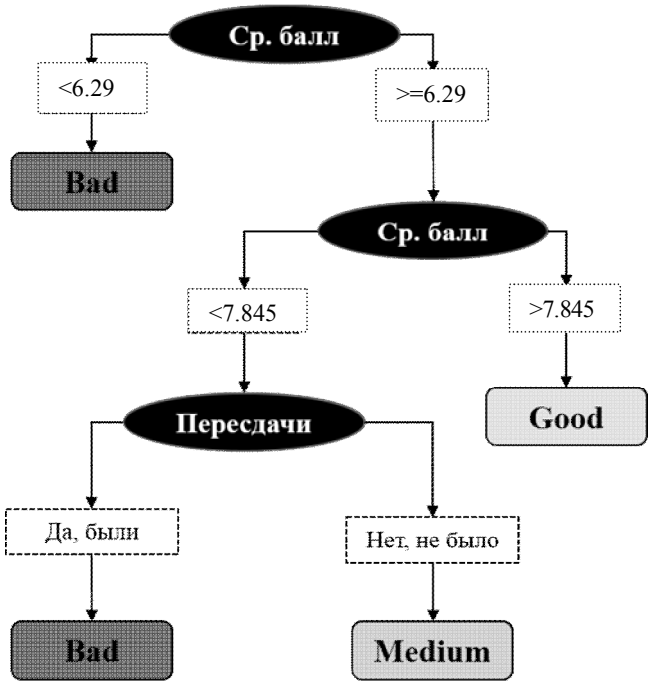


Рис. 1. Дерево принятия решений (1)

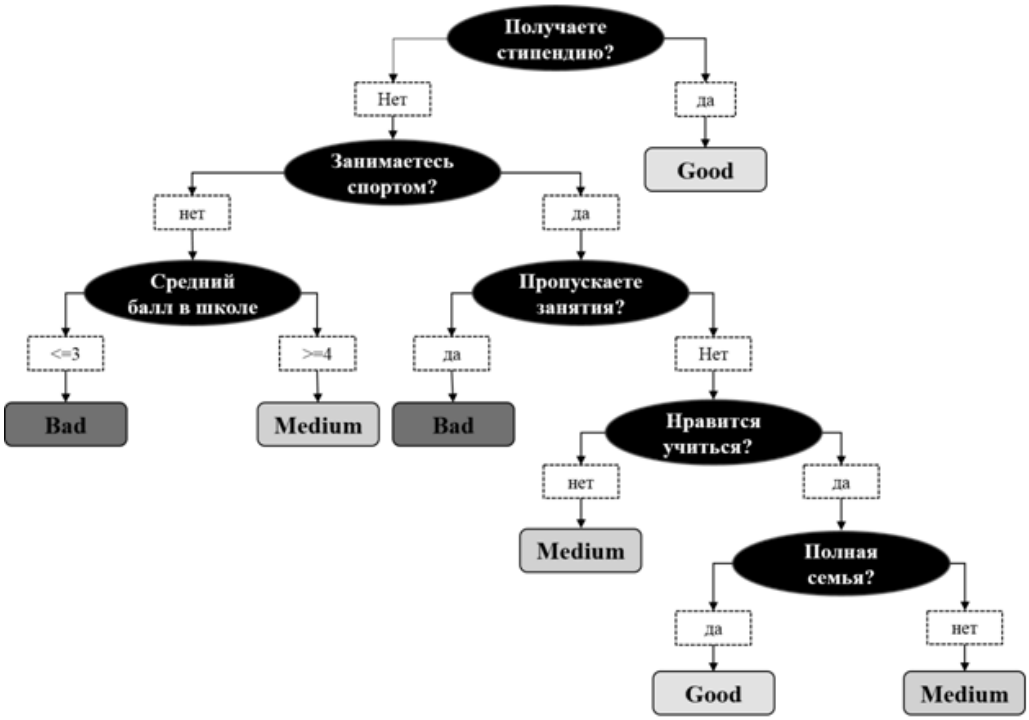


Рис. 2. Дерево принятия решений (2)

дования. В таблице 1 также представлены данные о реальном рейтинге и наличии пересдач студентов по итогам первого года обучения.

Следует отметить, что некоторые «неуспешные» студенты находятся в первых 30% рейтинга (а именно Студент 19 и Студент 20), но действия алгоритма обусловлены тем, что у данных студентов имеются также и удовлетворительные оценки, что влияет на получение стипендии, а фактор «Наличие стипендии» имеет большой удельный вес в процессе анализа.

В таблице 2 представлены обобщенные данные результатов исследования. В категорию Bad попали 11 студентов, и по результатам летней сессии эти же 11 студентов имели академические задолженности и 7 из них (64%) в итоге

Таблица 1

Результат анализа

Студент	Категория	Средний балл	Фактическое наличие пересдач
Студент1	Bad	4.63	Да
Студент2	Bad	5.38	Да
Студент3	Bad	5.5	Да
Студент4	Bad	5.75	Да
Студент5	Bad	6	Да
Студент6	Bad	6	Да
Студент7	Bad	6.63	Да
Студент8	Bad	6.88	Да
Студент9	Bad	7.13	Да
Студент10	Medium	5.56	Да
Студент11	Medium	5.56	Да
Студент12	Medium	6.63	Да
Студент13	Medium	6.67	Да
Студент14	Medium	6.88	Да
Студент15	Medium	6.88	Да
Студент16	Medium	6.89	Да
Студент17	Medium	7.11	Да
Студент18	Medium	7.5	Да
Студент19	Bad	7.63	Нет
Студент20	Bad	8	Нет
Студент21	Good	6.89	Нет
Студент22	Good	7.63	Нет
Студент23	Good	7.75	Нет
Студент24	Good	7.88	Нет
Студент25	Good	7.88	Нет
Студент26	Good	7.88	Нет
Студент27	Good	8	Нет
Студент28	Good	8.44	Нет
Студент29	Good	8.75	Нет
Студент30	Medium	6.38	Нет
Студент31	Medium	7.63	Нет
Студент32	Medium	8.63	Нет

Таблица 2

Обобщение данных

Категория	Всего студентов	Студентов с пересдачами		Студентов отчислено		Высокий средний балл (больше 7.5)	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Bad	11	11	100	7	64	2	18
Medium	12	8	67	2	17	4	33
Good	9	3	33	0	0	8	89

отчислены. В категорию Medium попало 12 студентов, по результатам летней сессии 8 человек (67%) имели пересдачи, а двое из них (17%) отчислены. Среди студентов, попавших в категорию Good, пересдачи были лишь у трех (33%) и никто из студентов этой категории не был отчислен.

Таким образом, можно сделать вывод, что результат распределения студентов хорошо согласовывается с реальной ситуацией. Следует также заметить, что успеваемость студентов соответствует распределению по группам: студентов с высоким средним баллом

больше в категории Good и меньше в категории Bad.

В результате проведенного исследования были даны следующие рекомендации учебному офису факультета информатики, математики и компьютерных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород: обратить особое внимание на студентов из категории Bad и уделить дополнительное внимание студентам из категории Medium с невысоким средним баллом после первого учебного полугодия.

Выводы

В данном исследовании были определены факторы, влияющие на успеваемость студентов, проведен корреляционный анализ, позволивший выявить факторы, максимально влияющие на наличие пересдач у выделенной группы студентов. Затем с помощью дерева принятия решений проведено разделение студентов-первокурсников на три категории: Good, Medium, Bad. В результате исследования были найдены рискованные студенты, у которых велик риск получить академические задолженности. Результатом исследования стали рекомендации учебному офису обратить внимание на рискованных студентов, т.е. оказать им учебную помощь (индивидуальные рекомендации преподавателей, дополнительные занятия и т.п.).

Список литературы

1. Arulselvan A. и др. Predicting the nexus between post-secondary education affordability and student success: An application of network-based approaches // Social Network Analysis and Mining, 2009. ASONAM'09. International Conference on Advances in. IEEE, 2009. P. 149–154.

2. Morris L.V., Wu S.-S., Finnegan C.L. Predicting Retention in Online General Education Courses // Am. J. Distance Educ. 2005. V. 19. № 1. P. 23–36.

3. Campbell J.P. Utilizing student data within the course management system to determine undergraduate student academic success: An exploratory study. ProQuest, 2007. PhD diss. Purdue University.

4. Pal S. Mining Educational Data Using Classification to Decrease Dropout Rate of Students // CoRR. 2012. V. abs/1206.3078. P. 35–39.

5. Superby J.-F., Vandamme J., Meskens N. Determination of factors influencing the achievement of the first-year university students using data mining methods // Workshop on Educational Data Mining. 2006. P. 37–44.

6. Соколов М., Кнорре А., Сафонова М. Теории высшего образования и процесс выбор специальности абитуриентами: Социально-сетевой анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2014. Т. 90, № 2. С. 6–25.

7. Dawson S. A study of the relationship between student social networks and sense of community // J. Educ. Technol. Soc. 2008. V. 11, № 3. P. 224–238.

8. Penuel W.R. et al. Investigating the potential of using social network analysis in educational evaluation // Am. J. Eval. 2006. V. 27, № 4. P. 437–451.

9. Креховец Е.В., Польдин О.В. Социальные сети студентов: факторы формирования и влияние на учёбу // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 127–144.

10. Hawe P., Ghali L. Use of social network analysis to map the social relationships of staff and teachers at school // Health Educ. Res. 2008. V. 23, № 1. P. 62–69.

11. Black E.W., Dawson K., Priem J. Data for free: Using LMS activity logs to measure community in online courses // Internet High. Educ. 2008. V. 11. № 2. P. 65–70.

12. Валеева Д.Р., Польдин О.В., Юдкевич М.М. Связи дружбы и помощи при обучении в университете // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 70–84.

13. Докука С.В., Валеева Д.Р., Юдкевич М.М. Коэволюция социальных сетей и академических достижений студентов // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 44–65.

14. Пронин А.С., Веретенник Е.В., Семенов А.В. Формирование учебных групп в университете с помощью анализа социальных сетей // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 54–73.

15. Горбунова Е.В. Адаптация студентов первого – третьего курсов бакалавриата / специалитета к университетской жизни // Univ. Журнал о жизни университетов. 2013. № 1 (Том 1). С. 48–64.

16. Гладарев Б.С. Дневниковый метод в изучении социальных сетей // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология 4М). 2002. № 14. С. 53–69.

17. Luan J. Data mining and its applications in higher education // New Dir. Institutional Res. 2002. V. 2002, № 113. P. 17–36.

18. Baepler P., Murdoch C.J. Academic analytics and data mining in higher education // Int. J. Scholarsh. Teach. Learn. 2010. V. 4. № 2. P. 1–9.

19. Romero C. et al. Data mining algorithms to classify students // Educational Data Mining. 2008. P. 8–17.

20. García E. et al. An architecture for making recommendations to courseware authors using association rule mining and collaborative filtering // User Model. User-Adapt. Interact. 2009. V. 19. № 1–2. P. 99–132.

21. Долинина О., Печенкин В., Тарасова В. Использование графовых моделей для визуализации социальных сетей образовательной организации // Вестник СГТУ. 2009. № 4 (43). Вып. 2. С. 210–214.

22. Friedl M.A., Brodley C.E. Decision tree classification of land cover from remotely sensed data // Remote Sens. Environ. 1997. V. 61, № 3. P. 399–409.

IDENTIFYING ACADEMICALLY «UNSUCCESSFUL» FIRST-YEAR UNIVERSITY STUDENTS: A CASE STUDY OF HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS – NIZHNI NOVGOROD

P.A. Bulycheva, O.E. Oshmarina, E.V. Shadrina

National Research University
Higher School of Economics - Nizhni Novgorod

The article presents the results of our analysis of the factors influencing academic success of the first-year university students. The analysis was performed with the help of statistical methods and data mining techniques. The source data for this research was in the form of information about students collected by the LMS (Learning Management System), an on-line system supporting the educational process in the Higher School of Economics. In the course of research, we have identified those students who were under the risk of academic failure. The results of the research were presented in the form of recommendations to the supervisors of the respective educational programs who should pay attention to the students under the risk and help them in their studies (by organizing individual consultations of faculty members, additional lessons, etc.).

Keywords: data mining, decision tree, on-line questionnaire, academic success in the university.

УДК 316.344.24

ИЗУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

© 2016 г.

С.Н. Борисова

Ивановский государственный университет
Правительство Ивановской области

sv.n.borisova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 16.12.2015
Статья принята к публикации 21.04.2016

Представлен анализ основных методологических направлений отечественной социологии профессий. На основе типологизации данных подходов по уровню социологического анализа выявлено, что в российской социологии преобладают макросоциологические подходы к изучению профессий и профессиональных групп, позволяющие изучить процессы их формирования и институционализации. Вместе с тем в последние десятилетия формируется тенденция развития микросоциологических подходов, направленных на изучение повседневного социального взаимодействия и механизмов коммуникации внутри групп.

Ключевые слова: профессия, профессиональная группа, макросоциологические и микросоциологические подходы.

Изучение профессий и профессиональных групп как элементов социальной структуры общества является одной из актуальных проблем еще со времен классиков социологии, что во многом обусловлено значимостью принадлежности индивида к той или иной профессиональной группе при определении его социального положения в современной стратификационной системе.

В отечественной социологии особое внимание профессиям и профессиональным группам как структурным элементам общества стало уделяться в научных исследованиях ученых начала XX века. Изначально профессиональные группы в основном являлись предметом изучения экономики труда, социологии труда, экономической социологии, а также анализировались в рамках научного коммунизма и под влиянием господствовавшей в то время марксистской идеологии. Именно поэтому в отечественной социологии в большей степени преобладают макросоциологические подходы к изучению профессиональных групп.

Начало российской социологии профессий положила работа С.Г. Струмилина «Проблемы экономики труда», которая вышла в 1925 г. в период индустриализации, когда перед обществом стояла задача создать экономику на основе внутренних ресурсов (природных и человеческих). Новая экономика должна была не только обеспечить население страны всеми необходимыми товарами, но и создать мощный оборонный комплекс. Данные задачи требовали не только значительных средств, но и квалифицированных профессиональных кадров, которые нужно было подготовить в кратчайшие сроки. С.Г. Струмилин заложил основы *личностно-квалификационного подхода*, в котором главной характеристикой любой профессии выступает уровень подготовки индивида к специальному виду трудовой деятельности, выполнению конкретных трудовых функций, выражающийся в совокупности навыков и умений.

Ученый анализирует профессии на основе принципов содержания труда и квалификации работника. Под профессией он понимает совокупность приобретенных школьной или внешкольной выучкой специальных трудовых навыков, совмещаемых обычно в одном лице и объединяемых общим названием, например слесарь, столяр, скрипач. Автор уточняет, что родственные профессии могут быть объединены и в высшие группы разных наименований, например металлисты, деревообделочники, музыканты. С другой стороны, некоторые профессии подразделяются на специальности – суммы навыков, которые у́же профессии, но исчерпывают обычный круг трудовой деятельности одного лица и носят особо присвоенное им название [1, с. 17–18].

Середина – вторая половина XX века ознаменовались социальными трансформациями во всех сферах жизни мирового сообщества. Изменился характер экономики, культуры, политики и всей системы социальных отношений в целом. Возникают новая система профессиональной дифференциации, новые профессии, новые навыки и знания, изменяется система организации труда и управления. В этот период большое внимание уделяется роли профессии в процессе

социализации личности. Эту сторону профессиональной деятельности подчеркивает В.Г. Подмарков. В своих работах конца 60-х – начала 70-х гг. XX века он рассматривает профессии как усвоенный личностью способ ее включения в трудовой процесс и в общественные отношения. Ученый различает профессию и трудовую функцию. Трудовая функция является совокупностью объективно заданных операций и принадлежит рабочему месту, а профессия – это характеристика подготовленности работника к выполнению труда и принадлежит самому работнику.

Наиболее важным элементом профессии, по мнению ученого, является степень совершенства работника, с точки зрения готовности к выполнению данного вида труда. Она зависит от того, какие формы и средства подготовки использовал работник для выполнения трудовой функции, то есть от формы и уровня специального профессионального образования. Также существует институциональное признание профессии и система критериев владения ею. Институализированной профессия становится с момента официального отнесения ее к системе общественного разделения труда, в результате чего профессия обретает определенный социальный статус, характеризующий официальное или неофициальное признание ее необходимости и популярности. Отсюда В.Г. Подмарков выводит понятие престижа профессии, который определяется содержательностью (творческим характером) данного вида труда и степенью популярности профессии.

Под профессиональными группами ученый понимает совокупность работников, связанных единым производственным процессом и близкими по содержанию профессиональными ролями. Члены профессиональной группы обычно обладают одинаковой специализацией и общими профессиональными ценностями. Их также отличают некоторые особенности культуры, одно из проявлений которой – профессиональный язык, и профессиональная солидарность. В целом же В.Г. Подмарков рассматривает профессиональную структуру как часть социальной структуры, иерархическую систему, состоящую из ранжированных социальных позиций работников [2]. Профессиональные связи характеризуются как особая форма социальных связей, а профессиональные различия – как особая форма социальных различий.

Идеи В.Г. Подмаркова заложили основы *деятельностного подхода* в отечественной социологии профессий. По замечанию Г.Б. Кораблевой, для представителей данного подхода характерна абсолютизация технико-технологических факторов в формировании профессий и социально-классовой структуры общества [3, с. 63]. Научно-техническая революция, технический прогресс считались условиями достижения социальной однородности. Эти идеи созвучны положениям теории постиндустриального общества Д. Белла [4], утверждавшего, что профессиональная стратификация в постиндустриальном обществе оттеснит на второй план классовую стратификацию. В рамках данного подхода в 60–80-х гг. также работали Г.В. Осипов [5], И.И. Чангли [6], О.И. Шкаратан [7], В.Н. Шубкин [8], М.Х. Титма [9].

В условиях социалистического общества с его плановой экономикой, социальной политикой, направленной на выравнивание уровня жизни разных социальных слоев и регионов страны, советские ученые при изучении профессий практически не затрагивали вопросов оплаты труда. Труд рассматривался как фундаментальный вид жизнедеятельности человека, основа возникновения и функционирования общества, как один из способов самореализации личности. На таких мировоззренческих позициях базировалась ленинградская социологическая школа социологии труда под руководством В.А. Ядова [10, с. 332].

В исследовании, проведенном В.А. Ядовым совместно с А.Г. Здравомысловым (1967), особое внимание уделяется изучению труда как средства, цели и способа самоутверждения личности. Важную роль играет отношение самого человека к труду [11], которое рассматривается через призму диспозиционной концепции личности В.А. Ядова. Согласно этой концепции, существуют установочные механизмы регуляции социального поведения личности. Это означает, что поведение личности регулируется ее диспозиционной системой, которая формируется на основе потребностей и ситуационных задач.

С 90-х гг. XX в. акценты в изучении профессий и профессиональных групп коренным образом меняются. Переход от плановой социалистической экономики к капиталистической, развивающейся по рыночным законам, сопровождался глубоким системным кризисом, отразившимся в том числе на социальной структуре общества. Сильная имущественная дифференциация населения обострила внимание социологов к проблеме «среднего класса» в России. Профессиональные группы также начинают рассматриваться с точки зрения их принадлежности к среднему классу, выявляется их место в системе социальной стратификации. Критерии профессиональной принадлежности среднего класса изучают Н.Е. Тихонова, М.К. Горшков

[12, с. 25–31]; особенности характера труда и роли в организации производства выявляют В.А. Аникин [13, с. 235], М.Ф. Черныш [14, с. 187].

В обществе складывается новая, по сравнению с советским периодом, социальная стратификация. Профессиональную стратификацию как один из видов стратификационных систем изучают В.В. Радаев, О.И. Шкаратан [15], И.П. Попова [16], И.В. Мостовая [17], А.Ю. Ощепков [18]. Вышеназванные ученые считают, что социальный статус той или иной профессии определяется характером труда, его содержанием, местом в общественном разделении труда. Данные аспекты изучения профессий и профессиональных групп уходят корнями к теории социальной стратификации П.А. Сорокина, который изучал иерархию профессиональных групп внутри социальной структуры и профессиональную стратификацию, имеющую два основных проявления – межпрофессиональную и внутрипрофессиональную стратификацию.

Иначе выглядит профессиональная стратификация в рамках *ресурсного подхода*, получившего развитие в последние десятилетия. Ресурсы рассматриваются социологами с двух позиций – как потенциал и как капитал. Понятия «потенциал» и «капитал» взаимосвязаны, но не являются взаимозаменяемыми, тождественными. Ресурс как потенциал представляет собой возможность, к которой индивид или группа может обратиться (или не обратиться) по мере необходимости для возможности повышения своего социального статуса. Капитал же используется в процессе обмена, связанного с хозяйственной деятельностью, оказывает влияние на положение его владельца в социуме [19, с. 37]. Это означает, что ресурс может стать или не стать капиталом. Для превращения ресурса в капитал необходимы востребованность данного ресурса на существующем рынке и наличие определенного товарного объема данного ресурса, обладание которым начинает давать экономический эффект. Разницу между ресурсом и капиталом достаточно четко сформулировал В.И. Ильин. Он отмечает, что ресурс – это возможность, которая отнюдь не обязательно станет реальностью. Любой капитал – это ресурс, но не каждый конкретный ресурс превращается в капитал. Капитал – это рыночный ресурс, реализовавшийся в процессе возрастания стоимости [20].

Определение статуса профессиональной группы в современной системе стратификации с помощью ресурсного подхода, где ресурс рассматривается как потенциал, отталкивается от неовеберианской традиции. Так, еще М. Ларсон говорит о том, что такой процесс, как профессионализация, является попыткой перевести редкие ресурсы профессиональных групп одного порядка – специализированное знание и умения – в ресурсы другого порядка – социально-экономические вознаграждения (см. [21]). Вслед за неовеберианцами в отечественной социологии используют данную концепцию В.А. Мансуров, О.В. Юрченко [22], Е.П. Сало [23], И.П. Попова [24].

Ресурсный подход переводит проблему социального неравенства в плоскость неравенства личностных и/или групповых ресурсов, которая зависит от конъюнктуры рынка. Таким образом профессиональная стратификация капиталистического (рыночного) общества в рамках данного подхода обретает еще одно объективное основание – востребованность экономической системой, ориентированной на получение личной и/или групповой выгоды.

Ресурсный подход позволяет исследователям изучить социальный статус профессиональных групп, под которым понимают определенный набор ресурсов, который открывает для индивида ряд возможностей в системе власти, распределения материальных благ и престижа. Социальный статус, таким образом, изучается через экономические, властные и культурные ресурсы группы, а также через изучение технологий увеличения имеющихся в распоряжении группы ресурсов и способов их преобразования в реальные возможности [22].

Все более прочные позиции в современной отечественной социологии профессий занимает *институциональный подход*. Г.Б. Кораблева отмечает, что профессиональные группы характеризуются не только содержанием труда, наличием специальных знаний, общих приемов и способов профессиональной деятельности, но и общностью интересов, ценностных ориентаций, образцов поведения и всего образа жизни. Способность профессии создавать и закреплять нормы взаимодействия между людьми в процессе профессиональной деятельности, стандарты и образцы поведения, интегрировать социальные общности и регулировать отношения между ними требует рассмотрения ее как самостоятельного института [3, с. 72–73, 109].

Г.А. Ястребов использует институциональный подход для анализа воспроизводства социально-профессиональных групп современного российского общества. Социальные институты рассматриваются им как среда существования, производства и воспроизводства индивидов, образующих как реальные социальные группы, так и социально-профессиональные. Данная среда предоставляет индивиду ресурсы, которые предопределяют его социальную позицию и место в социальной структуре [25, с. 118].

При изучении профессии социальной работы У.В. Живокоренцева также использует институциональный подход. По ее мнению, социальный институт представляет собой организованное практическое взаимодействие людей и формируется на основе социальных связей, взаимодействий и отношений определенных субъектов (индивидов, групп, общностей), при этом он носит надиндивидуальный характер и не сводится к сумме субъектов и их взаимодействий. Выполнение определенного круга функций и обязанностей в пределах института ведет к разделению труда и профессионализации деятельности, которую осуществляют специально подготовленные кадры [26].

В начале XXI века в социологии возрастает интерес к тому, насколько человек может проявить свою индивидуальность в социальных структурах. Выявление гетерогенности социальных практик в различных сферах общественной жизни актуализировало использование качественных методов в социологии. В русле этого тренда формируется новый подход к изучению профессий и профессиональных групп – *антропология профессий*, объектом внимания которой становится повседневное взаимодействие профессиональных групп и сообществ. П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова термином «антропология профессий» обозначают особый методологический подход к исследованию различных аспектов повседневной жизни профессий и профессиональных групп. Здесь символические и поведенческие элементы профессиональных субкультур выявляются при помощи участвующего наблюдения, предполагающего естественные способы коммуникации с информантами или проведение специально организованных интервью. Исследователи пытаются распознать и понять смысл тех неформальных отношений и культурных практик, что скрыты от посторонних [27–29].

Данный подход акцентирует внимание на непосредственном социальном взаимодействии членов профессиональной группы, их повседневной жизни; рассматривает профессиональные группы как сферу реализации профессиональных способностей, навыков и умений их представителей посредством изучения профессиональной культуры и профессиональной идентичности.

Анализ теоретико-методологических подходов к изучению профессий показывает, что в российской социологии преобладают макросоциологические подходы. К ним относятся личностно-квалификационный, деятельностный, институциональный, стратификационный подходы. Эти парадигмы позволяют изучить причины формирования профессиональных групп, связанные с процессами общественного разделения труда, дифференциацией и профессионализацией трудовой деятельности; выявить основные признаки профессиональных групп и факторы, определяющие их функционирование; показать влияние профессиональной деятельности на становление личности.

Микросоциологические подходы – ресурсный и антропология профессий – получили свое развитие в последние десятилетия. Они позволяют изучить специфику внутригруппового профессионального взаимодействия [30, с. 12], тем самым существенно дополняя общую картину жизнедеятельности профессиональных групп.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что разработанный российскими учеными теоретико-методологический инструментарий способствует формированию целостной картины образования и функционирования профессиональных групп.

Список литературы

1. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Изд-во «Наука», 1982. 472 с.
2. Подмарков В.Г. Человек в мире профессий // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 53–62.
3. Кораблева Г.Б. Профессия и образование: социологический аспект связи. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1999. 284 с.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: Пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
5. Осипов Г.В. Техника и общественный прогресс: Критический очерк современных реформистских и ревизионистских социологических теорий. М.: Издательство АН СССР, 1959. 262 с.
6. Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследований. М.: Наука, 1973. 588 с.
7. Шкаратан О.И., Бляхман Л. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М.: Политиздат, 1973. 320 с.
8. Шубкин В.Н. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. М.: Наука, 1984. 213 с.
9. Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль, 1975. 198 с.
10. Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В.А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. 432 с.
11. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов / А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.
12. Средний класс в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 320 с.
13. Аникин В.А. Средний класс и тенденции изменения социально-профессиональной структуры

России // Средний класс в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 223–253.

14. Черныш М.Ф. Классовая структура и социальные интересы среднего класса // Средний класс в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 184–198.

15. Шкаратан О.И., Радаев В.В. Социальная стратификация: Учебное пособие. М.: Наука, 1995. 318 с.

16. Попова И.П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. М.: Наука, 2004. 216 с.

17. Мостовая И.В. Российское общество: социальная стратификация и мобильность. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/mostovaja_ros/default.aspx (дата обращения: 10.12.2015).

18. Ощепков А.Ю. Неравенство в заработках: роль профессий. Препринт WP3/2011/03 O97 / Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 84 с.

19. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28–41.

20. Ильин В.И. Классовая структура: классические концепции и современная Россия // Отечественные записки. 2003. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/4/2003_4_52.html (дата обращения: 10.11.2015).

21. Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий. URL: http://ecsocman.edu.ru/rubezh/msg/18169878.html (дата обращения: 21.06.2015).

22. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Конструирование новых статусных позиций в процессе профессионализации // Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 139–156.

23. Сало Е.П. Социальный статус специалистов традиционной медицины в России: социологический анализ: Автореф. дис. … канд. соц. наук. М.: Институт социологии РАН, 2009.

24. Попова И.П. Интеллектуальный потенциал развития профессиональной структуры российского общества: к проблеме определения // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 2. М.: ИНИОН, 2007. С. 611–618.

25. Ястребов Г.А. Воспроизводство социально-профессиональных групп в современной России // Мир России. 2009. № 2. С. 116–140.

26. Живокоренцева У.В. Институциональные аспекты профессионализации социальной работы (на материалах Иркутской области): Автореф. дис. … канд. социол. наук. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2007.

27. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.

28. Щепанская Т.Б. Символизация повседневности и неформальный контроль в профессиональном сообществе (по материалам сравнительно-этнографического исследования профессий в России, конец XX – начало XXI вв.) // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 85–113.

29. Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 139–161.

30. Белая А.В. Профессия как социологическая категория: основные подходы к определению // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2009. № 2 (14). С. 7–13.

THE STUDY OF PROFESSIONS AND PROFESSIONAL GROUPS IN RUSSIAN SOCIOLOGY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

S.N. Borisova

Ivanovo State University

In this article, we present an analysis of the main methodological areas of the sociology of professions. Based on the typology of these approaches with respect to the levels of sociological analysis, it is stated that macrosociological approaches to the study of professions and professional groups dominate in Russian sociology, which allows studying the processes of their formation and institutionalization. At the same time, more recently, the tendency of development of microsociological approaches to the study of everyday social interaction and communication mechanisms within the groups has been developing.

Keywords: profession, professional group, macrosociological and microsociological approaches.

УДК 316.6

ИННОВАЦИОННЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В СТРУКТУРЕ ТРЕБОВАНИЙ К СОВРЕМЕННЫМ РУКОВОДИТЕЛЯМ

© 2016 г.

М.С. Блохина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

mcalekseeva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2016
Статья принята к публикации 21.04.2016

Цель статьи – обоснование целесообразности использования понятия «инновационные компетенции» для обозначения требований к типу мышления и организационного поведения современных руководителей, раскрытие его содержания, а также определение места инновационных компетенций в структуре (модели) управленческих компетенций. Теоретические выводы автора подкрепляют результаты анализа практики управления персоналом ряда российских компаний и анкетирования студентов двух московских вузов, проведенного в рамках многоуровневого социологического исследования инновационных компетенций, предполагающего интервьюирование и анкетирование представителей пяти целевых групп.

Ключевые слова: инновации, компетенции, требования к современному руководителю, модель компетенций, инновационно-ориентированный руководитель, группы компетенций, инновационные компетенции.

Инновации, инновационный подход, инновационный тип мышления и организации деятельности – актуальный и перспективный предмет современных исследований. Постоянно растущая конкуренция, ожесточающаяся в условиях глобализации, заставляет человечество искать новые подходы к производственной деятельности, формировать новые взгляды на способы организации и содержание выпускаемого продукта или услуги. Для создания и внедрения новых моделей развития организаций, для последовательных и продуманных способов практической реализации инновационных идей необходимы руководители, сочетающие в себе заинтересованность в развитии организации за счет использования новых технологий и получения новаторских продуктов, с одной стороны, и готовность использовать нестандартные методы в управлении – с другой. Очевидно, при данном подходе субъекту управления недостаточно обладать умениями опытного администратора-управленца. В структуре его личности должно быть нечто, что явилось бы стимулом, основой для генерирования новых, инновационных идей и подходов.

Для определения особенностей личности современного руководителя, стимулирующих его к генерированию новых идей, в отечественной и зарубежной литературе все чаще используется термин «инновационные компетенции». Инновационные компетенции предполагают выработку адекватного отношения к новшеству, к ситуации неизвестности, умение быстро реагировать в нестандартных, нетипичных условиях и принимать грамотные решения на опережение [1]. Так, например, ключевые инновационные компетенции малой фирмы, по мнению Е.А. Можаевой, – это область вопросов, круг полномочий, в которых малая инновационная фирма готова решать поставленные задачи со знанием дела и умением, то есть инновационная фирма является компетентной в сфере инноваций [2].

Инновационные компетенции рассматриваются как источник создания инновационной среды, а также как основа успешной работы в ней руководителей. В рамках данной статьи предстоит уточнить понятие инновационных компетенций, определить их роль в структуре (модели) компетенций личности, а также ответить на вопрос о месте инновационных компетенций в числе требований к современному руководителю.

Компетентностный подход и виды компетенций

В настоящее время в литературе встречаются несколько взаимодополняющих подходов к трактовке компетенций: самый ранний и наиболее общий подход связан с разграничением понятий «компетенция» и «компетентность»; второй, корпоративный, подход предполагает соотнесение компетенций со знаниями, умениями и навыками, которыми должен обладать успешный сотрудник; третий, образовательный, подход связан с соотнесением компетенций со знаниями, умениями и навыками, которые должны быть сформированы у обучающихся в рамках образовательного процесса.

Первому упомянутому выше подходу соответствует определение компетенции, представленное в «Советском энциклопедическом словаре»: *«Компетенция* (от лат. *competo* – добиваюсь, соответствую, подхожу) – 1) круг полномочий, предоставленных законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу; 2) знания и опыт в той или иной области» [3]. Сторонники данного подхода, разграничивая понятия компетенции и компетентности, основываются на том, что *компетентность* (от лат. *competens*) – это глубокое знание и понимание сути выполняемой работы, компетенция характеризует процесс, а компетентность – результат [3]. Следуя данной логике, надо признать, что понятие «компетентность» шире понятия «компетенции», что в свою очередь предполагает включение компетенций в состав компетентности. Так, по мнению А.М. Новикова [4], в состав компетентности входят три уровня компетенций: ключевые, базовые и специальные.

Ключевые компетенции – определяющие компетенции, универсальные по своему характеру и степени применяемости, являются метапрофессиональными, так как востребованы во всех профессиях.

Базовые компетенции – необходимые для осуществления основных видов профессиональной деятельности специалиста, привязаны к определенной группе профессий, составляют ядро (базу, основу, инвариант) профессиональных компетенций специалиста.

Специальные компетенции – необходимые для осуществления конкретного вида профессиональной деятельности специалиста. Это частные компетенции по отношению к базовым, так как они привязаны к определенному виду деятельности и составляют вариативную часть профессиональных компетенций специалиста.

Второй из упомянутых выше подходов – корпоративный – предполагает выделение группы корпоративных компетенций. Корпоративные компетенции – это совокупность знаний, навыков, способностей и личностно-деловых качеств, отражающая необходимый стандарт рабочего поведения в компании, который един для всех должностей в компании. Это компетенции, необходимые для всех должностей в компании, однако поведенческие индикаторы корпоративной компетенции могут отличаться для определённого уровня должностей [5]. Вот что пишут о принципах определения корпоративных компетенций специалисты российской консалтинговой компании «Humantime.ru» [6]:

- Компетенции определяются исходя из ценностей компании, показывают, какими умениями и деловыми качествами должны обладать сотрудники для воплощения этих ценностей в жизнь.
- Все компетенции должны быть описаны в форме поведенческих индикаторов.
- Оптимальное количество корпоративных компетенций – 5–7.

Выделяют следующие группы корпоративных компетенций:

- Лидерство;
- Клиентоориентированность;
- Ориентация на результат;
- Принятие решений;
- Работа в команде;
- Управление задачами;
- Лояльность компании.

Корпоративные компетенции являются одной из составляющих модели компетенций компании. Они, как правило, обозначаются коротким названием, выделяющим одну компетенцию из числа других. Оно содержательно и легко запоминается.

Третий из упомянутых выше подходов – образовательный – ориентирован на выделение общих, профессиональных, системных, методических и других видов компетенций. Они закреплены в образовательных стандартах и определяют направления подготовки специалистов в различных отраслях. Включение компетенций в образовательные стандарты – результат так называемого Болонского процесса. В Болонском процессе компетентностный подход означает следующее:

- компетенции интерпретируются как единый (согласованный) язык для описания академических и профессиональных профилей и уровней высшего образования;
- язык компетенций является наиболее адекватным для описания результатов образования;
- ориентация стандартов на результаты образования делает квалификации сравнимыми и прозрачными во всем европейском образовательном пространстве [7].

Итак, компетенция – это прежде всего умение, навык, способность, необходимые для успешного выполнения того или иного вида профессиональной деятельности. Компетенция руководителя – умение, навык, способность, отвечающая за эффективную реализацию им управленческих функций и ролей. Существуют различные виды компетенций, в состав некоторых из них уже сейчас в той или иной форме входят инновационные компетенции. При этом данная тенденция заметна при составлении моделей компетенций как руководителей, так и рядовых сотрудников организаций. Подтверждением этого могут послужить примеры из практики крупных российских компаний. Рассмотрим их более подробно.

Инновационные компетенции в структуре корпоративных компетенций крупных российских компаний

ОАО «РЖД» [8]

В 2009 г. в ОАО «РЖД» были разработаны, а в 2010 г. приняты корпоративные компетенции. Названия корпоративных компетенций ОАО «РЖД» легко запомнить: «5К + Л»: «Компетентность, Клиентоориентированность, Корпоративность, Качество, Креативность + Лидерство».

1. Компетентность. Наличие профессиональных компетенций. Способность учиться и развиваться. Готовность делиться опытом и передавать знания.

2. Клиентоориентированность. Ориентация на интересы клиентов компании.

3. Корпоративность и ответственность. Ориентация на интересы компании. Умение работать в команде. Нацеленность на результат.

4. Качество и безопасность. Ориентация на качество и эффективность. Обеспечение безопасности.

5. Креативность и инновационность. Выдвижение инициатив и внедрение инноваций. Поддержка инициатив других.

6. Лидерство. Воодушевление и вовлечение других. Мотивирование и убеждение без административного давления.

ОАО «Сбербанк России» [9]

В 2013 г. Сбербанк продолжил процесс интеграции оценки результативности сотрудников в систему управления эффективностью деятельности (СУЭД), которая распространяется на всех сотрудников. СУЭД — это согласованная система управления по целям, которая позволяет объективно оценивать результаты деятельности сотрудников и обеспечивать взаимосвязь между результатами деятельности, карьерным ростом и материальным поощрением.

Ключевые корпоративные компетенции группы Сбербанка включают:

1. Личную результативность.

2. Совершенствование профессиональных знаний.

3. Инновации/оптимизацию рабочего процесса.

4. Работу в команде.

5. Клиентоориентированность в отношении внешних и внутренних клиентов.

ОАО «Газпром» [10]

В структуре жизненного цикла корпоративных компетенций руководителей ОАО «Газпром» выделяют следующие виды компетенций: лидерские компетенции (ЛК), управленческие компетенции (УК), инновационные компетенции (ИК), специальные профессиональные компетенции (СПК), общие профессиональные компетенции (ПК), общие рабочие компетенции (ОРК), базовые знания, умения и навыки (БЗ).

Госкорпорация «Росатом» [11]

В официальном описании корпоративная модель компетенций госкорпорации «Росатом» состоит из 7 компетенций, их определений, а также положительных и отрицательных индикаторов (описаний поведения). В связи с разнообразием целей и задач работников госкорпорации «Росатом» выделены 2 уровня модели компетенций:

Уровень 1: Руководители.

Уровень 2: Специалисты.

Индикаторы для каждого уровня будут разными, однако определения компетенций совпадают.

Корпоративные компетенции госкорпорации «Росатом»:

1. Системное/стратегическое мышление.
2. Планирование и организация деятельности.
3. Работа в команде.
4. Ориентация на результат.
5. Лидерство.
6. Эффективная коммуникация
7. Управление изменениями/инновационность.

Итак, инновационные компетенции и их проявления преимущественно являются частью корпоративных компетенций. Основываясь на анализе полученных данных, можно утверждать, что большинство крупных российских компаний и крупнейшая госкорпорация (вышеупомянутые компании входят в Рейтинг крупнейших компаний России 2014 г. по объему реализации продукции [12]) отводят инновационным компетенциям важное место в моделях компетенций как сотрудников, так и руководителей. Однако следует отметить, что в описании моделей компетенций рассмотренных компаний нет единообразия, используется разная терминология – «инновация», «инновационность», «инновационные компетенции», хотя за каждым из приведенных понятий скрывается одна суть.

Функции и роли современного руководителя – основа требований к инновационным компетенциям

Несмотря на включение инновационных компетенций в корпоративные модели компетенций, их роль в деятельности современных руководителей требует уточнения. Основой требований к инновационным компетенциям руководителей служат выполняемые ими функции и роли. Рассмотрим их более подробно.

По мнению американского ученого И. Ансоффа, существуют четыре основные роли руководителя [13, с. 301–307]:

1) Роль лидера. Имеется в виду прежде всего неформальное лидерство, предполагающее обладание руководителем авторитетом среди сотрудников и способностью влиять на других людей. «Чтобы добиться полного использования способностей подчиненных, руководитель должен вызвать у них соответствующий отклик, осуществляя лидерство». От лидерства на 30–35% зависит отдача персонала.

2) Роль администратора. Эта роль связана с обязанностью руководителя контролировать положение дел, принимать решения и добиваться их реализации, организовывать и координировать действия подчиненных, обеспечивать порядок, соблюдение правовых и административных норм и распоряжений.

3) Роль планировщика. Главные задачи руководителя, играющего эту роль, – оптимизация будущей деятельности организации посредством анализа тенденций изменений как самой организации, так и окружающей ее среды; определение управленческих альтернатив и выбор наилучших из них; концентрация ресурсов на главных направлениях деятельности организации. Планировщик должен иметь аналитический склад ума, быть методичным в работе и ориентироваться на будущее.

4) Роль предпринимателя. Выступая в этой роли, руководитель должен быть экспериментатором, находить новые виды деятельности, нестандартные решения, наиболее соответствующие ситуации, должен быть готовым к определенному предпринимательскому риску, при этом всячески минимизируя его.

Более детальную и, вероятно, более близкую к российским условиям классификацию ролей руководителя дают Э.С. Минаев, Н.Г. Базадзе, Н.Г. Данилочкина, В.И. Ионов [14]:

1) «мыслитель» – общее осмысление положения дел в подразделении, поиск оптимальных способов решения проблем;

2) «штабной работник» – обработка управленческой информации и составление документации;

3) «организатор» – координация работы сотрудников;

4) «кадровик» – отбор, расстановка, оценка персонала;

5) «воспитатель» – обучение и мотивация персонала;

6) «снабженец» – обеспечение группы всем необходимым для трудовой деятельности;

7) «общественник» – участие в качестве ведущего на заседаниях и совещаниях; работа с общественными организациями;

8) «инноватор» – внедрение передовых методов труда и научно-технических достижений в производство;

9) «контролер» – контроль за соблюдением организационных норм и качеством продукции;

10) «дипломат» – налаживание связей с другими учреждениями и их представителями.

Анализ ролей руководителей позволяет сделать вывод, что инновационные компетенции, в большей степени, соответствуют роли предпринимателя. На наш взгляд, содержание инновационных компетенций несколько шире – они коррелируют с ролями «мыслителя», «инноватора», «дипломата» и др. Руководители должны не только внедрять инновационные идеи (как писал И. Ансофф, руководитель-«инноватор» внедряет передовые методы труда и научно-технические достижения в производство), но и генерировать их.

Целесообразно рассмотреть инновационные компетенции и в контексте функций современного руководителя.

Основываясь на разработках П. Шеттгена, И. Хентце, Е.П. Голландера и других исследователей, Л.Я. Игнатская [15] выделяет следующие функции руководителя:

1) оценка ситуации, разработка, обоснование (то есть выяснение, насколько реальны, понятны и контролируемы цели) и постановка целей;

2) определение и подготовка мероприятий по достижению целей;

3) координация деятельности сотрудников в соответствии с общими целями;

4) контроль за персоналом и соответствием результатов его деятельности поставленным задачам;

5) организация деятельности сотрудников, то есть использование существующих и создание новых организационных структур для руководства персоналом и его деятельностью;

6) информирование сотрудников;

7) интерактивное, контактное взаимодействие (коммуникация) — деловое общение с целью получения информации, консультирования, оказания помощи и др.;

8) формирование системы стимулирования сотрудников и их мотивация;

9) делегирование задач, компетенций и ответственности;

10) предотвращение и разрешение конфликтов;

11) распространение специфических для организации ценностей и норм;

12) забота о подчиненных и обеспечение их лояльности;

13) формирование сплоченного коллектива и поддержание его дееспособности;

14) ослабление чувства неуверенности в действиях персонала и обеспечение организационной стабильности.

Рассматривая классификацию функций руководителя Л.Я. Игнатской, особое внимание, на наш взгляд, стоит уделить такой функции, как организация деятельности сотрудников. Можно предположить, что частью этой функции и будет являться инновация. В данном контексте инновацию следует рассматривать не как способ производства, а как способ организации деятельности персонала, как новый подход к восприятию этой деятельности, что, в свою очередь, будет являться частью новой инновационной культуры предприятия или компании (это хорошо видно на примере компании Google).

В целом анализ деятельности руководителей крупных успешных компаний, начиная с Генри Форда (Ford Motor Company) и заканчивая Стивом Джобсом (Apple), свидетельствует о необходимости расширения приведенного выше списка функций. На наш взгляд, в него необходимо включить:

- осуществление профессиональной деятельности вне рамок и стереотипов, генерирование новых нестандартных идей;
- четкое формулирование целей и установок подчиненным;
- принятие решений в условиях внутренних и внешних рисков;
- партнерское общение с подчиненными, выслушивание и анализ их мнений;
- полное использование возможностей сотрудников для реализации целей организации с помощью правильной расстановки приоритетов и применения справедливых санкций;
- повышение профессиональной самооценки сотрудников;
- мотивацию подчиненных на свершения путем поддержания благоприятного эмоционального фона и демонстрации личного примера.

Для реализации перечисленных функций успешному руководителю потребуются такие компетенции, как:

- профессионально-этическая;
- мониторинговая;
- целевая;
- коммуникативная;
- проектировочная;
- информационная;
- креативная;
- управленческая;
- рефлексивная.

Обратим внимание на то, что большинство перечисленных компетенций заложены в образовательный процесс подготовки менеджеров-магистров, однако мы считаем важным дополнить его креативной и рефлексивной компетенцией.

Для удобства и наглядности приведем характеристики упомянутых компетенций в виде таблицы [1].

Предложенный набор компетенций, бесспорно, нельзя считать завершенным. Однако мы рискнем утверждать, что представленным перечнем компетенций должен обладать любой современный руководитель. Поскольку перечисленные в таблице компетенции необходимы прежде всего для инновационной деятельности руководителей, их целесообразно объединить в группу, которую в отечественной и зарубежной литературе все чаще называют «инновационными компетенциями».

В рамках настоящего исследования мы предприняли попытку расширить список инновационных компетенций. В этих целях были проведены:

1. Анализ опыта управления крупными инновационными организациями. В основе анализа лежало предположение, что выделение некоторых «схожестей» в биографии крупных инновационных компаний будет являться некоторым базисом для выделения ключевых инновационных компетенций их руководителей.

2. Эмпирическое исследование в форме анкетирования студентов, обучающихся по управленческим специальностям.

Рассмотрим полученные результаты.

Примеры инновационных компетенций современных руководителей

Анализируя примеры из истории зарождения и развития крупных и успешных инновационных корпораций (самыми яркими из которых являются Google, Microsoft, Apple, Ford), можно проследить следующую тенденцию: как правило, именно руководители этих организаций (можно, не боясь показаться пафосными, назвать их «идейными вдохновителями») вывели их на столь высокий уровень. Что же смогли сочетать в себе эти люди для того, чтобы добиться успеха? Наверное, в самом общем виде на этот вопрос можно дать следующий ответ: умение разглядеть перспективную идею и осуществлять эффективное управление сотрудниками, работающими на ее реализацию [3]. Кроме того, большинство из них можно отнести к ярким представителям харизматичных лидеров, в определенный момент они стали гуру, наставниками для соратников по идее. Выбор термина «соратники по идее» не случаен: на первом этапе создания компании персонал организуется в группу по принципу «вдохновения идеей»,

Таблица

Важнейшие компетенции современного руководителя

Название компетенции	Сущность компетенции
Профессионально-этическая компетенция	Характеризует интегративное единство естественно-научных, гуманитарно-социально-экономических и психолого-педагогических знаний и умений, позволяющих руководителю анализировать коммерческие задачи
Мониторинговая компетенция	Характеризует умение отслеживать процесс развития компании и соотносить реально полученные результаты с запланированными
Коммуникативная компетенция	Характеризует особенности коммуникативной деятельности руководителя, специфику его взаимодействия с компаниями-партнерами/конкурентами и коллегами по работе. Акцент делается на взаимосвязи коммуникативности с эффективностью деятельности, направленной на достижение целей компании
Проектировочная компетенция	Характеризуется умением руководителя предвидеть результаты своей деятельности, определять последовательность своих действий при достижении цели, то есть сводить воедино стратегию и тактику
Креативная компетенция	Способность к творчеству. Творческий подход в реализации инновационной деятельности является важнейшей объективной характеристикой деятельности руководителя. Это обусловлено тем, что многообразие управленческих ситуаций, их неоднозначность требуют вариативных подходов к анализу и решению вытекающих из них задач
Информационная компетенция	Характеризуется владением руководителем специальными умениями получать, обрабатывать и использовать необходимую информацию в процессе профессиональной деятельности. Особое место в структуре компетенции занимает владение передовыми информационными технологиями
Целевая компетенция	Характеризует умение ставить и реализовывать цели различного уровня и направленности: ближние, средние, дальние; реальные и идеальные; глобальные и частные
Рефлексивная компетенция	Связана с интегративной, неотъемлемой способностью руководителя оценивать свой труд в целом, умением видеть причинно-следственные связи между его задачами, целями, способами, средствами, условиями, результатами

именно идея, а не стремление приобрести стаж работы в определенной должности, получить высокую заработную плату чаще всего заставляет людей работать с полной самоотдачей.

Продолжая список характерных черт руководителей, «идейных вдохновителей» компаний и занятых в них сотрудников, следует отметить и такую черту, как альтруизм. Основной мотив «идейных вдохновителей» – работа за идею, ее продвижение, и только потом – получение прибыли. Еще одна черта руководителей из категории «идейных вдохновителей» – готовность к риску и, что еще важнее, готовность нести ответственность за последствия рисков. Умение нести ответственность за последствия рисков включает в себя ряд навыков, о которых речь пойдет чуть ниже.

Рассмотренные характерные особенности руководителей из числа «идейных вдохновителей» компаний и их сотрудников, на наш взгляд, слабо вписываются в устоявшуюся классификацию компетенций. Они носят прежде всего психологический характер, в большей степени связаны не с реализацией конкретных обязанностей и работ, а с некоей базовой установкой руководителей на использование новаторского, инновационного подхода к осуществлению профессиональной деятельности. Именно поэтому вполне целесообразным представляется использование понятия «инновационные компетенции» руководителей. Его применение актуально в том случае, если есть необходимость подчеркнуть наличие у руководителя набора умений, навыков и способностей, позволяющих ему нестандартно подходить к принятию решений и выполнению профессиональных обязанностей, выводить организацию на новый уровень развития за счет использования новейших технологий и достижений науки, поощрять новые идеи и поддерживать их реализацию.

Как показывает анализ работ Л.А. Хакимовой [16], В.Н. Глаз, Е.А. Савельевой, О.А. Миргородской [17], К.Н. Полещенко, В.И. Разумова, Н.А. Щетинкина [18], помимо умения видеть перспективную идею, готовности идти на риск, альтруизма, умения вдохновлять и вести за со-

бой, примерами инновационных компетенций руководителей могут быть:

1. *Высокая скорость мышления* – позволяет быстро оценить суть инновационного предложения или продукта, его возможные перспективы, целевую аудиторию.

2. *Увлеченность идеей* – одна из важнейших компетенций руководителя, которая стимулирует применение умения мотивировать себя и команду.

3. *Парадигма сознания – деятельностный подход*. Руководящий субъект должен не только мыслить моделями, но, что гораздо важнее, страстно желать осуществить привязку теории инновации к ее практической реализации.

4. *Критическое мышление*. Критика и сомнение в правильности существующих бизнес-концепций, моделей управления, подходов к производству – первый этап, который при наличии деятельностного подхода заставляет руководителя искать новые пути развития.

5. *Беспрерывное самообразование и обучение.* Постоянное получение информации о том, каковы тенденции и специфика интересующих субъекта процессов, сильно расширяет инновационный инструментарий руководителя.

6. *Харизма.* Безусловно, руководитель, претендующий на статус «инноватора», должен быть интересен самым разным людям, должен восприниматься другими людьми как незаурядный, волевой, оптимистически настроенный [19] и нетривиальный человек.

7. *Любопытство*. Человек, интересующийся всем вокруг, не ограничивает свое сознание рамками профессионального самосознания, которые вытесняют другие способы восприятия окружающей действительности.

8. *Умение осуществлять системный подход к ведению деятельности.* Для успешности компании зачастую нужно уметь поддерживать даже кажущиеся в данный момент не самыми перспективными направления, поскольку они могут создать почву для интересных инноваций в будущем.

9. *Готовность рисковать и умение рационально относиться к последствиям рисков.* Как ни странно, большинство инноваций чаще всего встречаются с жесткой оппозицией сознания: «Так никто не делает», «Нет никаких гарантий получения прибыли» и др. Для преодоления стереотипов руководитель должен обладать этой компетенцией.

10. *Способность находить и делать союзниками творческих людей.* За этим обобщением стоит целый ряд личных качеств, которые очень сложно досконально конкретизировать, начиная с интуиции и заканчивая знанием психологии.

11. *Коммуникабельность*. В данном случае имеется в виду не только умение вести диалог, располагать к себе людей, но еще и знание этики делового общения.

12. *Повышенная стрессоустойчивость*. Как отмечалось выше, любое новшество сначала подвергается критике и неприятию. В этой связи крайне важно «переступить», «пережить» этот период, чтобы двигаться дальше к поставленной цели.

13. *Лингвистическая образованность*. На наш взгляд, руководитель, «идейный вдохновитель», должен знать несколько языков. Подобные знания не только расширяют коммуникативное поле, но и являются важной частью самосознания, поскольку понимание другой языковой (и не только языковой) культуры дает новые пространства и возможности для реализации идей.

14. *Умение генерировать новые идеи.* Очень важное умение, направленное на «забрасывание» творческих сотрудников разного рода идеями с целью получения какого-либо творческого отклика. Очевидно, что бесперспективные идеи не найдут отклика, в то время как интересные и жизнеспособные идеи смогут перейти на уровень практической реализации.

15. *Высокие дипломатические или партнерские способности.* Очевидно, для достижения успеха руководитель не должен быть «по ту сторону баррикад» от своей команды, необходимо быть ее частью.

Комментируя предложенный список умений, навыков, способностей руководителей, которые, на наш взгляд, могут быть включены в число инновационных компетенций, следует отметить:

1. Список носит незавершенный характер. Очевидно, что дальнейшее изучение теории и практики управления, а также поведения руководителей, ориентированных на использование инновационных подходов в своей деятельности, позволит его скорректировать и существенно расширить.

2. Многие из включенных в список компетенций (коммуникабельность, стрессоустойчивость, скорость мышления и др.), на первый взгляд, имеют лишь косвенное отношение к деятельности руководителя-новатора и «идейного вдохновителя», хотя без них ее успешное осуществление практически невозможно. Это и обусловило их упоминание в предложенном перечне.

3. Некоторые из включенных в список компетенций, например коммуникабельность, зачастую рассматриваются как ключевые или как базовые компетенции руководителей. Это свидетельствует о том, что категория «инновационные компетенции» руководителей, по край-

ней мере, в нашей интерпретации, пересекается с категориями «ключевые», «базовые» и «специальные» компетенции.

Программа и первые результаты социологического исследования инновационных компетенций руководителей

Еще одним способом получения информации о составе инновационных компетенций и их актуальности для руководителей стало социологическое исследование. Цель исследования – обоснование актуальности использования понятия «инновационные компетенции» в теории и практике управления персоналом, определение данного понятия, а также уточнение места инновационных компетенций в модели компетенций современного руководителя. Гипотеза исследования заключается в необходимости введения в научную терминологию нового, обособленного вида компетенций, которые связаны с инновационным потенциалом руководителя. Разработанная нами программа исследования предполагает проведение его на 5 уровнях: в исследовании должны принять участие представители 5 целевых групп, каждая из которых, по нашему мнению, имеет свою точку зрения на сущность инновационных компетенций и их роль в деятельности современного руководителя:

- группа 1 – студенты российских вузов;
- группа 2 – преподаватели российских вузов;
- группа 3 – учителя московских школ и гимназий;
- группа 4 – руководители российских инновационных предприятий;
- группа 5 – работники российских инновационных предприятий.

В качестве метода исследования выбрано *анкетирование*. На наш взгляд, данный метод имеет следующие достоинства:

- прост в применении;
- полученные результаты высокоинформативны и удобны для обработки;
- предполагает небольшие временные затраты респондентов;
- дает возможность отвечать на вопросы анкеты с удобной для респондентов скоростью;
- предполагает единообразное, компактное и удобное хранение полученных данных.

В настоящий момент разработана анкета для студентов – первой категории респондентов, которую планируется опросить. В анкету вошли 6 открытых вопросов, требующих развернутых комментариев респондентов, и 3 закрытых вопроса. Для удобства респондентов анкета размещена на ресурсе Survey-Monkey (https://ru.surveymonkey.com/analyze/xgeXpBf9pP7bQK8saKIJxMa3JcIAbvRbSqYa2F0AL6U_3D), доступ к нему возможен по ссылке, которую мы заранее разослали респондентам с просьбой принять участие в исследовании.

К ноябрю 2015 г. в анкетировании приняли участие 27 студентов факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Несмотря на небольшой объем выборки, уже сейчас можно выделить следующие тенденции:

1. Инновационные компетенции – новое понятие для большинства респондентов (только 13.64% участников анкетирования отметили, что знакомы с ним и встречали ранее). Несмотря на это, больше половины опрошенных предложили свое видение сущности данного понятия. Респонденты провели параллели между инновационными компетенциями и способностью применять новые знания для решения задач, способностью быстро и адекватно реагировать на быстрое изменение обстановки и принимать наиболее выгодные решения. Инновационные компетенции также были определены как способность «грамотно применять инновационные методики»; «качества, навыки человека, позволяющие успешно заниматься инновационной деятельностью»; «определенный уровень знаний, опыта, позволяющий не только вводить в производство эффективные инновации, но и контролировать и корректировать использование инноваций, разработанных и внедренных другими сотрудниками». Один из респондентов также раскрыл данное понятие как «способность быстро реагировать в определенной ситуации, быть в курсе всего, коммуникабельность».

2. Инновационные компетенции – важнейшая составляющая модели компетенций современного руководителя (отметили 85.55% респондентов).

3. Современный руководитель должен обладать, прежде всего, такими инновационными компетенциями, как креативность и критическое мышление (по мнению 73.89% респондентов). Кроме того, в состав значимых для руководителей инновационных компетенций, по мнению респондентов, должны входить способность быстро реагировать на изменения, идти на риск и способность грамотно управлять командой (коллективом), умение сформировать команду (коллектив), умение прогнозировать результаты работы, способность создавать качественные бизнес-проекты, умение адаптироваться к быстро меняющимся обстоятельствам, навыки лидера.

4. Основной инструмент развития инновационных компетенций будущих и состоявшихся

руководителей – тренинг (отметили 86.06% респондентов). Помимо него для развития инновационных компетенций будущих руководителей в вузе респонденты рекомендуют использовать мастер-классы, предметы для умения оценивать риски, проектную деятельность, создание студенческих проектов, работу в команде, деловые игры, case study. А для уже состоявшихся руководителей – повышение квалификации, лекции с демонстрацией практических выгод от использования инноваций.

Исследование показало, что инновационность и однокоренные с ней слова и словосочетания (инновационное мышление, инновационные компетенции) в сознании респондентов – нечто положительное и связанное с развитием личности, что требует их целенаправленного совершенствования.

Отмечена попытка акцентирования респондентами особенностей инновационного мышления и инновационных компетенций и выделения этих понятий в отдельную группу (опрашиваемые, например, разделяют понятия «творческое мышление» и «инновационное мышление», утверждая, что это не синонимы). Понятие «инновационные компетенции» большинству не знакомо, соответственно, появились ожидаемые сложности с его определением. На наш взгляд, это связано с тем, что термины «инновационность» и «мышление» понятны респондентам. Слово «компетенции» имеет отношение, скорее, к научной терминологии. Именно поэтому, на наш взгляд, большинство опрашиваемых столкнулись с затруднениями при определении инновационных компетенций: для них был не ясен смысл термина «компетенции» в этом словосочетании.

Одна из целей исследования заключалась в обосновании необходимости введения в научную терминологию понятия «инновационные компетенции». Результаты исследования говорят, что нужно вводить понятие и давать его определение. В целом можно дать следующее определение инновационным компетенциям руководителей: инновационные компетенции – это особый вид компетенций, включающий, прежде всего, умения генерировать новые идеи, а также руководить процессом их реализации вплоть до получения нового инновационного продукта. Под инновационными компетенциями мы также понимаем высокую скорость мышления, увлеченность идеей, деятельностный подход, критическое мышление, постоянное самообразование, харизму, любопытство, системный подход к ведению деятельности, готовность к рискам, способность притягивать и делать союзниками творческих людей, коммуникабельность, стрессоустойчивость, лингвистическую образованность, умение генерировать новые идеи, высокие дипломатические или партнерские способности.

На основании проведенного исследования можно сделать основной вывод, что инновационные компетенции должны быть выделены в отдельную группу компетенций руководителей. Часто именно они способны вывести руководителей на новый уровень руководства и сделать более успешными профессионалами и людьми.

Список литературы

1. Прияткина Н.Ю. Условия формирования инновационных компетенций студентов в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 45–57.

2. Можаева Е.А. Малая инновационная фирма: ключевые компетенции и траектории развития // Экономические науки. Вестник ТОГУ. 2011. № 4(23). С. 18–31.

3. Петрова Т.А. Формирование базовой организационно-управленческой компетенции у будущих менеджеров производства: Дис. … кандидата педагогических наук. Челябинск: Челябинский государственный агроинженерный университет, 2004. 279 с.

4. Новиков А.М. Профессиональное образование России: перспективы развития. М.: ИЦПНПО РАО, 1997. 203 с.

5. Модели компетенций конкурентоспособного специалиста технического и гуманитарного профилей в диверсифицированной системе дополнительного профессионального образования. Концепция / Федеральное государственное научное учреждение «Институт педагогики и психологии профессионального образования» Российской академии образования. Лаборатория корпоративных исследований профессионального образования. Казань, 2013. 154 с.

6. Humantime консалтинг словарь. URL: http://www.humantime.ru/slovar-terminov/word96 (дата обращения: 08.10.2015).

7. Белова А.Н., Шарапов А.О. Образовательные компетенции студентов-психологов как предмет педагогического исследования. Изд-во «Речь», 2013. URL: http://www.sworld. com.ua/konfer/337.htm./ (дата обращения: 8.10.2015).

8. Пульт управления // Журнал для руководителей компаний транспортной области. URL: http://pult.gudok.ru/archive/detail.php?ID=899804 (дата обращения: 8.10.2015).

9. Отчет о корпоративной социальной ответственности Сбербанка. URL: http://2013.report-sberbank.ru/sr/social-sphere/investing-in-human-capital/motivation-and-compensation-of-employees/ (дата обращения: 8.10.2015).

10. HR сообщества и публикации. URL: http://hr-portal.ru/article/sistema-kompetenciy-dlya-vysshego-zvena-v-oao-gazprom (дата обращения: 8.10.2015).

11. Корпоративная модель компетенций госкорпорации Росатом. URL: http://www.rosatom-academy.org/mediafiles/u/files/documents/Model_kompetencij_Goskorporacii_Rosatom.pdf (дата обращения: 8.10.2015).

12. Эксперт онлайн. URL: http://expert.ru/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-rossii-2014-po-ob_emu-realizatsii-produktsii/ (дата обращения: 9.10.2015).

13. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989. С. 303.

14. Менеджмент персонала: Функции и методы: Учебное пособие / Под ред. Э.С. Минаева, Н.Г. Базадзе, Н.Г. Данилочкиной, В.И. Ионова. М.: Издательство МАИ, 1993. 247 с.

15. Игнатская Л.Я. Проблемы формирования эффективного менеджмента угольных предприятий. Воркута: Издательство ВГИ, 2009. 101 с.

16. Хакимова Л.А. Формирование инновационных компетенций выпускников вузов посредством развития бизнес-инкубирования // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2012. № 23. С. 191–195.

17. Глаз В.Н., Савельева Е.А., Миргородская О.А. Инновационная компетентность кадров современной экономической системы // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2014. № 3 (51). С. 143–148.

18. Полещенко К.Н., Разумов В.И., Щетинкин Н.А. Фундаментальные аспекты образовательной подготовки инновационно-ориентированных управленческих кадров // Вестник Омского университета. 2011. № 2. С. 339–344.

19. Дагаев А.А. Инновационные компетенции и лидерство в организации // Креативная экономика. 2007. № 1(1). С. 3–10.

INNOVATIVE COMPETENCIES IN THE STRUCTURE OF REQUIREMENTS FOR MODERN MANAGERS

M.S. Blokhina

Lomonosov Moscow State University

The aim of the article is to provide a rationale for the use of the concept of «innovation competencies» to describe the requirements for the type of thinking and organizational behavior of modern managers. We also interpret the content of this notion and determine the place of innovation competencies in the structure (model) of management competencies. The author's theoretical conclusions are supported by the results of the analysis of personnel management practices in a number of Russian companies and a questionnaire survey among the students of two universities in Moscow held as part of a multilevel case study of innovation competencies involving five target groups.

Keywords: innovations, competencies, requirements for modern manager, model of competencies, innovation-focused manager, groups of competencies, innovative competencies.

УДК 316.75-057.875

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА И ОБРАЗ ЖИЗНИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

© 2016 г.

И.М. Добрынин, Д.Ю. Нархов, Е.Н. Нархова, П.В. Русова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

d_narkhov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2016
Статья принята к публикации 26.04.2016

Анализируются компоненты физической культуры как составной части культуры и как учебной дисциплины в связи с ценностными ориентациями, образом жизни студентов и перспективами, мотивами и ограничениями продолжения самостоятельных занятий физкультурой и спортом после окончания вуза. Цель исследования – выявить место здоровья и физической культуры в системе ценностей современного студента, выявить связи между отдельными элементами их физической культуры и сопоставить с мнением самих студентов. Основной метод – анкетирование студентов УрФУ по квотной выборке (N=600), основание для квоты – направление подготовки в вузе. В результате получены новые данные об отношении студентов к физической культуре, их прогностические оценки в отношении валеологического поведения. Зафиксирован разрыв между вербальными констатациями установок на здоровый образ жизни и реальным валеологическим поведением студентов, выявлены факторы, влияющие на продолжение занятий студентов физкультурой после окончания университета.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, здоровый образ жизни, студенчество, мотивация, ценности, физкультура как учебная дисциплина.

Проблематика роли физической культуры в жизни современного российского социума в последние годы получила широкое освещение и в научной литературе, и в публичных обращениях политических лидеров, и в нормативно-правовых актах государства. Такое внимание к ней отражает смену представлений о здоровье – от понимания его как абстрактного блага к особому ресурсу, который необходимо сохранять, развивать и правильно реализовывать в интересах как его конкретного носителя – индивида, так и больших социальных групп и общества в целом. Физическая и валеологическая культура в данном случае выступают как условие и механизм формирования особого состояния общества – здорового образа жизни, или самосохранительного поведения. Возросло и аксиологическое значение здоровья [1], особенно в связи с тем, что произошло общественное осознание опасности потери здоровья молодым поколением. На государственном уровне встала и во многом успешно решается задача формирования в молодежной среде установок здорового образа жизни. Однако недостаточность предпринимаемых государством усилий оставляет проблему актуальной, что фиксируется, в частности, Стратегией [2] и Федеральной целевой программой [3] развития физической культуры и спорта на период до 2020 г.

Общественное здоровье, как и тесно связанное с ним понятие физической культуры, многомерно. Его содержание по-разному определяется в педагогике, государственной молодежной политике и социологии. Наше исследование опирается на концепцию Л.М. Дробижевой, которая определяла здоровье как «интегрированный показатель биологических, социально-культурных и экономических процессов в обществе» [4, с. 35]. Под здоровым образом жизни, вслед за В.А. Бароненко и Л.А. Рапопортом, мы будем понимать такие формы и способы жизнедеятельности, которые «укрепляют и совершенствуют адаптационные (приспособительные) и резервные возможности организма» и тем самым обеспечивают «успешное выполнение социальных и профессиональных функций» [5, с. 68]. Тем самым мы фиксируем антропоцентристский подход к пониманию физической культуры, предполагающий при ее изучении необходимость учета как объективных, так и субъективных факторов. Одновременно мы основываемся на представлении о физической культуре: а) как составной части культуры, направленной на повышение уровня здоровья, всестороннее укрепление физических способностей общества (и его отдельных групп), продуктивную реализацию этого ресурса в социальной практике, б) как особой деятельности, вытекающей из функций физической культуры, и в) как процессе, в ходе которого от поколения к поколению передаются ценности, правила,

нормы и образцы физической культуры. В качестве такой деятельности и процесса выступает учебная дисциплина «Физическая культура», призванная укреплять и развивать здоровье современных школьников и студентов. Несмотря на то, что практика и реализация этой дисциплины и ее научного исследования весьма солидна, необходимость продолжения ее изучения социологическими методами остается очевидной хотя бы потому, что как на федеральном, так и на региональном уровне фиксируются, как минимум, два возрастных рубежа, на которых происходит резкое сокращение численности систематически занимающихся физкультурой и спортом: при окончании школьного курса и при завершении профессионального образования [6, с. 78].

Итак, какое же место в системе ценностей студента занимает здоровье и физическая культура? Какова роль физкультуры как учебной дисциплины в формировании культуры здорового образа жизни студентов? Каким образом связаны между собой отдельные элементы физической культуры? Что думают об этом сами студенты? Какие управленческие решения можно принять, чтобы за время обучения заложить такой фундамент здорового образа жизни у молодежи, который позволил бы ей продолжить самостоятельные и систематические занятия физкультурой и спортом и после окончания учебного заведения?

Объектом исследования не случайно были выбраны студенты Уральского федерального университета. Во-первых, это крупнейший вуз региона, реализующий до 85% направлений профессиональной подготовки, необходимых Свердловской области, а потому определяющий перспективы пополнения ее кадрового потенциала. В настоящее время УрФУ – это 110 направлений бакалавриата и специалитета и 75 направлений магистратуры [7]. Это же можно сказать и о численности обучающихся в нем студентов и слушателей: в 2014/15 учебном году она составляла более 55 тысяч, в том числе более 24 тысяч студентов дневной формы обучения.

Во-вторых, УрФУ обладает крупнейшей среди региональных вузов базой для реализации физкультурно-спортивной деятельности. Она включает учебное подразделение – институт, имеющий в своей структуре два департамента и девять кафедр, обеспечивающие все ее направления: научное (Центр науки и инноваций, лаборатория спортивных и оздоровительных технологий, Межрегиональный научно-методический центр по работе с молодежью), спортивное (физкультурно-оздоровительный комплекс «Бассейн УрФУ», Центр спортивной подготовки студенческих спортивных команд, отделы развития и физкультурно-массовой и спортивной работы со студентами; материальная база включает закрытый легкоатлетический манеж, футбольные поля с искусственным газоном, систему игровых залов и тренировочных площадок, позволяющих принимать соревнования международного масштаба) и образовательное (пять «практических» кафедр, обеспечивающих реализацию дисциплины «Физическая культура» для всего университета по игровым и циклическим видам спорта, спортивным видам единоборств, другим спортивным дисциплинам (см. табл. 1), и четыре «теоретических» кафедры: теории физической культуры, управления в сфере физической культуры и спорта, сервиса и туризма, организации работы с молодежью). Функциональные связи подразделений представлены на сайте института физической культуры, спорта и молодежной политики УрФУ [8].

Институтом в разных видах ведется подготовка в сфере физической культуры и спорта около 14.3 тыс. студентов, разработка теоретических проблем физической культуры и спорта, на собственной экспериментальной базе осуществляется прикладная научно-исследовательская деятельность, сопровождается подготовка и участие в соревнованиях всех уровней, включая Олимпиады, тридцати трех сборных команд, в которых задействовано более 600 студентов.

Кроме института, в структуре УрФУ есть центр спортивно-массовой и оздоровительной работы (ЦСМиОР) при проректоре по социальной и воспитательной работе вуза, в компетенцию которого входит координация самостоятельных занятий физкультурой студентов в клубах, студгородке, в институтах (рис. 1).

Среди важнейших направлений работы этого центра необходимо отметить Универсиаду УрФУ, которая проводится среди студентов всех институтов по 17 индивидуальным и командным видам спорта (армспорт, аэробика, бадминтон, баскетбол, бокс, волейбол, гандбол, дзюдо, легкая атлетика, лыжи, мини-футбол, настольный теннис, пауэрлифтинг, плавание, скалолазание, спортивное ориентирование, шахматы) [10], сетевой проект «Игра», объединивший более 100 команд [11], студенческие старты «Готов к труду и обороне!», «Фитнес УрФУ» и др.

Созданная в УрФУ система управления физкультурно-спортивной работой покрывает в организационном плане все социальное пространство вуза и предоставляет студенту максимум возможностей для занятия физкультурой и спортом, как в рамках обязательной учебной дисциплины, так и в виде самостоятельных занятий. У других вузов Екатеринбурга и всей

Рис. 1. Организация спортивно-массовой работы в ЦСМиОР [9]

Свердловской области этот потенциал меньше, и именно поэтому нам представляется возможным использование его в качестве модели, наиболее приближенной к идеальной.

Вместе с тем физическая культура является учебной дисциплиной менее чем для каждого второго студента-очника (таблица 1).

Сегодня ее посещают бакалавры первого–третьего годов обучения и специалисты первого–четвертого годов обучения. Для магистрантов, аспирантов (по новому закону «Об образовании» также попадающих в разряд обучающихся) и студентов-заочников учебные планы занятий физкультурой не предусматривают.

Данные таблицы 1 наглядно показывают, каким образом коррелируют желание студентов заниматься тем или иным видом спорта в качестве учебной дисциплины и возможности университета обеспечить занятия. Как видим, при максимально развитой спортивной инфраструктуре возникает серьезная зона напряженности, в основе которой – ограниченные возможности вуза, как в пропускной способности спортивных сооружений, так и в обеспечении тренерами и преподавателями. Так, наиболее популярные и среди населения Свердловской области в целом, и среди его студенческой части [11; 12] виды – футбол и волейбол – по численности занимающихся существенно уступают гандболу, легкой атлетике. В большей степени удовлетворенными могут чувствовать себя студенты – поклонники баскетбола. Неудовлетворенными остаются те, кто хотел выбрать плавание, но не смог в силу ограниченных возможностей бассейна.

Но, кроме того, мы должны обратить внимание на то, что больше половины обучающихся могут заниматься физкультурой лишь самостоятельно, что, с одной стороны, актуализирует задачу выбора форм и технологий вовлечения их в физкультурно-спортивную деятельность, с другой стороны, ставит вопрос о том, как должны быть сформированы их здоровьесберегающие компетенции в тот период, пока они посещают учебные занятия, чтобы эта группа осталась активной в отношении физкультуры и после того, как перейдет на старшие курсы и уровни, и после того, как закончит обучение в вузе.

Исходя из этих данных, нами была рассчитана квотная целевая выборка анкетного опроса. В основание квотирования были положены направления подготовки основной образовательной программы, осваиваемые студентами, которые были объединены в четыре равные группы: 1) инженерно-техническое; 2) естественно-научное и физико-математическое; 3) социальное и гуманитарное; 4) экономическое и управленческое. Студенты опрашивались непосредственно на спортивных объектах во время учебных занятий по физкультуре, время проведения оп-

Таблица 1

Численность студентов, занимающихся физической культурой в качестве учебной дисциплины, по состоянию на май 2015 г.*

Общая статистика									
Общий контингент									14266
В том числе:									
Кафедра физвоспитания (основная медицинская группа)									5100
Прочие кафедры (основная медицинская группа)									7194
Специальная группа, включая освобожденных студентов									1972
Статистика по кафедрам**									
СИТ		СВЕ		ИВС		ЦВС		ОФК	
Скалолазание	230	Бокс	402	Футбол	372	Легкая атлетика	858	Освобожденные	204
Аэробика	448	Дзюдо	446	Гандбол	887	Гимнастика	396		
Спортивное ориентирование	145	Тяжелая атлетика	462	Баскетбол	744	Общая физическая подготовка	708		
		Тайский бокс	159	Волейбол	324	Плавание	201		
		Каратэ	18			Пулевая стрельба	21		
	823		1487		2333		2184		

*Источник: Буркова А.М., зам. директора ИФКСиМП по учебной работе; Добрынин И.М., зав. кафедрой физвоспитания ИФКСиМП. Аналитическая записка. Текущий архив ИФКСиМП УрФУ.

**СИТ – кафедра сервиса и туризма; СВЕ – кафедра спортивных видов единоборств; ИВС – кафедра игровых видов спорта; ЦВС – кафедра циклических видов спорта; ОФК – кафедра оздоровительной физической культуры.

роса – май 2015 г., всего опрошено 600 человек. В число респондентов включались студенты, занимающиеся физкультурой как в рамках учебной дисциплины, так и самостоятельно.

Данные обработаны с помощью программы Vortex 10.0, вероятность ошибки находится в пределах от ±0.9% до ±4.0%, поэтому данные в таблицах и диаграммах приводятся с округлением до целых чисел.

Структура ценностных ориентаций студентов в 2015 г. не претерпела существенных изменений. Как и во многих ранее проведенных исследованиях (см. [12]), здоровье как ценность входит в первую тройку вместе с семьей и возможностями реализовать свои способности (табл. 2).

Примечательно, что красота и физическое совершенство – важнейший показатель физической культуры – оказались в рейтинговом ряду на десятом месте. Уже на этом уровне наблюдается разрыв между вербальными констатациями и реальным валеологическим поведением. Мы полагаем, что этот разрыв будет сохраняться и даже нарастать после того, как студенты окончат университет. Еще большее расхождение наблюдается при анализе ответов о том, считают ли студенты себя здоровыми (табл. 3) и что для них означает физическая культура как образ жизни (табл. 4).

Для студентов оценка состояния своего здоровья является одним из важных элементов системы ценностей (число не задумывавшихся об этом крайне мало), а устремленность к семейным ценностям (особенно у девушек) в этой системе остается на лидирующих позициях. Почти каждый четвертый ощущает себя абсолютно здоровым, и столько же видят реальные проблемы со своим здоровьем, фиксируя тем самым и физическую ограниченность в достижении этих установок. Особенно тревожными видятся ответы студентов естественно-научных и физико-математических направлений подготовки, но это может быть связано как с реальным положением дел, так и с присущей этой группе склонностью к более критичным оценкам.

Одновременно понимание, что быть здоровым – сейчас один из развивающихся молодежных трендов, демонстрируют менее трети респондентов, что свидетельствует о недостаточной результативности мер воспитательного характера. Отметим, что студенты предложили десять дополнений, которые группируются в три блока: «ради хорошего самочувствия», «удовольствие от занятий» и «не быть беспомощным», что логично укладывается в смысложизненные картины современного студенчества.

Оказывается, что сегодня проблема воспитания валеологической культуры остается, как и для предыдущих поколений, актуальной. Из всех респондентов считают свое поведение самосохранительным даже менее половины, и осознают, что сами себе наносят вред, 7% опрошенных. Весьма показательны оценки студентами своего поведения в отношении здо-

Таблица 2

Представления студентов о наиболее значимых ценностях (*до трех вариантов ответов*)*

	Варианты ответов	Выборка, %
1	Возможность реализовать свои способности	44
2	Семья, мои родители	42
3	Здоровье	34
4	Семья, мои дети	31
5	Интересная, творческая работа	22
6	Общение с друзьями	18
7	Получить от жизни как можно больше удовольствий	16
8	Самостоятельность, независимость, свобода	15
9	Деньги, богатство	12
10	Красота и физическое совершенство	12
11	Образование, профессионализм	11
12	Иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией	7
13	Власть	6
14	Признание окружающих, престиж	6
15	Личная безопасность	5
16	Общение с природой	5
17	Удовлетворенность в интимной жизни	5

*Здесь и далее число пропусков 1 из 600 (0.2% опрошенных).

Таблица 3

Самооценка здоровья студентов, обучающихся по разным направлениям, %

Вариант ответа	Направление получаемого образования				Выборка
	Инженерно-техническое	Естественно-научное и физико-математическое	Социальное и гуманитарное	Экономическое и управленческое	
Да, здоров	30	13	19	28	23
Скорее здоров, чем нет	49	59	52	53	53
Скорее не здоров	17	22	23	17	20
Нет, не здоров	3	5	4	2	3
Никогда не задумывался об этом	1	1	2	1	1

Таблица 4

Отношение студентов к физической культуре как образу жизни, %

Вариант ответа	Пол		Выборка
	Мужской	Женский	
Физическая подготовка к конкретной трудовой деятельности	19	15	17
Быть здоровым, с хорошей фигурой сейчас модно	31	25	28
Здоровый образ жизни ради будущих детей	39	49	45
Свой вариант	11	11	11

ровья в связи с их планами о занятиях физкультурой и спортом после окончания вуза (табл. 5). Эти индикаторы тесно связаны между собой: среди тех, кто равнодушен к своему здоровью, меньше планирующих заниматься физкультурой. И, напротив, среди тех, кто планирует продолжить занятия спортом вне стен университета, больше всего полагающих, что они ведут здоровый образ жизни. Очевидно, что усилия воспитательной деятельности должны быть сосредоточены на группе студентов, считающих свое поведение нейтральным, не определивших

Таблица 5

Самооценка поведения в отношении здоровья в зависимости от планов заниматься физкультурой и спортом после окончания вуза, %

Вариант ответа	Будете ли вы заниматься физкультурой и спортом после окончания вуза					Выборка
	Конечно, да	Наверное, да	Не знаю, еще подумаю	Наверное, нет	Точно нет	
Самосохранительное	63	40	28	17	8	46
Нейтральное	32	55	60	67	83	48
Саморазрушительное	4	5	13	15	8	7

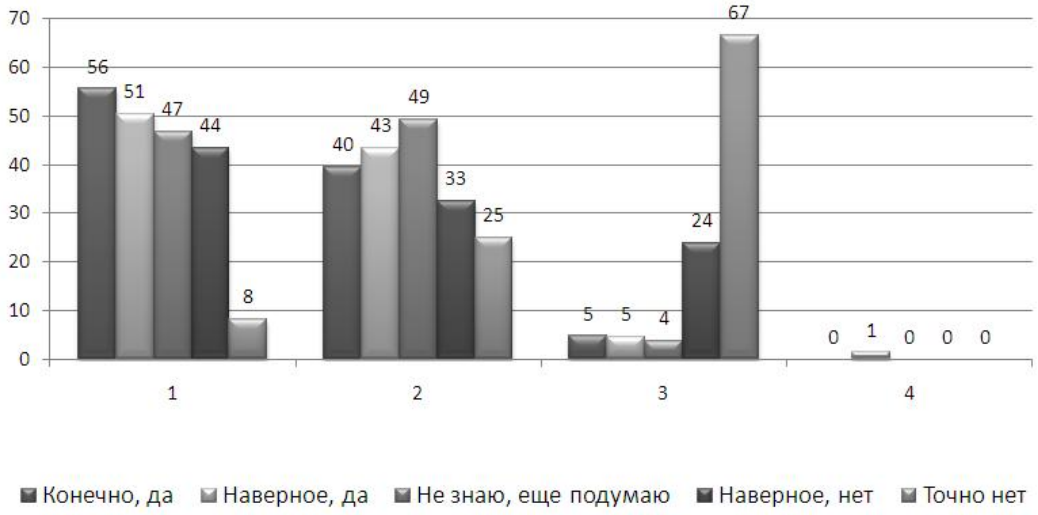


Рис. 2. Распределение ответов респондентов о перспективах занятия физкультурой по окончании вуза в зависимости от их отношения к физкультуре как учебной дисциплине, % от группы (1. Необходимая вузовская дисциплина для каждого студента, в том числе и с ограниченными по состоянию здоровья возможностями. 2. Полезная дополнительная дисциплина: ее должны изучать только те, кому она интересна. 3. Ненужная вузовская дисциплина, которую можно убрать из программы обучения. 4. Необходимая вузовская дисциплина для каждого студента, в том числе и с ограниченными по состоянию здоровья возможностями)

свое отношение к физкультуре или склонных к тому, чтобы бросить спорт.

Мнение студентов о физкультуре как учебной дисциплине тесно коррелирует с их прогнозами относительно дальнейших занятий физкультурой после окончания вуза (рис. 2).

Признавая необходимость и полезность физкультуры как учебной дисциплины, студенты демонстрируют готовность заниматься ею и дальше. Вызывает озабоченность достаточно высокая численность тех, кто полагает, что эту дисциплину можно убрать из учебных планов, – 7% опрошенных, и именно среди них более всего тех, кто не планирует заниматься спортом и в дальнейшем. Но и в группе признающих полезность физкультуры, число тех, кто не планирует продолжить занятия, также велико – каждый четвертый респондент.

Особо выделим и результаты опроса, касающиеся мнения студентов о своих однокурсниках, имеющих ограничения по здоровью. Отсутствие ответов в этом сегменте фиксирует проблемы в университетской культуре, которые сосредоточены в области преодоления социальных стереотипов по отношению к распространению паралимпийского спорта, превращения его в массовое явление, вовлечения студентов, имеющих ограничения по медицинским показаниям, в физкультуру и спорт и организации соответствующей базы и технологий. И если у организаторов учебного процесса эти проблемы деятельно рефлексируются, то студенты явно недооценивают возможности физкультуры и спорта для этой категории, тем более что в специальную группу попал каждый седьмой в генеральной совокупности.

Таблица 6

Связь привлекательных сторон физкультуры как вузовской дисциплины и планов респондентов заниматься ею после окончания вуза, %

Привлекательные факторы для занятий физкультурой	Конечно, да	Наверное, да	Не знаю, еще подумаю	Наверное, нет	Точно нет	Выборка
Другой возможности заняться физкультурой у меня нет	26	49	51	65	50	41
Высокий уровень работы тренеров, преподавателей	28	16	25	13	25	22
Современная материально-техническая база, хорошие спортзалы и сооружения	18	21	8	0	0	16
Возможность сравнить себя с однокурсниками, оценить свои возможности	15	9	11	13	8	12
Свой вариант	16	6	6	9	17	11
В том числе:						
Просто надо; сдать зачет без проблем	2	2	0	4	0	2
Дополнительная физическая нагрузка, возможность самосовершенствования	6	2	0	0	0	3
Ничего не привлекает	2	1	4	4	17	2

На планы студентов заниматься физкультурой после вуза оказывают существенное влияние как привлекательные, так и раздражающие факторы учебного процесса. В ходе опроса студентам были предложены полузакрытые поливариантные вопросы (табл. 6, 7). Кроме приведенных в таблицах, в ряду привлекательных факторов названы возможность занятий на свежем воздухе, смена привычной деятельности и конкретные виды спорта, но они в ранговом ряду занимают последние места. В ряд раздражающих факторов, не влияющих на общую картину, студенты добавили плохие погодные условия и удаленность спортивных объектов от места учебы или проживания.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что, с одной стороны, УрФУ, располагая солидной физкультурно-спортивной базой, не смог предоставить ее для самостоятельных занятий большинству студентов. И здесь речь идет о нереализованном ресурсном потенциале вуза и именно о большинстве студентов, поскольку опыт федерального университета в организации спортивной работы со студентами является неоднократно признанным на самом высоком уровне. Отчасти это объясняет высокую востребованность таких нестандартных проектов, как «Фитнес УрФУ» [13], который самостоятельно реализован в 2014/15 учебном году студенткой бакалавриата кафедры «Организация работы с молодежью» Н.Ф. Поповой, воплощен в выпускную работу на тему «Неформальные молодежные объединения как ресурс формирования ценностей здорового образа жизни в вузе» и привлек к самостоятельным занятиям физкультурой за это время около 850 студентов (стоит сравнить эти цифры с данными таблицы 1). Очевидным становится значительный вклад преподавателей и тренеров в формирование валеологической культуры студента.

Основными раздражителями, демотивирующими большинство студентов, выступают:

– со стороны вуза – не соответствующие ожиданиям студентов условия проведения занятий и состояние материально-технической базы;

– со стороны самих студентов – низкий уровень физической подготовки, не позволяющий выдерживать задаваемые физические нагрузки (а это – проблематика школьного возраста!). При этом первый фактор менее значим для респондентов, собирающихся продолжать заниматься физкультурой. Видимо, сейчас задача должна ставиться таким образом: как сбалансировать нагрузки во время занятий, чтобы «не отбить желание» студентов в дальнейшем, а в ближайшем будущем задача модернизации технической базы выйдет на первое место.

Обратим внимание и на проблему взаимоотношений тренерско-преподавательского состава и студентов: на нее указал каждый пятый студент университета, и не менее половины этой группы, скорее всего, прекратят занятия физкультурой. Впрочем, эта проблема требует отдельного исследования в зависимости от типов взаимодействия между студентами и преподавателями, соотношения мотивированных и де-

Таблица 7

Связь раздражающих факторов физкультуры и планов респондентов заниматься ею после окончания вуза, % от группы

Раздражающие факторы в занятиях физкультурой	Конечно, да	Наверное, да	Не знаю, еще подумаю	Наверное, нет	Точно нет	Выборка
Плохие условия проведения и бедная материально-техническая база	32	32	15	28	25	30
Тяжело выдерживаю физические нагрузки, задаваемые на занятиях	18	31	37	41	50	29
Неуважительное отношение к студентам со стороны преподавателей и персонала спортивных сооружений	14	16	33	26	25	19
Ничего не раздражает	25	10	9	7	0	16
Низкий уровень преподавания	4	3	5	9	0	4
Просто у меня нет силы воли, чтобы заниматься физкультурой	0	2	0	0	0	1
Свой вариант	12	9	0	0	0	7
В том числе:						
Организация учебного процесса	5	3	0	0	0	2
Мне это неинтересно	1	2	0	0	0	1

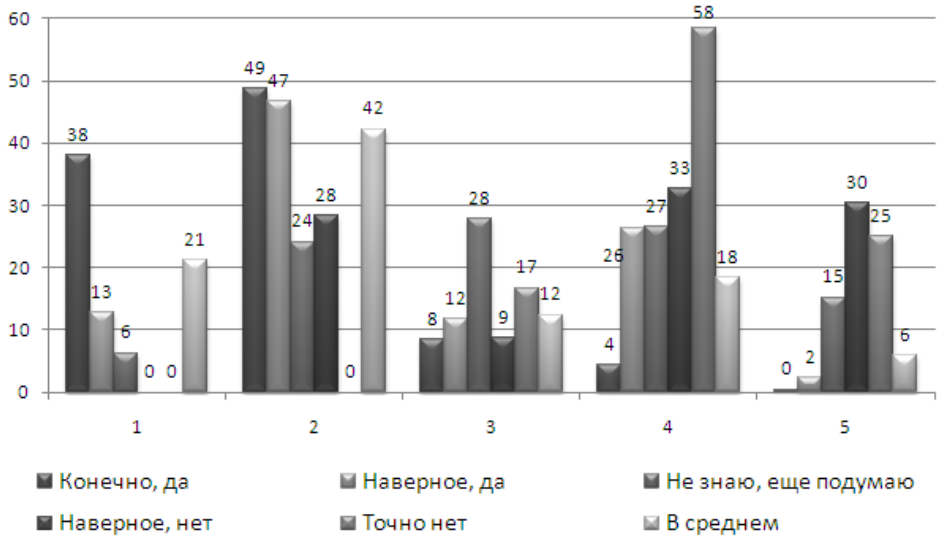


Рис. 3. Распределение ответов респондентов о самостоятельных занятиях физкультурой в зависимости от намерений продолжить их после вуза, % от группы
(1. Конечно, регулярно посещаю спортивную секцию, спортивный клуб, фитнес-зал. 2. Занимаюсь время от времени, когда чувствую потребность. 3. Уделяю минимум времени своей физической подготовке. 4. Раньше занимался, а сейчас бросил. 5. Раньше не занимался и сейчас не занимаюсь)

мотивированных на реализацию, спортивный результат или процесс и т. д.

Стоит указать на тесную связь самостоятельных занятий физкультурой и дальнейших планов студентов (рис. 3).

Студенты университета, которые регулярно или хотя бы время от времени самостоятельно занимаются физкультурой и спортом, будут продолжать занятия и после вуза. Среди тех, кто уделяет физической подготовке минимум времени, больше всего не решивших, будет ли он заниматься физкультурой в дальнейшем. Наконец, те, кто не вовлечен во внеучебную физкультуру, не планирует ею заниматься и после вуза. С одной стороны, мы можем говорить об уровне уже сформированных у студентов здоровьесберегающих компетенций, с другой – напрашивается вывод о необходимости новых

подходов к физкультуре, сочетающих в себе преимущества как учебной, так и самостоятельной деятельности. В качестве новой исследовательской задачи можно обозначить изучение группы студентов, не занимавшихся физкультурой до поступления в вуз, и их физкультурно-спортивных траекторий.

Список литературы

1. Белова О.Р., Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю. Валеологическая и физическая культура: теоретико-методологический анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 113. № 2. С. 123–131.

2. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 года № 1101-р // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.07.2015).

3. Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы». Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 января 2015 г. № 30 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.07.2015).

4. Дробижева Л.М. Ценности здоровья и культура нездоровья в России // Безопасность Евразии. 2004. № 1. С. 33–43.

5. Бароненко В.А., Рапопорт Л.А. Здоровье и физическая культура студента. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2012. 336 с.

6. Отношение жителей Свердловской области к физической культуре и спорту: итоги социологического мониторинга / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 324 с.

7. УрФУ подготовился к кризису. В этом году поменяется всё: число специальностей, количество студентов и критерии их отбора [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ura.ru/news/1052210939 (дата обращения: 05.05.2015).

8. Оргструктура института физической культуры, спорта и молодежной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://212.193.82.98:8088/structure.php?id=4a4fc17b-e957-4547-a6a9-31a9b5d33dac (дата обращения: 05.06.2015).

9. Центр спортивно-массовой и оздоровительной работы. Структура [Электронный ресурс] / УрФУ [Сайт]. Режим доступа: http://urfu.ru/ru/about/units/centr-sportivno-massovoi-i-ozdorovitelnoi-raboty/ (дата обращения: 01.06.2015).

10. Универсиада УрФУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://urfu.ru/ru/activity/sports/massovyi-sport/universiada/ (дата обращения: 01.06.2015).

11. Проект «Игра» в Уральском федеральном [Электронный ресурс] // ВКонтакте [Социальная сеть]. Режим доступа: https://vk.com/gameurfu (дата обращения: 10.06.2015).

12. Студент-2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 – январь 2012 гг.) / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2012. 332 с.

13. Фитнес УрФУ. Открытая группа // Социальная сеть «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/fitnessurfu (дата обращения: 01.07.2015).

PHYSICAL CULTURE AS THE CURRICULUM SUBJECT AND THE WAY OF LIFE AS SEEN BY MODERN STUDENTS

I.M. Dobrynin, D.Yu. Narkhov, E.N. Narkhova, P.V. Rusova

Ural Federal University

In this paper, we examine the components of physical culture as an integral part of culture and as a discipline in connection with students' value orientations and lifestyles as well as their prospects, motivation and constraints for continuing sports activities and physical exercise after graduation. The aim of our research was to identify the place of health and physical education in the system of values of the modern student, to identify the relationship between the individual elements of physical culture and to compare them with the opinion of the students. We have conducted a questionnaire survey of Ural Federal University students with the quota sample ($N = 600$), the basis for the quota being the area of studies. As a result of the survey, some new data have been obtained about the students' attitude to physical education as well as their predictive assessments of healthy behaviour. One of our important findings is the gap between the students' verbal statements concerning their attitude to healthy lifestyle and their actual behaviour. We have also identified some factors affecting the students' decision to continue sports activities and physical exercise after graduation.

Keywords: physical culture, sport, healthy lifestyle, students, motivation, values, physical culture as a curriculum subject.

УДК 316

РЕЛИГИЯ В БРАЧНЫХ УСТАНОВКАХ И БРАЧНОМ ПОВЕДЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ

© 2016 г.

И.А. Коррейя

Ивановский государственный университет

inasio@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.12.2015
Статья принята к публикации 19.04.2016

На материале интервью в г. Иванове анализируется влияние религии на брачные установки и брачное поведение иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Показано, что степень влияния религии зависит от конфессиональной принадлежности иностранных студентов и степени их религиозности, от роли религии в культурной традиции страны происхождения студентов и, наконец, от возможности соблюдения религиозных норм, предоставляемой принимающим социумом.

Ключевые слова: иностранные студенты в России, брачные установки, брачное поведение, межконфессиональный брак, религия и брак.

За период 2008–2015 гг. число иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, выросло в 5 раз – с трех до пятнадцати тысяч человек [1]. При этом тенденция к стремительному увеличению количества граждан иных государств, получающих высшее образование в стенах университетов и институтов России, продолжает сохраняться. Так, 31 марта 2015 г. председателем комитета Совета Федерации РФ по международным делам К.И. Косачевым было сделано заявление, что в правительство внесено предложение об увеличении в 2016 г. квоты для иностранных студентов на 30%, т.е. на 5000 мест [1]. Иностранные студенты, обучающиеся в российских вузах, обладают высоким уровнем корпоративности и общей целью деятельности, наличием других признаков и свойств, позволяющих оценивать их как отдельную социальную группу. Соответственно, необходимо признать, что иностранные студенты имеют специфические интересы и проблемы, отличающие их от представителей других социальных групп.

Одной из таких проблем, имеющих социальное значение (в том числе и для принимающего российского социума), являются особенности брачного поведения иностранных студентов – людей, находящихся в возрасте заключения первых браков, с одной стороны, и с другой – оторванных от «брачного рынка» своей страны. Между тем проблема брачных установок и брачного поведения иностранных студентов остается вне поля исследовательских интересов российских социологов: иностранное студенчество в России изучается преимущественно сквозь призму проблемы социальной адаптации.

Целью настоящей статьи выбрано выявление влияния религии на брачные установки и брачное поведение иностранных студентов, обучающихся в российских вузах.

Материалами для исследования послужили результаты интервью с иностранными студентами, проведенного в апреле 2015 г. в вузах города Иванова. Основным методом сбора информации выступил метод снежного кома. В интервью приняли участие 18 человек (9 девушек и 9 юношей). Учитывался также семейный статус информантов (трое из них состояли в браке) и их возраст (мы опрашивали тех учащихся, кто проживал в России от 3 до 8 лет и уже прошел процесс адаптации к условиям жизни в стране; их возраст варьировался от 21 года до 29 лет). Наконец, представленный национальный состав информантов (Гвинея, Сенегал, Ангола, Китай, Вьетнам, Монголия, Туркменистан, Афганистан, Узбекистан) отражает типичный состав иностранных студентов в региональном российском вузе. Для повышения валидности исследования были опрошены студенты из различных регионов мира, характеризующихся неодинаковыми религиозными традициями. Таких регионов мы выделили три: страны китайско-конфуцианской и буддийской культуры, страны с сильным влиянием ислама и страны, характеризующиеся смешением религиозных традиций и влиянием родо-племенных отношений.

Влияние религии — конфессиональной принадлежности брачных партнеров, конфессиональных норм, в том числе запретов и предписаний, национальных традиций, связанных с исповеданием той или иной веры в определенном регионе мира, – на брачные установки и брачное поведе-

ние иностранных студентов не вызывает сомнений. Религия выступает и как часть культуры – многие национальные традиции объясняются населением именно предписаниями религии.

Социальная сущность брака определяется господствующими в обществе отношениями. Он находится под воздействием культурных норм, норм морали и религиозных предписаний, социальной политики государства и юридических законов [2, с. 418]. Когда общество и государство санкционируют брак, они берут на себя определенные обязательства, чтобы охранять его.

Под брачными установками мы понимаем позицию личности относительно брака и семьи, сформированную на базе опыта взаимодействия с социальной средой и влияющую на состояние готовности к вступлению в брак [3, с. 211]. Структура брачной установки включает в себя 4 основных элемента: ориентация в отношении супружества, ориентация в отношении деторождения, ориентация на семейные ценности, полоролевая установка [3, с. 211]. *Брачное поведение,* по определению А.И. Антонова, – это поведение, целью которого является удовлетворение потребности в браке, поведение, связанное с выбором брачного партнера (т.е. с брачным отбором). Под *брачным отбором* понимается процесс, в результате которого из совокупности (пространства) возможных выборов брачного партнера так или иначе, тем или иным способом отбирается тот, в каждом данном конкретном случае единственный партнер (партнерша), который (которая) и становится мужем (женой) или тем, с кем «живут вместе» [4, с. 149].

Число работ, посвященных проблемам иностранных студентов в России, крайне невелико, прежде всего следует отметить труды В.Б. Антоновой, В.Н. Аргуновой, Т. Лондаджима, М.И. Витковской и И.В. Троцук, в которых затрагиваются, по преимуществу, вопросы адаптации иностранных студентов к жизни в России [5–7]. Наиболее важной для нас является статья М.Л. Бутовской, Д.А. Дронова и Э. Михандж, в которой анализируются брачные установки африканских студентов [8].

Тема брачных установок и брачного поведения в России анализировалась многими социологами, этнографами, демографами, психологами. Например, в трудах С.И. Голода рассматривался вопрос перехода от закрытой к открытой системе выбора супруга [9], С.В. Захаров исследовал возрастные аспекты брачности в России [10], В.Н. Архангельский изучал проблемы влияния возраста вступления в брак и его регистрации на линии репродуктивного поведения и сроки рождения первенца [11]. Проблема брачных установок и брачного поведения затрагивалась и в работах, посвященных социологии семьи и брака в целом. Среди последних можно отметить работы А.И. Антонова, В.М. Медкова, С.Н. Буровой, Т.А. Гурко, Н.Ф. Дивицыной, В.В. Солодникова [4, 2, 12–14]. Интересующий нас вопрос отчасти разбирался и на страницах работ, в которых на российском материале изучаются межэтнические браки. В частности, отметим труды В.В. Мархинина и З.Л. Сизоненко [15, 16]. В работах современных российских социологов немало внимания уделяется изучению брачных установок различных социальных групп. Особое место среди них занимают исследование брачных установок молодежи (Э.М. Думнова, А.Ю. Маленова, А.В. Самойленкова, Ж.В. Чернова, Л.Л. Шпаковская) [17–19]. В последние годы в фокус внимания попадает и тема влияния религиозности на динамику демографических процессов и на репродуктивное поведение, в частности особого влияния на репродуктивное поведение ислама (И.В. Забаев, Е.Б. Мелкумян, Д.А. Орешина, И.В. Павлюткин, Е.В. Пруцкова [20]).

Брачные установки иностранных студентов формируются в стране их происхождения под влиянием семьи, института образования, культурных традиций. В период обучения в России эти брачные установки корректируются приобретенным опытом взаимодействия с другими иностранными студентами и с россиянами.

Одной из важных составляющих брачных установок и брачного поведения как иностранных, так и российских студентов является религия. А.И. Антонов назвал религию в числе «социологических фильтров» брачного отбора [4, с. 167]. Ряд исследователей считают религию, наряду с семьей, едва ли не единственными институтами, которые в современном обществе позитивно влияют на брачно-репродуктивное поведение [20]. Учитывать эти составляющие при анализе брачных установок иностранных студентов тем более важно, что они приехали в Россию из стран с различным вероисповеданием, с различными конфессиональными нормами, что, несомненно, влияет на их брачное поведение.

В ходе нашего социологического исследования сначала мы поставили перед собой цель прояснить роль религии в брачных установках иностранных студентов, которые они приобрели в своей родной стране. Затем попытались выявить влияние брачных установок иностранных студентов на их брачное поведение в период обучения в России.

Средняя Азия

Обсуждая проблему распространенности межконфессиональных браков и возможности

своего вступления в такой брак, информанты из стран Средней Азии отметили, что межконфессиональные браки представляют у них скорее исключение из правил и сами они не рассматривают такой возможности. Причиной служит значимость ислама, регулирующего вступление в брак людей разного вероисповедания. Мусульманской женщине, согласно нормам шариата, предписано выходить замуж исключительно за единоверца. Мужчинам-мусульманам, однако, разрешено жениться не только на мусульманках, но и на христианках и иудейках, которые имеют право не менять свою религию при условии воспитания детей в исламе. Женщина любой другой веры, например буддистка, может выйти за мусульманина только приняв ислам (см. Коран. Сура 5, аят 7). Как показывают ответы участников интервью из Средней Азии, это правило в их странах соблюдается и тогда, когда они находятся на учебе в России.

«Это (межконфессиональные браки. – *И.К.*) встречается, но редко. У нас почти все мусульмане. И своих всегда легче понять, чем иноверцев; с ними проще в браке. Я рассматриваю для себя возможность брака только с мусульманкой» (Рохим, Афганистан).

«Такое случается, но чаще всего стараются выходить за своих – так проще получить одобрение родителей» (Фарангиза, Узбекистан, 22 года, не замужем, в России 3 года, допускает возможность остаться).

«Нечасто, но есть такие случаи. Молодые люди относятся к этому легко, важна только позиция родителей. Если они вступают в брак, то женщина принимает традиции мужчины. Но мужчина-христианин может жениться и на девушке-мусульманке, если ее родители это разрешили, при условии, что он принял ее веру. Есть примеры, когда мусульманин полюбил христианку, и родители разрешают ему жениться только в том случае, если она примет ислам» (Михаил, Туркменистан, 21 год, не женат, в России 3 года, допускает возможность остаться).

Тем же порядком информантам был задан вопрос о том, насколько часто в их стране меняют религию при вступлении в брак. Они констатируют, что чаще всего свою конфессиональную принадлежность при вступлении в брак меняют женщины-христианки: они принимают ислам. Это объясняется главным образом двумя причинами. Во-первых, мусульманки, как правило, ограничены в брачном выборе представителями своей религии; религиозные предписания в отношении религии брачного партнера для мусульманской девушки гораздо строже. Во-вторых, не является типичным переход в другую религию и для мужчин всех конфессий, включая ислам.

«Веру меняют только некоторые девушки, чаще всего – русские, православные принимают ислам» (Михаил, Туркменистан).

«Такое происходит только с немусульманами. Им очень тяжело вступить в брак с мусульманином, не сменив при этом веру» (Рохим, Афганистан, 25 лет, не женат, в России 6 лет, планирует вернуться на родину).

«Когда мусульманин выбирает русскую девушку и просит ее принять ислам, то это, да, бывает. Но чтобы русский парень выбрал туркменку и она потребовала от него принять ислам – я такого не слышала. А вот девушки-христианки принимают ислам. Но вообще у нас мало кто меняет веру» (Айгуля, Туркменистан, 21 год, не замужем, в России 3 года, допускает возможность остаться).

«Мусульмане очень редко принимают чужие религии. Чаще всего это делают женщины-христианки» (Фарангиза, Узбекистан).

«Сложнее перейти из мусульманства в христианство. Мусульмане – и женщины, и мужчины, как правило, вообще не меняют своей религии. Нет, такого не видела нигде. Это бывает очень-очень редко» (Айгуля, Туркменистан).

Заметим, что мнения студентов по этому вопросу практически не отличались в зависимости от их пола и возраста.

Как мы видим из ответов опрошенных, мусульмане при заключении браков следуют общепринятым в обществе брачным установкам. При этом сильно влияние общества, которое выражается, в частности, в одобрении родителями кандидатуры жениха или невесты именно по религиозному признаку. Хотя формально среднеазиатские государства считаются светскими, на практике ситуация далека от тех условий, которые имеются, например, в России, Европе или Китае.

Что касается влияния конфессиональной принадлежности среднеазиатских студентов на их брачное поведение в самой России, то, судя по данным нашего интервью, религия является препятствием для заключения брака главным образом для девушек. Студенты-мужчины вступают в брак намного чаще, при этом они, как правило, не меняют религию. Среди основных мотивов таких браков указывается два: любовь, а также возможность получения гражданства.

При этом интересно посмотреть, как оцениваются самими иностранными студентами особенности брачного поведения выходцев из других регионов. Мы задали вопрос о том, кто из иностранных студентов чаще вступает в брак между собой, а кто – с жителями России и какова в этом роль религии и культуры. Информанты из Средней Азии отмечают, что для них са-

мих и для студентов из других регионов решающее значение имеют гендерный аспект (в брак, как правило, вступают мужчины) и степень близости культур. Если исламская или даже африканская культурная традиция ближе к русской, чем китайско-буддийская, то, соответственно, азиаты-мусульмане и африканцы вступают в смешанные браки с местным населением в России значительно чаще. Это подтверждается следующими ответами и рассуждениями опрошенных нами студентов.

«В России вступают в брак с местными в основном мужчины-студенты из исламских стран и из африканских. Китайцы и вьетнамцы обычно так не делают, они обычно вступают в брак только между собой. Причина брака с россиянами – обычно по любви или из-за выгоды, когда нужно получить гражданство. Мусульмане религию при этом не меняют, как другие – не знаю» (Рохим, Афганистан).

«Играют важную роль, потому что здесь вступают в брак обычно юноши, а не девушки. Даже когда человек остается жить в России, если это мусульманин, он не меняет свою религию, но при этом часто не соблюдает многие религиозные предписания» (Михаил, Туркмения).

«Да, тут даже внешность влияет, не только религия. Наверное, поэтому в брак вступают чаще жители Средней Азии, в основном мужчины. Но они от своей религии не отказываются. Китайцы и монголы почти не вступают – они с русскими слишком разные, кроме того, они общаются больше с земляками. Даже африканцы чаще них – внешних различий больше, но религия и культура ближе к русской, потому что у африканцев она от Европы, поскольку они являются бывшими колониями» (Фарангиза, Узбекистан).

«Влияет для тех, кто сильно придерживается религии. Многие, кто учится в России, здесь ведут себя как местные и соблюдают только праздники. Многие женятся по любви или из выгоды (гражданство, возможность хорошей работы). Тут религия уже на втором месте. Проблема бывает, если родители студента не согласны» (Айгуля, Туркменистан).

Анализируя влияние религиозности на репродуктивное поведение, группа исследователей (Забаев И.В., Мелкумян Е.Б. и др.) констатировали более высокий уровень рождаемости, демонстрируемый этническими группами, исповедующими ислам, по сравнению с другими религиозными группами [20]. Наше исследование подтвердило данную тенденцию. Отвечая на вопрос о планируемом времени рождения первого ребенка, абсолютное большинство из наших информантов обоих полов, исповедующих ислам, ориентируются на рождение первого ребенка сразу после заключения брака, считая, что так принято в культурной традиции исламского общества, в противном случае либо брак может разрушиться, либо у мужа появится повод для заключения второго брака. По мнению девушек, важнее всего в браке – рождение ребенка, а юноши затрудняются ответить на этот вопрос, поскольку в ближайшем времени еще не планируют рождение ребенка.

Таким образом, для студентов-мусульман в формировании брачных установок религия имеет первостепенное значение в родной стране. В России, где роль ислама уменьшается в связи с большей светскостью общества и тем, что среди местных жителей ислама придерживается меньшинство, на брачное поведение начинают влиять другие факторы: эмоциональные (любовь) и прагматические (желание получить гражданство). Тем не менее неизменными остаются две составляющие: женщины в России, как и в родной стране, в брак с немусульманами не вступают, а мужчины, несмотря на любую мотивацию брака, свою религию не меняют.

Юго-Восточная Азия

Рассмотрим теперь брачное поведение на родине и в России выходцев из другого региона – Восточной и Юго-Восточной Азии. Роль конфессионального фактора в брачных установках студентов из буддийско-конфуцианских стран значительно отличается от исламских. Это вызвано тем, что в Китае и Вьетнаме в результате длительной борьбы с религией (из-за атеистической пропаганды, свойственной всем странам социализма) сложилось светское государство. А традиционная китайская философия – конфуцианство – вообще является не религией, это скорее тип атеистического мировоззрения. Конфуцианцы не поклоняются одному или нескольким богам, а также не совершают каких-либо религиозных обрядов. Никогда не играла слишком важной роли в обществе религия и в Монголии; формально большинство населения там – буддисты, но в стране всегда царила веротерпимость, типичная для степных кочевых народов.

Информанты из этих стран отвечали на вопрос о том, часто ли представители разных религий вступают в браки между собой, совсем по-другому. Часть респондентов посчитали, что проблемы не существует вовсе.

«В Китае большинство – неверующие, поэтому такая проблема не стоит» (Чан, Китай, 25 лет, не женат, в России 7 лет, допускает возможность остаться).

«В нашей стране большинство – атеисты, а буддистов гораздо больше, чем христиан» (Лонг, Вьетнам, 25 лет, не женат, в России 5 лет, планирует вернуться на родину).

Тем не менее почти все наши собеседники из этого региона подчеркивали особый статус мусульман; они чаще заключают браки между собой, но мусульмане в качестве брачного партнера не являются нежелательным выбором. На вопрос о возможности вступления в брак представителей разных религий получены такие ответы:

«У нас в Монголии мусульман почти нет, только буддисты. Единственное исключение – это киргизы и казахи, а они женятся только между собой. У нас религия не играет особой роли» (Байсгалан, Монголия, 22 года, не замужем, в России 3 года, планирует вернуться на родину);

«Если это мусульмане, то нечасто, очень редко. А если буддисты, христиане или неверующие, то довольно часто» (Шень Лу, Китай, 24 года, замужем, в России 6 лет, планирует вернуться на родину).

То, что религиозный фактор имеет в этом регионе меньшее значение, отражается и на мнении о том, насколько часто партнер меняет свою религию ради вступления в брак. Часть информантов не задумывались над этим вопросом, а часть подчеркнули, что:

«Обычно никто этого не требует. Большинству все равно»; «Чаще всего религию в браке меняют скорее всего женщины. Что касается конкретных религий, трудно сказать…» (Лонг, Вьетнам);

«Обычно такие вещи важны только для мусульман» (Жаргал, Монголия, 24 года, 4-й курс, женат, в России 5 лет).

Другая часть информантов отметила, что эта проблема значима главным образом для мусульман:

«У нас по крайней мере такого еще не видела, поскольку я знаю – это скорее важно только для мусульман и их у нас очень мало, учитывая, что у нас люди в основном неверующие» (Май, Вьетнам, 24 года, в России 6 лет);

«Для мусульман. В нашей провинции 50% мусульман, они вступают в брак только между собой» (Шень Лу, Китай).

Важно отметить, что ни возраст иностранных студентов, ни их семейный статус не являлся фактором, дифференцирующим ответы.

Таким образом, в брачных установках студентов из буддийско-конфуцианского региона религия не играет сколько-нибудь существенной роли. Можно сказать, что не играет вообще никакой. При этом почти все информанты отмечают значение религии в браке лишь для мусульманского меньшинства в своих странах, что подтверждает наши выводы относительно предыдущего региона – Среднеазиатского.

В российских условиях картина брачного поведения студентов из Юго-Восточной Азии незначительно отличается от стран их происхождения. На вопрос: «Если в России студенты вступают в брачные отношения с представителями других культур, стран, то какую роль играет сходства или различия религии, традиций, культуры?» – от студентов из этого региона были получены следующие ответы:

«Для нас не влияет. Тут обычно китайцы вступают в брак больше всего с земляками. Бывает, некоторые хотят остаться тут, они заключают брак с россиянами. Я знаю китайскую девушку, которая вышла за русского и стала православной» (Чан, Китай);

«Да, это существенно для студентов из исламских стран. Для остальных не очень важно. Африканцы почти все христиане, для китайцев и монголов религия не имеет большого значения. Если только нас не принуждают ее принимать, когда так хочет будущая супруга. Тут в брак вступают чаще мужчины, и они не хотят быть православными только по желанию жены» (Шень Лу, Китай);

«Для кого-то это важный фактор, как для мусульман. У нас религия не существенна. Монголы обычно не вступают в брак с местными, даже с китайцами это чаще. Еще зависит, как сильно человек верит» (Байсгалан, Монголия).

Как мы видим, конфессиональный фактор оказывает значительно меньшее влияние на брачные установки и брачное поведение иностранных студентов из Юго-Восточной Азии.

Африка

Роль религиозного фактора в структуре брачных установок студентов – выходцев из Африки также обусловлена конфессиональной спецификой региона: позиции христианства, которое является наследием колониализма, сильнее к югу от экватора. Ближе к северу Африки они уступают место исламу. Следует также отметить, что в бывших колониях Франции и Португалии преобладает католичество, тогда как в британских – протестантизм. Из-за сильного прозелитизма в Африке чаще случается, что кто-то из членов одной семьи принимает другую веру. Отметим также, что в африканских странах наиболее ярко выражено разделение на людей, стремящихся соблюдать нормы религии (из-за чего они дорожат ею), и на людей индифферентных, которые относятся к какой-то религии только формально, потому что колониальной эпохе предшествовал длительный период господства традиции. Эти особенности отражаются в брачных установках студентов. На вопрос: «Часто ли у Вас на родине представители разных религий выступают в браки между собой?» – они отвечали по-

разному, в зависимости от страны их происхождения.

Студенты из христианских стран Африки указывали, что, по их мнению, число браков между представителями разных религий невелико:

«Очень редко. Но это потому, что у нас абсолютное большинство христиан. Мусульман всего 2%» (Богрел, Конго, 25 лет, не женат, в России 5 лет, допускает возможность остаться);

«У нас христиан более 90%, а всех остальных очень мало, поэтому смешанных браков тоже очень мало. Брак христиан и мусульман бывает очень редко. Я ни разу не слышал о подобном» (Эрнесто, Замбия, 27 лет, не женат, в России 6 лет, планирует вернуться на родину).

Ближе к северу Африки, где количество мусульман возрастает, ситуация меняется:

«Часто бывает, когда в одной семье – часть мусульмане, часть христиане. У них одна мама, но дети исповедуют разные религии» (Ндей Май Сай, Сенегал, 29 лет, замужем, в России 8 лет, планирует вернуться на родину);

«Да, такое происходит, хотя людей сдерживает вопрос о детях: когда мама хочет, чтобы ребенок ходил в церковь, а папа – чтобы в мечеть, это проблема» (Мусса, Конго, 25 лет, не женат, в России 5 лет, допускает возможность остаться).

Несмотря на то, что мусульмане неохотно вступают в межрелигиозные браки, участники интервью указывали, что во многих странах Африки соблюдаются указанные выше нормы шариата о допустимости межконфессиональных браков (мусульманин-мужчина может жениться на христианке без требований, чтобы она сменила веру). При этом, как и везде, женщины-мусульманки не имеют права выходить замуж за немусульман.

«Браки людей разных религий встречаются, но нечасто. В основном веру меняют женщины-христианки, вступая в брак» (Богрел, Конго).

«По законам ислама, мусульманка не может выйти за христианина, поэтому обычно мужчина переходит в ислам. Бывают случаи, когда он не меняет, и они живут нормально, но такое бывает очень редко» (Ндей Май Сай, Сенегал).

«Сложнее для мусульман. Это не принято среди них, можно испортить отношения с родственниками» (Богрел, Конго).

Подобный пример известен и автору. Несколько лет назад в ИвГУ обучался студент из Гвинеи-Бисау, который утверждал, что его мать – мусульманка, а отец – христианин, но они живут нормально, поскольку почти не соблюдают нормы религии, за исключением праздников.

Что касается вопроса о том, как религия влияет на брачные установки африканских студентов в России, мы видим здесь такую картину:

«С русскими нам проще, чем с девушками из Азии. Религия разная, но христианская, а это главное. Так же африканцы в России часто женятся на африканках из других стран» (Богрел, Конго);

«С местными для нас это не играет роли. Даже многие африканцы мечтают о белой девушке. Многие ищут выгоду, хотят секса. Здесь о религии забывают, она отвергает такую жизнь. Мусульмане только на религию обращают внимание» (Эрнесто, Замбия) (данный ответ, что интересно, отражает позицию христианина, а не мусульманина, поскольку этот информант – протестант);

«По-разному. Китайцы и вьетнамцы не понимают христианства и ислама, женятся между собой. Из других стран – обычно женятся мужчины, бывает по любви, бывает из-за выгоды. Мусульмане на религию больше всех обращают внимание. В России они не так требуют от невесты принять ислам, как дома, потому что Россия – это цивилизация, и может быть отказ в браке, когда так требуют. Вообще у всех зависит от того, как сильно соблюдают религию» (Фатима, Нигерия, 23 года, не замужем, в России 4 года, планирует вернуться на родину).

Как мы видим, и здесь религиозный фактор особенно важен для мусульман. Также стоит отметить, что в России религиозная традиция иностранными студентами соблюдается меньше, чем на родине, поскольку в России брак часто рассматривается ими в качестве способа получения выгоды, возможности иметь сексуальные отношения и др. Отметим, что респонденты из всех регионов указали, что китайцы, вьетнамцы и монголы, за редким исключением, не склонны вступать в брак как с местными, так и с иностранными студентами из других регионов мира. Но дело здесь, видимо, не в религии, а скорее в сильных культурных различиях.

Подведем итоги. Религия оказывает влияние на брачные установки и брачное поведение иностранных студентов в России. Однако степень этого влияния различается в зависимости от ряда обстоятельств.

Во-первых, важнейшим фактором оказывается конфессия, к которой принадлежат иностранные студенты. В наибольшей степени религия влияет на брачные установки и брачное поведение студентов из мусульманских стран. Это касается и выбора брачного партнера, и допустимости межконфессиональных браков. Значительно меньше религиозные нормы определяют брачные установки и брачное поведение студентов из стран тропической и Экваториальной Африки, исповедующих по преимуществу христианство. В наименьшей степени религия

влияет на брачные установки и брачное поведение студентов из Юго-Восточной Азии, исповедующих буддизм и конфуцианство (брачный выбор у этих студентов регулируется иными культурными факторами).

Во-вторых, на брачное поведение оказывает влияние степень религиозности самих иностранных студентов; она, безусловно, более выражена у иностранных студентов, приехавших из мусульманских стран. Возможность соблюдать религиозные нормы в принимающем социуме также выше у студентов-мусульман.

В-третьих, значимой оказывается и роль религии в культурной традиции страны происхождения студентов. На брачные установки и брачное поведение иностранных студентов из мусульманских стран, где ислам исповедуется большей частью населения и религия обычно выступает в роли элемента культурной социализации людей, конфессиональный фактор оказывает наиболее значительное влияние.

Список литературы

1. Дружба народов: число иностранных студентов, обучающихся в России, за 7 лет выросло в 5 раз: сайт. URL: Режим доступа: http://www.edu.ru/index.php?page_id=5&topic_id=7&sid=33423 (дата обращения: 05.05.2015).

2. Бурова С.Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии. Минск, 2010. 444 с.

3. Сорокина Т.Ю. Социально-психологические условия формирования брачно-семейной установки // Социальное здоровье нации и будущее российской медицины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Белгород, 2006. С. 211–217.

4. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996. 304 с.

5. Антонова В.Б. Психологические особенности адаптации иностранных студентов к условиям жизни и обучения в Москве // Вестник ЦМО МГУ. 1998. № 1. Ч. 1. С. 26–31.

6. Аргунова В.Н., Лондаджим Т. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах // Вестник ННГУ. 2008. № 4. С. 7–12.

7. Витковская М.И., Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2005. № 6–7. С. 267–283.

8. Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Миханджо Э. Современные тенденции в выборе брачных партнеров у студентов-африканцев и отношение к традиционным установкам на продолжение рода и многодетность // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании: Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзании (2005 г.). М., 2008. С. 168–195.

9. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. 262 с.

10. Захаров С.В. Брачность в России: история и современность // Демоскоп-Weekly. 2006. № 261–262. URL: http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema04.php. (дата обращения: 21.05.2015).

11. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.

12. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2010. 184 с.

13. Дивицына Н.Ф. Семьеведение. М.: Владос-Пресс, 2006. 327 с.

14. Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб., 2007. 384 с.

15. Мархинин В.В. Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации. Новосибирск: СО РАН, 1997. 234 с.

16. Сизоненко З.Л. Межнациональная семья в крупном городе // СОЦИС. 2007. № 2. С. 140–142.

17. Думнова Э.М. Брачные установки российской молодежи российского мегаполиса: гендерный аспект (на примере Новосибирска) // Вестник Томского государственного университета. Серия «Социология». 2012. № 363. С. 72–76.

18. Маленова А.Ю., Самойленкова А.В. Представления о брачно-семейных отношениях студенческой молодежи: социально-психологические риски и ресурсы // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2014. № 1. С. 43–51.

19. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. С. 19–43.

20. Забаев И.В., Мелкумян Е.Б., Орешина Д.А., Павлюткин И.В., Пруцкова Е.В. Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость // Демоскоп. 2013. № 553–554.

RELIGION IN MARRIAGE ATTITUDES AND MARRIAGE BEHAVIOUR OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA

I.A. Correia

Ivanovo State University

In this paper, we analyze the influence of religion on marriage attitudes and marriage behaviour of foreign students studying in Russian universities. The study is based on the interview material collected in Ivanovo city. The author shows that the degree of influence of one's religion depends on the confession of foreign students and their religiosity, on the role of religion in the cultural tradition of the students' country and, finally, on the opportunities for observing one's religion's standards provided by the host society.

Keywords: foreign students in Russia, marriage attitudes, marriage behaviour, interfaith marriage, religion and marriage.

УДК 316.4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2016 г.

Е.А. Протасеня

Санкт-Петербургский государственный университет

eugenniepro@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.01.2016
Статья принята к публикации 27.04.2016

В рамках социологического подхода рассматривается роль исторической памяти в формировании этнической идентичности. Затрагивается проблема влияния коллективной памяти о прошлом своего народа на межэтнические отношения. Основная цель состоит в том, чтобы подчеркнуть значимость исторической памяти в этнической идентификации и определить границы ее влияния на этот процесс. Сама же этническая идентификация рассматривается как часть процесса социализации. Дается определение исторической памяти, уделяется внимание тому, что в научной среде существуют разногласия относительно этого термина, рассмотрена специфика изучения этой формы памяти в социологии. Проведен анализ особенностей этнической идентификации, в том числе в условиях кризиса, общественно-политических потрясений, проанализирована роль памяти в этом процессе, отмечен ее конструируемый характер.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, социализация, этническая идентичность, этнонациональное самосознание, этнос, этническая общность, межгрупповые отношения, межэтнические отношения.

Существует множество факторов, оказывающих воздействие на этническую идентификацию. Среди них можно выделить и этническую идентичность родителей, и занимаемую территорию, и культурное наследие, и мифы, и язык, и образы из прошлого. В качестве одного из наиболее важных факторов можно обозначить историческую память, так как она несет в себе историю народа, в частности воспоминания о ключевых событиях и деятелях прошлого, их оценку, хранит исторический опыт, а также многие черты этноса и модели поведения.

Сегодня в научной литературе имеется множество определений термина «историческая память», что служит показателем того, что в науке еще не выработано единое строгое понятие и не установлены его границы. Зачастую эта форма памяти рассматривается как способ сохранения, передачи исторической информации, как совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты. Например, Ж.Т. Тощенко дает такое определение: историческая память «является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [1, с. 3].

Немаловажно, что историческая память в научных работах различными авторами трактуется и как коллективная, и как индивидуальная память о прошлом. Она может быть представлена как часть социального запаса знания. Часто авторы отмечают идеологическую и воспитательную роль памяти об исторических событиях [2]. Стоит отметить, что в научной литературе понятия «коллективная», «социальная», «культурная» и «историческая память» одними исследователями используются как эквивалентные, другие же разграничивают эти термины. Социологический подход к исторической памяти имеет следующую особенность: социологи, как отмечает А.Н. Медушевский, изучают «восприятие истории массовым сознанием, причем безотносительно к тому, насколько укорененные в нем стереотипы соответствуют исторической реальности» [3, с. 49]. В отличие от историков, они аккумулируют не знание, а социальный опыт, который может как соответствовать реальным историческим фактам, так и противоречить им. Таким образом, историческая память в рассматриваемом контексте представляет собой инструмент политики, она может быть наполнена информационным содержанием согласно социальным запросам, а также может быть инструментом влияния на общественное сознание в интересах различных групп.

Историческая память нами рассматривается как форма коллективной памяти, фиксирующая

и хранящая информацию о ключевых событиях и наиболее значимых деятелях, опыт, образы и образцы прошлого с целью их передачи и дальнейшего воспроизводства. Содержащаяся в рассматриваемой нами форме памяти историческая информация далеко не всегда объективна, постоянно претерпевает коррективы и пополняется. Безусловно, несмотря на то, что историческую память мы рассматриваем как коллективную, мы все же отмечаем, что в ней сосредоточены не только воспоминания социальной общности, но в ее структуру внедрены множественные индивидуальные воспоминания. Также мы придерживаемся точки зрения, что память включает в себя не только сами события и пережитый опыт – коллективный, индивидуальный, но и их эмоциональную окраску, их оценки. В контексте этнической идентификации при рассмотрении исторической памяти на первый план выходит не только память о ключевых событиях и фигурах, воспоминания народа, этноса о героическом прошлом, но и опыт взаимодействия с другими этническими общностями.

Одним из первых социологов, обративших внимание на феномен исторической памяти, был Морис Хальбвакс. Он пишет о том, что индивиду доступны две формы памяти: индивидуальная и коллективная, причем зачастую они оказывают воздействие друг на друга, а первая из них (он также называет ее «автобиографической»), в конце концов, встраивается во вторую. Хальбвакс рассматривает «коллективную», «социальную» и «историческую память» как синонимы. При этом индивидуальная память тоже, согласно его мнению, включает в себя знания о прошлом и даже является более полной и непрерывной, нежели коллективная, дополняя последнюю, в которой, в свою очередь, историческая информация представлена в упрощенном, схематичном виде. Однако коллективная память затрагивает больший временной интервал, менее ограничена пространственно-временными рамками [4][1].

Это взаимодействие индивидуального и коллективного опыта в формировании воспоминаний отмечает также и Харальд Вельцер, подчеркивая, что существуют воспоминания, основанные на пережитом индивидом лично, а есть те, которые передаются другими – ближайшим окружением, посторонними лицами. Согласно его мнению, воспоминания о важнейших исторических событиях можно охарактеризовать как некие коллажи, формирующиеся из множества источников и поддающиеся изменениям в процессе коммуникации, но при этом сохраняющие свою эмоциональную значимость. Вельцером затрагивается проблема «ложных воспоминаний», когда в пережитый опыт внедряется информация из книг, романов, рассказов и т.д., но при этом все события воспроизводятся в воспоминаниях индивидов ярко, красочно, что делает неотличимой истинную и ложную информацию в памяти. Стоит отметить, что события, пережитые в молодом возрасте, имеют невероятно сильную эмоциональную окраску, так как, по мнению социолога, определяют дальнейшую жизнь человека [5]. Отметим, что Харальд Вельцер, рассматривая природу и особенности воспоминаний об исторических событиях, делает акцент на том, что сопряженные с ними эмоции играют не последнюю роль. При этом память о прошлом далеко не всегда содержит в себе объективную, фактологическую информацию, а зачастую дополняется вымышленными деталями. «История и память – две совершенно разные вещи; при усвоении их индивидом они претерпевают специфические смешения и порождают специфические выводы» [5, с. 60]. Помимо этой особенности исторической памяти стоит отметить и то, что она избирательна, хранящаяся в ней информация актуализируется исходя из существующих запросов настоящего времени, а также социальной общности. Ж.Т. Тощенко пишет, что нередко делаются акценты на одних событиях и игнорируются другие, значимость некоторых из них гиперболизируется, а актуализация и избирательность исходят из значимости исторического знания и опыта для современности и их потенциального влияния на будущее [1].

Большинство авторов подчеркивают, что рост интереса к этой форме памяти, увеличение «спроса» на нее происходит в переломные моменты, в периоды трансформации и в условиях необходимости поиска идентичности, базиса для стабилизации общества, необходимости объяснения настоящего через призму прошлого. А учитывая, что современные общемировые тенденции и процессы, в частности сопряженные с глобализацией, универсализацией, порождают кризис идентичности, запрос на обращение к истории с целью поиска в ней основ для формирования идентичности становится все более востребованным. Память о прошлом своей страны, государства, народа, этноса выступает в качестве одной из базовых основ для формирования чувства сопричастности, принадлежности к определенной культурно-исторической, этнической общности, играя также роль ориентира в условиях кризиса идентичности, выполняя воспитательную и формирующую личность функции.

Историческая память, воспоминания о героях, знаковых событиях объединяет людей, фор-

мирует чувство сопричастности к истории своего народа, способствует сохранению связей между поколениями. Она также способствует усвоению многих социальных норм и дает объяснение настоящего. Таким образом, эта форма имеет большое значение в процессе социализации и формирования идентичности. Формирование идентичности (идентификация) В.А. Ачкасов определяет как процесс эмоционального и иного отождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или определенным образцом, освоения социальных ролей, интериоризации занимаемых социальных статусов. Формирование и реализация идентичности включены в процесс социализации, являются его частью [6]. Подчеркивая роль памяти в процессе идентификации индивида, А.Г. Васильев подчеркивает: «Идентичность укоренена в памяти, идентификация – одна из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной памяти» [7, с. 40]. Воздействуя на память о прошлом, мы напрямую воздействуем на идентичность.

В процессе социализации индивид формирует целый комплекс идентичностей, таким образом давая себе ответ на вопрос «кто есть я». Одна из этих идентичностей – этническая, представляющая собой осознание своей принадлежности к той или иной этнической группе. Сама же этническая идентичность представляет собой одновременное переживание своего тождества с одной этнической общностью или группой при обособлении от других [8]. Необходимо отметить, что этническая идентичность имеет в своей основе противопоставление «мы» и «они». Например, Л.Н. Гумилев дает определение, в котором подчеркивает эту особенность, отмечая, что этнос – «это тот или иной коллектив людей (динамическая система), противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам («мы» и «не мы»), имеющий свою особую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения» [9, с. 285]. Для него этнос в большей степени не природные особенности человека, физиологические характеристики и т.д., а психологические, такие как идентификация себя с группой, стереотипы поведения, определяющие нормы межгруппового, межиндивидного взаимодействия [8, 9]. В качестве основных показателей, по которым определяется этничность, можно отметить следующие: этническая принадлежность родителей, место рождения, язык, культура, религиозное сознание, традиции и т.д. Стоит отметить, что существует особенность, заключающаяся в том, что у некоторых этносов идентичность со своей этнической общностью выражена ярче, у других слабее, уровень ее выраженности неоднороден и среди представителей одного этноса.

Почему же так важно при изучении этнической идентичности уделять должное внимание исторической памяти? Проблема кроется в следующем. Память об истории своего народа является достаточно мощным объединяющим фактором представителей того или иного этноса. Ведь если рассматривать в качестве показателя лишь язык, то возникает явное противоречие – многие народности, этносы сохраняют свою идентичность, владея несколькими языками [10], и даже тогда, когда не говорят на родном языке (например, мигрировавшие в другую страну и с поколениями его утратившие). Если в качестве такого показателя выбрать особенности культуры, этнические черты образа жизни народов, то даже притом, что в современном мире происходит определенное усреднение и стандартизация, частичная потеря уникальности культур, связанная с процессами глобализации, этническая специфика все равно сохраняется. Но куда более мощно сплачивает представителей этноса празднование значимых, памятных дат, воспоминание пережитых народом, этносом событий. Важнейшую роль в ощущении своего тождества с этнической группой играет переживание чувства гордости за свой народ, за свою историю. Восприятие этнической информации в большей степени происходит в процессе социализации, при передаче от одного поколения другому. Огромное количество этнических черт мы перенимаем в раннем возрасте и от своего ближайшего окружения: от своих родителей, родственников, сверстников. Многие этнические особенности запечатлены в коллективной, исторической памяти. В ней хранится информация об этносе, его истории и культуре.

Ближайшее окружение индивида способствует формированию картины мира, включающей в себя, в том числе, и знания о прошлом (своего народа, этноса, государства). Различные социальные институты также оказывают мощное воздействие на историческую память как отдельной личности, так и общества в целом. Однако, например, если информация об исторических событиях в памяти о прошлом, переданной индивиду ближайшим окружением либо сформированной на основании личного опыта, может иметь и критичный, и противоречивый характер, ей в противовес – изложенная в учебниках истории, которая имеет зачастую более «сглаженный» характер, за которую не стыдно в контексте настоящего. Немаловажна роль элит и групп интересов в формировании памяти различного рода социальных групп и на национальном, этническом, государственном уровне.

Элиты, решая те или иные задачи, а также общественные запросы, определяют концепцию памяти о прошлом, задают акценты на событиях и исторических персоналиях, способствующие легитимации политической, социально-экономической ситуации в обществе. Уроки истории в школах служат наглядным примером при изучении трансформаций, смещения на разных этапах социально-экономического развития общества ключевых акцентов в памяти о прошлом. Как еще один пример можно отметить празднование памятных дат, национальных праздников и т.д. в разные годы. Роль элит в этом процессе отмечена А.А. Кузнецовым, А. Масловым. Авторы обращают внимание на следующую проблему, возникающую при расстановке акцентов в коллективной памяти о прошлом со стороны правящих элит: к примеру, празднование тех или иных дат в современной России, юбилеев тех или иных событий порою бывает непонятно большинству и даже не всегда имеет прочную историческую базу в общественном сознании. Это способствует своеобразному пониманию таких дат среди общества, когда праздник есть в календаре, но может не ассоциироваться с определенными историческими фактами в обществе [11]. Не секрет, что историческая память зачастую становилась и становится важнейшим политическим инструментом. Если говорить о современности, то анализируя ситуацию последних лет в России и подчеркивая аналогии с советским периодом, Г. Бордюгов приходит к выводу, что в контексте таких инициатив на политическом уровне, как «предложения по формированию позитивной идентичности, основанной на обучении школьников «счастливой истории», … создание Комиссии при президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» [12, с. 10] и т.д., мы наблюдаем, что история, память о прошлом снова все более явно приобретает статус инструмента политики.

При изучении значимости исторической памяти в формировании этнической идентичности необходимо учитывать тот факт, что информация о прошлом, запечатленная в коллективной памяти, откладывает отпечаток на восприятие себя и других представителей этноса: гордость за «своих» или, напротив, переживание негативных эмоций, разочарование, которые в дальнейшем, в том числе, могут способствовать и размытию этнического самосознания. Коллективная память о прошлом играет существенную роль в межэтнических взаимоотношениях, поскольку хранит в себе опыт межэтнического взаимодействия, формируя ряд установок по отношению к представителям другой этнической общности.

Мы полагаем, что особое внимание при изучении исторической памяти как фактору, оказывающему мощное воздействие на вектор межэтнических отношений, должно уделяться следующим вопросам: 1) какова оценка членами этнических общностей исторических событий, в которых участвовали эти этносы, – взаимодействие или конфронтация; 2) наличие серьезных конфликтов, войн, ситуаций, приведших к массовой гибели представителей той или иной этнической группы в историческом прошлом, как они были решены, какую оценку сегодня дает общественность этим событиям; 3) кто является «героем», а кто «антигероем» среди исторических личностей (особое внимание должны вызывать деятели, оставившие отпечаток на исторических событиях, общих для этих этносов).

Индивиду свойственны одновременно множество идентичностей. Но бывают такие моменты, когда этничность становится основной в социальных или иных формах отношений. Существуют и ситуации, когда происходит гипертрофированное усиление этнонациональной идентичности, которое может выливаться в то, что деление на «своих» и «чужих» становится более жестким, нетерпимость к «другим» – более явной, вплоть до их полного неприятия, выражающегося в агрессивных, радикальных формах. Эту закономерность можно наблюдать в ситуациях различного рода конфликтов (как имеющих объективные предпосылки, так и сконструированных), где в качестве «врага» воспринимается какая-либо этническая группа или общность.

Переломные, кризисные эпохи и эпохи масштабных социально-экономических потрясений сопровождаются усилением этнонациональных связей в обществе. Как отмечает Т.Г. Стефаненко, в условиях социальной нестабильности усиливается ориентация на этническую общность, а этнос выступает в роли «аварийной группы поддержки» [8]. Если обратиться к событиям общественно-политической жизни нашей страны последних 20–30 лет, то одним из наиболее масштабных переломных моментов, который оказал огромное влияние на социализацию тогдашнего подрастающего поколения, связь между поколениями и историческую память, является распад СССР. Не менее мощной по воздействию была последовавшая за ним эпоха экономических реформ. Стоит отметить, что этот период характеризуется не только рядом экономических преобразований, изменением территории государства, но также и изменениями в мироощущении граждан, их ментальности, сме-

ной коллективизма индивидуализмом. При этом часто в литературе, в которой предпринимается попытка охарактеризовать черты, присущие русской нации, можно увидеть такую точку зрения, что ей в большей степени свойственен коллективизм. Например, это отмечает Ф.Х. Кессиди [13], подчеркивая историческую обусловленность этой черты. Возможно, именно это и стало причиной такого болезненного перехода к рыночной экономике в России в 90-х гг., когда капитализм приобрел «звериный оскал». Дело в том, что индивидуализм, с одной стороны, – неизбежный атрибут современной капиталистической системы, базирующейся на западных ценностях и традициях, а с другой – чуждый и непонятный для большей массы населения нашей страны, поскольку предыдущие поколения жили в условиях коллективного хозяйства. Сам же индивидуализм понимается нами отнюдь не как ответственность личности за принимаемые ею решения, ее самобытность и свобода, а в большей степени как эгоизм, по причине того, что это понятие в нашей исторической памяти не закреплено. В 90-х гг. происходит и трансформация понимания, кто есть «мы», а кто есть «они», то есть одного из самых значимых атрибутов этничности. На волне распада СССР и обретения независимости рядом государств – бывших его республик, а также экономических потрясений и нестабильности внутри страны происходит мощный всплеск этнонационального сознания, обостряются религиозные конфликты. Усиление этнонациональной идентичности, рост националистических настроений происходит и в ряде государств, которые отделились от СССР. Основой для укрепления связей внутри этнической группы и для противопоставления ее другим здесь, помимо прочего, выступает и историческая память: вспоминаются существовавшие ранее в историческом прошлом и, казалось бы, уже забытые конфликты, негативные события истории, воспринимаемые как сугубо «свои» этнической общностью исторические деятели.

В качестве основных выводов мы бы хотели подчеркнуть, что историческая память оказывает существенное воздействие на этническую идентичность индивида, его отношение к себе, к представителям его и других этнических общностей и групп, поскольку в ней заложена информация об истории своего народа, его героях, опыте взаимоотношений с другими народами, а также различного рода эмоциональных оценках тех или иных событий.

Память о прошлом своего народа укрепляет связь между поколениями, индивидуумами в общности. Здесь немаловажную роль играют воспоминания о важных событиях, героях, о героизме предков, празднование памятных дат. Объединяющим фактором, сосредоточенным в рассматриваемой нами форме памяти, служит информация о преодолении тяжелых времен, трудностей народом. В условиях серьезных общественных, экономических, политических потрясений, когда усиливается ориентация на этническую общность, группу, в исторической памяти зачастую актуализируется информация, усиливающая деление на «своих» и «чужих». Мы рассмотрели понятие исторической памяти и этнической идентичности в рамках социологического подхода, роль памяти о прошлом в этнической идентификации. Анализ ряда источников по выбранной нами теме позволил выявить ряд закономерностей, касающихся процессов формирования этнической идентичности, отметить влияние коллективной памяти о прошлом на эти процессы. Необходимо подчеркнуть важность рассмотрения социализирующего фактора исторической памяти, ее роли в этнической идентификации. Этнос, этническая, этнонациональная общность являются весомыми участниками политического процесса, поэтому этническая идентичность, межэтнические отношения, их динамика требуют всестороннего изучения, в том числе в рамках политической социологии, а также в контексте коллективной памяти о прошлом. Особо остро проблема взаимоотношений различных этнических общностей проявляет в себя в кризисных условиях, моментах серьезных общественных трансформаций, перестроек, сопровождающихся экономическими, политическими и иными потрясениями в социуме. Содержание исторической памяти, которое имеет свойство изменяться в различные периоды исторического процесса и поддается воздействию со стороны различных групп, использующих ее в своих интересах, является, в сущности, важным диагностическим, прогностическим материалом для социолога-исследователя.

Примечание

1. Перевод сделан по изданию 1967 г. Halbwachs. M. La memoire collective. Paris: Les Presses universitaires de France, 1967.

Список литературы

1. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.

2. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к допросу о границах понятия // Феномен

прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 170–220.

3. Материалы «круглого стола», проведенного по результатам исследования «Историческая память в российском обществе: состояние и проблемы формирования» / В.Э. Бойков, А.Н. Медушевский, Ж.Т. Тощенко и др. // Социология власти. 2010. № 6. С. 47–67.

4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.

5. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 51–64.

6. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. Вып. 1. С. 45–56.

7. Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / Отв. ред. Н.А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2012. С. 29–57.

8. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.

9. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с.

10. Сикевич З.В. Русские: «образ» народа (социологический очерк). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 152 с.

11. Кузнецов А.А., Маслов А.Н. Диктатура юбилеев. Мемориальный бум как призрак иной повседневности // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 514–549.

12. Бордюгов Г.А. Перед новым-старым выбором. Предисловие // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 9–15.

13. Кессиди Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 76–79.

HISTORICAL MEMORY AS A FACTOR OF ETHNIC IDENTITY FORMATION

E.A. Protasenya

St. Petersburg State University

In the framework of sociological approach, this study examines the role of historical memory in ethnic identity formation. This article also studies the problem of influence of historical memory on the inter-ethnic relations. The aim of our study is to highlight the significance of historical memory in ethnic identification and to define the scope of its influence on this process. We consider ethnic identification as a component of socialization process and give our definition of the term «historical memory» according to the social approach, with the account of many approaches to the definition of «historical memory» existing in different branches of science. We present an analysis of the features of ethnic identification, also covering the peculiarities specific to the times of crisis and social and political upheaval. We also examine the role of historical memory in this process and note its constructible nature.

Keywords: historical memory, collective memory, socialization, ethnic identity, ethno-national consciousness, ethnos, ethnic community, inter-group relations, inter-ethnic relations.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.147

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ

© 2016 г.

Е.В. Малкина, В.И. Швецов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

malkina@unn.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2016
Статья принята к публикации 20.04.2016

Рассматривается совершенствование подготовки по математике школьников и студентов инженерных специальностей и направлений колледжей и вузов, что создает базу качественного инженерного образования. Обсуждается использование электронных обучающих систем – как под руководством преподавателя, так и при самостоятельном обучении. В качестве одной из таких систем предлагается интеллектуальная обучающая система Math-Bridge. Результаты работы получены в рамках выполняемого Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского проекта программы Темпус «Современные образовательные технологии преподавания математики в инженерном образовании России» (2013–2016). Использование представленных результатов позволит повысить качество подготовки инженерных кадров.

Ключевые слова: электронный управляемый курс (ЭУК), электронное обучение, интеллектуальные обучающие системы, семантическое электронное обучение, web-ориентированные системы, Moodle, Math-Bridge.

Российская система образования претерпела за последние годы ряд качественных изменений. Российское общество, еще не оценившее окончательно все последствия этих преобразований, сегодня сталкивается с проблемой гибкого реагирования на запросы экономики, на новые технологии, научные знания, образовательные компетенции. В современном мире жизнь и безопасность настолько серьезно зависят от качества технологий и производства, что повышение уровня подготовки инженерных и научных кадров становится мировой проблемой. Для российской экономики сегодня особенно остро встал вопрос развития собственных передовых технологий и подготовки кадров для этого процесса. После драматических событий конца XX века многие научные школы и научно-производственные коллективы так и не смогли восстановиться в полном объеме. Тем не менее улучшение экономической ситуации в 2000-х годах обусловило высокий спрос на новое поколение инженеров и ученых, способных к модернизации экономики.

В данной статье, говоря о подготовке нового поколения специалистов, мы подразумеваем подготовку по всей номенклатуре образовательных программ и академических дисциплин в науке, технологии, инженерии и математике. Такая образовательная система получила международное название STEM (Science, Technology, Engineering, and Mathematics) [1]. Термин «STEM-образование» относится к преподаванию и обучению в области науки, техники, инженерии и математики, включающим в себя образовательную деятельность на всех уровнях – от дошкольного до вузовского и послевузовского образования. STEM – это также образовательная коалиция, основанная в США и распространившаяся на другие страны. Главное назначение коалиции STEM – убеждать федеральные и государственные организации в том, что научное, технологическое, инженерное и математическое (STEM) образование играет важнейшую роль в вопросах конкурентоспособности, а также способствует экономическому процветанию.

Как известно, в основе любой естественнонаучной дисциплины лежит математика. В последние годы существенно увеличилась роль математики в финансово-экономических дисциплинах, что привело к созданию в экономических вузах, на экономических факультетах университетов, а также на математических факультетах кафедр бизнес-информатики, математических методов экономики и т.п. Поэтому математической подготовке студентов различ-

ных специальностей должно уделяться особое внимание.

Опыт преподавания классических математических дисциплин на младших курсах университета позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время имеются серьезные проблемы как с точки зрения преподавателя, так и с точки зрения студента. Дело в том, что сегодняшний выпускник средней школы при обучении в старших классах ориентирован, как правило, на письменный единый государственный экзамен (ЕГЭ). С одной стороны, ЕГЭ имеет свои плюсы: он позволяет достаточно объективно оценить знания по базовым понятиям элементарной математики и основам высшей математики; подготовка к ЕГЭ при серьезном отношении к ней помогает структурировать материал. С другой стороны, как показывает опыт работы с первокурсниками, в их знаниях имеются пробелы, обусловленные тем, что при подготовке к ЕГЭ они пропускали те вопросы, которые практически не встречаются на выпускных экзаменах. К таким «редким» вопросам и темам относятся, например, рациональность и иррациональность действительных чисел, десятичные представления действительных и рациональных чисел, геометрические преобразования на плоскости и в пространстве и некоторые другие. Однако без таких разделов математики невозможно создать цельного представления о предмете, понять математическую модель, необходимую не только в самой математике, но и в других науках. Указанные проблемы можно отметить у большинства первокурсников и поэтому в первом семестре I курса при изучении математического анализа и некоторых других дисциплин приходится тратить достаточно много времени на «ликбез». Отметим, что небольшой части первокурсников (в основном, «олимпиадникам») такой «ликбез» не нужен, так как они занимались математикой с отличной от ЕГЭ мотивацией, и эта разница у студентов в уровне их школьных знаний по математике создает дополнительные трудности для преподавателя и требует индивидуального подхода.

Другой (и не менее важный) недостаток подготовки к ЕГЭ, с которым сталкиваются преподаватели университета, – это то, что школьники ориентированы только на письменный экзамен и, как следствие, не умеют рассуждать, логично излагать доказательства. Такое формальное («формульное») отношение к математике особенно вредит при обучении классическим математическим дисциплинам (алгебре и математическому анализу) в университете, где с первого курса требуется умение не только применять формулы, но и вникать в доказательства, чтобы творчески суметь обобщить их в различных задачах (а затем и в научных проблемах на старших курсах и в будущих исследованиях).

Математика – единственная из наук, построенная на аксиомах и строгих доказательствах, – позволяет не заучивать учебный материал, а путем логических построений и вычислений, основанных на полученных ранее знаниях, самостоятельно получать результаты. Тренируя и развивая процессы мышления в рамках математических знаний, человек может получать новые интересные математические результаты, которые, возможно, не сразу, но с течением времени находят применение на практике.

Благодаря развитию Интернета и систем электронного обучения в последнее время появилось много сайтов, связанных с преподаванием математики. В сети есть платные и бесплатные учебные ресурсы, on-line-репетиторы, где представлены учебные материалы, тренинги по решению задач, упражнения, просто тексты из учебников, мультимедийные презентации. С другой стороны, как следствие более широкого доступа к Интернету, особенно с мобильных устройств, увеличился спрос со стороны университетских студентов к электронному обучению, а в мире в целом – к высшему дистанционному образованию. Например, среди опрошенных в 2015 году 54 студентов очного обучения Института информационных технологий, математики и механики ННГУ на спецкурсе «Системы компьютерной графики» на вопрос «Готовы ли вы пройти часть учебных курсов дистанционно, общаясь с преподавателем on-line?», 37 человек ответили положительно. Создание электронных учебных ресурсов отвечает запросам современных студентов и потребностям преподавателей.

В Нижегородском госуниверситете в последние годы активно создается электронная среда обучения. Используя систему управления обучением Moodle, наши преподаватели создают электронные управляемые курсы (ЭУК) [2] по многим предметам, и в том числе по математическим дисциплинам. Так, в Институте информационных технологий, математики и механики реализован набор ЭУК для бакалавриата по направлению «Прикладная математика и информатика».

В контексте данной работы для нас важно, что в Moodle создаются именно управляемые курсы. Присутствие преподавателя или тьютора в этой системе обязательно, несмотря на то, что часть работы (например, при проверке тестов) выполняется автоматически. Такие системы позволяют не только размещать учебные материалы в сети Интернет, но и управлять процессом обучения студентов. Многие вузы создают

ЭУКи для изучения широкого класса математических дисциплин, включая информационные технологии. Обычно такие ЭУКи связаны с традиционной («классно-урочной» по педагогической терминологии) системой обучения и включают в себя учебный материал, соответствующий тому количеству учебных часов, которое отводится данной дисциплине в режиме обучения (очном, очно-заочном, заочном) по утвержденной программе. Материалы, превышающие заданное количество часов, считаются дополнительными и не всегда представлены в полном объеме. ЭУКи служат подспорьем в очном обучении и основной средой в дистанционном (заочном) обучении. При такой организации учебного материала в учебной программе в принципе можно описать связи между различными математическими дисциплинами, оформленными в виде ЭУКов, организовать гиперссылки между ними и используемыми нятиями. Это обычная функция для web-ориентированных ресурсов, но переходы по ссылкам не сделают систему интеллектуальной, адаптирующейся к запросам пользователей.

Кроме систем, реализующих технологии дистанционного обучения с помощью преподавателей или тьютеров, активно разрабатываются так называемые интеллектуальные обучающие системы (intelligent tutoring systems) (ИОС) [3]. Эти системы при контроле знаний способны не только распознавать конечный ответ, но и оценивать ход рассуждений обучаемого при выполнении задания, а также средства измерения характеристик обучаемых, важных для управления процессом обучения (так называемые «модели обучаемого» и алгоритмы управления учебным процессом). Указанные свойства позволяют эффективно использовать эти системы при самостоятельной работе обучающихся без помощи преподавателей и тьюторов.

Отметим, что тесты, используемые в системе Moodle, имеют в этом отношении существенные недостатки: критики отмечают, что «контролироваться должны не только ответы, но и пути, ведущие к ним» [4].

Несколько лет назад совместными усилиями девяти университетов из семи западноевропейских стран началась разработка первой Общеевропейской платформы электронного обучения Math-Bridge [5], предназначенной для поддержки обучения математике студентов технических направлений подготовки вузов и колледжей, а также для корректирующей подготовки школьников к обучению в вузах. Math-Bridge – это интеллектуальная система обучения математике, которая позволяет учителям и студентам взаимодействовать с тысячами математических объектов обучения, доступных на семи языках. Math-Bridge поддерживает богатый образовательный опыт: включает большой объем учебного материала с достаточно подробной наглядной компьютерной иллюстрацией изучаемых математических моделей и методов, контрольные задания, предполагающие не выбор одного из заданных ответов, а формирование обучающимся последовательности шагов, ведущих к решению (с пошаговым контролем системы). При этом используются различные типы учебных объектов: определений, теорем, доказательств, примеров и интерактивных упражнений.

Пользователи Math-Bridge могут выбрать один из многих предопределенных курсов или динамически сгенерировать математические курсы, адаптированные под цели конкретного студента, его предпочтения, возможности и текущие знания. Нужно заметить, что в системе Math-Bridge при автоматической проверке интерактивных упражнений допускаются различные варианты их решения.

Ниже приводится ряд примеров из системы Math-Bridge в англоязычной версии. В рамках разработки проекта Темпус в скором времени система будет русифицирована.

Приведем пример контроля знаний в системе Math-Bridge по упомянутой в начале статьи теме «Рациональность и иррациональность». Для изучения или повторения этой темы в системе есть специальные разделы, включающие определения рациональных и иррациональных чисел (рис. 1), разобранные примеры, а также упражнения для самостоятельной работы и контроля; кроме того, предлагаются задания, в которых требуется найти ошибку.

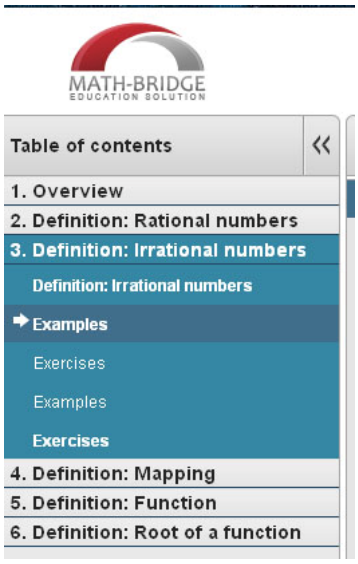


Рис. 1. Раздел «Иррациональные числа»

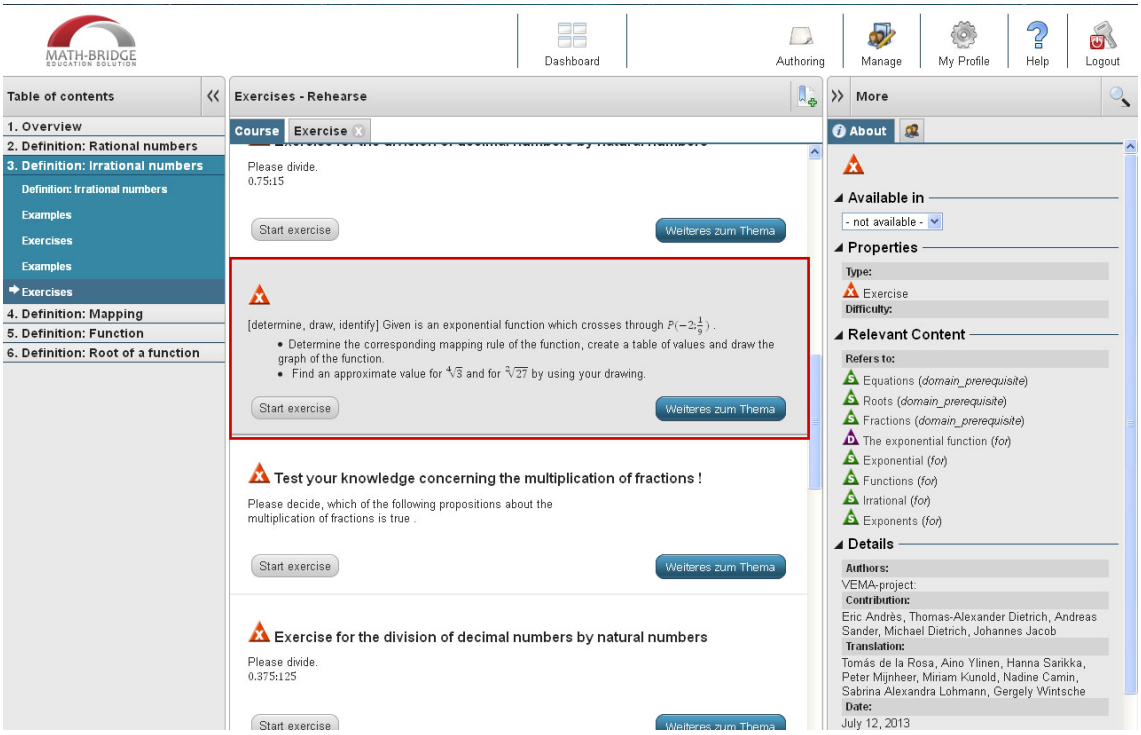


Рис. 2. Пример упражнения на действия с иррациональными числами

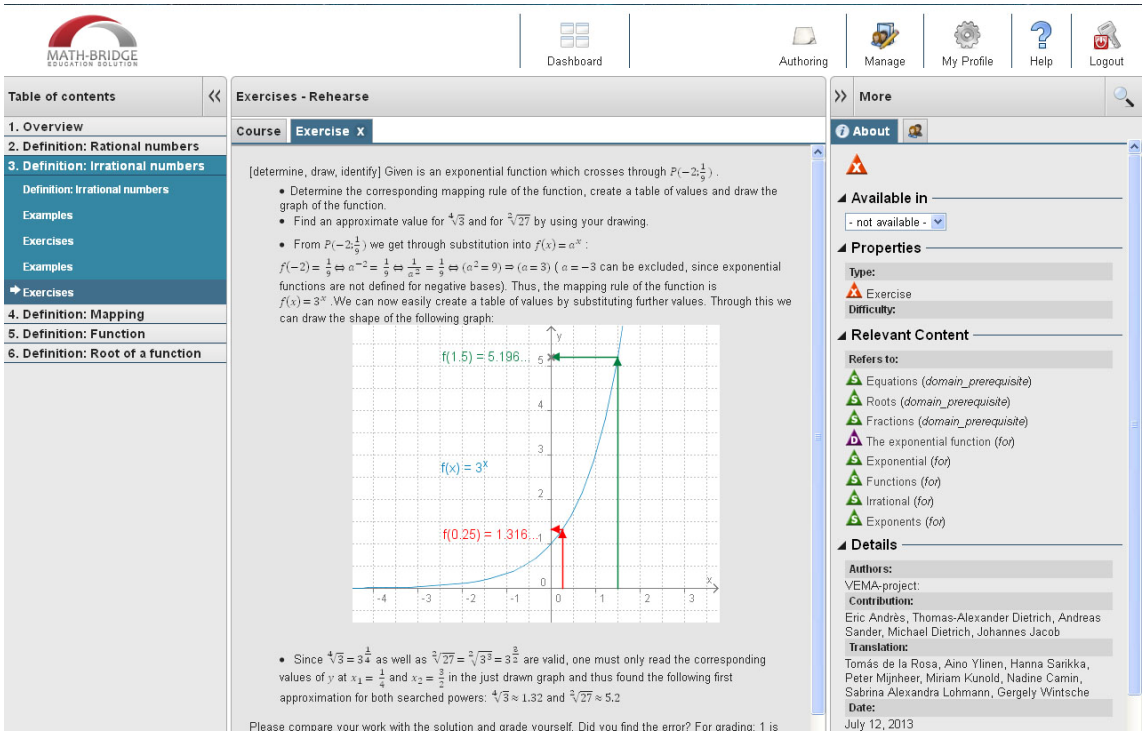


Рис. 3. Решение примера, представленного на рис. 2

Рассмотрим, например, следующее задание (рис. 2). График показательной функции проходит через точку P(–2; 1/9). Требуется:

1) привести формулу, задающую данную функцию, построить таблицу значений и начертить график функции;

2) с помощью графика вычислить приближенные значения величин $\sqrt[4]{3}$ и $\sqrt[2]{27}$.

В данном примере после выполнения задания система предлагает сравнить решение обучающегося с решением, заложенным в системе (рис. 3).

Любой объект в Math-Bridge связан не только с другими темами, но и с более мелкими объектами: определениями, пояснениями, какими-то конкретными упражнениями. Для изучаемой темы указываются связи с объектами, которые должны изучаться после данной, а также те, которые следовало бы изучить предварительно. На рис. 4 приведены такие связи для рассматриваемого примера.

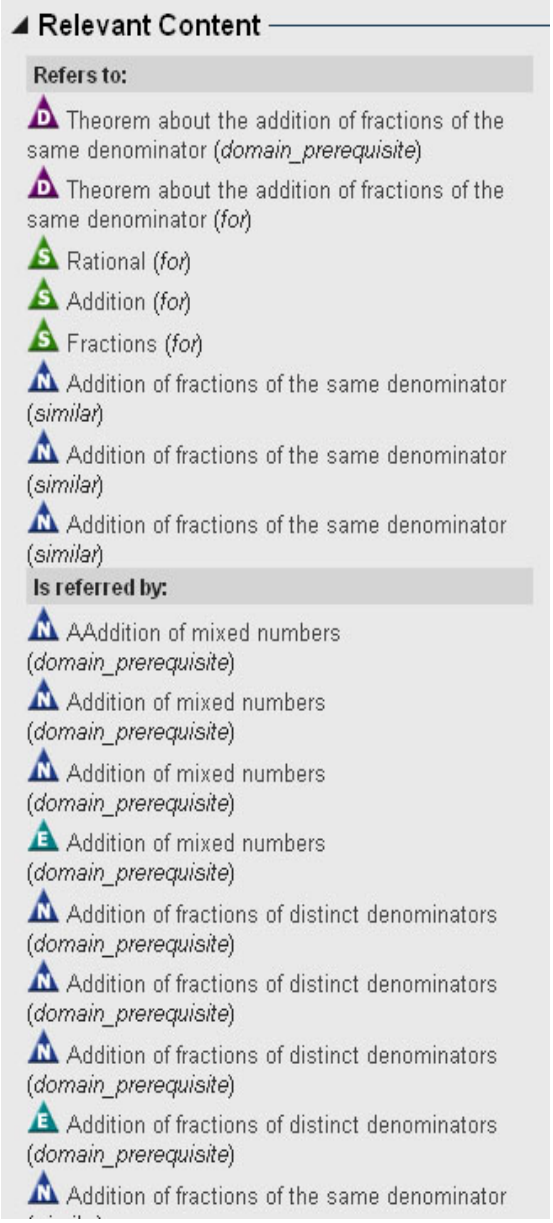


Рис. 4. Пример использования математической онтологии: показаны темы, которые нужно изучить прежде рассматриваемой, и темы, которые можно изучать после усвоения текущей

В других случаях система пошагово отслеживает решения, как, например, в следующей простой задаче (рис. 5), где при решении неправильно вычислено наименьшее общее кратное и система фиксирует ошибку. Рисунок 6(а) демонстрирует действие пользователя при введении ответа, рис. 6(б) – правильное решение, рис. 6(в) – неправильное решение.

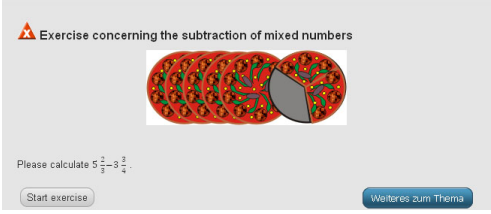
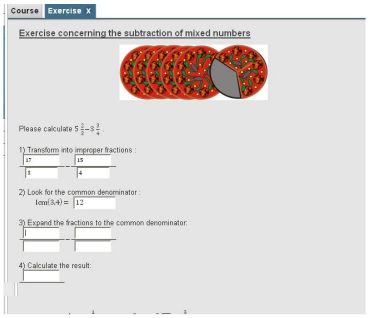


Рис. 5. Исходная задача

В системе Math-Bridge прослеживается обратная связь с помощью специальных средств комментирования и учета продвижения по курсу (рис. 7).

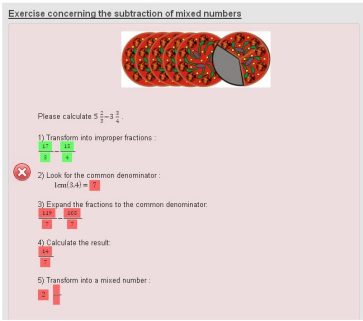


а

Решение учащегося

б

Правильное решение



в

Неправильное решение

Рис. 6. а) – Здесь учащийся вводит свое решение; б) – Если решение правильное, цвет фона светло-зеленый и все правильные ответы подсвечиваются зеленым цветом; в) – Если решение неправильное, то цвет фона розовый и неправильные действия подсвечиваются красным цветом

В информатике и искусственном интеллекте используется термин «онтоло́гия» для всеобъемлющей и подробной формализации некоторой области знаний с помощью концептуальной схемы. Обычно такая схема состоит из структуры данных, содержащей все релевантные классы объектов, их связи и правила (теоремы, ограничения), принятые в этой области [6]. В Math-Bridge используются две различные онтологии. Одна онтология представлена в виде семантического формата разметки математических документов (OMDoc) и описывает предметную область с математической точки зрения. Другая онтология содержит педагогическую информацию и представлена расширением OMDoc. Стандарт OMDoc определяет детализированные учебные объекты, связанные между собой некоторыми отношениями (аксиомы, теоремы, доказательства, упражнения, примеры и т.п.). Все учебные объекты составляют базу знаний, из которой могут формироваться учебные курсы [7].

Метаданные, которые описывают все используемые объекты, можно разделить на три категории [8]:

– общие административные метаданные;

– математические метаданные;

– педагогические (образовательные) метаданные.

Система Math-Bridge поддерживает предопределенные учебные курсы, хранящиеся в базе знаний, отдельными элементами – учебными объектами, обладающими всевозможными педагогическими и математическими характеристиками (например, компетенциями, которые может получить обучающийся, связями с другими математическими дисциплинами). Пользователь имеет доступ к нескольким курсам одновременно, он может сгенерировать новый персональный курс, выбрав определенные педагогические или математические цели, или получить набор упражнений для тренировки заявленных навыков. Индивидуальные учебные объекты могут менять язык представления по требованию. Это удобно для иностранных студентов: например, студент из Камеруна может перейти с русского языка на французский. Во время работы с курсом или с каким-либо учебным объектом пользователь может получать помощь и инструкции по требованию.

В системе Math-Bridge есть следующие возможности для преподавателя и администратора системы: имеются механизмы управления курсом, управления пользователями, распределением обучающихся по группам, механизмы контроля за результатами испытаний, отчетностью. Авторы курсов также имеют свой инструментарий: можно создавать учебные объекты с нуля, можно вносить изменения в существующие курсы, осуществлять семантическую, синтаксическую, цифровую проверку, создавать учебные объекты сразу на нескольких языках, использовать дружеский интерфейс для создания математических и педагогических метаданных, просматривать иерархическую онтологию.

Система Math-Bridge может быть использована в режиме чистого электронного обучения, при смешанном обучении, при подготовке к экзаменам. С 2013 года Нижегородский госуниверситет участвует в разработке проекта программы Темпус (№ гранта 543851-TEMPUS-1-2013-1-DE-TEMPUS-JPCR) – проект «Современные образовательные технологии преподавания математики в инженерном образовании России» (2013–2016). Проект разрабатывается консорциумом университетов, среди которых университеты Германии, Франции, Финляндии, пять университетов России и Ассоциация инженерного образования России. В ННГУ проект выполняется в Институте информационных технологий, математики и механики. Проект предполагает системный подход к использованию электронного обучения в инженерных дисциплинах. Рассматривается не механическое включение электронного обучения в существующие учебные планы, а возможность введения инструментов технологий расширенного электронного обучения (Technology-Enhanced Learning) после сравнительного анализа национальных математических учебных планов для структурных улучшений наиболее подходящих областей. К настоящему времени с учетом зарубежного и отечественного опыта вузов – участников проекта, а также с учетом использова-

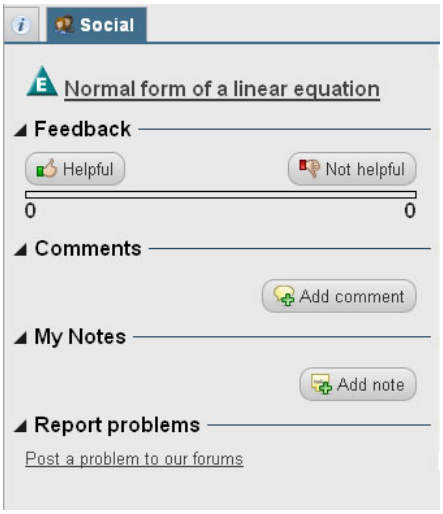


Рис. 7. Блок обратной связи с учащимся

ния платформы поддержки обучения математики в ННГУ модернизированы и введены в учебный процесс учебные планы по математическому анализу. Активно ведется адаптация платформы Math-Bridge для России. После апробации новой технологии обучения и оценки ее эффективности полученные результаты будут переданы заинтересованным вузам для дальнейшего использования. Результаты регулярных обсуждений получаемых результатов на семинарах вузов – участников проекта показывают, что использование модернизированных учебных планов и новых технологий обучения позволит повысить качество подготовки инженерных кадров.

Список литературы

1. https://en.wikipedia.org/wiki/Science,_Technology,_Engineering,_and_Mathematics (дата обращения: 01.02.2016).

2. Малкина Е.В., Швецов В.И. О контроле качества электронных управляемых курсов при формировании электронной образовательной среды // Web-технологии в образовательном пространстве: проблемы, подходы, перспективы: Сб. ст. участников Международной научно-практической конференции. 26–27 марта 2015 г., Н. Новгород / Под общ. ред. С.В. Арюткиной, С.В. Напалкова; Арзамасский филиал ННГУ. Н. Новгород: Растр-НН, 2015. С. 76–82.

3. Woolf B.P. Building Intelligent Interactive Tutors: Student-centered strategies for revolutionizing e-learning. Amsterdam, Boston: Morgan Kaufmann, 2008. P. 480.

4. Смирнова Н. Интеллектуальное управление процессом обучения [Электронный ресурс]. – URL: http://habrahabr.ru/post/194240/ (дата обращения: 01.02.2016).

5. http://www.math-bridge.org/ (дата обращения: 01.02.2016).

6. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_(%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0) (дата обращения: 01.02.2016).

7. Melis E., Goguadze G., Libbrecht P., Ullrich C. ActiveMath – a learning platform with Semantic Web features // In: Dicheva D., Mizoguchi R., Greer J. (Eds.). Semantic Web technologies for e-Learning. Amsterdam, United States: IOS Press, 2009. P. 159–177.

8. Melis E., Goguadze G., Homik M., Libbrecht P., Ullrich C., Winterstein S. Semantic-Aware Components and Services of ActiveMath // British Journal of Educational Technology. 2006. 37(3). P. 405–423.

INTRODUCTION OF INTENSIVE METHODS FOR THE STUDY OF MATHEMATICAL DISCIPLINES THROUGH IMPLEMENTATION OF E-LEARNING SYSTEMS

E.V. Malkina, V.I. Shvetsov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The aim of this work is to improve the training in mathematics of high school students as well as engineering students of colleges and universities, thus providing the basis for quality engineering education. This is achieved through the implementation of e-learning systems both under the guidance of a teacher and in the course of self-guided studies. MATH-BRIDGE smart learning system is proposed as one of possible options. We describe the results obtained in the course of the Tempus project Contemporary educational technologies of mathematics teaching in Russia's engineering education 2013–2016 implemented at Lobachevsky University. Application of these results will contribute to the enhancement of the quality of engineers' training.

Keywords: electronically conducted course (ECC), e-learning, intelligent tutoring systems, semantic e-learning, web-oriented systems, MOODLE, MATH-BRIDGE.

УДК 378

МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ К ПРИМЕНЕНИЮ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФИЗИКЕ В ВУЗЕ

© 2016 г.

Л.В. Масленникова, О.А. Арюкова, Ю.Г. Родиошкина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
(Рузаевский институт машиностроения)

aryukowa@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2016
Статья принята к публикации 21.04.2016

Изложены современные проблемы и методы для осуществления фундаментальной и профессионально-направленной подготовки по физике студентов технических специальностей с использованием математического моделирования. Определены теоретические основы построения методики и представлена модель методики подготовки будущих инженеров к применению математического моделирования в профессиональной деятельности при обучении физике, также приведено описание конкретной методики подготовки студентов к применению математического моделирования при решении профессионально направленных физических задач, построенной на основе представленной модели.

Ключевые слова: компетенции, математическое моделирование, технический вуз, методика, профессиональная деятельность.

Профессиональная инженерная деятельность заключается в создании, проектировании и конструировании новейших технических устройств, оптимизации и организации производственного процесса, что на сегодняшний день невозможно без моделирования соответствующих устройств и техпроцессов. Это предъявляет к профессиональным компетенциям инженера требование сформированности умения использовать метод математического моделирования. На формирование данного умения должна быть ориентирована компетентная профессиональная подготовка инженеров в технических вузах. Значительную роль в решении соответствующей задачи играет обучение физике [1].

С учетом сказанного выше нами были определены специальные компетенции, которыми должны овладеть студенты инженерных специальностей, применяя математическое моделирование при изучении курса физики. Так, например, для бакалавров направления подготовки 15.03.05 «Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств» при обучении физике с применением математического моделирования нами были выделены следующие специальные компетенции [2].

Общенаучные компетенции:

– способность проводить анализ исследуемой проблемы, процесса или явления, умение использовать на практике фундаментальные знания и методы физических исследований;

– способность получать новые знания в области физики, в том числе с использованием современных образовательных и информационных технологий;

– способность применять знания естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, применять методы моделирования теоретического и экспериментального исследования.

Инструментальные компетенции:

– способность применять на практике имеющие знания о физических объектах и явлениях, а также выдвигать предположения, составлять математические модели, делать анализ границ их применимости;

– способность составлять математические модели реальных технологий и процессов;

– способность разрабатывать, делать анализ и обосновывать адекватность математических моделей;

– способность планировать и проводить физические эксперименты адекватными экспериментальными методами, давать оценку точности и погрешности измерений, анализировать физический смысл полученных данных.

На сегодняшний день математическое моделирование считается необходимым и важным методом исследования [3]. Суть данного метода заключается в замене рассматриваемого объекта (процесса) его «образом», так называемой математической моделью [4]. Ее исследование

Таблица 1

Взаимосвязи математических, физических и технических теорий

№ п/п	Математические теории	Темы курса физики	Технические теории
1	Аналитическая геометрия, дифференциальное исчисление	Кинематика	Теория надежности и долговечности машин и механизмов, теория механизмов и машин, детали машин и основы конструирования
2	Аналитическая геометрия, дифференциальные уравнения, интегральное исчисление	Динамика	Теория надежности и долговечности машин и механизмов, теория механизмов и машин, детали машин и основы конструирования
3	Векторная алгебра, производные функции, интегральное исчисление	Релятивистская механика	Технология и технологические процессы, теория резания, теория пластичности, теория упругости
4	Теория функции комплексной переменной, интегральное исчисление	Механика твердого тела	Теория механизмов и машин, теория надежности и долговечности машин и механизмов, теория дислокации, теория резания, теория пластичности, технология и технологические процессы
5	Векторная алгебра, интегральное исчисление, теория вероятностей	Механика жидкостей и газов	Теория механизмов и машин, детали машин и основы конструирования, теория гидропривода, теория дислокации, технология и технологические процессы
6	Дифференциальные уравнения, элементы теории поля, интегральное исчисление	Молекулярно-кинетическая теория вещества, термодинамика	Детали машин и основы конструирования, теория гидропривода, теория резания, теория пластичности
7	Векторная алгебра, интегральное исчисление	Статистическая физика	Технология и технологические процессы, теория пластичности, электроника

дает новую информацию об объекте, о закономерностях, происходящих в том или ином технологическом процессе. В количественном выражении математические модели описывают изучаемые процессы (явления), предсказывают их дальнейшее развитие, а также при удовлетворительных условиях предписывают экспериментаторам, какие эксперименты ставить. В этом случае полученная модель состоит из последовательности математических выражений, логически связанных между собой. Таким образом, математическая модель представляет собой некоторую математическую структуру, которая соответствует действительному прототипу и заменяет его в познавательных или информационных процессах [5]. В настоящее время традиционными для построения подобных математических моделей являются методы, где объективные законы естествознания выражены в форме алгебраических уравнений и неравенств, дифференциальных, интегральных, логических и функциональных соотношений.

В работе [2] сформулированы характерные особенности, которыми обладает метод математического моделирования:

– он дополняет традиционные классические методы исследования, позволяя получать надежное, хотя и эмпирическое знание по интересующей проблеме за более короткое время и менее дорогостоящим образом, чем при использовании классических методов;

– определяет общую перспективу экспериментального исследования явления или процесса; совместно с натурными экспериментами, оно способствует правильной интерпретации тончайших опытов, уточнению результатов измерений и позволяет наиболее эффективно определять направление последующих исследований;

– позволяет получить информацию об объектах и процессах, вообще недоступных для исследования методами натурного эксперимента.

При обучении физике студентов инженерных направлений с использованием выше приведенных положений предусмотрено формирование профессиональных умений применять математическое моделирование в будущей профессиональной деятельности. Основным положением методики является интеграция математических, физических и технических теорий (табл. 1).

Модель предлагаемой методики подготовки студентов инженерных направлений к применению математического моделирования при обучении физике представлена на рис. 1. Она включает мотивационно-целевой, содержательный, процессуально-технологический и диагностический компоненты [2].

Мотивационно-целевой компонент представлен совокупностью целей, главная из которых – сформировать у студентов умение выполнять математическое моделирование технологических процессов при решении профес-

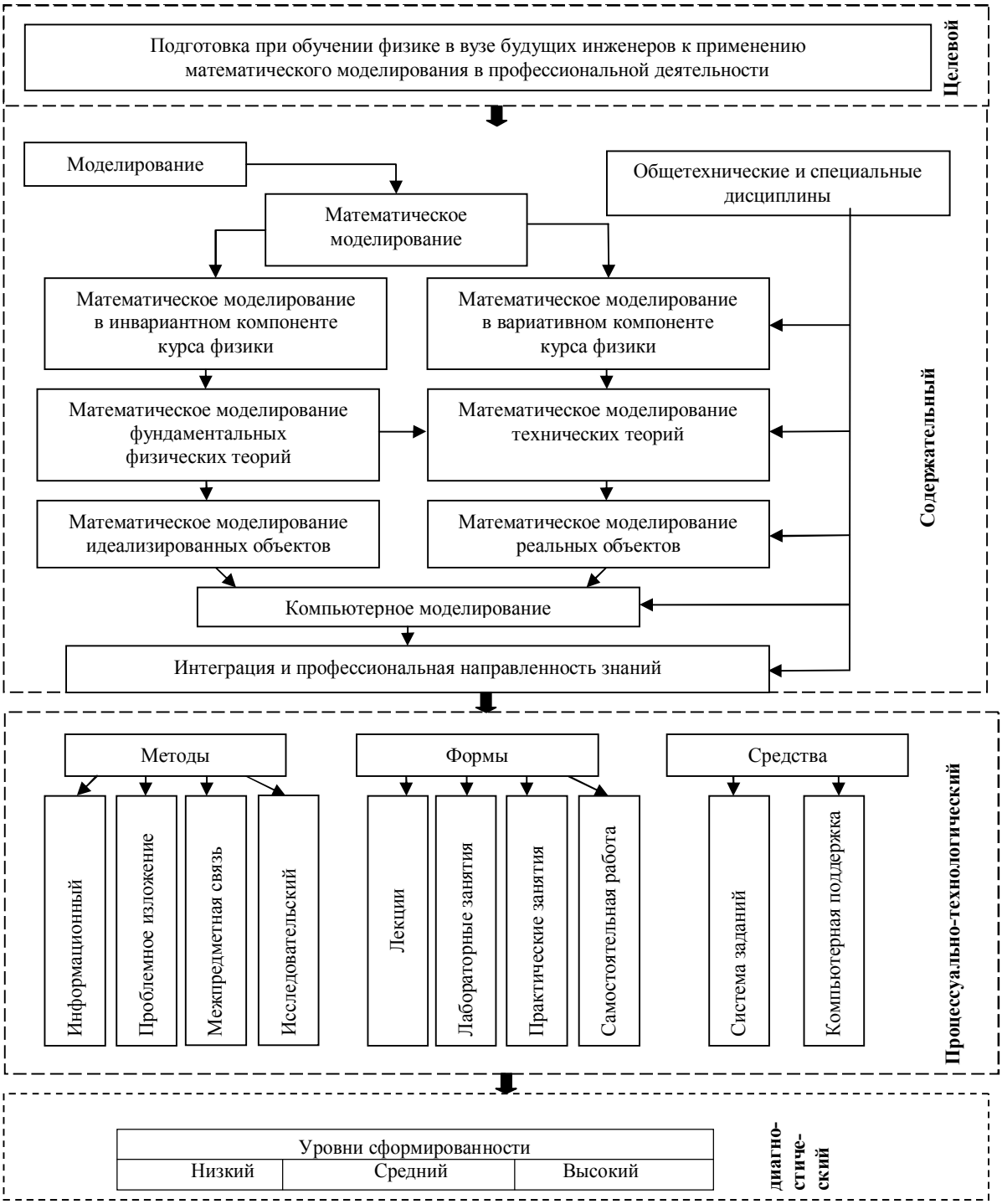


Рис. 1. Модель методики подготовки при обучении физике в вузе будущих инженеров к применению математического моделирования в профессиональной деятельности

сионально-ориентированных задач. Частные цели представлены созданием научной, фундаментальной базы знаний и умений студентов, необходимой для изучения профессиональных дисциплин; повышения уровня базовой подготовки студентов и закрепления навыков использования математического моделирования, при решении задач встречающихся в профессиональной деятельности инженера.

Содержательный компонент представлен учебным материалом по физике, при изучении которого у студентов формируются умения применять математическое моделирование. То есть отбирается учебный материал, изучение которого логично с применением математического моделирования.

Основными дидактическими принципами при этом выступают принципы научности, на-

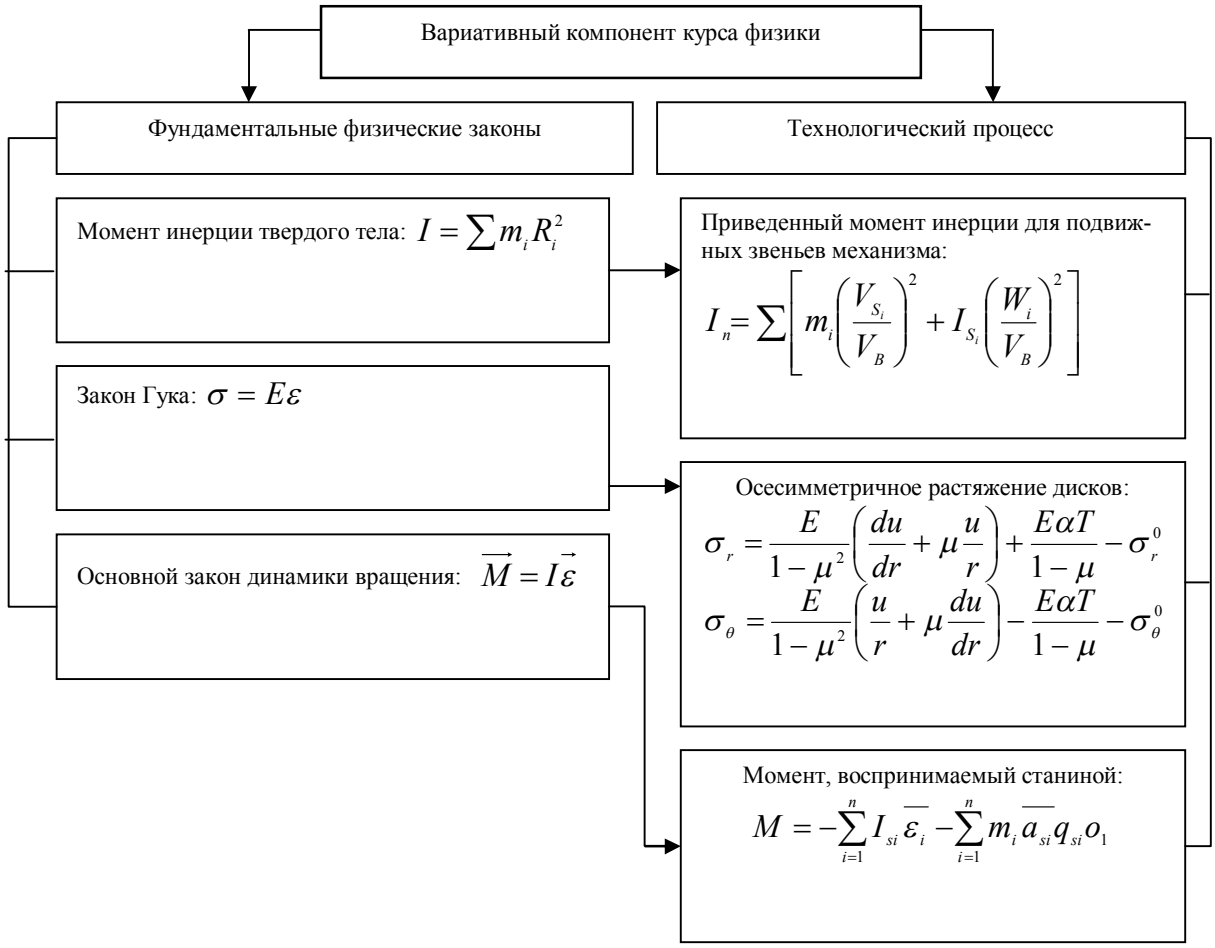


Схема 1. Фрагмент вариативного компонента курса физики

глядности, системности, последовательности, доступности и др.

Содержание физического образования состоит из базового (инвариантного) и профильного (вариативного) компонентов. Базовый (инвариантный) компонент содержит базовые знания – фундаментальные физические законы и понятия, а профессионально направленный – предполагает формирование знаний и умений использовать фундаментальные законы физики и математическое моделирование при решении профессиональных задач [1].

Инвариантный компонент курса физики описан с помощью уравнений и другой математической символики. Т.е. для абстрактных объектов фундаментальные физические законы математически смоделированы и при решении физических задач дают приближенный результат, так как любой закон имеет свои границы применимости. Таким образом, при расчете реальных инженерных задач применение основных физических законов в «чистом» виде чревато большой погрешностью, что недопустимо в профессиональной деятельности.

Вариативный компонент курса физики предполагает создание фундаментальной научной базы для изучения студентами последующих профессиональных технических дисциплин, основу которых представляют фундаментальные физические законы и явления [6]. При решении инженерных задач, учитывая немаловажные свойства исследуемого процесса, возникает необходимость выполнить дальнейшее моделирование физических законов (схема 1).

В этом случае отбор содержания курса физики для студентов инженерных специальностей предлагаем осуществлять, придерживаясь следующей последовательности действий:

1) выбрать ряд производственных процессов из реальной инженерной практики (например, механические, термические, электрофизические процессы при шлифовании);

2) выявить основные законы физики, которые лежат в основе технологического процесса;

3) представить инженерную задачу как задачу по физике с максимальным приближением к реальным производственным условиям;

4) построить математическую модель исследуемого процесса (объекта) с учетом необходимых параметров и законов физики.

Из вышесказанного следует, что в вариативной составляющей курса физики рассматрива-

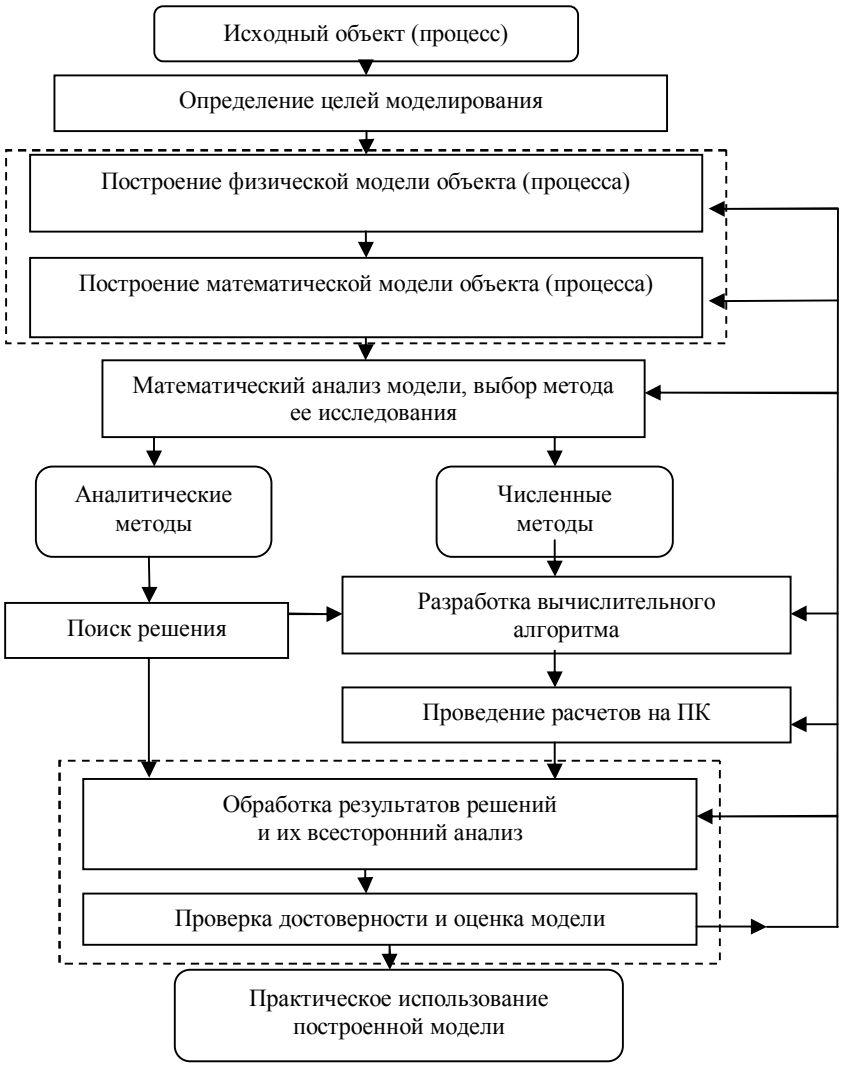


Схема 2. Основные этапы математического моделирования

ются задачи, в основе которых лежат объект, явление, технология или технологический процесс, анализ которых требует применения метода математического моделирования [7].

В работе [2] выделено и представлено шесть основных этапов математического моделирования, которому обучают студентов в техническом вузе (схема 2).

На I этапе определяются цели моделирования, формулируются вопросы, на которые нужно получить ответы в процессе моделирования, а также выделяются физические процессы, которые необходимо моделировать. На II этапе осуществляется переход от практической задачи к построению физической модели, а после этого – к созданию ее математической модели. На III этапе выбирается метод исследования математической модели, построенной на предыдущем этапе. На IV этапе полученное решение математической задачи переводится на язык исходной физической задачи. На этапе проверки тождественности модели выясняется согласованность результатов эксперимента с теоретическими следствиями из модели в пределах определенной точности. На VI этапе выполняется корректировка модели (модель либо усложняется, либо упрощается для достижения практически приемлемого решения).

В учебном процессе в рамках *процессуально-технологического компонента* модели реализуются цели обучения, формируется содержание курса физики с применением математического моделирования. Данный компонент модели включает методы, формы и средства обучения. В методах обучения реализуется принцип интеграции фундаментальных, профессионально-направленных и математических знаний и умений. Так, наряду с такими методами, как информационно-иллюстративный и репродуктивный, применяются частично-поисковый, проблемный и исследовательский методы.

В непосредственной зависимости от содержания и методов обучения находятся формы обучения. В качестве форм организации обуче-

Таблица 2

Этапы математического моделирования при решении задач

1. Этап формализации	– постановка задачи и ее качественный анализ; – построение математической модели; – проверка адекватности модели и ее корректировка в случае необходимости
2. Решение задачи внутри модели	– решение поставленной задачи с помощью построенной модели; – внутримодельное решение
3. Этап интерпретации	– интерпретация ответа – исследование проведенного решения

Таблица 3

Этапы математического моделирования при выполнении лабораторного практикума

1. Постановка проблемы и её качественный анализ	– определение целей эксперимента; – планирование и подготовка эксперимента
2. Формализация	– организация и проведение эксперимента
3. Реализация	– математическое моделирование процесса; – обработка результатов на компьютере; – компьютерное моделирование, выход за пределы эксперимента
4. Проверка адекватности модели	– обобщение и анализ результатов; – практическое использование результатов

ния нами были выбраны практические и лабораторные занятия, а также самостоятельная работа студентов.

Методы и формы организации учебного процесса реализуются с помощью специально разработанных дидактических средств. Нами была разработана система заданий, которая включает в себя задания к практическим и лабораторным занятиям, а также задания для выполнения самостоятельной работы.

Результативно-диагностический компонент модели методики диагностирует уровень сформированности умений моделировать технологии и производственные процессы на примере решения задач по физике с элементами профессиональной направленности. Данный компонент реализуется через систему задач к практическим и лабораторным занятиям, инструкций к написанию курсовых работ, тестов, анкет. Предложенный метод позволяет проверить готовность студентов инженерных специальностей к применению математического моделирования в своей будущей профессиональной деятельности.

Чтобы сформировать профессиональные умения, мы разработали физические задачи, которые имеют профессиональное содержание и требуют использования математического моделирования.

В этом случае мы предлагаем следующие этапы математического моделирования, используемые при решении задач (табл. 2).

При выполнении студентами лабораторных работ по физике с применением математического и компьютерного моделирования широко применяется принцип профессиональной направленности.

В таблице 3 представлены этапы математического моделирования, которых нужно придерживаться при выполнении лабораторной работы.

Экспериментальные исследования выполняются студентами на реальных установках, т.к. для будущих специалистов инженерного профиля необходимы навыки работы с экспериментальным оборудованием, с дальнейшим моделированием, а также с применением компьютера, который позволяет исследовать физические процессы в более широком диапазоне [8].

Курсовая работа по физике – одна из важнейших форм организации самостоятельной работы. Через курсовую работу осуществляется подготовка студентов к профессиональной деятельности.

Удовлетворяющими поставленным целям являются курсовые работы следующих типов [2]:

– курсовые расчетные работы по физике, которые основаны на интеграции физических и технических знаний с использованием метода математического моделирования;

– курсовые работы с элементами научного, исследовательского характера.

При выполнии курсовой работы студентам рекомендуется придерживаться этапов математического моделирования, которые представлены в таблице 4 [2].

Результатом работы над курсовым проектом становится формирование единого естественнонаучного подхода к решению сложных проблем, формирование умения выдвигать гипотезы, проблемы, искать пути их решения.

Итак в результате проведенного исследования нами разработана методика обучения физике студентов технических вузов к применению математического моделирования в профессиональной деятельности, которая повышает уровень фундаментальной подготовки студентов по

Таблица 4

Этапы математического моделирования при выполнении курсовой работы

1. Постановка проблемы и её качественный анализ	– определение цели задачи
2. Формализация	– построение физической модели объекта; – переход к математической модели
3. Реализация	– решение полученной задачи
4. Проверка адекватности модели	– верификация модели на основе сравнения результата с экспериментальными данными
5. Модификация модели	– уточнение модели при необходимости

физике за счет сформированности умения использовать математическое моделирование при решении физических задач с профессиональным содержанием.

Список литературы

1. Масленникова Л.В. Взаимосвязь фундаментальности и профессиональной направленности в подготовке по физике инженерных кадров. М.: МПГУ, 1999. 148 с.

2. Арюкова О.А. Подготовка при обучении физике в вузе будущих инженеров к применению математического моделирования в профессиональной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: М.: МГПУ, 2012. 26 с.

3. Арюкова О.А. Реализация математического моделирования в курсе физики высших технических школ // Вестник Башкирского государственного университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 994–997.

4. Самарский Л.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование. Идеи. Методы. Примеры. М.: Наука, 1997. 204 с.

5. Целищева И., Зайцева С. Моделирование в текстовых задачах // Приложение к газете «1 сентября». Математика. 2002. № 33.

6. Арюкова О.А. Математическое моделирование вариативного компонента курса физики в техническом вузе // Интеграция образования. 2011. № 1. С. 47–53.

7. Масленникова Л.В., Корнилова Т.В., Родиошкина Ю.Г., Арюкова О.А. Особенности структурирования естественнонаучных дисциплин в техническом вузе (на примере физики и теоретической механики): Монография / Под ред. Э.В. Майкова. Самара: СамГУПС, 2011. 216 с.

8. Шарипов А.К. Моделирование как средство интеграции курса математики с курсами информатики и специальных дисциплин в автотранспортных техникумах: Автореф. дис. … канд. пед. наук. Омск: ОмГПУ, 2002. 22 с.

THE METHODOLOGY FOR PREPARATION OF FUTURE ENGINEERS TO THE USE OF MATHEMATICAL MODELING IN PROFESSIONAL ACTIVITIES IN THE UNIVERSITY PHYSICS COURSE

L.V. Maslennikova, O.A. Aryukova, Yu.G. Rodioshkina

Mordovian State University
(Ruzaevka Institute of Engineering)

This article describes the current problems and methods for the implementation of fundamental and professionally oriented training in physics of engineering students using mathematical modeling. We present the theoretical basis and the model for the methodology aimed to prepare future engineers in the university physics course for the use of mathematical modeling in their professional activities. We also describe specific methods constructed on the basis of the presented model for preparing students to apply mathematical modeling for solving professional physical problems.

Keywords: competencies, mathematical modeling, technical university, methodology, professional activities.

УДК 378.147.88:53

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ ПО ФИЗИКЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС

© 2016 г.

С.М. Андрюшечкин

Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина

asm57@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2015
Статья принята к публикации 18.04.2016

Обсуждаются понятия исследовательской и проектной деятельности в связи с требованиями новых федеральных образовательных стандартов; рассмотрена причина терминологического сближения указанных понятий. Предложены критерии, на которые следует ориентироваться при выборе темы исследовательского проекта по физике для школьников: расширение знаний по курсу физики, успешность выполнения, сочетание экспериментального исследования и теоретического анализа, субъективная новизна. Приведены примеры проектов, удовлетворяющих заявленным критериям, отмечена их высокая эффективность для формирования физического мышления учащихся.

Ключевые слова: ФГОС, критерии выбора темы исследовательского проекта по физике для школьников.

Введение

Федеральный государственный стандарт среднего (полного) общего образования (ФГОС) ориентирован на становление определённых личностных характеристик выпускника как человека, владеющего основами научных методов познания окружающего мира, мотивированного на творчество и инновационную деятельность, готового к сотрудничеству, способного осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и информационно-познавательную деятельность [1].

Среди требований к результатам освоения основной образовательной программы в Стандарте особо выделено требование выполнения обучающимся индивидуального проекта. «Индивидуальный проект выполняется обучающимся в течение одного или двух лет в рамках учебного времени, специально отведённого учебным планом, и должен быть представлен в виде завершённого учебного исследования или разработанного проекта: информационного, творческого, социального, прикладного, инновационного, конструкторского, инженерного» [1]. Таким образом, возникает **проблема** определения критериев выбора тем проектов, которые могут быть рекомендованы учащимся в рамках предметной области «Естественные науки», и в частности по физике.

Понятия проектной и иследовательской деятельности

После изучения текста ФГОС остаётся открытым вопрос – какое содержание вкладывают авторы Стандарта в термины «исследовательский» и «проектный», ведь в педагогической литературе спектр определений данных понятий весьма широк.

По нашему мнению, достаточно полно описывают данные понятия следующие определения. «Под исследовательской деятельностью понимается деятельность учащихся, связанная с решением учащимися творческой, исследовательской задачи с заранее неизвестным решением (в отличие от практикума, служащего для иллюстрации тех или иных законов природы) и предполагающая наличие основных этапов, характерных для исследования в научной сфере, нормированная исходя из принятых в науке традиций: постановку проблемы, изучение теории, посвящённой данной проблематике, подбор методик исследования и практическое овладение ими, сбор собственного материала, его анализ и обобщение, собственные выводы» [2, с. 15]. Учебный проект – это «специально организованный и самостоятельно выполняемый учащимися на основе субъектного целеполагания комплекс учебных действий, завершающийся созданием образовательного продукта и его представлением в рамках презентации» [3, с. 8].

Несмотря на то что исследование и проектирование являются принципиально разными видами деятельности, анализ психолого-педагогической литературы показывает, что «ученые признают возможность диффузии «проекта» и «исследования» в условиях обучения детей этим видам деятельности» [4, с. 5]. Чем же обусловлена такая ситуация? По мне-

нию Е.Л. Ерохиной, исследовательская и проектная деятельность учащихся как виды познавательной деятельности схожи в главном – это самостоятельная, а следовательно, поисковая деятельность школьников. Именно ключевое слово «поиск» и обусловило терминологическое сближение данных понятий.

Е.С. Полат, исходя из того, какая деятельность доминирует в проекте, предлагает выделять следующие типы проектов: исследовательские, творческие, ролевые, ознакомительно-ориентировочные (информационные), практико-ориентированные (прикладные) [5, с. 71–73].

Критерии исследовательских проектов

Для учителя физики наибольший интерес представляют исследовательские проекты. Анализ методической литературы, а также собственный педагогический опыт позволили нам определить критерии, которым должна удовлетворять тема исследовательского проекта, чтобы он в полной мере решал задачу развития физического мышления учащегося и способствовал достижению требований ФГОС. Сформулируем данные критерии и приведём их обоснование.

1. *В процессе выполнения проекта учащийся углубляет уже имеющиеся у него знания по школьному курсу физики.* Таким образом, целью проекта не должно быть, например, погружение ученика в вопросы, изучающиеся в вузовском курсе общей физики, типа анализа магнитного поля движущегося заряда или квантовой статистики Бозе – Эйнштейна. «Работа учащихся успешна, если её тематика связана с учебной программой» [6. с. 199].

2. *В итоге выполнения проекта должна реализоваться ситуация успеха.* В качестве обоснования приведём широко известную цитату: «Резерфорд считал, что начинающему ученому не следует давать технически трудную работу. Для начинающего работника, даже если он и талантлив, нужен успех, не то может произойти необоснованное разочарование в своих силах. Если у ученика есть успех, то надо его справедливо оценить и отметить» [7, с. 306].

3. *Тема исследовательского проекта по физике должна давать возможность выполнить экспериментальное исследование изучаемой проблемы и провести теоретический анализ полученных результатов.* Вновь за аргументами обратимся к классику науки: «Естествознание движется вперёд на двух ногах – теории и эксперименте. <…> Иной раз то одна, то другая нога выдвигается вперёд, но длительный прогресс возможен только тогда, когда обе они в ходу» [8].

Например, при выполнении проекта «Как зависит время варки картофеля от его размера» результаты проведённого эксперимент убеждают, что время варки картофеля τ определяется квадратом диаметра клубня D^2:

$$\tau \sim D^2,$$

что обосновывается методом размерности. В проекте «Как зависит сила тока, при которой перегорают металлические проводники, от их диаметра» легко провести теоретический анализ проблемы и подтвердить экспериментально, что сила тока I определяется диаметром проводника d в степени 3/2:

$$I \sim d^{3/2}.$$

4. *Исследуемая при выполнении проекта физическая ситуация должна иметь субъективную новизну.* Действительно, ещё в середине прошлого века известный психолог С.Л. Рубинштейн писал: «Мышление обычно начинается с проблемы или вопроса, с удивления или недоумения, с противоречия. Этой проблемной ситуацией определяется вовлечение личности в мыслительный процесс; он всегда направлен на разрешение какой-то задачи» [9, с. 391]. Ясно, что «перепевы» известной ученику лабораторной работы или работы физического практикума не станут для него инициатором мыслительного процесса.

Практика реализации исследовательских проектов по физике

В качестве примера рассмотрим исследовательские проекты, объединённые применением капилляра с термометрической жидкостью как индикатора количества теплоты, полученного системой. Пусть воздуху, находящемуся в небольшом резервуаре (колбе, пробирке), замкнутом горизонтально расположенным капилляром с термометрической жидкостью, передано некоторое количество теплоты Q (рис. 1).

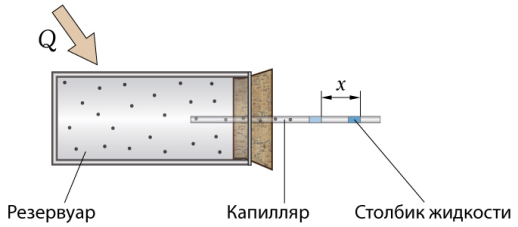


Рис. 1. Применение капилляра с термометрической жидкостью как индикатора количества теплоты

Изменение температуры воздуха в резервуаре ΔT и переданное воздуху количество теплоты Q связаны соотношением

$$Q = mc_p\,\Delta T, \qquad (1)$$

где m – масса воздуха в резервуаре, c_p – удельная теплоёмкость воздуха при постоянном давлении.

Повышение температуры воздуха приведёт к его изобарному расширению и смещению столбика термометрической жидкости на x. Если s – площадь поперечного сечения капилляра, то изменение объёма воздуха ΔV при его расширении составит

$$\Delta V = sx, \qquad (2)$$

оно связано с изменением температуры воздуха очевидным соотношением

$$p\Delta V = \frac{m}{M} R\Delta T, \qquad (3)$$

где p – атмосферное давление, m – масса воздуха в резервуаре, M – молярная масса воздуха, R – газовая постоянная.

Из соотношений (1) – (3) видно, что

$$x \sim Q. \qquad (4)$$

Подобный индикатор «капилляр – жидкость» был использован при выполнении проекта «Изучение зависимости энергии магнитного поля катушки с током от силы тока» [10, с. 43–44], а также проекта «Сравнение теплопроводности металлов» [11].

Более подробно рассмотрим, как с помощью данного индикатора можно экспериментально установить зависимость энергии электрического поля конденсатора W от величины напряжения U и электроёмкости конденсатора C. Соответствующая установка изображена на рис. 2.

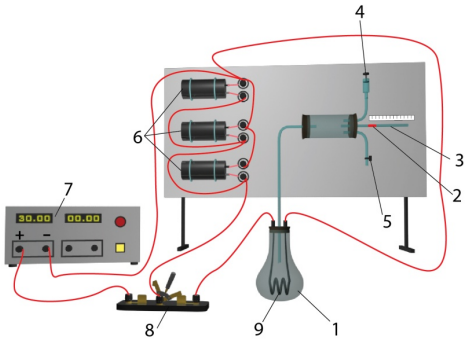


Рис. 2. Экспериментальная установка: 1 – колба, 2 – капилляр, 3 – капелька – столбик термометрической жидкости, 4 – шприц для регулировки положения столбика жидкости, 5 – клапан аварийного сброса давления, 6 – батарея конденсаторов, 7 – источник постоянного напряжения, 8 – ключ, 9 – проволочный резистор сопротивлением 4 Ом

Использовались три конденсатора емкостью по 10 000 мкФ каждый. Соединяя конденсаторы параллельно, последовательно и используя их смешанное соединение, можно получить различные значения электроёмкости от 3300 до 30 000 мкФ. Источник постоянного напряжения позволял заряжать конденсаторы напряжением от 0 до 40 В.

Предварительно зарядив конденсаторы, замыкают ключ и разряжают конденсаторы через проволочный резистор, помещённый в колбу. При разрядке конденсатора резистор нагревается, воздух, находящийся в колбе, расширяется, и столбик жидкости в капилляре смещается. Смещение столбика жидкости x прямо пропорционально энергии электрического поля W, запасённой в конденсаторе:

$$x \sim W.$$

Проведя ряд измерений, легко установить, что

$$W \sim U^2$$

и

$$W \sim C.$$

Заключение

Практика выполнения исследовательских проектов, темы которых удовлетворяют сформулированным критериям, показывает их высокую эффективность при решении задачи развития физического мышления учащихся. Это, в частности, подтверждается тем, что очень многие школьники, принимавшие участие в выполнении проектов, в дальнейшем стали успешными студентами физических факультетов университетов или технических вузов. Положительный результат обусловлен активизацией познавательной деятельности учащихся в процессе выполнения проекта. «Нет никакого иного эффективного практического пути формирования научного мышления как организация и управление познавательной деятельностью школьников в формах предметно-преобразующей, конструкторской, умственной, исследовательской, коммуникативной, рефлексивной (и иной) деятельности» [12, с. 149].

Список литературы

1. Федеральный государственный стандарт среднего (полного) общего образования. Утверждён Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://standart.68edu.ru/index.php/fgos/osnovnaia-shkola (дата обращения: 15.05.2016).

2. Леонтович А.В. Исследовательская деятельность учащихся (сборник статей). М.: МГДД(Ю)Т, 2003. 110 с.

3. Камерилова Г.С., Родыгина О.А. Технология проектной деятельности как условие развития учебного сотрудничества // Начальная школа плюс До и После. 2013. № 8. С. 7–12.

4. Ерохина Е.Л. Исследовательская и проектная деятельность школьника: разграничение понятий // Начальная школа плюс До и После. 2013. № 8. С. 3–6.

5. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. посо-

бие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2009. 272 с.

6. Бекмухамбетова С.Х., Темиркулова Н.И., Юшков А.В. Организация научно-исследовательской работы школьников как один из способов формирования физических понятий // Методология и методика формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов: Материалы XXXIII Международной научно-практической конференции, 15–16 мая 2006 г., Челябинск. Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2006. Ч. 2. С. 198–201.

7. Капица П.Л. Мои воспоминания о Резерфорде. Доклад на заседании в Лондонском Королевском обществе 17 мая 1966 г. // Капица П.Л. Научные труды. Наука и современное общество / Ред.-сост. П.Е. Рубинин. М.: Наука, 1998. С. 305–320.

8. Милликен Р.А. Электрон и световой квант с экспериментальной точки зрения. Нобелевская речь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ufn.ru /ru/articles/1926/1/b/ (дата обращения: 17.05.2015).

9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.

10. Целых Д. Об измерении энергии магнитного поля // Квант. 1998. № 1. С. 43–44.

11. Андрюшечкин С.М. О разграничении понятий теплопроводность и температуропроводность в школьном курсе физики // Сб. мат. X Всерос. науч. конф. «Физическое образование: проблемы и перспективы развития». М.: Изд-во МПГУ, 2011. С. 34–38.

12. Коханов К.А., Сауров Ю.А. Проблема задания и формирования современной культуры мышления: Монография. Киров: Изд-во ЦДООШ, 2013. 230 с.

RESEARCH PROJECT IN PHYSICS AS A MEANS FOR IMPLEMENTING FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS

S.M. Andryushechkin

Omsk State Agrarian University

In relation to the requirements of the new Federal Educational Standards, we discuss the concepts of research and project activity. The reason for terminological convergence of these concepts is considered. We propose a number of criteria for choosing the topic of a physics research project for school students: improvement of knowledge in physics course, the effectiveness of implementation, combination of experimental studies and theoretical analysis, subjective novelty. Some examples are given of the projects that satisfy the stated criteria. It is noted that they are more effective in developing students' physical thinking.

Keywords: Federal State Educational Standards, criteria for choosing the topic of a physics research project for school students.

УДК 001.81, 003.63, 37.022, 378.147

НАУЧЕНИЕ НАУЧНОМУ (КРИТИЧЕСКОМУ) МЫШЛЕНИЮ И ВИЗУАЛЬНАЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ: СОДЕРЖАНИЕ, ПРАКТИКА, ИНСТРУМЕНТЫ

© 2016 г.

Е.Н. Волков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

volken@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.01.2016
Статья принята к публикации 19.04.2016

Рассматривается необходимость улучшения научения в высшем образовании через изменение содержания и технологии двух базовых элементов: навыков мышления и форм представления знаний. Технология критического (научного) мышления, продвигаемая организацией Foundation For Critical Thinking (США), предлагается в качестве обязательного курса для всех уровней высшего образования. Определённые формы визуальной объективизации знаний, прежде всего сетевидные концепт-карты, оцениваются как наиболее релевантные для представления онтологических моделей (онтографии) в базах знаний и в процессе научения. Первоочерёдность и высокая продуктивность повсеместного внедрения обоих инструментов в практику высшего образования обосновывается их свойствами и накопленным опытом.

Ключевые слова: высшее образование, научение, критическое (научное) мышление, визуальная объективизация знаний, онтография.

Представьте, что вы сталкиваетесь с одной и той же регулярно повторяющейся проблемой в определённом виде деятельности или технологическом процессе. Какую стратегию решения вы предпочтёте использовать, имея уже в архивах сто вариантов или же десятки повторений двух-трёх вариантов неудачных решений?

В российском высшем образовании к таким повторяющимся, но до сих пор плохо решаемым проблемам можно отнести всё увеличивающийся разрыв между растущей сложностью задач, которые объективно необходимо решать современному человеку как профессионалу и как члену общества, и тем продуктом обучения, который выходит из вузовских стен. Нет никаких оснований ожидать, что в дальнейшем профессиональные и социальные задачи станут легче и проще (например, прекратится информационный «всемирный потоп»), а научные, технические и социальные проблемы станут решаться сами собой. Что же можно сделать, чтобы быть уверенными в задействовании максимума доступных возможностей оптимизации и интенсификации высшего образования и его, можно сказать, «синхронизации» с актуальными проблемами и передовыми когнитивными технологиями?

В сложившейся практике преобладает «индуктивно-ситуативная» стратегия улучшения обучения, в рамках которой ищут решения множества частных проблем второстепенного или низового уровня применительно к случайно (хаотично) сложившейся текущей ситуации, примерами чего могут служить введение ЕГЭ на «входе» в вузы и требование создания монструозных УМК в якобы обеспечение учебного процесса.

Единственным по-настоящему перспективным стратегическим и технологическим подходом всё же представляется дедуктивно-базисный (дедуктивно-реперный), т.е. идущий от наиболее общих, важнейших задач к частным, конкретным решениям и определяющий базисные (реперные) компетенции, на которых (компетенциях) затем можно надёжно выстраивать любые частные профессиональные компетенции.

В рамках эволюционной эпистемологии, которая рассматривает главную движущую силу любых живых организмов (включая, конечно же, и человека) как процесс совершенствования теорий и знаний, давно выделено решение проблем в качестве важнейшей задачи эволюции [1]. Внимательное вчитывание в концепцию эволюционной эпистемологии позволяет интерпретировать решение проблем живыми организмами как бесконечный процесс оптимального «пристраивания» себя в неизвестной и хаотично изменяющейся реальности. Единственно доступный метод — метод слепых проб и непрерывного отсеивания ошибок (заблуждения, иллюзий и т.п.).

Что можно и нужно совершенствовать в университетском образовании в первую очередь, исходя из вышеизложенных реперных предпо-

ложений? Вывод напрашивается однозначный: осознанное владение методом и формы работы со знанием. Что такое осознанное владение методом слепых проб? Это в первую очередь осознанное управление своими когнитивными способностями на принципах научного метода. «Слепота» научного метода принципиально неустранима, но мы можем наилучшим образом организовать когнитивную (теоретическую) подготовку каждого «тыка» в реальность в поисках надёжных знаний, а также когнитивную обработку результатов этих «тыков» (экспериментов, сбора данных и т.п.).

Сложился устойчивый предрассудок, до сих пор тотально господствующий в российском высшем образовании, что научение студентов научному мышлению происходит как бы само собой в процессе освоения выбранных научных дисциплин и что им (научным мышлением) не надо или даже невозможно овладевать, так сказать, в «чистом» виде. В мировой же университетской практике, в первую очередь в США, несколько десятилетий назад было создано специальное направление обучения, получившее название «критическое мышление». По содержанию этот предмет обучения и исследования является очень качественно сконструированной сборкой основных обобщённых техник (стратегий) и принципов научного мышления [2].

В США уже начиная с 2002 г. 134 колледжа и университета проводят экзамен, который в первую очередь оценивает критическое мышление, аналитическое аргументирование и письменную коммуникацию студентов с помощью разного рода задач вместо вопросов с вариантами ответов [3]. Созданы десятки общих и специализированных тестов критического мышления, некоторые комплексы таких тестов уже минимум 10–15 лет назад полностью адаптированы в Китае, но ни один – в России. Результаты тестирования критического мышления давно являются в США важнейшими показателями успешности обучения по многим специальностям – как естественнонаучным, так и социально-гуманитарным. Курсы критического мышления стали неотъемлемым и широко распространённым элементом американского высшего образования; созданы и развиваются специальные ассессмент-центры по критическому мышлению, предлагающие свои услуги не только университетам и школам, но и любым организациям, которые заинтересованы в повышении качества мышления персонала.

В России в 2000 г. было переведено и издано хорошее учебное пособие Дайаны Халперн по введению в критическое мышление, которое до сих пор осталось единственным изданием такого рода, причём практически полностью проигнорированным отечественными деятелями образования [4]. Также единственным отличным дополнением к нему был и перевод книги Скотта Плауса по психологии оценки и принятия решений, содержащей интереснейший тест из 39 задач и не переиздававшейся после небольшого тиража с 1998 г. [5].

Некоторые могут обоснованно возразить, что в России уже несколько лет осуществляется проект «Развитие критического мышления для высшего образования» [6]. Ответим так: проект и словосочетание «критическое мышление» есть, а полноценного критического мышления (далее – КМ) как учебной дисциплины в РФ пока так и нет. Дело в том, что по какому-то стечению обстоятельств в 1990-х гг. в РФ была импортирована невероятно обеднённая до гомеопатического уровня «школьная» версия КМ, оформленная в концепцию «Развитие критического мышления через чтение и письмо» (РКМЧП). В 2000-е гг. эта версия стала претендовать на инновацию в российском высшем образовании, а её миссионеры продолжают игнорировать оригинальную «университетскую» версию КМ. Ранее нами был написан пост с рядом критических вопросов к РКМЧП [7], а затем и развёрнутое объяснение того, что такое настоящее критическое мышление [8]. К этим текстам можно обратиться для углублённого понимания проблемы продвижения КМ в российские университеты.

Наш личный опыт, подкреплённый практикой зарубежного высшего образования, подтверждает насущнейшую необходимость и высокую эффективность обучения критическому мышлению в формате специальной учебной дисциплины, которая должна стать обязательным, многоуровневым и системообразующим несущим элементом высшего образования. Только в таком качестве профессиональное овладение научным (критическим) мышлением и овладение методом не будут лишь словами и неэффективными проектами и станут краеугольным камнем образования, отвечающего требованиям времени и передовым достижениям науки.

Итак, мы определились с критически важной образовательной инновацией в отношении субъекта научения. Далее остановимся на объекте научения – на знаниях. Здесь критически решающим аспектом видится форма объективизированного представления знаний (описаний, теорий, моделей). До настоящего времени господствующей формой хранения и распространения знаний является линейный текст с большей или меньшей долей иллюстраций. Есть узкие виды деятельности, где велика роль объём-

ного макетирования (архитектура, транспорт) или рисунков и фотографий, а также имеется довольно широкое поле технической инженерии, которая невозможна без визуального языка чертежей. Образование же – это океан текстов, бесконечные строчки букв, сливающихся в слова и предложения.

Современные технологии дали мощнейший толчок развитию и потреблению визуальных продуктов: статичных картинок и динамичных картинок (видео). Видеоформат предоставляет богатые, разнообразные возможности отображения знаний и представлений о реальности, но имеет существенные технологические, перцептивные и операциональные ограничения как средство организации, хранения и работы со знаниями.

Рисунок (схема, слайд, инфографика, карта) оказывается наиболее удобным и как инструмент для объективизации знаний (упаковка, хранение, потребление), и как своего рода интерфейс к современным модельным (онтологическим) базам знаний, переводимым в цифровой вид. Необходимо подчеркнуть, что визуализация знаний делится на четыре основных типа: 1) иллюстрация (рисунки, фотографии и видео явлений, процессов и предметов); 2) инфографика (визуальное отображение данных); 3) иерархические древовидные схемы; 4) онтологические карты-сети. В прошлом десятилетии была сделана интересная попытка создания периодической таблицы методов визуализации знаний и данных, в которой насчитываются 100 элементов, что делает её полезным справочником; однако она содержит немало таксономических ошибок и нуждается в переделке [9].

В высшем образовании в докомпьютерную эпоху наибольшее распространение получили структурно-логические схемы, всё богатство которых теперь можно найти на сетевом кириллическом ресурсе схемо.рф [10]. С появлением персональных компьютеров и медиапроекторов началась эра слайдовых презентаций, затем на Западе пошла волна майндмэппинга, а в последние годы набирает популярность инфографика. И всё же в прогноз развития образовательных технологий до 2040 года, разработанный Envisioning technology research foundation, вошли в качестве одного из важнейших технологических элементов многоуровневые карты знаний (cascading knowledge maps), причём их широкое внедрение предполагается уже к 2020 году [11] (перевод на русский язык [12]).

Разработки по использованию концепт-карт в работе со знаниями и в обучении насчитывают несколько десятилетий [13]. На Западе к настоящему времени фактически сложились два концептуально-практических направления применения визуальных когнитивных карт: так называемый майндмэппинг (mind-mapping) и концепт-карты (concept maps). Самое принципиальное визуально-конструктивное различие между ними заключается в следующем: в рамках первого подхода строят древовидные иерархии, а в рамках второго – сети. Интересно и то, что майндмэппинг завоевал бизнес-среду, а программы для создания концепт-карт разрабатывают университетские центры. Такие предпочтения легко объяснимы, поскольку древовидные иерархии кажутся хорошо подходящими для организации и моделирования целенаправленной деятельности по решению отдельных задач (проектов), тогда как сети наиболее точно визуализируют характер связей в структуре реальности, что привлекает специалистов научных отраслей, заинтересованных в адекватном моделировании знаний об объективном мире. Только сетевидные карты способны отобразить любые связи и отношения любой сложности, какие мы только можем представить в объективном мире и в своём когнитивном мире. При современных возможностях оперирования с многослойными изображениями нет принципиальных препятствий для создания многоуровневых, т. е. фактически трёхмерных, карт любой глубины и любого размера с использованием относительно простого программного обеспечения, к тому же свободного и с открытым кодом (в своей практике мы используем designVUE [14]).

Именно сети являются единственной визуальной формой представления о всеобщей взаимосвязанности и благодаря этому свойству оказываются и единственным релевантным средством онтологического представления реальности и её визуализации [15]. В связи с этим возникла и развивается концепция «сетевого мышления» (network thinking), получившая распространение в социальных науках, в менеджменте и маркетинге. Многоуровневые сетевые концепт-карты знаний позволяют поднять обучение на качественно новый уровень, и уже имеющиеся экспериментальные данные говорят о резком положительном скачке во всех аспектах коммуникации, передачи и восприятия информации в случаях использования визуальных карт вместо линейного текста [16]. В самом первом приближении преимущества визуальных онтологических карт перед линейным текстом насчитывают два десятка пунктов [17].

Наш личный уже семилетний опыт внедрения онтокарт в образовательный процесс и в профессиональную деятельность включает экспериментирование с несколькими программными продуктами, участие в проектах с открытым кодом в качестве переводчика интерфейсов на

русский язык, использование онтокарт в лекциях и в заданиях для студентов, разработку и проведение тренингов по визуальным методам коммуникации и работы со знаниями, учебный курс для магистрантов, выступления с докладами по теории и практике онтографии с презентациями в форме онтокарт, публикации ряда статей, размещение в Интернете материалов и ресурсов по онтографии, создание вчерне сетевого курса по онтографии на платформе Moodle. В 2009 г. программа учебного курса «Визуально-картографические методы в учебной, научной и проектной работе», созданная совместно с М.В. Плотниковым, стала победителем конкурса Фонда образовательных инноваций в Высшей школе экономики, а в 2012 г. она была внедрена с нашим участием в учебный процесс в Медицинском университете Астаны (Казахстан).

Изложение уже проявившихся перспектив и проблем онтографии в образовательной и научной деятельности требует отдельной большой статьи, но в заключение хочется указать ещё на одну чрезвычайно интересную технологию визуализации, нацеленную на объяснение, которая в системной связи с онтографией даёт в руки преподавателям прорывной инструмент научения самого передового уровня. Это проект «Объясняшки», соединяющий скрайбинг, сторителлинг и технологию прояснения смыслов [18; 19]. В целом же можно уверенно утверждать, что визуальные методы становятся ведущим инструментом научения в виде хорошо методологически и технологически выстроенных форм упаковки и презентации знаний. Разработка же таких форм и их содержания и эффективное использование принципиально невозможны без освоения высокоорганизованного критического мышления как преподавателями, так и учащимися. В качестве итога можно предложить следующую формулу: образование, отвечающее вызовам современного мира, должно быть вооружено (и вооружать преподавателей и студентов) самым высокотехнологичным комплексом когнитивно-поведенческих умений (критическим мышлением) и самыми высокотехнологичными методами визуальной фиксации знаний и оперирования ими, при этом первое (КМ) требует для своей поддержки высокоразвитой визуализации, а последнее (высокоуровневая визуализация знаний) невозможно без осознанного овладения навыками научного мышления и их применения. Соединение этих двух элементов способно дать в высшем образовании мощнейший эффект, недостижимый никакими иными средствами.

Список литературы

1. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 464 с.

2. Критическое мышление: отчёт об экспертном консенсусе в отношении образовательного оценивания и обучения (Дельфи-доклад): сайт. – URL: http://evolkov.net/critic.think/basics/delphi.report.html (дата обращения: 29.01.2015).

3. A Test of Leadership: Charting the Future of U.S. Higher Education. Final Report of the Secretary's Commission on the Future of Higher Education. 2006: сайт. – URL: http://www2.ed.gov/about/bdscomm/list/hied-future/reports/final-report.pdf (дата обращения: 30.01.2015).

4. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000. 512 с.

5. Плаус С. Психология оценки и принятия решений / Пер. с англ. М.: Филинъ, 1998. 368 с.

6. Заир-Бек С.И., Загашев И.О., Марико В.В. Проект «Развитие критического мышления для высшего образования» в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 6. С. 11–21.

7. Волков Е.Н. Почему в РКМЧП сомнительна претензия на критическое мышление: блог. – URL: http://evolkov.blogspot.com/2010/11/blog-post_05.html (дата обращения: 30.01.2015).

8. Волков Е.Н. Критическое мышление: да что же это такое?, или КМ как явление и как ярлык из двух слов: сайт. – URL: http://evolkov.net/critic.think/described.crit.think.html (дата обращения: 30.01.2015).

9. Periodic table of Visualization Methods: сайт. – URL: http://www.visual-literacy.org/periodic_table/periodic_table.html (дата обращения: 01.02.2015).

10. Схемо.рф: сайт. – URL: http://xn--e1aogju.xn--p1ai/ (дата обращения: 31.01.2015).

11. Envisioning the future of educational technology: сайт. – URL: http://www.envisioning.io/education (дата обращения: 31.01.2015).

12. Прогноз развития образования до 2040 года: сайт. – URL: http://5coins.ru/2012/11/16/prognoz-razvitiya-obrazovaniya-do-2040-goda/ (дата обращения: 31.01.2015).

13. Novak J.D., Cañas A.J. The Theory Underlying Concept Maps and How to Construct and Use Them, Technical Report IHMC CmapTools 2006-01 Rev 01-2008, Florida Institute for Human and Machine Cognition, 2008: сайт. – URL: http://cmap.ihmc.us/Publications/ResearchPapers/TheoryUnderlyingConceptMaps.pdf (дата обращения: 30.01.2015).

14. Lima M. The Power of Networks: Knowledge in an age of infinite interconnectedness. 2011: сайт. – URL: http://www.thersa.org/events/audio-and-past-events/2011/the-power-of-networks-knowledge-in-an-age-of-infinite-interconnectedness (дата обращения: 01.02.2015).

15. What is designVUE?: сайт. – URL: http://www3.imperial.ac.uk/designengineering/tools/designvue (дата обращения: 01.02.2015).

16. Bresciani S., Eppler M.J., Tan M., Chang K. Conveying Knowledge Using Visualization vs. Text: Empirical Evidence from Asia and Europe // In: Tochtermann K., Maurer H. (Eds.) Proceedings of I-KNOW 2010. P. 483–488. – URL: https://www.academia.edu/2835205/Conveying_Knowledge_Using_Visualization_vs._Text_Empirical_Evidence_from_Asia_and_Europe (дата обращения: 01.02.2015).

17. Волков Е.Н. Онтографический манифест: сайт. – URL: http://evolkov.net/ontography/ontography.manifest.html (дата обращения: 01.02.2015).

18. Объясняшки: сайт. – URL: http://xplainto.me/ (дата обращения: 01.02.2015).

19. Гевлич С. Объясняшки. Передаём смыслы: сайт. – URL: http://interesno.co/mag/5fb5396a3198 (дата обращения: 01.02.2015).

LEARNING SCIENTIFIC (CRITICAL) THINKING SKILLS AND VISUAL OBJECTIVIZATION OF KNOWLEDGE: CONTENT, PRACTICES, TOOLS

E.N. Volkov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article discusses the need to improve learning in higher education through changes in the content and technology of two basic elements: thinking skills and forms of knowledge representation. Critical (scientific) thinking technology, promoted by the Foundation For Critical Thinking (USA), is proposed as a compulsory course for all levels of higher education. Certain forms of visual objectivization of knowledge, especially net shaped concept maps are deemed most relevant to represent ontological models (ontography) in knowledge bases and in the learning process. The priority and the high efficiency of the widespread introduction of both tools in the practice of higher education are justified with the account of their properties and accumulated experience.

Keywords: higher education, learning, critical (scientific) thinking, visual objectivization of knowledge, ontography.

УДК 37.013

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЖАРОБЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ

© 2016 г.

В.А. Сидоркин

Академия Государственной противопожарной службы Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Москва

sivolodya@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2016
Статья принята к публикации 21.04.2016

Рассмотрена проблема социальных и психолого-педагогических условий формирования готовности детей к безопасному поведению в условиях пожара. Указана роль школы и общественных организаций в формировании правил безопасного поведения детей. Определены формы учебных занятий и внеучебных мероприятий, способствующих созданию готовности к безопасному поведению детей в экстремальных ситуациях. Указаны условия эффективного социально-партнерского взаимодействия государственных и общественных институтов для формирования у учащихся норм адекватного поведения в чрезвычайных ситуациях.

Ключевые слова: пожарная безопасность, чувства и эмоциональное состояние, потребность в безопасности, формирование готовности к безопасному поведению.

Глобальные изменения, происходящие в современном мире, в значительной степени связаны с внедрением новых технологий, которые не только дают человечеству возможность более широкого удовлетворения своих потребностей, но и определяют тенденции возрастания угроз для жизни и здоровья людей. Не вызывает сомнения потребность в обучении подрастающего поколения безопасному для себя и окружающих поведению. Безопасность детей – один из важнейших факторов национальной безопасности завтрашнего дня [1].

Очень важно подводить человека к осознанию необходимости безопасного поведения. Для оказания положительного влияния на формирование культуры безопасности необходимо внедрение в сознание людей ответственного отношения к соблюдению правил и норм безопасности, что должно стать важнейшим элементом в социальных отношениях и требует осуществления определённой образовательной политики в области безопасности [2]. Безопасность человека и человечества в целом рассматривается в рамках трех составляющих сфер жизненного пространства: природной сферы, техносферы и социальной сферы. Наиболее уязвимой является социальная сфера, поскольку массовая гибель в результате стихийных и техногенных катастроф происходит в социальной сфере или на границах её взаимодействия с другими сферами. Именно в этой сфере человек и общество могут найти эффективное решение проблемы безопасного поведения [3].

Важнейшим социальным институтом является школа. Безопасность как элемент содержания обучения и воспитания включает систему знаний, способов деятельности и правил безопасности, основная функция которых – формирование и развитие у детей готовности к предупреждению опасных факторов, соблюдению правил личной и коллективной безопасности. Это опыт безопасной жизнедеятельности по образцу, опыт творческого решения проблем безопасности, ценности и смыслы безопасной жизнедеятельности, опыт самосовершенствования в области безопасной жизнедеятельности, воплощенные в учебном материале, материальных объектах, личности педагога и школьников и т.д. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273 в качестве одного из принципов государственной политики в области образования закрепил гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Из принципа, закрепляющего приоритетность жизни и здоровья человека, вытекает требование к деятельности учителя и воспитателя: они должны быть готовы к сохранению жизни и здоровья детей.

Дисциплина «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ) в комплексе с другими предметами обучения должна обеспечивать следующее:

– обучение (вооружение учащихся системой знаний, умений и навыков);

– воспитание (формирование научного мировоззрения, активной социальной позиции);

– развитие (формирование творческого мышления, укрепление «социального иммунитета», способствующего психологической подготовке к успешной деятельности в современной техногенной среде).

Вместе с тем изучение дисциплины ОБЖ в основном ограничивается аудиторными теоретическими занятиями; практико-ориентированный, компетентностный подход к преподаванию этой дисциплины разработан недостаточно. Недоработаны программы обучения по курсу ОБЖ. Время, отводимое на изучение вопросов пожарной безопасности в базисном учебном плане курса ОБЖ, составляет лишь 10 часов (во 2, 4, 6, 9–11 классах тема пожарной безопасности вообще не изучается). Поэтому уроки не могут дать полноты знания основ пожарного дела и слабо формируют готовность детей к безопасному поведению. К тому же высока доля формального отношения взрослого населения к обучению навыкам защиты от пожаров, что подтверждается проводимыми социологическими исследованиями.

Одной из задач непрерывного обучения безопасности жизнедеятельности в общеобразовательной школе является формирование у подростка ответственного отношения к безопасной деятельности. По мнению многих учёных (В.И. Бачевский, Е.Н. Литвинов, В.В. Поляков, Ю.В. Репин, А.Г. Рыхнов, В.А. Середа, А.Т. Смирнов, М.П. Фролов, Р.А. Шабунин и др.), школьный возраст, и особенно возраст, охватывающий среднее школьное звено, наиболее благоприятен для формирования у человека правильного отношения к обеспечению личной и коллективной безопасности.

Необходимо особо выделить направление формирования безопасного поведения детей при пожаре, так как это самая распространенная опасная и страшная по количеству жертв чрезвычайная ситуация (далее – ЧС) в Российской Федерации. Ведущая роль в достижении этой цели принадлежит образовательным учреждениям, а также общественным организациям, к полномочиям или уставным положениям которых относится воспитание подрастающего поколения. Прочные навыки соблюдения требований пожарной безопасности формируются длительной и систематической разъяснительной работой. Обучение противопожарным правилам проводится в неразрывной связи с общим учебно-воспитательным процессом (как во время уроков, так и при проведении внеклассных и внешкольных мероприятий).

Занятия на противопожарную тематику должны воспитывать у учащихся чувство ответственности за сохранность общественной собственности, учить их осторожности при пользовании огнем, электрическими приборами, средствами бытовой химии и т.д. Противопожарная разъяснительная работа включает в себя занятия с учащимися, беседы с их родителями, организацию тематических вечеров и викторин, изготовление плакатов и лозунгов на противопожарные темы, выпуск номеров стенгазет, встречи с работниками и ветеранами пожарной службы, участие в конкурсе сочинений и рисунков на противопожарные темы, посещение пожарно-технических центров и их филиалов, организацию противопожарной агитации в школе, выставок плакатов и литературы по противопожарной тематике, проведение экскурсий в пожарную часть и знакомство с пожарной техникой и вооружением, показ диа-, кино-, видеофильмов на противопожарную тематику. Периодически необходимо приглашать на родительские собрания, общешкольные линейки и классные сборы работников местной пожарной охраны; после встречи-беседы демонстрировать кинофильмы противопожарной тематики, организовывать викторины, показ средств тушения пожара и приемов тушения огня.

Как показывает статистика последних лет, во многом благодаря комплексным мероприятиям, проведенным государственными органами власти и общественными организациями, осуществляющими деятельность по обучению населения (детей) в области пожарной безопасности, удалось добиться тенденции к снижению количества пожаров по причине детской шалости с огнём (с 4895 в 2008 г. до 2821 в 2012 г.).

На обеспечение пожарной безопасности затрачиваются колоссальные средства на общегосударственном и региональном уровнях. В частности, ранее, в 2009–2010 гг., на мероприятия по укреплению пожарной безопасности образовательных учреждений было израсходовано более 12 млрд рублей.

Существенно значимой новацией явилось создание Министерством по чрезвычайным ситуациям РФ России (в рамках реализации федеральной целевой программы «Пожарная безопасность в Российской Федерации на период до 2012 года») программно-аппаратного комплекса для обучения школьников, в том числе с ограниченными возможностями, основам и навыкам пожарной безопасности и компьютерной энциклопедии «Пожарная безопасность образовательного учреждения».

Вместе с тем следует помнить, что за вышеуказанный период в Российской Федерации произошло более 900 тысяч пожаров, на которых погибло свыше 65 тысяч человек, из них более 4.5 тысяч детей (около 70% в возрасте до 6 лет), травмировано свыше 5 тысяч детей.

Ряд общественных организаций осуществляет деятельность по обучению населения и воспитанию детей в области пожарной безопасности. Многие годы эта миссия является приоритетной для некоммерческого партнёрства «ПожСоюз», автономной некоммерческой организации «Женщины за безопасность», Общероссийской общественной организации «Российский союз спасателей» и др. Проведение олимпиад по вопросам ОБЖ, конкурсов рисунков и поделок, организация профильных детских лагерей «Огнеборец» и встреч с ветеранами – это неполный перечень мероприятий, которые проводятся названными организациями и могут быть рассмотрены как фундамент формирования готовности детей к организованным действиям при возникновении опасности пожара.

Потребность общества в подготовке населения, и в частности учащихся, воспитанников образовательных учреждений, к действиям в ЧС является первоочередной. В то же время воспитатели дошкольных и учителя образовательных учреждений, в т.ч. преподающие предмет ОБЖ, недостаточно ориентированы на изучение, исследование эмоционального состояния детей при наличии опасности. Пожар, авария или другая экстремальная ситуация естественно сопровождаются эмоциональной напряженностью, что для детей может иметь непредсказуемые последствия (шок, заикание и т.п.). Для предотвращения таких явлений необходимо учить детей спокойно относиться к подобным ЧП, то есть проводить своеобразную профилактику эмоциональной напряженности. Этот вид профилактики основан на реорганизации объективного содержания деятельности и строится прежде всего на использовании систем специальной тренировки. Дезорганизация деятельности вследствие внезапно возникающей необходимости выполнить то или иное задание легче устраняется в том случае, если сам фактор неожиданности становится предметом изучения. Введение в учебные программы специальных занятий, направленных на изучение правил пожарной безопасности с привлечением знаний из других учебных дисциплин (например, химии), выполняет функцию подобной тренировки. Важно обратить внимание на использование потенциала психологов организаций и школьных психологов в исследовании посттравматического состояния детей, в диагностике и коррекции поведения обучающихся и воспитанников с учетом их психофизиологических и возрастных особенностей в случае опасности, с целью формирования у них конструктивного отношения к опасности пожара, чрезвычайным ситуациям и готовности к безопасному поведению [4].

Взрослые, созданием определенных условий, должны учить детей незамедлительно и адекватно реагировать на ситуацию опасности. Необходимым условием для упорядочения поведения в усложненных ситуациях (при пожаре) является умение целесообразно распределить время и самостоятельно построить четкую программу действий. Формирование такого умения редко выделяется в виде специальной учебной задачи, хотя низкая эффективность стихийных действий участников таких событий очевидна. Поэтому целесообразно независимо от характера учебной дисциплины вводить в содержание уроков специальные задания, обучающие школьников оптимальному поведению в экстренных ситуациях, обеспечивающему их безопасность. Новизна ситуации, необходимость поиска нетривиального решения трудной задачи, повышенная значимость или ответственность деятельности теряет свой стрессовый характер, если человек владеет сформированными способами преодоления сложностей. При этом важно знать разнообразие способов решения одной и той же задачи, чтобы при изменении условий выбрать наиболее подходящий путь спасения в создавшейся экстремальной ситуации.

Хорошим подспорьем в формировании различных стратегий поведения в трудных и эмоционально насыщенных ситуациях является использование игровых заданий, в том числе и компьютерных игр, в соответствии с возрастом. Игровая деятельность, тем более реализованная на современном техническом уровне, весьма привлекательна для учащихся и младшего, и среднего, и старшего школьного возраста – в соответствующих вариантах. Создающийся с ее помощью повышенный интерес к осознанной деятельности во время пожара или в иных сложных условиях позволяет перешагнуть через внутренний барьер боязни, трудности, незнания, неумения и незаметно для себя перейти к овладению новой реальностью, придает уверенность в самоспасении и спасении других, при этом учит правильно рассчитывать свои силы и возможности.

Так, в соответствии с Положением о дружинах юных пожарных, при организации шефства учащихся средних и старших классов над детскими садами, яслями старшим детям предоставляется возможность реализовать самостоятельность, а также чувство ответственности за безопасность младших и передачу им знаний об опасности пожара [5].

Примером «системной практики», впервые введенной нами в сентябре 2011 г., может служить шефская воспитательная деятельность студентов Технического пожарно-спасательного

колледжа № 57 города Москвы над воспитанниками ДОУ «Детский сад № 1386». При проведении занятий-бесед в игровой и доступной форме малыши открыто и с доверием воспринимают информацию из области безопасного поведения, которую преподносят «взрослые» дети.

Таким образом, необходим позитивный вектор образовательной, диагностической и коррекционной работы, предполагающий как расширение субъективной «зоны безопасности» ребенка за счет его включения в новые типы взаимодействия со взрослыми и сверстниками, так и стимуляцию творческой активности, инициативности и самостоятельности ребенка.

В целях формирования безопасного поведения детей требуется создание и поддержание условий социально-партнерского взаимодействия государственных и общественных институтов, осуществление комплекса организационно-методических мероприятий, а именно необходимо:

– разработать методы и программу обучения детей мерам пожарной безопасности в системе дополнительного образования;

– задействовать потенциал психологов школ и организаций для диагностики и коррекции поведения детей в случае возникновения опасности, исследования посттравматического состояния и формирования у них адекватного поведения при пожаре, чрезвычайных ситуациях, социальной адаптации;

– совершенствовать междисциплинарный подход, основанный на синтезе естественных и гуманитарных наук;

– повысить эффективность взаимодействия образовательных учреждений всех видов с организациями, осуществляющими образовательную деятельность в сфере пожарной безопасности;

– привлечь ветеранов и действующих сотрудников пожарной охраны, курсантов, студентов и слушателей образовательных учреждений МЧС России, представителей общественных организаций, религиозных конфессий для осуществления воспитательной и профориентационной работы с подрастающим поколением.

Список литературы

1. Анисимов В.В., Грохольская О.Г., Никандров Н.Д. Общие основы педагогики: Учеб. для вузов. М.: Просвещение, 2006. 574 с.

2. Слуев В.И. Физика и культура безопасности общества: Монография. М.: Академия ГПС МЧС России, 2002. 73 с.

3. Воробьёв Ю.Л., Акимов В.А., Соколов Ю.И. Комплексная безопасность человека // Основы безопасности жизнедеятельности. 2011. Вып. 11. С. 13–16.

4. Сидоркин В.А. Психолого-педагогические условия формирования готовности детей к организованным действиям при пожаре: Монография. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2011. 114 с.

5. Свинаренко А.Г., Кириллов Г.Н., Груздь С.И. Положение о дружинах юных пожарных. М.: Стройиздат, 2006. 35 с.

THE ROLE OF COMMUNITY ORGANIZATIONS IN DEVELOPING FIRE-SAFE BEHAVIOR OF CHILDREN

V.A. Sidorkin

Academy of State Fire Service of the Russian Ministry of Emergency Situations

We consider social and psycho-pedagogical conditions for developing the preparedness of children for situations of fire risk. The role of schools and community organizations in shaping the rules of safe behavior of children is emphasized. We identify the forms of classroom and extracurricular activities that contribute to preparedness of children to safe behavior in emergency situations. We also describe the conditions for effective interaction of state and public institutions in terms of social partnership for developing in school students the standards for adequate behavior in emergencies.

Keywords: fire safety, feelings and emotional state, education of children, need for safety, development of readiness for safe behavior.

АВТОРЫ

Ангелова Ольга Юрьевна – доц. каф. информационных технологий и инструментальных методов в экономике Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 430-21-28; e-mail: oangelova@mail.ru

Андрюшечкин Сергей Михайлович – доц. каф. математики и естественно-научных дисциплин Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина; к.пед.н.; 644008, Омск, ул. Физкультурная, 3; сл. тел. (3812) 65-10-63; e-mail: asm57@mail.ru

Арюкова Ольга Александровна – преп. каф. общенаучных дисциплин Рузаевского института машиностроения Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева; к.пед.н.; 431440, Рузаевка, ул. Ленина, 93; сл. тел. (83451) 63-65-7; e-mail: aryukowa@mail.ru

Базуева Елена Валерьевна – доц. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета им. А.М. Горького; к.э.н.; доц.; 614065, Пермь, ул. Капитана Власова, 17/1 – 461; сл. тел. (342) 233-19-69; e-mail: bazueva.l@mail.ru

Биккулов Александр Сергеевич – нач. отд. проектной деятельности и фандрайзинга Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики; к.соц.н.; 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия В.О., 14; сл. тел. (812) 457-18-03; e-mail: abikkulov@gmail.com

Блохина Мария Сергеевна – соискатель каф. основ управления персоналом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119992, Москва, пр. Ломоносовский, 27, корп. 4; сл. тел. (495) 939-53-43; e-mail: mcalekseeva@mail.ru

Борисова Светлана Николаевна – н.с. Ивановского государственного университета; гл. консультант управления координации комплекса социальной сферы правительства Ивановской области; 153000, Иваново, ул. Пушкина, 9; сл. тел. (493) 241-14-27; e-mail: sv.n.borisova@gmail.com

Булычева Полина Алексеевна – студ. магистратуры Высшей школы экономики, Нижегородский филиал; 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12; сл. тел. (831) 416-96-49; e-mail: pabulycheva@edu.hse.ru

Волков Евгений Новомирович – доц. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к. филос.н.; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7; сл. тел. (831) 433-83-30; e-mail: volken@mail.ru

Добрынин Игорь Михайлович – зав. каф. физического воспитания Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; к.пед.н.; доц.; 620078, Екатеринбург, ул. Коминтерна, 14; сл. тел. (343) 375-97-61; e-mail: dobry-66@mail.ru

Ефремова Марина Владимировна – зав. каф. сервиса и туризма Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; проф.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 245-54-11; e-mail: ochkalova@iee.unn.ru

Зайцева Елена Анатольевна – зав. каф. связей с общественностью, маркетинга и коммуникации Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева; к.э.н.; доц.; 603087, Н. Новгород, ш. Казанское, 12; сл. тел. (831) 257-86-82; e-mail: zayceva-e@mail.ru

Зуева Елена Геннадьевна – доц. каф. экономической теории Оренбургского государственного университета; к.э.н.; 460018, Оренбург, пр. Победы, 13; сл. тел. (3532) 37-24-52; e-mail: zuevaelena@mail.ru

Казаков Михаил Анатольевич – проф. каф. прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.полит.н.; проф.; 603005, Н. Новгород, ул. Ульянова, 2; сл. тел. (831) 462-35-05; e-mail: kazakov_mihail@list.ru

Калинин Виталий Вячеславович – асп. каф. информационных технологий и инструментальных методов в экономике Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 430-39-52; e-mail: vvkalinin07bi@gmail.com

Колесникова Елена Михайловна – с.н.с. сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии РАН; к.соц.н.; 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; сл. тел. (495) 719-09-71; e-mail: Kolesnikova@mail.ru

Коррейя Инасио Амаро – асп. каф. социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета; 153025, Иваново, ул. Ермака, 7А; сл. тел. (493) 232-74-58; e-mail: inasio@mail.ru

Кудрявцева Светлана Сергеевна – доц. каф. логистики и управления Казанского национального исследовательского технологического университета; к.э.н.; доц.; 420100, Казань, ул. Толстого, 8; сл. тел. (843) 231-43-13; e-mail: sveta516@yandex.ru

Левкина Лилия Ивановна – доц. каф. общественных связей и медиаполитики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; к.пед.н.; 119571, Москва, пр. Вернадского, 84; сл. тел. (499) 956-07-01; e-mail: LevkinaLI@gmail.com

Малкина Елена Владиславовна – доц. каф. математического обеспечения и суперкомпьютерных технологий Института информационных технологий, математики и механики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.пед.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-36-58; e-mail: malkina@unn.ru

Мальцев Константин Геннадьевич – проф. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.филос.н.; к.полит.н.; проф.; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: Maltsevaannav@mail.ru

Масленникова Людмила Васильевна – проф. каф. общенаучных дисциплин Рузаевского института машиностроения Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева; д.пед.н.; проф.; 431440, Рузаевка, ул. Ленина, 93; сл. тел. (83451) 63-65-7; e-mail: aryukowa@mail.ru

Нархов Дмитрий Юрьевич – доц. каф. организации работы с молодежью Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; к.соц.н.; 620078, Екатеринбург, ул. Коминтерна, 14; сл. тел. (343) 375-48-62; e-mail: d_narkhov@mail.ru

Нархова Елена Николаевна – доц. каф. управления общественными отношениями Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; к.соц.н.; доц.; 620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 13б; сл. тел. (343) 375-48-62; e-mail: e_narkhova@mail.ru

Ошмарина Ольга Евгеньевна – доц. каф. информационных систем и технологий Высшей школы экономики, Нижегородский филиал; к.ф.-м.н.; 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12; сл. тел. (831) 416-96-49; e-mail: pabulycheva@edu.hse.ru

Подольская Татьяна Олеговна – асс. каф. экономики фирмы Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-66; e-mail: podolskaya79@yandex.ru

Протасеня Евгения Андреевна – асп. каф. социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета; 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3; сл. тел. (812) 577-12-72; e-mail: eugenniepro@gmail.com

Родиошкина Юлия Григорьевна – зам. директора по учебн. работе Рузаевского института машиностроения Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева; к.пед.н.; 431440, Рузаевка, ул. Ленина, 93; сл. тел. (83451) 63-65-7; e-mail: aryukowa@mail.ru

Ростова Елена Павловна – доц. каф. математических методов в экономике Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королева (национального исследовательского университета); к.э.н.; доц.; 443086, Самара, Московское шоссе, 34; сл. тел. (846) 267-43-34; e-mail: el_rostova@mail.ru

Русова Полина Викторовна – студ. каф. организации работы с молодежью Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620078, Екатеринбург, ул. Коминтерна, 14; сл. тел. (343) 375-48-62; e-mail: poliline@mail.ru

Сазонова Екатерина Олеговна – ст. преп. каф. экономической теории Оренбургского государственного университета; 460018, Оренбург, пр. Победы, 13; сл. тел. (3532) 37-24-52; e-mail: sazonovaekt@yandex.ru

Салмина Наталья Александровна – ст. преп. каф. менеджмента и государственного управления Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 245-11-64; e-mail: salmin@bk.ru

Сергеева Ольга Вячеславовна – доц. каф. социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета; с.н.с. каф. управления государственными информационными системами Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики; д.соц.н.; доц.; 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия В.О., 14; сл. тел. (812) 457-17-96; e-mail: sergeyeva.olga@mail.ru

Сидоренко Юрий Александрович – проф. каф. информационных технологий и инструментальных методов в экономике Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 430-21-28; e-mail: yurisidorenko070842@gmail.com

Сидоркин Владимир Александрович – проф. каф. управления и экономики Академии Государственной противопожарной службы Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; к.пед.н.; 129366, Москва, ул. Б. Галушкина, 4; сл. тел. (495) 617-22-36; e-mail: sivolodya@rambler.ru

Судьин Сергей Александрович – доц. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.соц.н.; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: sudjin@mail.ru

Трифонов Юрий Васильевич – зав. каф. информационных технологий и инструментальных методов в экономике Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н., проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 430-39-52; e-mail: kei@ef.unn.ru

Фролов Владислав Генрихович – доц. каф. экономики фирмы Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; доц.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-66; e-mail: frolov.unn@gmail.com

Христофорова Любовь Валерьевна – доц. каф. общеобразовательных и профессиональных дисциплин Оренбургского института путей сообщения – филиала Самарского университета путей сообщения; к.э.н.; 460006, Оренбург, проезд Коммунаров, 16/18; сл. тел. (3532) 74-35-63; e-mail: xristoforovalv1@yandex.ru

Цветкова Бэлла Львовна – доц. межвузовского центра по разработке концептуальных основ и содержания гуманитарного образования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.соц.н.; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: bsnn@mts-nn.ru

Чкалова Ольга Владимировна – зав. каф. торгового дела Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; проф.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-35; e-mail: ochkalova@iee.unn.ru

Шадрина Елена Викторовна – ст. преп. каф. прикладной математики и информатики Высшей школы экономики, Нижегородский филиал; 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12; сл. тел. (831) 416-95-40; e-mail: eshadrina@hse.ru

Шинкевич Алексей Иванович – зав. каф. логистики и управления Казанского национального исследовательского технологического университета; д.э.н.; проф.; 420100, Казань, ул. Толстого, 8; сл. тел. (843) 231-43-13; e-mail: sveta516@yandex.ru

Швецов Владимир Иванович – проф. каф. математического обеспечения и суперкомпьютерных технологий Института информационных технологий, математики и механики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.т.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-36-00; e-mail: shvetsov@unn.ru

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (42)

2016

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 28,3. Усл. печ. л. 24,5. Тираж 100 экз. Заказ № 487.
Дата выхода в свет: 30.06.2016
Свободная цена

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-59595 от 10.10.2014 г.